

Изучение и актуализация традиционной культуры

Изучение и актуализация традиционной культуры

КЖИ 50
ЛЕТ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК
1966–2016

Министерство культуры Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
учреждение культуры
«Государственный историко-архитектурный
и этнографический музей-заповедник „Кижичи“»

**Изучение и актуализация
традиционной культуры**

(к 50-летию музея-заповедника «Кижичи»)

Петрозаводск
2016

УДК 069(470.22)(08)
ББК 79.1(2Рос.Кар)
ИЗ9

Редактор-составитель

кандидат исторических наук *И. В. Мельников*

Рецензенты:

доктор филологических наук *И. И. Муллонен*
кандидат исторических наук *В. А. Кирьянов*

ИЗ9 **Изучение и актуализация традиционной культуры (к 50-летию музея-заповедника «Кижь»). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2016. 312 с. (Кижский вестник. Выпуск 16.)**

ISBN 978-5-9274-0744-6

Сборник посвящен 50-летию музея-заповедника «Кижь». В нем, в основном, представлены статьи научных сотрудников и специалистов музея, в которых публикуются исследования и материалы, посвященные разным аспектам изучения и актуализации историко-культурного наследия Кижей.

УДК 069(470.22)(08)
ББК 79.1(2Рос.Кар)

ISBN 978-5-9274-0744-6

© ФГБУК Государственный историко-архитектурный
и этнографический музей-заповедник «Кижь», 2016
© Карельский научный центр РАН, 2016

И. В. Мельников

ИЗУЧЕНИЕ И АКТУАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В МУЗЕЕ-ЗАПОВЕДНИКЕ «КИЖИ»

Предлагаемый читателю сборник подготовлен в музее-заповеднике «Кижы» в связи с его 50-летием, которое отмечается в 2016 г. Авторами сборника, в основном, являются сотрудники музея-заповедника, которые публикуют на его страницах результаты своих исследований.

50 лет – это большая юбилейная дата. Подобные даты всегда связаны со стремлением осмыслить пройденный путь, подвести промежуточные итоги, наметить направление дальнейшего движения. За полувековой период своей истории музей «Кижы» достиг многого в разных областях работы: сохранении и реставрации памятников деревянного зодчества, экспозиционной, выставочной, культурно-просветительской и научно-исследовательской деятельности. Последнее из упомянутых направлений работы музея является одним из основных и связано с изучением сохраняемого в музее культурного наследия.

Музей-заповедник «Кижы» занимает обширную территорию, в целом совпадающую с территорией исторической Кижской волости, существовавшей с конца XVIII до начала XX в. и включавшей в отдельные периоды времени более 40 деревень. Население Кижей относилось к этнолокальной группе русских Заонежья, обладающей своеобразными чертами материальной и духовной культуры, а также лингвистическими и антропологическими особенностями. Это население являлось носителем культурных традиций в области деревянного зодчества, фольклора, бытование которых привело к формированию здесь выдающихся фактов народной культуры, в частности, к созданию Кижского архитектурного ансамбля, а также произведений эпического фольклора. Следует отметить, что окрестности острова Кижы обладают весьма богатым археологическим наследием, включающим памятники эпох камня, раннего металла и Средневековья. Весьма интересна природная среда Кижских шхер.

Этими обстоятельствами определяется специфика научно-исследовательской деятельности музея-заповедника «Кижь», который, в сравнении с «классическими» музеями, занимается не только сугубо источниковедческими фондовыми исследованиями, но распространяет сферу своих интересов на вопросы изучения среды бытования памятников, находящиеся в компетенции разных научных дисциплин – истории, этнографии, фольклористики, археологии, разделов искусствоведения, связанных с изучением памятников деревянного зодчества, иконописи и народного прикладного искусства.

Результаты исследований опубликованы в целом ряде научных изданий – приведенных ниже монографиях, пятнадцати выпусках научного ежегодника музея «Кижский вестник» (всего более 250 статей), материалах конференции Рябининские чтения, которая с 1991 г. один раз в четыре года проводится в музее. Последнее большое научное издание музея – сборник статей, приуроченный к 300-летию церкви Преображения Господня, который объединил более 30 авторов, работающих в разных областях научного знания, связанных с изучением истории и культуры Кижей¹.

Известной особенностью научно-исследовательской работы музеев является ее прикладной характер, направленность на решение вопросов формирования экспозиции, сохранение и реставрацию памятников, обеспечение образовательной и культурно-просветительской деятельности. Отдельное направление – это актуализация культурного наследия, связанное с его адаптацией в современных условиях, существенно изменившихся по сравнению со временем, когда данные памятники, объекты или явления были созданы. Актуализация культурного наследия – важное направление работы, поскольку часто оказывается, что в современных условиях это единственный способ сохранить памятник или явление традиционной культуры.

В музее-заповеднике «Кижь» научная работа ведется по ряду направлений, которые нашли отражение в структуре настоящего сборника.

Прежде всего, это историко-краеведческое направление, связанное с изучением истории Кижской волости. Наибольшие результаты были достигнуты в области изучения крестьянских родословий, что выразилось, в частности, в подготовке монографического исследования по истории русских сказителей Заонежья, принадлежащего С. В. Воробьевой², а также ряда статей разных авторов³. Следует назвать серию статей Б. А. Гущина, опубликованную, в ос-

¹ Церковь Преображения Господня на острове Кижь: 300 лет на заонежской земле / Сост. и подгот. И. В. Мельников. Петрозаводск, 2014.

² Воробьева С. В. Родословия русских сказителей Заонежья XVIII–XIX вв. Петрозаводск, 2006. 158 с.

³ Воробьева С. В. Новое о биографии сказителя В. П. Щеголенка (по материалам НАРК) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2000. Вып. 5. С. 26–34; Набокова И. И. История рода былинного сказителя Ильи Елустафьева // Кижский вестник. Петрозаводск, 2000. Вып. 5. С. 35–41; Она же. Из истории волкоостровских крестьян Щепиных (начало XVIII – начало

новном, на страницах музейного сборника «Кижский вестник», посвященную истории Кижей нового и новейшего времени⁴, и исследования по истории семей священников Р. Б. Калашниковой⁵, которая также явилась зачинателем музейной научно-исследовательской программы «Крестьянские мемуары»⁶.

Исследовательская историко-краеведческая работа и, в частности, работа над крестьянскими родословиями непосредственно связана с темой актуализации народной культуры. Дело в том, что на протяжении многих десятилетий происходило «раскрестьянивание» местного населения, которое, перебравшись в город, по сути, потеряло связь со своими историческими корнями. Окрестные («фоновые») деревни музея «Кижь» обезлюдели и постепенно деградировали. Перед музеем встала задача переломить эту тенденцию и, прежде всего, помочь людям восстановить утраченную духовную связь со своим прошлым. Стараниями С. В. Воробьевой и других научных сотрудников, восстановивших десятки родословий крестьян, чьи корни в местных деревнях уходят вглубь столетий, в определенной степени это удалось сделать. Возрождение традиции часовенных праздников, некогда объединявших крестьянский мир вокруг деревенского храма, также способствовало консолидации местного сообщества, формированию у людей чувства гордости за свое прошлое.

В настоящем сборнике историко-краеведческой тематике посвящены статьи С. В. Воробьевой о крестьянах, осуществлявших пожертвования в кижские храмы, а также статья Д. Д. Абросимовой о народных школах

XX в.) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2001. Вып. 6. С. 33–41; Воробьева С. В. Крестьянские родословные: из истории деревни Ямка на острове Кижь // Кижский вестник. Петрозаводск, 2007. Вып. 11. С. 3–15; Она же. Из истории семей Пудожских сказителей XIX–XX вв. // Кижский вестник. Петрозаводск, 2013. Вып. 14. С. 203–212; Гвоздева Ж. В. Родословная пудоожского сказителя И. Т. Фоданова в свете полевых материалов и архивных источников // Кижский вестник. Петрозаводск, 2011. Вып. 13. С. 109–120; Харебова Л. С. Новые биографические материалы о космозерских иконописцах Абрамовых // Кижский вестник. Петрозаводск, 2015. Вып. 15. С. 128–136.

⁴ Гуцин Б. А. Из истории Оленеостровских известковых разработок (1928–1956) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2001. Вып. 6. С. 15–23; Он же. Деревни Кижской волости (сельсовета) в 1917–1940 гг. (по архивным документам) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2002. Вып. 7. С. 46–60; Он же. Кижь во время оккупации (1941–1944 гг.) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2003. Вып. 8. С. 48–66; Он же. Кижь колхозные (1944–1958 гг.) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2007. Вып. 11. С. 23–51.

⁵ Калашникова Р. Б. Священники Плотниковы из села Лижма (Устная история семьи) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2004. Вып. 9. С. 3–47; Она же. Из истории семей заонежских священников (конец 18 – первая треть 20 вв.) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2002. Вып. 7. С. 3–20; Она же. Священники – бытописатели Олонецкой губернии середины 19 в. (А. Петропавловский, И. Ивановский, А. Георгиевский) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2003. Вып. 8. С. 36–47.

⁶ Калашникова Р. Б. (составитель). «Крестьянские мемуары» (из фольклорного архива музея-заповедника «Кижь») // Кижский вестник. Петрозаводск, 2003. Вып. 8. С. 150–181.

Кижской волости. В статьях в систематическом виде приводятся новые, ранее не рассматривавшиеся исторические материалы, почерпнутые авторами из архивных и библиографических источников.

Отдельно следует сказать о статье Ю. М. Наумова, в которой автором подводится краткий итог многолетней работы по историко-этнографическому изучению традиционного судостроения и судоходства в Кижских шхерах. В течение длительного времени автор занимался разработкой этой темы, в результате чего им был выявлен и изучен самобытный центр народного судостроения на острове Волкостров. Результаты работы были представлены в опубликованной монографии⁷. Важно, что Ю. М. Наумов изначально поставил перед собой цель не только изучить данное явление, но и способствовать его сохранению и развитию (то есть актуализации). Он стал инициатором проведения в музее-заповеднике «Кижы» фестиваля «Кижская регата», идейным вдохновителем и главным организатором которого является уже более 15 лет. В результате деревянное судостроение, которое, казалось бы, уже навсегда ушло из жизни кижской деревни, получило импульс для своего развития. Появились новые мастера, которые стали строить новые традиционные для здешних мест лодки.

В. А. Агапитов, будучи сотрудником музея-заповедника «Кижы», весьма плодотворно занимался изучением местной топонимии, что нашло отражение в ряде публикаций, среди которых следует выделить вышедший отдельным изданием топонимический очерк о названиях окрестностей острова Кижы⁸. В настоящем сборнике автор на основе топонимических данных пытается обосновать гипотезу о присутствии в раннесредневековой истории Заонежья западнославянского этнического компонента.

Статья А. П. Макаровой посвящена новым историческим сведениям об одном из выдающихся памятников в архитектурном собрании музея-заповедника «Кижы» – часовне Трех Святителей из дер. Кавгора Кондопожского района. В статье представлены убедительные свидетельства посвящения этой часовни празднику Преображения Господня, что дает основание для внесения изменений в официальный паспорт этого архитектурного памятника.

Раздел, посвященный изучению памятников деревянного зодчества, представлен тремя статьями. М. В. Кистерная, исследования которой, посвященные сохранению исторических построек, хорошо известны спе-

⁷ Подробно о результатах исследований см.: Наумов Ю. М. «Кижанка» – лодка Онежского озера. Исторический очерк о судоходстве и судостроении Кижских шхер. Петрозаводск, 2011. 184 с.

⁸ Агапитов В. А. Путешествие в древние Кижы. Топонимический очерк. Петрозаводск, 2000. 69 с. См. также статьи автора: Агапитов В. А. О происхождении названий заонежских деревень Вороний Остров, Фоймогуба, Мягрозеро, Сайпелда и Муозеро // Кижский вестник. Петрозаводск, 2001. Вып. 6. С. 184–188. Он же. О происхождении названия села Шуньга // Кижский вестник. Петрозаводск, 2002. Вып. 7. С. 112–114 и др. работы.

циалистам⁹, на этот раз обратилась к результатам работы музея в области датирования памятников деревянного зодчества. Основываясь на результатах дендрохронологических исследований и данных разработанной под руководством В. П. Орфинского архитектурно-археологической шкалы, она представила анализ результатов хронологической атрибуции ряда памятников архитектуры из собрания музея, в основном, часовен «Кижского ожерелья». Полученные результаты позволяют уточнить хронологию памятников, например, часовни Петра и Павла из дер. Типиницы (Бережной) – начало XVII в., часовни Спаса Нерукотворного из дер. Вигово – XVIII в., часовни Кирика и Иулиты в дер. Воробы – XIX в.

Две статьи В. А. Гущиной (одна в соавторстве с Б. А. Гущиным) посвящены публикации результатов историко-архитектурных исследований авторов, связанных с изучением Кижского архитектурного ансамбля. Авторы неоднократно обращались в своих публикациях к данной теме, ими подготовлены два выпуска сборника документов и материалов¹⁰, исторический очерк о Преображенской церкви¹¹ и серия научных статей¹². В данном юбилейном сборнике публикуется обзорная статья, подводящая основные итоги за все время их исследований. Второй материал В. А. Гущиной представляет интерес для специалистов в области реставрации и сохранения памятников деревянного зодчества, поскольку содержит исторический обзор исследований деформаций Преображенской церкви.

Следующий раздел сборника посвящен изучению фондового собрания – классическому для музеев направлению научной работы. В музее «Кижы» изучением коллекций занимались с момента создания музея.

⁹ См., например: Кистерная М. В., Козлов В. А. Древесиноведческие аспекты сохранения исторических построек. Петрозаводск, 2007. 134 с.; Кистерная М. В., Любимцев А. Ю. Система комплексного профилактического обслуживания памятников деревянного зодчества: научно-методические рекомендации. Петрозаводск, 2008. 56 с.

¹⁰ Документы и материалы по истории Кижского архитектурного ансамбля (1694–1945 гг.) / Авт.-сост. Гущина В. А., Гушин Б. А. Петрозаводск, 2013. 140 с.; Документы и материалы по истории Кижского архитектурного ансамбля (1946–1979 гг.) / Авт.-сост. Гущина В. А., Гушин Б. А. Петрозаводск, 2014. 138 с.

¹¹ Гущина В. А. Преображение. К 290-летию церкви Преображения Господня на острове Кижы. Петрозаводск, 2004. 44 с.

¹² См., например: Гущина В. А., Гушин В. А. К вопросу о церквях Прионежского типа (вепско-карельские элементы в архитектуре Кижского ансамбля) // Кижский вестник. Петрозаводск, 1994. Вып. 4. С. 133–143; Гущина В. А. К истории изучения культового деревянного зодчества в России и Олонецкой губернии // Кижский вестник. Петрозаводск, 2000. Вып. 5. С. 166–179. Она же. К вопросу о датировке церкви Покрова Богородицы и колокольни Кижского архитектурного ансамбля // Кижский вестник. Петрозаводск, 2001. Вып. 6. С. 136–150; Она же. К вопросу об истоках формирования Кижского архитектурного ансамбля // Кижский вестник. Петрозаводск, 2004. Вып. 9. С. 180–210; Гущина В. А., Гушин Б. А. Исторический очерк Преображенской церкви на острове Кижы // Церковь Преображения Господня на острове Кижы: 300 лет на заонежской земле. Петрозаводск, 2014. С. 6–22;

Уже в 1973 г. в музее был издан каталог фондового собрания¹³, который явился первым опытом подготовки подобного издания для архитектурно-этнографических музеев в нашей стране. Следует упомянуть и серию статей О. А. Набоковой, посвященных коллекции прялок из собрания музея¹⁴, работы Н. И. Шилова о памятниках из коллекции редких книг и рукописей¹⁵, работы Е. И. Яскеляйнен о народном костюме¹⁶, а также работы Т. Г. Тарасовой о коллекции фотоматериалов¹⁷.

В настоящем издании представлены три статьи, две из которых посвящены изучению музейной коллекции крестьянской одежды. Специалист в области декоративно-прикладного искусства Л. В. Трифонова, которая является автором ряда статей и двух каталогов¹⁸, публикует обзор традиционной одежды Заонежья и Пудожья в собрании музея-заповедника «Кижки». В статье представлен подробный количественный и качественный анализ коллекции и раскрывается ее источниковедческое значение в контексте изучения

¹³ Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижки»: каталог / Авт.-сост.: А. Т. Беляев, Б. А. Гушин, В. А. Гушина. Петрозаводск, 1973. 100 с.

¹⁴ См.: например: Набокова О. А. К проблеме бытования прялки на территории Карелии в конце 19 – начале 20 в. // Кижский вестник. Петрозаводск, 2000. Вып. 5. С. 54–71; Она же. К вопросу о типологических особенностях прялок Карелии // Кижский вестник. Петрозаводск, 2001. Вып. 6. С. 42–56; Она же. К проблеме классификации прялок // Кижский вестник. Петрозаводск, 2003. Вып. 8. С. 182–210 и др. работы.

¹⁵ Шилов Н. И. Архив и библиотека заонежских крестьян Корниловых в собрании музея-заповедника «Кижки» // Международная научная конференция по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры Русского Севера «Рябининские чтения'95». Петрозаводск, 1997. С. 310–317; Медик Степан. Дневник. Письма. 1941–1945 г. / Подгот. текстов, предисл. и коммент. Н. И. Шилов. Петрозаводск, 2014. 44 с.

¹⁶ См., например: Яскеляйнен Е. И. Коллекция церковного убранства и священнического облачения в фондах музея-заповедника «Кижки» // Кижский вестник. Петрозаводск, 2000. Вып. 5. С. 191–205; Она же. Сарафаны в коллекции музея «Кижки» (опыт этнографического исследования) // Кижский вестник. Заонежье. Петрозаводск, 1994. Вып. 4. С. 110–116; Она же. Народный костюм русских Кемского Поморья XIX – первой половины XX в. в коллекции музея «Кижки» // Кижский вестник. Петрозаводск, 2003. Вып. 8. С. 80–125.

¹⁷ См., например: Тарасова Т. Г. Кижский архитектурный ансамбль в коллекции фотоматериалов музея-заповедника «Кижки» (общий обзор) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2002. Вып. 7. С. 165–177; Она же. Обзор фотоматериалов комплексной экспедиции Министерства культуры КАСР 1979–1980 гг. в фондах музея-заповедника «Кижки». Культовая архитектура // Кижский вестник. Петрозаводск, 2004. Вып. 9. С. 160–179 и др. работы.

¹⁸ Трифонова Л. В. Декоративно-прикладное искусство Пудожья и Заонежья в собрании музея «Кижки». Петрозаводск, 2004. 96 с.; Она же. Декоративно-прикладное искусство южной Карелии в собрании музея-заповедника «Кижки». М., 2014. 128 с.; Она же. Традиционный костюм южной Карелии конца XIX в., по материалам «Этнографической экскурсии» М. А. Круковского // Кижский вестник. Петрозаводск, 2001. Вып. 6. С. 57–72; Она же. Одежда русских Повенецкого и Петрозаводского уездов Олонецкой губернии (по материалам «Этнографической экскурсии» М. А. Круковского) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2003. Вып. 8. С. 126–140; Она же. Традиционная одежда северных карел (по материалам исследователей XIX – первой половины XX в.) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2007. Вып. 11. С. 52–70 и др. работы.

народной культуры. Хранитель коллекции тканевых экспонатов Е. М. Наумова представила в своем материале краткое изложение результатов исследований, посвященных коллекции сарафанов из собрания музея-заповедника «Кижь». Этой теме у автора посвящен подробный каталог, который в настоящее время подготовлен к печати.

Третья статья раздела принадлежит хранителю коллекции письменных источников Л. С. Харебовой. Автор имеет существенные результаты в области изучения и публикации памятников из собрания музея и, в частности, является автором или соавтором ряда каталогов рукописей, а также старопечатных книг¹⁹. В публикуемой статье Л. С. Харебова представила обзор коллекции книжных памятников в собрании музея, сделав акцент на истории ее формирования и представленных в ней редких изданиях.

Научно-фондовая работа музея-заповедника «Кижь» очень тесно связана с актуальным для музея этнографическим направлением научно-исследовательской деятельности, прежде всего, с разработкой тем в области интерьеров крестьянских жилых и хозяйственных построек, а также традиционных хозяйственных занятий, в частности, земледелия. Исследованиями в этой области занимались многие сотрудники музея. Об интерьерах писали И. И. Набокова, Л. В. Трифонова, Б. А. Гушин²⁰. О хозяйственных занятиях – В. А. Агапитов, И. В. Мельников, О. А. Набокова²¹. В последнее время тему земледелия в музее разрабатывает О. А. Скобелев²².

¹⁹ Харебова Л. С., Шилов Н. И. Книги кириллической печати в фондах музея-заповедника «Кижь»: Каталог. Петрозаводск, 2005. 154 с.; Памятники книжной старины Русского Севера: коллекции XV–XX вв. в государственных хранилищах Республики Карелия / Сост., отв. ред. и автор предисл. А. В. Пигин. – СПб., 2010. 608 с. (в составе авторского коллектива); Книги кириллической печати в хранилищах Республики Карелия (1569–1830). Каталог / Сост. Л. С. Харебова, науч. ред. А. В. Вознесенский. Петрозаводск, 2013. 397 с. Харебова Л. С. О старопечатных книгах кириллического шрифта в собрании музея-заповедника «Кижь» // Кижский вестник. Петрозаводск, 2001. Вып. 6. С. 189–196.

²⁰ Набокова И. И. Интерьеры двора и хлевов в крестьянской усадьбе Заонежья конца XIX – начала XX в. // Кижский вестник. Петрозаводск, 2003. Вып. 8. С. 141–149; Трифонова Л. В. Традиционный интерьер парадных помещений крестьянского дома Заонежья конца XIX – начала XX в. // Кижский вестник. Петрозаводск, 2004. Вып. 9. С. 105–115; Она же. Традиционный интерьер избы пряжинского карела-ливвика из окрестностей Ведлозера начала XX в. // Кижский вестник. Петрозаводск, 2009. Вып. 12. С. 21–26; Гушин Б. А. Из опыта реконструкции интерьера крестьянских жилищ в музее «Кижь». Интерьер дома Бутина из деревни Пяозеро Пудожского района Республики Карелия // Кижский вестник. Петрозаводск, 2009. Вып. 12. С. 3–20.

²¹ Агапитов В. А. Сушка и обмолот зерновых в южном Заонежье в конце XIX – начале XX в. (этнографические материалы) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2000. Вып. 5. С. 135–140; Мельников И. В. Рыболовный промысел в Заонежье (краткий исторический очерк) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2000. Вып. 5. С. 122–135; Набокова О. А. Выращивание и обработка льна крестьянами Пудожского уезда на рубеже XIX–XX вв. // Кижский вестник. Петрозаводск, 2002. Вып. 7. С. 99–104.

²² Скобелев О. А. Традиционное земледелие в музее-заповеднике «Кижь». Петрозаводск, 2008. 16 с.; Он же. Заонежский лен: как это было. Петрозаводск, 2009. 20 с.

Одним из традиционных направлений научной деятельности музея за все время его существования является изучение коллекции древнерусской живописи. В этой области у музея имеются определенные достижения. Прежде всего, следует вспомнить каталог И. М. Гурвич, изданный еще в 1980 г.²³ В последние годы данную тему активно разрабатывала Г. И. Фролова, которая работала в музее реставратором и хранителем коллекции икон. Ею подготовлен ряд выставочных каталогов²⁴, большое число статей²⁵ и общий каталог иконописного собрания музея, который в настоящее время готовится к публикации. В настоящий сборник Г. И. Фролова представила обобщающую статью, содержащую общую характеристику коллекции древнерусской живописи музея, в которой она особо остановилась на вопросах истории формирования собрания и результатах проведенной исследовательской работы.

Две статьи сборника принадлежат известным специалистам в области изучения иконописного наследия – В. Г. Пуцко и В. Г. Платонову, которые уже не в первый раз обращаются к кижским памятникам²⁶. Исследование В. Г. Пуцко содержит теоретический обзор условий формирования и бытования традиций иконописания на Севере и их отражения в коллекции древнерусской живописи музея «Кижь». Автор, в основном, отталкивается от опубликованных или представленных в экспозиции музея произведений, на примере которых он убедительно показывает факторы развития иконописи на Севере XVI–XVIII вв., определившие ее своеобразие в общерусском контексте. В. Г. Платонов посвятил свое исследо-

²³ Древняя живопись Карелии: Каталог. Фонды музея «Кижь» / Сост.: И. М. Гурвич. Петрозаводск, 1980. 76 с.

²⁴ См., например: Кижский акафист. Богородичные иконы в собрании музея-заповедника «Кижь»: каталог выставки / Авт.-сост. Г. И. Фролова. Петрозаводск, 2003. 72 с.; Путь длиною в три столетия. Иконы из фондов музея-заповедника «Кижь». Каталог выставки / Сост. Г. И. Фролова. Петрозаводск, 2006. 96 с.; Фролова Г. И. «Небеса Заонежья». Иконы из собрания музея-заповедника «Кижь». Петрозаводск, 2008. 168 с.

²⁵ Фролова Г. И. Иконостасные мастера Обонежья 18 – начала 20 вв. // Кижский вестник. Петрозаводск, 2000. Вып. 5. С. 180–190; Она же. Из истории внутреннего убранства Кижской Покровской церкви. Никольский иконостас // Кижский вестник. Петрозаводск, 2001. Вып. 6. С. 173–183; Она же. Внутреннее убранство Преображенской церкви Спасо-Кижского погоста // Кижский вестник. Петрозаводск, 2005. Вып. 10. С. 3–18 и другие статьи.

²⁶ См., например: Пуцко В. Г. Храмовая икона Преображенской церкви Кижского погоста // Кижский вестник. Петрозаводск, 2009. Вып. 12. С. 188–200; Он же. Икона Спаса Всемилостивого в Покровской церкви на острове Кижь // Кижский вестник. Петрозаводск, 2015. Вып. 15. С. 92–101; Платонов В. Г. Местный ряд иконостаса часовни Успения в деревне Васильево на острове Кижь и некоторые вопросы развития иконописи Заонежья конца XVII – начала XVIII вв. // Кижский вестник. Петрозаводск, 2009. Вып. 12. С. 179–187; Он же. Иконописное убранство храмов Кижского погоста в XVI–XVII вв. // Церковь Преображения Господня на острове Кижь: 300 лет на заонежской земле. Петрозаводск, 2014. С. 114–123.

вание одному памятнику – иконе «Богоматерь Тихвинская», происходящей из Покровской церкви на острове Кижь. В статье рассматриваются ее история, иконография, стилистические особенности, формулируется вывод о нахождении ее в составе иконостаса Никольского придела, принадлежности автора крупному иконописному центру, находящемуся за пределами Обонежья.

Четвертая статья раздела принадлежит начинающему исследователю – Б. Д. Москину. Автор рассматривает генезис традиции устройства потолочных икон (так называемых «небес») с изображениям праотцев в Заонежье, связывая его с пятирядным иконостасом Толвуйской Георгиевской церкви.

Еще одно важное направление научно-исследовательской работы музея – это археология. Археологическая экспедиция музея с 1995 г. проводит систематические изыскания в окрестностях острова Кижь и в некоторых районах Карелии. Результаты работ опубликованы в монографии И. В. Мельникова, посвященной древним культовым памятникам Карелии²⁷, двух монографиях о памятниках археологии южного Заонежья²⁸, большом числе статей, в том числе серии публикаций К. Э. Германа о культуре сперрингс на территории Карелии и Финляндии²⁹. Археологами музея, долгое время руководившими археологической практикой студентов и читавшими им лекции, издано учебное пособие по археологии Карелии³⁰. В археологическом разделе настоящего сборника публикуются две статьи. И. В. Мельников представил материал, посвященный обзору археологических исследований в Кижях за все время их проведения. Особый акцент сделан на результатах работы археологической экспедиции музея, выявившей и исследовавшей более 80 памятников археологии. Вторая статья, автором которой является К. Э. Герман, посвящена публикации новых материалов, полученных в ходе разведочных исследований в окрестностях дер. Пяльма Пудожского района Карелии.

²⁷ Мельников И. В. Святые места древней Карелии (палеоэтнографические очерки о культовых памятниках). Петрозаводск, 1998. 134 с.

²⁸ Спиридонов А. М., Герман К. Э., Мельников И. В. Южное Заонежье в X–XVI вв. (археология центра Кижского погоста). Петрозаводск, 2012. 164 с.; Мельников И. В., Герман К. Э. Древние поселения южного Заонежья (мезолит – энеолит). Петрозаводск, 2013. 408 с.

²⁹ Герман К. Э. История изучения археологической культуры сперрингс в Финляндии // Кижский вестник. Петрозаводск, 2001. Вып. 6. С. 241–251; Он же. Поселения с керамикой сперрингс южного Заонежья // Кижский вестник. Петрозаводск, 2005. Вып. 10. С. 249–259; Он же. Поселения с керамикой сперрингс Южного Заонежья // Русская культура нового столетия: проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия. Вологда, 2007. С. 55–60.

³⁰ Герман К. Э., Мельников И. В., Спиридонов А. М. Основы археологии Карелии: Учебное пособие. Петрозаводск, 2004. 123 с.

Завершает сборник раздел, посвященный актуализации культурного наследия. В статье этномузыковеда Н. С. Михайловой, занимающейся изучением традиционной музыкальной культуры народов Карелии³¹, рассмотрены теоретические основы деятельности фольклорного коллектива музея. Ансамбль ставит перед собой задачу не только представить в своей программе соответствующий музыкальный репертуар, но и освоить его музейными методами, достигнуть максимальной аутентичности в воспроизведении фольклорной традиции.

Фольклорная тематика является одной из традиционных в деятельности музея «Кижь». В кижских деревнях, как известно, лучше чем где бы то ни было сохранялось жанровое разнообразие фольклорного наследия, в том числе такая его важная составляющая, как народная эпическая поэзия³². Это явилось причиной того, что в музее «Кижь» был создан отдел фольклора, занимающийся изучением и музейной презентацией фольклорного наследия. Из теоретического наследия следует назвать монографию и серию статей первого руководителя отдела – Р. Б. Калашниковой, посвященную молодежному фольклору Заонежья³³.

Статья И. И. Хуттера посвящена результатам реализации проекта, связанного с возрождением традиции колокольных звонов Кижской волости. Музей-заповедник «Кижь» был одним из первых в России, который стал заниматься подобной работой (И. М. Архипов и И. И. Хуттер). В ходе реализации проекта не только были восстановлены звонницы на исторических часовнях окрестных кижских деревень, но и сделан важный шаг к воссозданию традиционной акустической атмосферы, сопровождавшей жизнь севернорусского крестьянина. Колокольный звон, как неотъемлемый атрибут культурного ландшафта северной деревни, вновь стал звучать в Кижях.

В целом статьи сборника отражают направления и результаты работы музея-заповедника «Кижь» по изучению и актуализации культурного наследия народов Карелии. Музей «Кижь» как центр сохранения и изучения традиционной культуры, достигнув своего 50-летнего рубежа, продолжает свое движение в будущее.

³¹ Михайлов Е. П., Михайлова Н. С. Музыка северной деревни. Традиционные музыкальные инструменты из фондов Государственного историко-архитектурного и этнографического музея-заповедника «Кижь», Карельского государственного краеведческого музея и частных коллекций. Петрозаводск, 2009. 160 с.

³² Кузнецова В. П. Фольклорное наследие Кижской волости // Церковь Преображения Господня на острове Кижь: 300 лет на заонежской земле. Петрозаводск, 2014. С. 290–303.

³³ Калашникова Р. Б. Беседы и беседные песни Заонежья второй половины XIX в. Петрозаводск, 1999. 142 с.; Она же. Вечериночная традиция Вытегорского уезда Олонецкой губернии второй половины XIX в. // Кижский вестник. Петрозаводск, 2001. Вып. 6. С. 96–111 и др. работы.

С. В. Воробьева

**КРЕСТЬЯНСКИЕ ВКЛАДЫ В ЦЕРКВИ
СПАСО-КИЖСКОГО ПОГОСТА XVIII–XX вв.**

Издrevле на о. Кизи, как в центре погоста-округа, находились главные церкви погоста (рис. 1). Строительство и ремонт церквей велись на средства и стараниями кижских прихожан-землепашцев.

Рис. 1. Кижский погост. Фото 1916 г.

Крестьянская община нанимала артель плотников, следила за добропорядочностью мастеров, а в нужное время помогала мастерам рабочей силой, крестьяне на свои деньги приобретали и дарили все необходимое

для богослужения и благоуукрашения храмов. Поэтому и писали царевы писцы, что «...в церквах образы и свечи и книги и ризы и сосуды и паникадила и на колокольне колокола и все церковное строение приходское, тое волости крестьян»¹.

По богатству церковей судили о зажиточности, «справности» прихожан.

Документы XIX–XX вв. дают возможность представить себе, какие пожертвования и кто делал в кижские храмы.

Через о. Кизи пролегал путь паломников в Соловецкий монастырь. Еще в XVIII в. Яков Мордвинов обстоятельно описал этот путь, проходивший через Клименецкий монастырь и Кижский погост и далее на Кузаранду и Повенец² (рис. 2).

Рис. 2. Пароход с паломниками у кижской пристани. Фото 1900 г.

Проезжающие паломники жертвовали и на Кижские храмы – в Покровской церкви на аналоях были пелены и одежды пожертвованные: «...разными благодетелями во время проезду с Соловецкого монастыря в разное время»³.

¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 8554. 1616 г. Л. 164.

² Мордвинов Я. Путешествия в Соловецкий монастырь // Соловецкое море. Историко-архитектурный альманах. Архангельск; М., 2007. Вып. 6. С. 169.

³ НАРК. Ф. 699. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 22.

В 1847 г. в храм «безвестными благодетелями» были пожертвованы одежда для плащаницы и две пелены к ней, пелены к иконе «Спаса Всемилостивого»⁴, а кроме того, в разные годы этим же путем поступили в качестве пожертвования облачения для священнослужителей⁵.

Зачастую крупные вклады в храмы Спасо-Кижского погоста делались группой людей. Так, в 1814 г. к иконе «Спаса Всемилостивого» в Преображенской церкви была пожертвована: «...риза... серебряная 84 пробы чеканной работы, позолоченная, весом 13 фунтов, работана в С.-Петербурге в 1814 г. на сумму добротных дателей, плачено 2 тыс. руб.»⁶.

В качестве сравнения: стоимость двухэтажного богатого дома в Кижской волости в середине XIX в. была 600 руб. серебром⁷.

Для поддержания самих зданий Кижских храмов постоянно требовались средства, которые получали за счет продажи натуральных приношений и пожертвований. Их традиционно собирали в пасхальную неделю после молебнов во время обхода деревень настоятелем прихода. В опубликованных В. А. Гущиной и Б. А. Гуциным документах среди пожертвований прихожан чаще всего упоминаются хлеб зерновой и печеный, холсты, полотенца, платки, ленточки, «разные привесы крестиков к иконам», шерсть⁸.

Вырученные от продажи части этих даров деньги шли на окраску Покровской и Преображенской церквей, на ремонты церквей, на украшение храма, на позолоту иконостаса Преображенской церкви, на перекрытие кровли. На эти же работы тратились и денежные пожертвования, внесенные «разными лицами»⁹.

В начале XX в. на позолоту иконостаса Преображенской церкви и ремонтные работы в Покровской церкви большая часть средств была пожертвована именно благотворителями. Из затраченной суммы в 3806 руб. 50 коп. благотворителями было пожертвовано 3194 руб. и только 612 руб. взято из церковной казны.

В 1903 г. на 718 руб. 49 коп. пожертвований в Покровской церкви были исправлены полы, «иконостас и прочие киоты», оштукатурены стены и потолки, в алтаре сделана изразцовая, а в трапезной – две железные печи. Иконы в иконостасе и в храме были исправлены на средства прихожан¹⁰ (рис. 3).

⁴ НАРК. Ф. 699. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 22.

⁵ Там же. Л. 35.

⁶ Документы и материалы по истории Кижского архитектурного ансамбля (1694–1945 гг.) / Авторы-составители: В. А. Гущина, Б. А. Гуцин. Петрозаводск, 2013. С. 34.

⁷ НАРК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 18/9. 1874 г. Л. 107.

⁸ Документы и материалы... С. 16, 17, 18, 30–32, 49, 95, 99.

⁹ Там же. С. 94–95 (Из книги прихода церковных денег по Кижской церкви 1867).

¹⁰ Документы и материалы... С. 106.

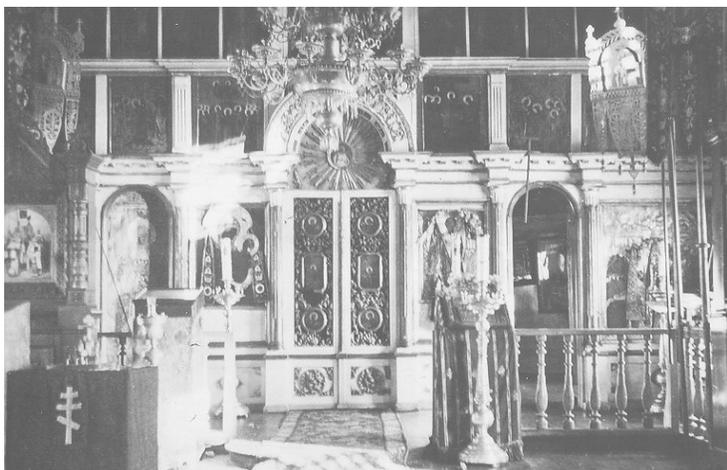

Рис. 3. Покровская церковь. Интерьер. Фото 1920-х гг.

Сбор средств на поддержание церкви велся не только среди крестьян окрестных деревень, но и в столице, где жили выходцы из кижского прихода: «...Пожертвовано некоторыми проживающими в Санкт-Петербурге разными лицами из прихожан на благоустройство Преображенской церкви 203 руб. 40 коп.»¹¹.

Для сбора крупных сумм благотворительных пожертвований часто прибегали к подписным листам. В 1882 г. «ввиду необходимости позолотить иконостас Спасо-Преображенской церкви» причт и прихожане пришли к выводу, «...что по громадности обозначенного иконостаса, местными средствами исправить оный нет никакой возможности, а потому необходимо прибегнуть к помощи посторонних благотворителей и просить Епархиальное Начальство о выдаче пригласительного листа на имя крестьянина деревни Волкоостров Ивана Павлова Никонова, проживающего приказчиком у купца Капустина и изъявившего свое усердие принять свое посильное участие в приглашении лиц ему известных на пожертвование Храма Божия... усердием которого собрано 183 руб. 30 коп. сер.¹² и представлено в церковь в конце года»¹³.

Документы церковных приходных книг сохранили имена крестьян, которые делали крупные и небольшие вклады. Многие из этих вкладов были сделаны столичными купцами и мещанами, выходцами из Кижской волости.

¹¹ Документы и материалы... С. 95.

¹² Серебром.

¹³ Документы и материалы... С. 92.

Среди посадских людей Кижской волости еще в 20-х гг. XVIII в. значился Елизар Федосеев Ольхин со своим восьмилетним сыном Василием¹⁴.

Позднее Е. Ф. Ольхин стал олонецким купцом (так он поименован в завещании его сына Василия), а сам Василий Елизаревич Ольхин в 1742 г., после смерти отца, переписался в купечество 1 гильдии Санкт-Петербурга и стал одним из богатейших негоциантов столицы.

Видимо именно Василий Ольхин, в память о родителях, пожертвовал в Преображенскую церковь: «...Священные сосуды: двои... серебряные... неизвестно в каком году умершим Санкт-Петербургским купцом Ольхиным с написанием его имени (Елизара и Епистимии), а в 1820 г. вызолочены наследниками того Ольхина...»¹⁵.

Василий Ольхин в столице был «бумажной и перловых круп, картонной фабрик и ластовых мореходных судов содержанием»¹⁶, а также поставщиком рыбы ко двору императрицы Елизаветы Петровны и устройтелем первых садков в Санкт-Петербурге¹⁷.

С 1759 г. В. Ольхин стал держателем нескольких петербургских мостов. Один из них, известный до сих пор – Тучков мост, он построил совместно с тремя другими петербургскими купцами. 22 декабря 1758 г. вышел сенатский указ, который гласил, что купцам Василию Ольхину и товарищам его Ивану Яковлеву и Абраму Тучкову «объявленные в Санкт-Петербурге через реки три моста... отдать в вечное и потомственное содержание». Имя последнего из купцов, который выделил больше средств на сооружение переправы, чем его товарищи, и укрепилось за мостом через Малую Неву¹⁸. В XVIII в. это был самый длинный петербургский мост – 900 метров. Тогда он носил название Никольский и был деревянный (рис. 4).

В. Е. Ольхин на Кижском погосте начал строительство каменной церкви, но ее здание было возведено только до окон, когда скончался благотворитель. По его завещанию при условии, что местные крестьяне продолжат строительство, Ольхин жертвовал еще 100 рублей, но прихожане не закончили работы. В настоящий момент внутри ограды погоста с южной стороны Покровкой церкви¹⁹ видны только остатки фундамента храма.

¹⁴ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2, ч. II. Д. 2368. 1720–1726 гг. Л. 139.

¹⁵ Государственный исторический музей. Отдел письменных источников. Ф. 450. Ед. хр. 696, после 1832 г. Л. 88–89.

¹⁶ Василевская О. И. Частная металлургия Карелии в середине XVIII в. (1730–1770 гг.). Петрозаводск, 1954. С. 75.

¹⁷ <http://www.osvas.ru/ПАРКИ/delov-centr/kupzy/olhin.html>.

¹⁸ Владимирович А. Г. Петербург в названиях улиц. Происхождение названий улиц и проспектов, рек и каналов, мостов и островов. М.; СПб., 2009. С. 443.

¹⁹ Гущина В. А. Ограда Кижского погоста // Кижский вестник. Петрозаводск, 2011. Вып. 13. С. 296.

Рис. 4. Сильвестр Щедрин. Вид на Тучков мост. 1816. ГРМ

Похоронен практически весь род купцов Ольхиных на Лазаревском кладбище в Александро-Невской лавре Санкт-Петербурга (рис. 5–6).

В 1875 г. представитель крестьянской ветви рода Ольхиных – Михаил Евсеев Ольхин, проживавший в бумажной лавке в С.-Петербурге, «пожертвовал в Покровскую церковь образ св. Архистратига Михаила с большим ореховым иконостасом, украшенный резьбой и позолотой (стоит не менее 200 руб.)»²⁰.

В 1818 г. Преображенской церкви подарен колокол (1 пуд, $\frac{1}{4}$ фунта 3 четверика). Даритель – петербургский купец Родион Никулин «со товарищи»²¹, родом из деревни Грузиловская (Телятниково). В 1821 г. им были пожертвованы в храм Преображения к иконе Спаса Всемилостивого «...лампада малая серебряная стоящая 100 руб. и... ризы парчовые стоят около 400 рублей»²². В 1824 г. он жертвует «ризы голевой»²³ парчи на зеленом бархате...»²⁴ и «пояс парчи с золотыми травами»²⁵.

В 1834 г. купчихой Никулиной в Покровскую церковь была пожертвована «на престол одежда и покров голевой парчи»²⁶ и стихарь дьяческой»²⁷.

²⁰ Документы и материалы... С. 90.

²¹ НАМЗК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2738. Л. 1. (Материалы Ларса Петтерссона).

²² ГИМ ОПИ. Ф. 450. Ед. хр. 696. Л. 88–89; Документы и материалы... Л. 34–35.

²³ Парча, вытканная золотыми нитями.

²⁴ НАРК. Ф. 699. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 31.

²⁵ Там же. Л. 33.

²⁶ Документы и материалы... Л. 22.

²⁷ НАРК. Ф. 699. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 34.

В 1843 г. в Покровскую церковь этой же купеческой семьей были пожертвованы: «ризы парчовые на голубом бархате», «епитрахиль парчи золотой с серебряными травами», епитрахиль «парчевая голубого бархату», «стихарь парчовой на голубом бархате», пояс «парчевой», «орарь парчевой на голубом бархате»²⁸.

Рис. 5. Плита на могиле Ольхина Василия Елизаровича (1709–1788) на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры

Рис. 6. Надгробие на могиле Василия Васильевича Ольхина (17...–1791) на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры

В 1859 г. в Преображенскую церковь купцом Никулиным, имени не указано, были пожертвованы сшитые из «золотистой парчи» священнические ризы, парный епитрахиль, поручи, дьяконской стихарь и к нему парный орарь²⁹.

Первый вкладчик Родион Васильевич Никулин³⁰ еще в 1795 г. был переписан вместе с отцом в мещанское сословие столицы³¹.

²⁸ НАРК. Ф. 699. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 31–34.

²⁹ Там же. Л. 45.

³⁰ Фамилия «Никулины», по-видимому, возникла от имени предка Микуды (Никулы) Юрьева, родившегося около 1657 г.

³¹ НАРК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 23/227. 1811 г. Л. 70–72об.

Дела его отца Василия Тимофеева Никулина в столице, видимо, пошли хорошо. К 1809 г. он стал купцом 3 гильдии и имел собственный дом в Московской части³², на левом берегу Фонтанки на Троицкой улице³³.

Род занятий купцов Никулиных в Петербурге пока определить не удалось, тем не менее, согласно Адресной книге 1822 г. вдова Василия Тимофеева, отмеченная среди купцов 3 гильдии, после смерти мужа продолжала жить в том же доме на Фонтанке и содержала торговую, т.е. общественную баню³⁴.

С отъездом Василия Тимофеева в столицу в деревне на хозяйстве остался его брат – Иван с сыном Трофимом и внуком Ильей.

Продолжая семейную традицию, Илья Трофимов Никулин в 1828 г. переписался из крестьян деревни Потаневщина, куда в свое время переехала его семья, в петербургское купечество³⁵.

Спустя шесть лет, в 1834 г., прошение на переход в столичное купечество подал и его отец Трофим Иванов Никулин, торговавший «по свидетельству третьего рода». В прошении он сообщал, «что с малолетства... находясь не малое время в городе С. Петербурге у родного дяди его С. Петербургского купца Василия Никулина занимался торговлею и его промыслом». По духовному завещанию дяди ему досталось «в собственность недвижимое его имение в С. Петербурге состоящее и разные при оном торговья заведения»³⁶.

Летом 2012 г., во время реставрационных работ на Преображенской церкви Кижского погоста, из-под опоры каркаса была вынута надгробная плита с надписью, гласившей: «На сем месте погребено тело раба Божия Санкт Петербургского купца Трофима Ивановича Никулина родившегося в сей Кижской волости в деревне Потаневской. Прибыл он из Санкт Петербурга сюда на родину в мае месяце 1835 г., а скончался 22 сентября того же года на 51 г. от рождения»³⁷. На обороте плиты поминальная надпись его дочери Февронии, похороненной вместе с отцом (рис. 7–8).

В 1844 г. зять Трофима Никулина Симеон Акинфов после смерти своей жены Февронии переписался в Петербург вместе со своими сыновьями Федором и Николаем.

³² Санкт-Петербургская адресная книга на 1809 год. СПб., 1809. С. 481.

³³ В XVIII в. Московская часть начиналась от левой стороны Невского проспекта, простиралась до Царскосельского (Московского) проспекта, к северу она граничила с Фонтанкою, а к югу – с Лиговским каналом (будущий Лиговский проспект) и городским рвом. На тот момент это была южная окраина города.

³⁴ Указатель жилищ и зданий в Санкт-Петербурге, или Адресная книга с планом и таблицею пожарных сигналов на 1823 г. СПб., 1822. С. 63, 505.

³⁵ НАРК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 45/463. Л. 43.

³⁶ Там же. Л. 42–42об.

³⁷ «22 сентября 1835 г. Санкт-Петербургский купец Трофим Иванов Никулин [ум.] параличем. 50 лет от роду» (НАРК. Ф. 25. Оп. 22. Д. 92. 1835 г. Л. 366).

В адресной книге Санкт-Петербурга за 1868 год упомянут Никулин Николай Семенович, купец 2 гильдии³⁸. Скорее всего, это внук Трофима Иванова Никулина, сын Семена (Симеона) Акинфова. Тем самым пожертвования в храмы вносили несколько поколений этой семьи.

Перед иконой «Всемиловитый Спас» в Преображенской церкви стоял «подсвечник большой медный посеребренный, пожертвованный С.-Петербургским мещанином Корнилом Семеновым Круговым»³⁹, который до 1818 г. был крестьянином д. Окуловская (Наволоч)⁴⁰.

Рис. 7. Надгробие Трофима Никулина на кладбище Спасо-Кижского погоста

Рис. 8. Надгробие Февронии Трофимовой на кладбище Спасо-Кижского погоста

В документах 40–60-х гг. XIX в. часто упоминается в качестве дарителя крестьянская вдова Татьяна Гавриловна Кругова – жена племянника Корнила Кругова. В 1860 г. она пожертвовала в Покровскую церковь великопостные одеяния: «Священнические ризы черного плису..., таковую же епитрахиль, препоясание такое же парное, дяконовский стихарь тоже парный черного плису, орарь таковой же парный»⁴¹, а в 1849 г. – парчовый покров на престол и шелковые одежды на жертвенник в Никольский придел⁴².

³⁸ Алфавитный указатель жителей С. Петербурга на 1867–1868 гг. СПб., 1867–1868. С. 343.

³⁹ Документы и материалы... Л. 34.

⁴⁰ НАРК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 59/554, 1834 г. Л. 3 об.

⁴¹ НАРК. Ф. 699. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 46.

⁴² Там же. Л. 22.

В 1862 г. на престол в Преображенскую церковь ею была пожертвована парчовая риза⁴³. Помимо этого, она делала и денежные вклады. В 1862 г. «...на поправку Покровской церкви... 100 руб. серебром»⁴⁴, а в 1889 г. «...на окраску Покровской церкви, на поминование мужа ее 20 руб.»⁴⁵.

Следует отметить, что дары «на помин души» неоднократно встречаются в документах. Так, в 1856 г. в Покровскую церковь поступила напестольная одежда, «...сшитая из пожертвованого парчевого покрова... по умертвию кр. Антона Максимова Ошевнева»⁴⁶. Этим крестьянином была в свое время пожертвована в ту же церковь «...плащаница писанная на полотне самой высокой работы»⁴⁷, которая сейчас хранится в фондах музея «Кижы».

Одними из самых богатых и успешных жителей Кижской волости, которым удалось проявить себя как предприниматели в столице, была крестьянская семья Симеоновых из деревни Шлямино на о. Волкостров. Мирон Егорович Симеонов еще мальчиком уехал в Петербург, где впоследствии стал купцом, имел недвижимость (три доходных дома) и жил в своем собственном доме, расположенном на ул. Газовой Петербургской стороны, недалеко от Каменноостровского проспекта и набережной реки Карповки. По его заказу в 1908 г. на заводе сыновей Порфирия Ивановича Оловяникова в г. Ярославле был отлит колокол «для церкви Преображения Спаса»⁴⁸.

До Великой Отечественной войны, согласно материалам архива Л. Петтерссона, на колокольне Спасо-Кижского погоста висел еще один колокол, отлитый в 1812 г., на котором была отлита надпись: «...усердием прихожан Гаврилы Жаренникова и Якова Дехтярева, усилиями прихожан и добровольных дарителей, а именно по инициативе Белозерских мещан Ивана и Михаила Михайловичей Грешниковых»⁴⁹. Первый из этих дарителей происходит из деревни Жарниково, а второй – из деревни Кургеницы.

В сентябре 1858 г. было «...получено из С.-Петербурга от крестьян Кижского прихода дер. Телятниково Матвея Яковлева Вавилина и дер. Кижского острова Северного конца Ивана Васильева Морозова, присланные ими в Спасо-Преображенскую церковь иконостас с иконою

⁴³ НАРК. Ф. 699. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 48.

⁴⁴ Там же. Д. 2/10. Л. 4; Документы и материалы... С. 48.

⁴⁵ Документы и материалы... С. 95.

⁴⁶ НАРК. Ф. 699. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 42.

⁴⁷ Там же. Л. 22.

⁴⁸ Документы и материалы... С. 106–107.

⁴⁹ Эта фамилия есть среди жителей деревни Обельщина в районе с. Сенная Губа. Возможно, дарители на храмы приходятся им родственниками.

Успения Божией Матери, поставленный за левым клиросом, стоящий ценою около 150-ти рублей серебром»⁵⁰. Это был резной золоченый киот, составлявший пару киоту с иконой «Спас Всемилостивый», который стоял у правого клироса⁵¹ (рис. 9).

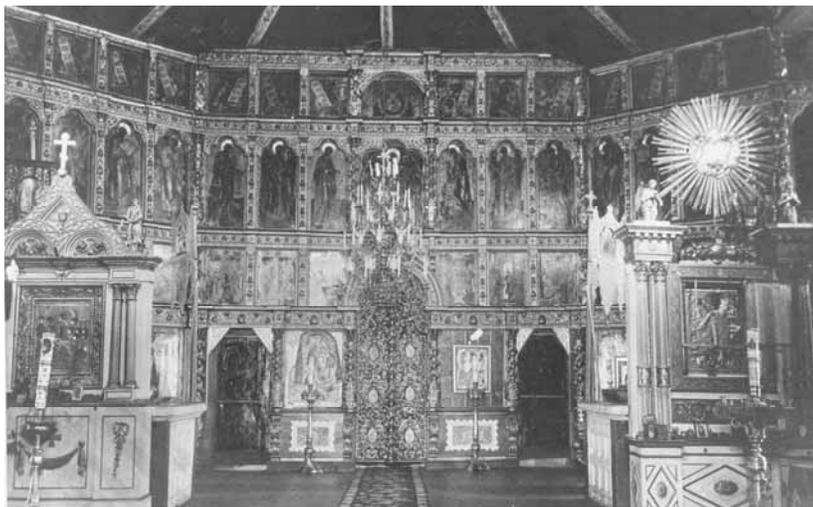

Рис. 9. Преображенская церковь. Интерьер. Фото 1928 г.

Годом ранее Матвей Вавилин прислал из столицы в Преображенскую церковь «...3 подсвечника, один из них выносящий, а два больших и в них по фарфоровой свечи большой. Подсвечники медные посеребренные, весу в них около пуда»⁵².

В самом конце XIX в. очень крупное денежное пожертвование на храмы на общую сумму 1000 рублей внесла вдова Степанида Андреевна Морозова⁵³. Дом, в котором жила семья Морозовых на о. Кизи, простоял до 50-х гг. XX в. и был одним из самых больших и богатых крестьянских домов округа.

Из крестьян Кижской волости, сделавших много крупных пожертвований на храмы в 50–60-х гг. XIX в., упоминается семья Ивана Гавриловича Чиворова из деревни Пустой Берег. Среди вкладов этих кре-

⁵⁰ НАРК. Ф. 699. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 42–50.

⁵¹ Фролова Г. И. История внутреннего убранства Преображенской церкви на острове Кизи // Кижский вестник. Петрозаводск, 2003. Вып. 8. С. 26.

⁵² НАРК. Ф. 699. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 49.

⁵³ Фролова Г. И. Указ. соч. С. 32.

стьян перечислены: «Святое Евангелие в серебряном окладе на красном бархате... 120 руб. серебром»⁵⁴, напрестольный посеребренный крест с финифтью⁵⁵, «священнические парные парчевые ризы», «дьяконский стихарь с орарем такой же парчи» (в память по матери), «...образ преподобного Сергия Радонежского в серебряной ризе» с позолоченными венцами в киоте, «дароносица с сосудцами посеребренная, потир и лжица внутри позлащенные», «хоругви писаны на злате», «воздуха бархатные на золоте», «лампадка серебряная пробная» и среди этих дорогих даров – «полотенце холстовое, по концам вышито разными бумагами»⁵⁶.

Деда вкладчика – Мосея Алексеева Чиворова, как участника знаменитого Кижского восстания 1769–1771 гг., вместе с другими сослал в Тобольскую губернию. Он был единственным из всех подследственных, вернувшимся с каторги в 1782 г.⁵⁷

В 1865 г. крестьянин деревни Воробьи Акакий Стафеевич Воронцов прислал из Санкт-Петербурга в Преображенскую церковь целый набор священных предметов, выполненных из меди и посеребренных: напрестольный ковчег с финифтью, дароносицу, напрестольный крест, украшенный финифтью, венцы с финифтью, водосвятную чашу и кадилницу⁵⁸.

Этот крестьянин был одним из самых богатых в Кижской волости, имел сойму для перевозки скота и разного груза. Согласно местному преданию, А. Воронцов на свои деньги возвел в родной деревне часовню Во имя великомучеников Кирика и Иулитты и подарил ее односельчанам.

Далеко не все имена крестьян-вкладчиков были упомянуты в этой статье. Для кижан храмы Спасо-Кижского погоста были и остаются символами их духовного единства. Со всеми своими радостями и горестями шли они к своим храмам.

Именно кижским крестьянам наша культура должна быть признательна, поскольку их старанием и усердием храмы на острове Кижы были созданы, сохранены и теперь являются одним из ярких национальных символов нашего Отечества.

⁵⁴ НАРК. Ф. 699. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 22.

⁵⁵ Там же. Л. 43.

⁵⁶ Там же. Л. 43–47.

⁵⁷ НАРК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 2/7. Л. 56–63об.

⁵⁸ НАРК. Ф. 699. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 50.

Д. Д. Абросимова

ИЗ ИСТОРИИ НАРОДНЫХ ШКОЛ КИЖСКОЙ ВОЛОСТИ (XIX – НАЧАЛО XX в.)

История народного образования Олонецкой губернии сегодня является изученной достаточно основательно. Среди работ, вышедших за последние годы, следует назвать монографии О. П. Илюхи¹. Многочисленные аспекты истории народного образования, рассмотренные в них на основе архивных и этнографических источников, позволяют воссоздать общую картину его развития в Карельском крае. Среди этих аспектов немало внимания уделено повседневности школы, условиям работы и жизни учителей народных школ, реконструкции их социально-психологического облика. В работах В. Г. Кондратьева² и Е. А. Калининой³ представлен обзор становления системы народного образования на территории современной Карелии за обширный период. В работе Е. А. Калининой особый интерес, кроме того, представляет приложение, в котором представлены очерки истории народных школ современного Пряжинского района, написанные на материале архивных документов. Среди научных публикаций необходимо упомянуть также статьи Н. А. Кукушкиной⁴ и А. И. Афанасьевой⁵. В работе первого исследователя собраны и изложены в систе-

¹ Илюха О. П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX в. СПб., 2007. 303 с.; Илюха О. П. Повседневная жизнь сельских учителей и школьников Карелии в конце XIX – начале XX в.: Очерки. Документы. Материалы. Петрозаводск, 2010. 144 с.

² Кондратьев В. Г. Очерки по истории народного образования Карелии XVII–XXI вв. Петрозаводск, 2011. 174 с.

³ Калинина Е. А. Народные школы Олонецкого края в XIX – начале XX в. СПб., 2009. 263 с.

⁴ Кукушкина Н. А. Роль церкви в создании системы начальных школ в Олонецкой губернии в конце XIX – начале XX в. // Кижский вестник. Петрозаводск, 2001. Вып. 6. С. 3–14 (см. также: [Электронный ресурс]. URL: <http://kizhi.karelia.ru/library/vestnik-6/257.html>).

⁵ Афанасьева А. И. Церковно-приходская школа в системе начального народного образования России второй половины XIX – начала XX в.: По материалам Олонецкой губернии // Вопросы истории Европейского Севера: Россия и Финляндия от Средневековья до середины XX в. Петрозаводск, 2007. С. 136–143.

матизированном виде сведения о типах народных школ в Олонецкой губернии; статья второго автора посвящена одному из этих типов – церковно-приходской школе.

Цель этой статьи – представить в виде летописи сведения о школах, находившихся на территории Кижской волости Петрозаводского уезда Олонецкой губернии в период XIX – начала XX в., на основе изучения документов Национального архива Республики Карелия (далее – НАРК)⁶ и дореволюционной губернской печати.

Помимо исследований по истории народного образования чрезвычайно полезными для нашей цели оказались публикации справочно-биографического характера: издание «Заонежье в биографиях», подготовленное А. И. и Т. А. Мошиными⁷, и статьи сотрудника музея-заповедника «Кижь» Р. Б. Калашниковой, посвященные истории родов заонежских священников⁸. Приводимые в них сведения позволили существенно дополнить статистическую информацию, получить более полное представление о преподавателях, работавших в школах Кижской волости в течение многих лет.

Административные границы Кижской волости на протяжении времени не раз менялись. В XIX в. эта территория включала в себя 40 деревень⁹, а в начале XX в. – 69. В начале века эти деревни распределялись между Кижским и Сенногубским сельскими обществами Великогубской волости: 42 деревни находилось на территории Кижского общества и 27 – на территории Сенногубского¹⁰.

В начале XX столетия народные школы на этой территории располагались в 12 деревнях. Таким образом, одна школа в среднем приходилась на 5–6 деревень. Из этих 12 школ семь находилось на территории Кижского сельского общества: на острове Кижь, Волкострове и в деревнях

⁶ Фонды 25 (Олонецкой духовной консистории), 42 (Олонецкого губернского епархиального училищного совета) и 17 (директора народных училищ Олонецкой губернии).

⁷ Мошин А. И., Мошина Т. А. Заонежье в биографиях: краткий справочник. Петрозаводск, 2010. 112 с.

⁸ Калашникова Р. Б. Из истории семей заонежских священников (конец XVIII – начало XX в.) // Православие в Карелии: Материалы республиканской научной конференции (24–25 октября 2000 г.). Петрозаводск, 2000. С. 65–74; Она же. Из истории семей заонежских священников (конец XVIII – первая треть XX вв.) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2002. Вып. 7. С. 3–20 (см. также: [Электронный ресурс]. URL: <http://kizhi.karelia.ru/library/vestnik-7/275.html>); Она же. Заонежские священники (конец XVIII – первая треть XX в.) // Церковь Преображения Господня на острове Кижь: 300 лет на заонежской земле. Петрозаводск, 2014. С. 42–51.

⁹ См.: Карта «Кижская волость. XIX в.» (Воробьева С. В. Родословия русских сказителей Заонежья XVIII–XIX вв. (Кижь–Сенная Губа): По материалам архивных документов. Петрозаводск, 2006. С. 16).

¹⁰ Список населенных мест Олонецкой губернии по сведениям за 1905 г. Петрозаводск, 1907. С. 2–4, 6.

Жарниково, Ошевнево, Кургеницы, Липовицы и Сибово, и пять – на территории Сенногубского сельского общества: в селе Сенная Губа и в деревнях Конда, Новинка, Леликово и Косельга¹¹.

Все эти школы были представлены двумя типами, наиболее распространенными и в других уездах Олонецкой губернии¹², – церковно-приходским и земским. Школы на Волкострове, в Косельге, Леликово и Новинке с начала их основания до 1916 г. оставались приходскими (церковно-приходскими). Школы в деревнях Липовицы и Сибово были основаны как школы грамоты, а затем преобразованы в церковно-приходские школы во время всеобщего преобразования, состоявшегося в 1909 г.¹³ Историю школ деревень Жарниково, Кургеницы, Ошевнево и Конда удалось проследить лишь с начала XX в.: все они в это время были земскими. Школы в Кижях и селе Сенная Губа были основаны как приходские, но на протяжении своей истории не раз меняли ведомственную принадлежность.

Рассмотренные документы дают возможность проследить динамику посещаемости каждой школы, выявить соотношение мальчиков и девочек среди учащихся; дают представление о степени интенсивности труда преподавателей, о содержании учебных программ и качестве обучения. В целом эти данные свидетельствуют о тех проблемах, которые стояли на пути развития народного образования на селе.

Излагаая восстановленные факты из истории школ Кижской волости, начнем с административных центров с погостами – острова Кижы и села Сенная Губа. В истории школ этих двух центральных поселений отразились основные вехи истории народного образования Олонецкой губернии.

В Кижях и Сенной Губе были основаны первые на территории Кижской волости народные школы. Обе они были открыты практически одновременно, в 1837 г., с разницей в 5 дней. Это был период повсеместного открытия школ при церковных приходах, которое было связано с недавним, произошедшим в конце предыдущего десятилетия, образованием Олонецкой епархии. В 1870-е гг. обе школы были преобразованы в земские, что также явилось частью общего процесса – роста числа земских школ, начавшегося вслед за учреждением земств в Олонецкой губернии в 1867 г.¹⁴

¹¹ Лазук И. Г. Школьная сеть Петрозаводского уезда. Петрозаводск, 1909. С. 28–32. В документе по результатам проверки школ 1899 г. отмечалось, что «ввиду достаточного числа школ в [Сенногубском] приходе (5 школ), пунктов для открытия новых пока не ищется». См.: НАРК. Ф. 42. Оп. 2. Ед. хр. 9/221. Л. 7 (По проверке состояния церковно-приходских школ и школ грамоты, количестве учащихся, учащихся и успехах их. 1899 г.).

¹² См.: Школьная статистика: Очерк о состоянии народного образования в Олонецкой губернии в 1912 г. Петрозаводск, 1913. Вып. 1. С. 11, 52.

¹³ См. об этом: Илюха О. П. Школа и детство... С. 115.

¹⁴ Кондратьев В. Г. Указ. соч. С. 37, 41; Кукушкина Н. А. Указ. соч.

Школа на острове Киж

Приходская школа была открыта при церкви в Кижках 5 марта 1837 г. Ее историю удалось проследить до 1916 г., а восстановить подробно – на период 1860–1880-х и 1900–1910-х гг. В 1870-е гг. кижская приходская школа была преобразована в земскую. По поводу точной даты преобразования в документах существуют расхождения: в источниках указаны 1872, 1874, 1876 гг., а также дата 1 сентября 1876 г. Оснований предпочесть одну из этих дат пока недостаточно. В конце XIX в. школа в Кижках меняет ведомственную принадлежность и вновь становится приходской (церковно-приходской одноклассной)¹⁵. В 1895 г. все приходские школы были переименованы в церковно-приходские в связи с их переходом в ведомство епархиального училищного совета¹⁶.

Согласно источникам, в год открытия школы, в 1837 г., здесь обучалось 18 человек, в 1867 г. – 33 человека, в 1874 г. – 17 и в 1909 г. – 12 человек. В 1909 г. это были жители острова Киж и деревни Середка, расположенной на соседнем Клименецком острове. Таким образом, в начале XX в. по сравнению со временем основания школы число учащихся в ней уменьшилось. Можно предположить, что это произошло в связи с открытием новых школ на территории Кижского сельского общества в конце XIX в., когда значение кижской школы для округа стало снижаться. Необходимо также отметить, что 12 детей, посещавших школу в Кижках в 1909 г., – это немногим более половины детского населения школьного возраста (от 8 до 11 лет), проживавшего в деревнях, приписанных к этой школе¹⁷. Одна из основных причин плохой посещаемости школ, общих для всей Олонецкой губернии, – это удаленное расположение школы от места жительства, от нескольких верст до двух десятков. Как сказано в отчете о состоянии народных школ Петрозаводского уезда за 1895 г., «даже за 3–4 версты посещает школу мало детей, и то при благоприятных условиях: при удобном сообщении...»¹⁸. Серьезным препятствием являлась также бед-

¹⁵ НАРК. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 20/54. Л. 1 (О состоянии обучения поселенских детей по Олонецкой епархии за 1840 г.); Ед. хр. 69/46. Л. 36 (По рапортам благочинных с представлением ведомостей об училищах и сведений об успехах народного образования за 1889 г.); Ед. хр. 65/22. Л. 38 (По рапортам благочинных о церковно-приходских земских училищах за 1885 г.); Ед. хр. 74/10. Л. 16 (Рапорта благочинных с ведомостями об училищах Министерства народного образования, земских, церковно-приходских и школах грамоты по благочинническим округам Олонецкой епархии за 1893 г. 1894 г.); Ед. хр. 56/15. Л. 22 (С ведомостями об училищах в Олонецкой епархии за 1876 г.); Памятная книжка Олонецкой губернии (далее – ПКОГ) на 1903 г. Петрозаводск, 1903. С. 122; ПКОГ на 1915 г. Петрозаводск, 1915. С. 79; ПКОГ на 1916 г. Петрозаводск, 1916. С. 87.

¹⁶ Кукушкина Н. А. Указ. соч. С. 6.

¹⁷ НАРК. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 54/33 (Дело об училищах при церквях Олонецкой епархии за 1874 г.); ПКОГ на 1868–1869 г. Петрозаводск, 1869. С. 132; Лазук И. Г. Указ. соч. С. 28–32.

¹⁸ НАРК. Ф. 17. Оп. 1. № 33/361. Л. 2об. (Отчеты о состоянии начальных училищ за 1895 г.).

ность крестьянских семей, которые зачастую не могли обеспечить ребенка теплой одеждой и обувью, чтобы отправить его в школу. По сведениям, приведенным в работе О. П. Илюхи «Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX в.», причиной непосещения школы в 40 % случаев являлось отсутствие необходимой одежды¹⁹.

Еще один вопрос, который обращает на себя внимание при изучении истории школ, – соотношение мальчиков и девочек среди учеников. В среднем среди учащихся кижской школы девочек было меньше, чем мальчиков, в 5 (1885 г.), 6 (1882 и 1889 гг.), 13 раз (1884 г.). В год открытия школы среди 18 учеников числилась всего одна девочка, а в 1867–1868 гг. среди 33 учащихся совсем не было девочек²⁰.

Средняя рабочая нагрузка на преподавателя, которая выражалась в том числе в количестве учеников, приходившемся на одного учителя, в начале XX в. была примерно одинаковой как по Олонецкой губернии, так и по Петрозаводскому уезду в отдельности и составляла 23 и 21–24 ученика соответственно²¹. На протяжении истории школы в Кижях нагрузка учителей была в целом меньше этих показателей. Так, в 1837 г. один учитель здесь работал с 18 учениками, в 1874 г. – с 17, в 1909 г. – с 12. Исключение составляет лишь период 1880-х гг.: если в начале десятилетия нагрузка на учителей была выше среднестатистической – 28–29 учеников на одного учителя, то в середине его она выросла до 39 человек, когда с 78 учениками занимались двое преподавателей (1885 г.).

Число выпускников школы на протяжении 1880-х гг. было ниже, чем число тех, кто не сумел пройти школьный курс до конца. Так, в 1882 г. школа выпустила четырех человек, при этом закончить ее не смогли 12; в 1884 г. это соотношение равнялось 10 и 13, в 1885 г. – 6 и 10, в 1889 г. – 11 и 17. Если девочек было меньше среди учащихся, еще меньше их процент был среди выпускников школы. Так, из восьми девочек, обучавшихся в школе в 1882 г., шесть не закончили школу, а в 1884 г. из четырех девочек-учащихся сделать этого не смогла ни одна²². Высокий процент выбывших из школы до ее окончания отмечался в земских школах Петрозаводского уезда и в XX в. (1910-е гг.)²³.

¹⁹ Илюха О. П. Школа и детство... С. 233.

²⁰ НАРК. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 62/36. Л. 2 (С ведомостями об училищах в Олонецкой епархии за 1882 г.); Ед. хр. 65/5. Л. 14 (Сведения о народном образовании, церковно-приходских, сельских земских школах, успехах учащихся по благочиниям Петрозаводского, Олонецкого, Повенецкого, Каргопольского, Лодейнопольского уездов за 1884 год); Ед. хр. 20/54. Л. 1; ПКОГ на 1868–1869 гг. С. 132.

²¹ Школьная статистика... С. 46.

²² НАРК. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 20/54. Л. 1; Ед. хр. 54/33. Л. 75об; Ед. хр. 62/36. Л. 2; Ед. хр. 65/5. Л. 14; Ед. хр. 65/22. Л. 38; Ед. хр. 69/46. Л. 37; Лазук И. Г. Указ. соч. С. 28–32.

²³ Школьная статистика... С. 29.

Найденные сведения о помещении, которое занимала школа в Кижях, относятся к 1895 г. В «Отчете о состоянии начальных народных училищ Петрозаводского уезда» оно охарактеризовано как «многолюдное» и вместе с тем «крайне тесное и неудобное», поэтому в том же году петрозаводское уездное земское собрание приняло решение подыскать для школы более подходящее здание.

В 1895 г. в кижской школе распространилась сильная эпидемия тифа, из-за чего последовали длительные пропуски занятий учениками, продолжавшиеся «по целым неделям и месяцам». Тогда был организован сбор пожертвований, в результате чего были собраны необходимый провиант, одежда и обувь для школьников. Наиболее значительные суммы (37 рублей 35 копеек и 31 рубль) предоставили попечитель школы проживавший в Петербурге крестьянин Г. П. Сарафанов и управляющий лесопильным заводом в Соломенном П. С. Горбунов²⁴.

Вместе с тем именно в 1895 г. находим свидетельство о том, что успеваемость учащихся кижской школы существенно изменилась к лучшему. К предметам, по которым достижения учеников были наиболее высоки, проверявшие отнесли, в порядке убывания, чтение, арифметику, чистописание и, наконец, правописание. Наибольшие трудности для учеников представляло изучение Закона Божьего, что было связано, по-видимому, как со спецификой самого предмета, так и с отсутствием разработанной методики его преподавания. Предположить это заставляет указание на недостаток в земских школах «наглядных пособий (например, картин по священной истории и по объяснению богослужения)» и отсутствие у преподавателей навыка использования имеющихся пособий в контексте урока. Так, согласно отчету, «только карту Палестины можно найти в каждом училище, но и она висит на стене в классной комнате большей частью без употребления»²⁵.

До начала XX в. преподаванием Закона Божьего в школах занимались чаще всего священники, реже дьяконы. В начале века более обычной стала практика преподавания этого предмета школьными учителями. В кижской школе в 1897–1898 гг. Закон Божий преподавал священник Кижского прихода Михаил Александрович Русанов. Согласно исследованию Р. Б. Калашниковой, он был потомственным священником и учителем: его предки служили в церкви на протяжении семи поколений, а его отец А. А. Русанов работал учителем в кижской и сенокубской школах. М. А. Русанов являлся также потомственным священником Кижского прихода: его дед служил священником в киж-

²⁴ НАРК. Ф. 17. Оп. 1. № 33/361. Л. 5, 11–12, 24–24об.

²⁵ Там же. Л. 13–13об., 19об.

ских церквах, а отец в конце жизни исполнял здесь обязанности псаломщика. М. А. Русанов оставался священником кижских храмов с момента окончания Олонецкой духовной семинарии и своего назначения в Кижский приход до закрытия церквей в 1929 г., когда его выслали на лесозаготовки²⁶. Что касается той части его биографии, которая была связана с учительством, помимо кижской школы он преподавал Закон Божий в деревнях Жарниково и Ошевнево и исполнял обязанности заведующего школами деревень Косельга и Липовицы²⁷.

В 1899 г. на должность преподавателя Закона Божьего школы в Кижях заступил Михаил Стефанович Заводовский, занимавший ее в течение первого десятилетия XX в. (умер он в 1913 г.). Согласно сведениям в справочнике «Заонежье в биографиях», он родился в 1832 г. в деревне Челмужи в семье пономаря. После окончания Олонецкой духовной семинарии работал преподавателем в Кондопожском училище. В 1850 г. его перевели в Петрозаводское духовное училище, а в 1852 г. назначили настоятелем Преображенской и Покровской церквей Кижского прихода. М. С. Заводовскому было в это время 20 лет. В Кижях он прослужил более 50 лет. В 1896 г. М. С. Заводовский был награжден орденом Святой Анны III степени. Право на получение этого ордена имели священники, прослужившие в должности настоятеля храма в течение 12 лет. Помимо служб в церкви и преподавания в школе М. С. Заводовский заведовал кижской и еще двумя школами на территории Кижского сельского общества²⁸.

Учительскую стезю избрали и дети М. С. Заводовского. В начале XX в. в кижской школе учительствовал один из его сыновей, Михаил Михайлович Заводовский. Другой его сын в то же время преподавал и заведовал школой в Сенной Губе. В эти же годы в Лодейнопольском уезде, в школе Пиркинского сельского общества Мирошкинской волости, работали, очевидно, дочери М. С. Заводовского – Елена Михайловна Заводовская (учительницей) и Варвара Михайловна Заводовская (помощницей учительницы). Таким образом, можно говорить о Заводовских как о династии учителей и священников Кижской волости. По-

²⁶ Калашникова Р. Б. Из истории семей...

²⁷ ПКОГ на 1903 г. С. 69, 71; ПКОГ на 1905 г. Петрозаводск, 1905. С. 75–76; ПКОГ на 1906 г. Петрозаводск, 1906. С. 75–76; ПКОГ на 1909 г. Петрозаводск, 1909. С. 62; ПКОГ на 1910 г. Петрозаводск, 1910. С. 57–58, 87, 89; ПКОГ на 1916 г. С. 59–60.

²⁸ ПКОГ на 1910 г. Петрозаводск, 1910. С. 87; Мошин А. И., Мошина Т. А. Указ. соч. С. 33; Награждения орденом Святой Анны // Награды России. [Электронный ресурс]. URL: <http://ordenrf.ru/statiy-rossiya/nagrazhdeniya-ordenom-svyatoy-annu.php>. Дата обращения: 13.01.2016; Список духовенства Олонецкой губернии на 1904 год (включая церковно-приходские школы и инославное духовенство) // Петербургский генеалогический портал [Электронный ресурс]. URL: <http://www.petergen.com/bovkalosp/olon1904.html>. Дата обращения: 13.01.2016.

мимо М. А. Русанова и М. С. Заводовского в летописи кижской школы остались имена учителей Александра Пономарева, преподававшего здесь в конце XIX в., Евгении Тихомировой (годы работы – с 1904 по 1906) и Кирилла Игнатьевича Притыкина (работал в 1910 г.)²⁹.

Школа в селе Сенная Губа

В Сенной Губе приходская школа была открыта при церкви 10 марта 1837 г. Ее историю, как и историю кижской школы, удалось проследить до 1916 г. На время открытия школы в ней числилось 8 учеников, с которыми работал один учитель. Через 30 лет, в 1867–1868 гг., число учащихся увеличивается вдвое: в школе в это время обучается 16 школьников, среди них 12 мальчиков и 4 девочки³⁰.

Относительно времени преобразования приходской школы в земскую источники предлагают несколько дат: 1871 г., 13 февраля 1872 г., 13 марта 1872 г. и 1873 г.³¹ Какая из них является наиболее достоверной, остается пока неясным. В 1873 г. в земской школе обучается 82 ученика (67 мальчиков, 15 девочек). Ситуация с количеством учащихся резко меняется в следующем, 1874 г., когда оно снижается почти на четверть – 60 учеников (50 мальчиков, 10 девочек). Возможно, это было связано с внешними обстоятельствами, поскольку два года спустя, в 1876 г., число учеников остается почти таким же – 62 учащихся, из них 50 мальчиков и 12 девочек. Еще через несколько лет, в 1882 г., количество учеников возрастает больше, чем на треть, до 84 человек, из которых 68 мальчиков и 16 девочек. В 1885 г. оно остается примерно на том же уровне – 87 человек (70 мальчиков, 17 девочек), а к концу десятилетия, в 1889 г., уменьшается до 77 учащихся (66 мальчиков, 11 девочек)³². Как видно из приведенных цифр, число девочек в разные годы составляло четвертую, пятую и даже шестую часть от общего числа учащихся. Это обстоятельство в отчете «По проверке состояния церковно-приходских школ» было отмечено как «прискорбное», поскольку «значительное число девочек» (70) оставались «вовсе без обучения и развития вообще женского образования среди раскола в одном селении с существующей в приходе министерской школой»³³.

²⁹ ПКОГ на 1902 г. Петрозаводск, 1902. С. 92; ПКОГ на 1903 г. С. 122; ПКОГ на 1905 г. С. 72, 111; ПКОГ на 1906 г. С. 73, 112; ПКОГ на 1910 г. С. 87; Список населенных мест... С. 94; Список духовенства...

³⁰ НАРК. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 20/54. Л. 1; ПКОГ на 1868–1869 г. С. 139.

³¹ НАРК. Ф. 25. Оп. 1; Ед. хр. 69/46. Л. 37; Ед. хр. 56/15. Л. 22; Ед. хр. 62/36. Л. 136; Ед. хр. 74/10. Л. 16.

³² НАРК. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 74/10. Л. 16; Ед. хр. 54/33. Л. 73; Ед. хр. 56/15. Л. 22; Ед. хр. 62/36. Л. 136; Ед. хр. 65/22. Л. 38; Ед. хр. 69/46. Л. 37.

³³ НАРК. Ф. 42. Оп. 2. Ед. хр. 9/221. Л. 7.

Что касается нагрузки на преподавателей, если в 1873 г. она была средней, – три учителя на 82 учащихся, то есть примерно 27 человек на ответственности одного учителя, с падением числа учеников в 1874 г. в школе на 60 учеников остается только один учитель. Сведений о других преподавателях в этом документе нет, поэтому, вероятно, на того же учителя легла обязанность преподавать и Закон Божий. Через два года, в 1876 г., учителей становится двое при том же количестве учеников. С начала 1880-х гг. (в 1882 г.) количество учителей увеличивается до трех и остается постоянным до конца десятилетия: в 1885 и 1889 гг. в школе по-прежнему работают трое учителей³⁴. Таким образом, число учащихся, которое приходится в это время на одного преподавателя, хотя и превышает средние показатели по уезду и губернии, все же остается более или менее приемлемым, когда один учитель работает с 26–29 учениками.

Тем не менее ситуация с успеваемостью в целом здесь была не очень хорошей. Так, в 1876 г. школа выпустила 10 человек (7 мальчиков и 3 девочки), при этом до окончания школы «выбыли» 7 человек (5 мальчиков и 2 девочки). В 1882 г. на 14 выпускников школы (12 мальчиков, 2 девочки) пришлось 17 человек (11 мальчиков, 6 девочек), не сумевших пройти учебный курс. В 1885 г. на 12 выпускников (11 мальчиков, 1 девочка) приходится 14 детей, не окончивших школьного курса. В 1889 г. школа выпустила 11 учащихся (10 мальчиков, 1 девочка), и в этом же году выбыли до окончания 17 учеников (15 мальчиков, 2 девочки)³⁵. Таким образом, за эти четыре года число выпускников школы только один раз превысило число не закончивших учебу. В остальное время тех, кто не оканчивал школу, было больше, иногда существенно.

История школы МНП в Сенной Губе в рассмотренных документах начинается с конца XIX в.: существовавшая в селе земская школа была, по видимому, передана в ведомство МНП к 1899 г. Примеры передачи земских школ под начало МНП были известны³⁶. На протяжении первых лет XX столетия, до 1909 г., школа МНП значится в списках начальных учебных заведений как образцовая одноклассная, а в 1910 г. она становится двухклассной. В 1909 г. школа обслуживала жителей Сенной Губы, а также еще 11 деревень (Ежгуба, Клементьевская, Петровская, Сельга, Мигуров-

³⁴ НАРК. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 74/10. Л. 16; Ед. хр. 54/33. Л. 73; Ед. хр. 56/15. Л. 22; Ед. хр. 62/36. Л. 136; Ед. хр. 65/22. Л. 38; Ед. хр. 69/46. Л. 37.

³⁵ НАРК. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 56/15. Л. 22; Ед. хр. 62/36. Л. 136; Ед. хр. 65/22. Л. 38; Ед. хр. 69/46. Л. 37.

³⁶ Например, в «Отчете о состоянии одноклассных и двухклассных сельских училищ Министерства народного просвещения, находящихся в ведении инспектора народных училищ Олонецкой губернии 3-го района» за 1894 г. упоминается о трех бывших земских школах в Пудожском уезде, которые перешли под начало Министерства народного просвещения. См.: НАРК. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 31/335. Л. 1 (Отчет о состоянии начальных училищ за 1894 г.).

ская, Моталово, Лонгасы, Гарницы, Букольниково, Вертилово, Кузнецкая). В ней обучались 66 детей и работали три учителя и один законоучитель.

С начала XX в. до 1916 г. в сенногубской школе работал почти постоянный состав преподавателей. Обязанности законоучителя в школе с 1902 по 1916 г. исполнял священник Сенногубского прихода, впоследствии (с 1905 г.) протоиерей, Василий Стефанович Ржановский, который, кроме того, состоял в должности благочинного Клименецкого и Палеостровского монастырей и являлся петрозаводским окружным миссионером³⁷. Помощницей учителя работала Клавдия Васильевна Ржановская, которую в 1909 г. сменила Параскева Васильевна Ржановская, занявшая в 1910 г. место учителя.

В 1902 г. учителем школы в Сенной Губе работал Иван Федорович Заводовский. В 1905–1906 и 1916 гг. школой заведовал Иван Михайлович Заводовский, сын М. С. Заводовского, настоятеля церкви Кижского прихода, преподававшего Закон Божий в кижской школе. В 1909–1910 гг. Иван Михайлович работал в этой школе учителем³⁸. История семьи Заводовских является менее изученной, чем история рода Ржановских, но можно предполагать, что их деятельность оставила свой след в истории народного образования края и потому также достойна подробного изучения.

Помимо Ржановских и Заводовских среди учителей сенногубской школы есть еще два имени. В 1910 г. обязанности помощника учителя здесь исполнял Константин Алексеевич Вереникин, а в 1916 учителем работал Андрей Иванович Савельев. С 1902 по 1916 г. почетным блюстителем школы являлся купец Василий Дмитриевич Лысанов³⁹, из-

³⁷ Должность благочинного подразумевала наблюдение за порядком в церковном округе епархии. Благочинный монастыря являлся помощником и заместителем монастырского наместника (управляющего монастырем) (см.: Аристарх (Лоханов). Что надо знать о православном церковном этикете: Духовно-административное устройство монастыря // Православная энциклопедия «Азбука веры». [Электронный ресурс]. URL: http://azbyka.ru/dictionary/15/aristarh_tserkovny_etiket_04-all.shtml. Дата обращения: 13.11.2015). В обязанности миссионера входит катехизация населения церковного округа (см.: Обязанности катехизатора-миссионера // Сайт Кузнецкой и Никольской епархии. [Электронный ресурс]. URL: <http://eparhia-kuznetsk.ortox.ru/> Дата обращения: 23.03.2015).

³⁸ НАРК. Ф. 42. Оп. 2. Ед. хр. 9/221. Л. 7; ПКОГ на 1902 г. С. 92, 100; ПКОГ на 1903 г. С. 97; ПКОГ на 1905 г. С. 72; ПКОГ на 1906 г. С. 73; ПКОГ на 1909 г. С. 60; ПКОГ на 1910 г. С. 56; ПКОГ на 1915 г. С. 64; ПКОГ на 1916 г. С. 57; Лазук И. Г. Указ. соч. С. 28–32.

³⁹ ПКОГ на 1902 г. С. 92; ПКОГ на 1905 г. С. 72; ПКОГ на 1906 г. С. 73; ПКОГ на 1909 г. С. 60; ПКОГ на 1910 г. С. 56; ПКОГ на 1916 г. С. 57. Должность почетного блюстителя была учреждена в 1828 г. «Положением о начальных училищах». Она, как и должность попечителя, предполагала участие в жизни школы, в том числе денежными пожертвованиями. Однако по сравнению с попечителями школ почетные блюстители были более ограничены в праве воздействия на организацию учебного дела в конкретной школе – имели меньшее отношение к принятию перспективных решений (см.: Бибиков В. Власть и попечители // Управление школой. 2001. № 17. [Электронный ресурс]. URL: <http://upr.1september.ru/article.php?ID=200101702>. Дата обращения: 23.03.2015).

вестный также как автор пьесы «Досюльная свадьба, песни, игры и танцы в Заонежье Олонецкой губернии», написанной на основе этнографического материала с использованием текстов свадебных песен и фотографий местных жителей в традиционных праздничных костюмах и крестьянских постройках⁴⁰.

Школа в деревне Жарниково

Наиболее ранние сведения, которые удалось найти о школе в деревне Жарниково, относятся к 1903 г., наиболее поздние – к 1916 г. Работавшая здесь в этот период школа была земской. Сведения о ее учащихся и учителях имеются на 1909 г.: в школе числилось двое учителей и преподаватель Закона Божьего, которые работали с 32 учащимися из деревни Жарниково и 10 других деревень, расположенных на Заонежском полуострове, вдоль береговой линии (Сычи, Телятниково, Дудниково, Мальково, Боярщина, Ерснево, Оятевщина, Пустой Берег, Зубово, Подъельники). С 1903 по 1916 г. преподавателем Закона Божьего в жарниковской школе работал М. А. Русанов. Учительницей с 1903 по 1906 г. (возможно, и дольше, до 1909 г.) работала Мария Ефимовна Устинова, помощницей учительницы в 1905–1906 гг. – Евгения Львовна Ефремова. В 1909 г. место учителя заступил и занимал его по 1916 г. Александр Мефодиевич Хахаев. Место помощницы учителя при нем в 1909–1910 гг. занимала Антонина Викторовна Воздвиженская. В 1916 г. в школе работали двое учителей, Александр Мефодиевич и Мария Николаевна Хахаевы. Попечителем школы в 1905–1910 гг. являлся Павел Павлович Сергеев⁴¹.

Школа в деревне Ошевнево

Восстановленная история школы в Ошевнево охватывает тот же период, что и история предыдущей рассмотренной школы, с 1903 по 1916 г. Ошевневская школа также была земской. Данные о количестве учеников имеются на 1909 г., когда в ней обучалось 25 учащихся – жители семи деревень, не считая самой деревни Ошевнево: Глебово, Маньшино, Кузнецы, Воробьи, Ольхино, Корба и Бишево. С учащимися работали учитель и преподаватель Закона Божьего. Им был М. А. Русанов, работавший

⁴⁰ Лысанов В. Д. Досюльная свадьба, песни, игры и танцы в Заонежье Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1916. 146 с. Подробнее о жизни и деятельности В. Д. Лысанова см.: Мошина Т. А. Заонежанин Лысанов – предприниматель, общественный деятель, изобретатель, знаток и популяризатор культуры // Рябининские чтения-2007: Материалы V научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007. С. 80–82.

⁴¹ ПКОГ на 1903 г. С. 69; ПКОГ на 1905 г. С. 75; ПКОГ на 1906 г. С. 75; ПКОГ на 1909 г. С. 61–62; ПКОГ на 1910 г. С. 57; ПКОГ на 1916 г. С. 59; Лазук И. Г. Указ. соч. С. 28–32.

здесь с начала XX в. (по крайней мере, с 1903 г.) по 1916 г. Учительницей с 1903 по 1906 г. работала Зинаида Илларионовна Куликовская. В 1905 г. должность ее помощницы исполняла Ольга Николаевна Чехомова, а в 1906 г. в школе появилась вторая учительница, Вера Александровна Русанова. Остается неизвестным, изменилось ли число учеников ошевневской школы в ближайшие годы, однако с 1909 г. В. А. Русанова являлась здесь единственной учительницей⁴².

Школа в деревне Кургеницы

Первые сведения, которые удалось обнаружить о земской школе в деревне Кургеницы, относятся к 1909 г. В это время к школе были приписаны жители трех деревень: Кургеницы, Гивес-Наволоки и Босарево. Из этих деревень в школу ходили 19 человек, которых обучали учитель Валентин Николаевич Лукинский и преподаватель Закона Божьего дьякон Алексей Бронзов. Они же продолжали преподавать здесь и в 1910 г. В 1916 г. обязанности как учителя, так и законоучителя в кургеницкой школе исполняла Христ. Ив. Гордеева⁴³.

Школа на острове Волкостров

Приходская школа на Волкострове была открыта в 1895 г.⁴⁴ В первом десятилетии XX в., как и другие приходские школы, она стала церковно-приходской (одноклассной) и оставалась в этом качестве вплоть до 1916 г. В конце XIX в. (1898 г.) учителем и преподавателем Закона Божьего здесь работал Иоанн Аполлосович Светлов (07.08.1874–1937). Сведения о нем были собраны и опубликованы Р. Б. Калашниковой. Согласно собранным ею сведениям, И. А. Светлов был уроженцем деревни Типиницы и выпускником Олонецкой духовной семинарии, которую окончил в 1897 г. После выпуска он в течение года исполнял обязанности псаломщика в Петрозаводском кафедральном соборе, а затем был назначен по прошению на должность учителя и законоучителя в церковно-приходской школе Волкострова⁴⁵. Здесь он, очевидно, прослужил недолго, так как в 1903 г. его сменила Клавдия Константиновна Благовещенская. Она работала здесь учительницей и преподавала Закон Божий в 1904–1906 гг. – не исключено, что и в последующие годы, но не дольше 1910 г., так как начиная с этого времени в школе учительствовал Василий Алексеевич Бисеров. В начале XX в. (по сведениям за 1904

⁴² ПКОГ на 1903 г. С. 71; ПКОГ на 1905 г. С. 76; ПКОГ на 1906 г. С. 76; ПКОГ на 1909 г. С. 62; ПКОГ на 1910 г. С. 58; ПКОГ на 1916 г. С. 60; Лазук И. Г. Указ. соч. С. 28–32.

⁴³ ПКОГ на 1909 г. С. 61; ПКОГ на 1910 г. С. 58; ПКОГ на 1916 г. С. 59; Лазук И. Г. Указ. соч. С. 28–32.

⁴⁴ НАРК. Ф. 17. Оп. 1. № 33/361. Л. 1об., 10об.

⁴⁵ Калашникова Р. Б. Из истории семей...

и 1910 гг.) заведующим школой был М. С. Заводовский, который в эти годы заведовал, кроме того, кижской школой. По сведениям 1909 г., к волкостровской школе были приписаны все деревни, расположенные на Волкострове⁴⁶.

Школа в деревне Липовицы

Первые сведения о школе в деревне Липовицы относятся к 1899 г. Она была основана как школа грамоты и оставалась в этом статусе в течение первых лет XX столетия, а в 1909 г. была преобразована в церковно-приходскую школу. Поименные сведения об учителях липовицкой школы имеются на 1905–1906 гг. В эти годы учительницей здесь работала Мария Алексеевна Героева. В 1910 г. школой заведовал М. А. Русанов, который одновременно преподавал Закон Божий в земских школах деревень Жарниково и Ошевнево. Попечителем школы был Иван Макарович Сергеев (1905–1906 гг.). В 1909 г. школа обслуживала помимо Липовиц жителей еще трех деревень: Вертилово, Ерснево и Ежгуба. Из этих деревень школу посещали 10 учащихся, с которыми работали учитель и преподаватель Закона Божьего⁴⁷.

Показательны сведения о сроках учебного года и содержании школьной программы школы на конец XIX в. Как известно, в сельских школах Олонецкой губернии учебный год начинался и заканчивался в разное время, в зависимости от сроков начала и окончания наиболее важных и напряженных сельскохозяйственных работ. Учебный год делился на две половины, границей между ними служил праздник Рождества. Первое учебное полугодие в 1899 г. началось в липовицкой школе 11 сентября и закончилось 17 декабря, второе продолжалось с 10 января по 13 мая. Общее число учебных дней в году составило 158. Уроки Закона Божьего за это время были проведены в количестве 158 учебных часов, уроки церковного пения – в количестве 62 часов, уроки рукоделия – 7 часов⁴⁸. Сведения о количестве часов чтения, письма и арифметики в документе не указаны, однако из приведенных цифр видно, что приоритет в учебных планах приходских школ составляло изучение Закона Божьего и обучение пению церковных песнопений, тогда как преподаванию ручного труда было выделено лишь несколько часов в году.

⁴⁶ ПКОГ на 1903 г. С. 121; ПКОГ на 1905 г. С. 110; ПКОГ на 1906 г. С. 111; ПКОГ на 1910 г. С. 87; ПКОГ на 1915 г. С. 79; ПКОГ на 1916 г. С. 87; Лазук И. Г. Указ. соч. С. 28–32; Список духовенства...

⁴⁷ Лазук И. Г. Указ. соч. С. 28–32; ПКОГ на 1905 г. С. 114; ПКОГ на 1906 г. С. 114; ПКОГ на 1910 г. С. 89; ПКОГ на 1915 г. С. 79; ПКОГ на 1916 г. С. 87.

⁴⁸ НАРК. Ф. 42. Оп. 2. Ед. хр. 9/221. Л. 44об.

Школа в деревне Сибово

История школы деревни Сибово отмечена в рассмотренных документах с 1900 г. Проследить ее удалось до 1916 г. Так же, как школа в Липовицах, сибовская школа была основана как школа грамоты, а в 1909 г. преобразована в церковно-приходскую (одноклассную – 1910 г.). Данные об учениках школы имеются на 1911 г.: в это время в школе обучались 11 учащихся – жители деревни Сибово, с которыми работали учитель и преподаватель Закона Божьего. В источниках довольно хорошо представлены поименные сведения о преподавателях: в 1900 г. здесь учительствовал Петр Григорьевич Карпин, в 1904 и 1906 гг. – Мария Даниловна Шемачева (Шелгачева?), а в 1910 г. – Анна Христофоровна Вифлеемская. Должность заведующего школой в эти годы исполнял протоиерей М. С. Заводовский, совмещавший ее с заведованием кижской и волкоостровской школами и с преподаванием Закона Божьего в кижской школе. В списках ответственных за школу этого времени указаны также имена Ивана Григорьевича Никулина и Петра Михайловича Шильчикова, но не указаны занимаемые ими должности – возможно, это были попечители школы или ее почетные блюстители⁴⁹.

Школа в деревне Косельга

История косельгской церковно-приходской школы в источниках начинается с 1888 г. Из сведений начала XX в. мы знаем, что она была одноклассной. История школы была прослежена до 1916 г. Как и история школы в Сенной Губе, она связана с именем династии Ржановских. В 1903–1906 гг. в Косельге работала Анна Васильевна Ржановская: она была учительницей и преподавала Закон Божий. В 1910 г. ее на посту учителя и законоучителя сменила Параскева Алексеевна Соколина. В 1909 г. школа помимо Косельги обслуживала еще деревню Войнаволок. Всего ее посещали 15 учащихся. Заведующим школой в 1888–1889 гг. был священник Аполлон Васильевич Звероловлев, а через 20 лет, в 1910 г., ею заведовал М. А. Русанов.

Имеются сведения о продолжительности учебного года и количестве уроков, проведенных в косельгской школе в 1899 г. В первом полугодии занятия начались 11 сентября и продолжались до 20 декабря, во втором полугодии они возобновились 8 января и закончились 11 мая. Общее число учебных дней в году составило 166. Как и в липовицкой школе, уроки Закона Божьего занимали в программе большую часть учебного времени:

⁴⁹ НАРК. Ф. 42. Оп. 2. Ед. хр. 14/298. Л. 4; ПКОГ на 1906 г. С. 115; ПКОГ на 1910 г. С. 87, 89; ПКОГ на 1916 г. С. 87; Лазук И. Г. Указ. соч. С. 28–32; Мошин А. И., Мошина Т. А. Указ. соч. С. 33; Список духовенства...

общее число учебных часов этого предмета в году составило 141. Значительное место в ней принадлежало и урокам церковного пения – 116 часов (почти вдвое больше, чем в липовицкой школе). Уроки рукоделия в 1899 учебном году в косельгской школе не проводились; сведений о других предметах документ не дает⁵⁰.

Школа в деревне Леликово

Историю леликовской церковно-приходской школы удалось проследить со времени ее основания 2 октября 1887 г. до 1916 г. С 1888 г. школа размещалась бесплатно в доме крестьянина деревни Леликово Василия Яковлевича Мореходова. Число учащихся школы в год ее открытия составляло 18 человек (11 мальчиков, 7 девочек). На следующий год (1888 г.) оно увеличилось до 28 человек (22 мальчика, 6 девочек) и оставалось примерно на том же уровне в последующие годы: 29 человек (21 мальчик, 8 девочек) в 1889 г. и 26 (19 мальчиков, 7 девочек) в 1893 г. В 1909 г. число учеников выросло почти в два раза по сравнению со временем основания школы и достигло 35 человек. В 1909 г. в школе обучались жители трех деревень: Северного и Южного Леликово и Ерницкого Острова. Учительницей леликовской школы с 1888 г. и, по крайней мере, до 1894 г. работала Надежда Аполлосовна Светлова, выпускница Олонецкого епархиального женского училища, дочь священника Аполлоса Светлова. С 1903 по 1909 г. это место занимала Пиама Васильевна Мудролюбова, которую в 1910 г. сменил учитель Василий Семенович Мишин. Закон Божий в школе с 1888 г. преподавал протоиерей Петр Тимофеевич Мегорский, занимавший должность миссионера. В период с 1893 по 1910 г. (возможно, и дольше) преподаванием этого предмета был занят священник леликовской церкви во имя Иоанна Предтечи Николай Александрович Петропавловский⁵¹. Он родился в 1863 г. Закончил Олонецкую духовную семинарию, затем в течение семи лет занимал должность учителя в земской школе села Великая Губа. В 1890 г. Н. А. Петропавловский уже

⁵⁰ НАРК. Ф. 42. Оп. 2. Ед. хр. 78. Л. 36 (Дело Олонецкого епархиального училищного совета с отчетами заведывающих церковно-приходскими школами в израсходовании ими денег, отпущенных на классные принадлежности церковно-приходских школ. 1888–1889 г.); Ед. хр. 9/221. Л. 44об.; ПКОГ на 1903 г. С. 122; ПКОГ на 1905 г. С. 111; ПКОГ на 1906 г. С. 112; ПКОГ на 1910 г. С. 87; ПКОГ на 1916 г. С. 87; Лазук И. Г. Указ. соч. С. 28–32.

⁵¹ НАРК. Ф. 42. Оп. 2. Ед. хр. 2/70. Л. 59–59об. (Отчет о состоянии церковно-приходских школ наблюдателя за ими. 1888 г.). Ед. хр. 5/148. Л. 148–148об. (Ведомости о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты по уездам Олонецкой губернии. 1894 г.); Ед. хр. 141. Л. 24; Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 74/10. Л. 16; Ед. хр. 69/46. Л. 37; Ед. хр. 74/10. Л. 16; Ед. хр. 69/46. Л. 37; ПКОГ на 1903 г. С. 122; ПКОГ на 1910 г. С. 87; ПКОГ на 1916 г. С. 87; Лазук И. Г. Указ. соч. С. 28–32.

был священником церкви в Леликово⁵². Таким образом, в течение, по крайней мере, 20 лет он совмещал служение в церкви с преподаванием Закона Божьего в церковно-приходской школе. По-видимому, усвоение этого предмета под его руководством проходило успешно, так как в 1899 г. по итогам экзаменов в церковно-приходских школах священник был отмечен за успешную работу с учащимися⁵³.

О составе школьной программы и качестве обучения в школе Леликово свидетельствует отчет наблюдателя церковно-приходских школ 1888 г. Согласно его отзыву, ученики здесь «обучаются церковному пению и поют очень хорошо, читают в церкви». Тот факт, что для обучения церковному пению в школе в 1888 г. существовало отдельное место, которое занимал псаломщик в сане дьякона М. А. Никонов, свидетельствует о том, как много внимания здесь уделялось приобщению учеников православной культуре. Тот же документ говорит о дисциплине и строгости нравственного воспитания в леликовской школе: в отчетном году во время Великого поста все учащиеся школы постились и исполняли обряды исповеди и причастия. Воцерковление учеников было настолько полным, что некоторые из них помогали в проведении церковных служб, будучи облаченными в стихарь «по благословению настоятеля»⁵⁴.

Согласно «Ведомости о состоянии церковно-приходских школ... по уездам Олонецкой губернии» за 1894 г., в школе деревни Леликово имелась библиотека, в которой насчитывалось 138 наименований книг для учеников и 38 наименований книг для учителей. Кроме этого, в библиотеке имелось 9 наименований карт, атласов и глобусов.

О качестве обучения в этой школе говорят данные о соотношении числа выпускников школы и не сумевших закончить обучение: они несколько отличаются от подобных сведений из других школ этой территории. Так, по результатам первого учебного года в истории школы ее окончили пятеро учащихся (все мальчики), выбывших до окончания не было вообще. В последующие годы появляются сведения о тех, кто выбыл до окончания обучения, однако количество выбывших не превышает количества выпускников. Так, в 1889 г. ее закончили трое учащихся и не закончил один (все мальчики); в 1893 г. школу закончили четверо учеников и столько же не закончили (все мальчики)⁵⁵.

⁵² Мошин А. И., Мошина Т. А. Указ. соч. С. 75.

⁵³ Годичные испытания в школах церковно-приходских и грамоты Олонецкой епархии в 1899 г. Петрозаводск, 1899. С. 31.

⁵⁴ НАРК. Ф. 42. Оп. 2. Ед. хр. 2/70. Л. 59–59об.

⁵⁵ НАРК. Ф. 42. Оп. 2. Ед. хр. 5/148. Л. 148–148об.; Ед. хр. 2/70. Л. 59–59об.; Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 69/46. Л. 37.

Школа в деревне Новинка

Первые сведения о церковно-приходской школе деревни Новинка относятся к 1903 г., последние предреволюционные – к 1916 г. Новинкинская церковно-приходская школа была одноклассной. В 1903 г. учительницей и одновременно преподавателем Закона Божьего здесь работала Наталья Петровна Богоявленская, в 1905–1906 гг. – Вера Ивановна Благовещенская. В 1910 г. здесь учительствовал Иван Алексеевич Власов, а заведовал школой Василий Стефанович Ржановский. В 1909 г. кроме деревни Новинка школа обслуживала еще три деревни: Любосельга, Тухино, Обозеро. В это время в ней обучались 30 учащихся и работали два преподавателя: учитель и законоучитель. Попечителем школы являлся Иосиф Тихонович Кононов⁵⁶.

Школа в деревне Конда

Историю земской школы деревни Конда удалось проследить с 1903 по 1916 г. За этот небольшой промежуток времени в школе сменилось несколько учителей, причем иногда они менялись ежегодно. Так, в 1903 г. учителем кондинской школы работала Мария Смирнова, законоучителем в это время был священник Михаил Дубровский. В 1905 г. здесь учительствовал и одновременно преподавал Закон Божий Виктор Васильевич Харитонов. В следующем 1906 г. обязанности обеих должностей выполняла Елизавета Васильевна Ржановская⁵⁷. В 1909 г. оба эти предмета преподавала Евдокия Константиновна Дорошина, а в следующем 1910 г. обязанности преподавания Закона Божьего и остальных предметов поделили между собой священник Павел Романов и учительница Ирина Михайловна Комаровская. В 1916 г. учительницей здесь работала Мария Александровна Федосеева, а преподавателем Закона Божьего – священник Василий Хотеновский. Что касается должности попечителя школы, в 1903 г. им был Федор Анисимович Кирьянов, а с 1905 г. по 1910 г. (возможно, и дольше) – игумен, впоследствии архимандрит, Варнава. В 1909 г. школу в Конде помимо местного детского населения посещали жители деревни Зиновьево – всего 19 учащихся⁵⁸.

⁵⁶ ПКОГ на 1903 г. С. 122; ПКОГ на 1905 г. С. 112; ПКОГ на 1906 г. С. 112; ПКОГ на 1910 г. С. 88; ПКОГ на 1916 г. С. 87; Лазук И. Г. Указ. соч. С. 28–32.

⁵⁷ В источнике (ПКОГ на 1906 г., с. 75) указана фамилия Романовская, но ее, скорее всего, следует читать именно так (Ржановская), поскольку фамилия Романовская в списках учителей школ Кижской волости больше нигде не встречается, а Елизавета Васильевна Ржановская начала преподавать в школах Заонежья в 1907 г., после окончания Петрозаводского епархиального училища, в возрасте 19 лет (см.: Лойтер С. М. Из коллекции детского фольклора Е. В. Ржановской // Русская речь. 1996. № 4. С. 92).

⁵⁸ ПКОГ на 1903 г. С. 70; ПКОГ на 1905 г. С. 75; ПКОГ на 1906 г. С. 75; ПКОГ на 1909 г. С. 61; ПКОГ на 1910 г. С. 57; ПКОГ на 1916 г. С. 59; Лазук И. Г. Указ. соч. С. 28–32.

На основе изложенных фактов из истории народных школ Кижской волости можно сделать некоторые выводы. В начале XX в. эта территория была сравнительно неплохо оснащена школами, среди которых преобладали (церковно-)приходские и земские школы. Несмотря на наличие школ, их посещало далеко не все детское население. Одним из основных и наиболее непреодолимых препятствий являлись значительные расстояния, отделявшие школы от приписанных к ним деревень. Эта проблема была общей для всей Олонецкой губернии, она сохранялась на протяжении развития системы народного образования. Учебная нагрузка на учителей школ в деревнях Кижской волости в целом была достаточно щадящей и не превышала среднестатистических показателей по Петрозаводскому уезду и по Олонецкой губернии. Среди преподавателей Закона Божьего в школах Кижской волости в начале XX в. было немало женщин. Места заведующих церковно-приходскими школами в конце XIX – начале XX в. занимали большей частью священники.

Ю. М. Наумов

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ТРАДИЦИОННОГО СУДОХОДСТВА И СУДОСТРОЕНИЯ КИЖСКОГО АРХИПЕЛАГА

На острове Киж с XV в. располагались деревни и церкви Спасо-Кижского погоста. До середины XX в. Киж были незнакомы широкой общественности, но с созданием на острове Киж вначале архитектурного заповедника, а в 1966 г. первого в Советском Союзе музея деревянного зодчества известность острова Киж выросла до российского и мирового уровня. Основа музея – построенный в XVIII в. ансамбль из двух деревянных церквей и колокольни – считается вершиной народного деревянного зодчества Русского Севера, одним из первых в России в 1990 г. включен в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. Всего в музее под открытым небом сохраняются более 80 памятников народного деревянного зодчества, в охранную зону музея входят около двух десятков ближних деревень и несколько часовен (рис. 1).

Но не только церкви и часовни в единстве с окружающими их деревнями и природой составляют славу этого островного района. В Кижских шхерах в разные исторические периоды насчитывалось от 50 до 100 деревень. Связь между островами и материком поддерживалась водным транспортом, поэтому жизненно необходимо было строить новые и ремонтировать рабочие суда. С приходом новгородских крестьян здесь возникла самобытная островная культура, развился центр земледелия и рыболовства, судостроения и судоходства. Во время становления Московского государства этот район стал пограничной периферией, что способствовало сохранению традиций новгородской духовной и материальной культуры, в том числе народного судостроения. Во второй половине XIX в. Кижский архипелаг назвали «Исландией русского эпоса» – здесь сохранились и впервые были записаны древние былины Киева и Великого Новгорода.

Рис. 1. Ансамбль Спасо-Кижского погоста. Фото 1920-х гг.

Рис. 2. Традиционная онежская лодка. Фото начала XX в.

Особенностью музея является то, что он расположен на острове в группе больших и малых островов архипелага Кижские шхеры почти в центре Онежского озера. Местная островная культура с самого начала была связана с условиями проживания и ведения хозяйства – почти у каждого хозяина были лодки, поэтому важной составляющей деятельности местных крестьян всегда являлись судоходство и судостроение. Уже в XIX в. здесь был один из главных центров строительства лодок, а со второй половины XX в. он остался единственным на Онежском озере. С 1970-х гг. во всех районах Республики Карелия начинает звучать необычное название лодки – «кижанка», потому что строились они только в окрестностях о. Кижы. Лодки-«кижанки», которые сохранились здесь до XXI в., являются таким же достижением и символом острова Кижы, как сохранившийся ансамбль Кижского погоста и записанные здесь былины (рис. 2).

В красоте формы и линий обводов этой лодки заключена ее мореходность – наежность и грузоподъемность, остойчивость и скорость. Длина корпуса позволяет лодке не проваливаться между двумя волнами, а резать первую и третью волны носовым и кормовым штевнями. На промежуточной волне работает максимальный развал бортов в средне лодки – он улучшает остойчивость: чем больше груз – тем меньше раскачивается «кижанка», а корпус имеет необходимые размеры и надежность.

Традиционное судоходство и судостроение Кижских шхер

С конца I тысячелетия новой эры северные земли начали активно осваиваться и обживать славянами. Воины и купцы, крестьяне и ремесленники – свободные и предприимчивые жители Новгородской республики, шли на своих судах рекой Волхов в Ладожское озеро, по реке Свирь поднимались в Онежское озеро, из которого водно-волоковые пути вели в бассейны Белого и Карского морей, на Волгу и за Урал. На протяжении тысячелетий здесь формировалась самобытная культура судостроения и судоходства, которая впитала в себя традиции местного финно-угорского и пришедшего славянского населения. Климат островов Кижского архипелага, закрытых от большого и холодного Онежского озера, более мягкий. Они относительно труднодоступны и потому более безопасны, защищены от грабительских набегов. Эти обстоятельства издревле привлекали сюда население.

Главные особенности Кижских шхер – наличие большого количества островов, на которых располагаются деревни и сельскохозяйственные угодья, и сравнительно небольшие глубины акватории, благодаря чему летом вода хорошо прогревается, создавая своеобразный микроклимат. На Большом Клименецком острове (длиной более 40 км) было более 40 деревень. Кроме него в архипелаг входят несколько крупных островов: с востока Южный Олений остров, с запада Большой и Малый Леликовский, Керк-остров и

остров Кижь, на севере – Долгий, Волк, Еглов, Шуневский и много других мелких, каменистых и поросших лесом островов. Береговая линия материка и островов сильно изрезана заливами, самый большой из которых на севере шхер – Великая губа. Протяженность островного района с юга на север – от Гарницкого маяка, расположенного на скале у входа в шхеры, до причалов большого села Великая Губа на материке – более 50 км. С запада на восток – от материкового берега до маяка на мысе Лейнаволок – более 15 км. В конце XIX в. в Кижских шхерах насчитывалось около 1000 хозяйств, соответственно крестьянский флот состоял не менее чем из 500–700 лодок. Поэтому неудивительно, что именно здесь до XXI в. сохранился своеобразный тип традиционной онежской лодки – «кижанка».

Географическим центром архипелага является остров Кижь. С приходом новгородцев на острове возник и со временем развился православный духовный и административный центр большого Спасо-Кижского погоста, границы которого на западе в XVI–XVII вв. достигали окрестностей современного Петрозаводска. Первое изображение лодки в Кижских шхерах и церквей на о. Кижь появляется в конце XVIII в., в книге академика Н. Я. Озерецковского¹. На первом плане гравюры, изображающей ансамбль церквей Кижского погоста, два крестьянина в лодке поднимают сети. Силуэт лодки, шитой из досок, не совпадает с внешним видом современных «кижанок», но и рисунок ансамбля не вполне соответствует в пропорциях и деталях архитектуре церквей (рис. 3).

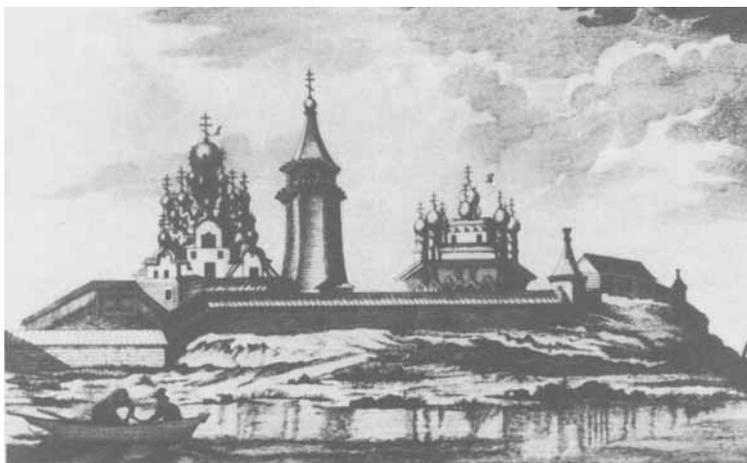

Рис. 3. Гравюра XVIII в. из книги Н. Я. Озерецковского

¹ Озерецковский Н. Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. Петрозаводск, 1989.

Судоходство в Кижском архипелаге

Самыми главными промыслами с использованием судов были рыболовство, транспортировка людей и грузов, а также буксировка плотов с лесом по Онежскому озеру. Островное расположение Кижской волости и развитое судостроение предполагают многовековой опыт навигации местных жителей не только в акватории Кижских шхер, но и по всему Онежскому озеру. Кижские крестьяне ходили на лов рыбы к Пудожскому и Петрозаводскому берегам (50–60 км), к Вытегре и Вознесенью (около 100 км). На выгодные промыслы и перевозки кижане ходили на соймах и больших рыбацких лодках по реке Свирь в Ладожское озеро, до Санкт-Петербурга и далее по Неве в Финский залив Балтийского моря.

Многовековой опыт навигации жителей Кижских шхер способствовал обустройству проходов между островами в местной акватории. Древние фарватеры проходили по маршрутам самым коротким, безопасным и удобным для плавания на судах разных типов – «кижанках», «соймах», галиотах и других. До настоящего времени приметными ориентирами для местного судоходства являются еловые рощи, отдельные крупные деревья, а также часовни, которые ставились с учетом организации пространства, в том числе и для лучшей ориентации при движении по воде. Интересно, что у большинства из сохранившихся часовен сейчас стоят створные знаки, обозначающие фарватер для современных судов.

Главным «маяком» в кижских шхерах являлась Преображенская церковь на острове Кижы, которая ранее, в условиях лишённого леса ландшафта, среди полей и лугов, была видна на расстоянии 15–20 км. Ансамбль Кижского погоста, расположенный на разделении фарватеров, давал возможность ориентироваться почти в пределах всех кижских шхер. В настоящее время рядом с архитектурным ансамблем стоят створы, что подтверждает важность кижских церквей и часовен в навигации с древних времен.

Уже в середине XIX в. на Онежском озере началось использование пароходов для пассажирских и грузовых перевозок. С 1860-х гг. первые регулярные рейсы связали Петрозаводск с Санкт-Петербургом. С началом судоходства на Онежском озере и появлением регулярных рейсов из Петрозаводска в Заонежье сложный участок Кижских шхер потребовал проведения гидрографических работ с целью прокладки безопасных для судоходства фарватеров. Обслуживанием судоходства и навигационной обстановкой занимался Кижский техучасток.

В Кижских шхерах, как и во всех районах с развитым традиционным судоходством, бакенщиками и смотрителями маяков были местные жители из ближних к обслуживаемому участку деревень. Границы Кижского техучастка были от Гарницкого маяка до Великой Губы

и от Клименецкого маяка до маяка на Лейнаволоке. Фарватеры на север и на юг от Кижских шхер обслуживали другие техучастки Онежского озера. Работу всех навигационных знаков обеспечивали смотрители трех маяков и 10–12 бакенщиков, которые на своем участке обслуживали также и створы.

Судостроение Кижских шхер в XIX в.

Формирование и развитие судостроительных традиций Кижского архипелага было обусловлено географическими особенностями района, его расположением на важных водных путях, хозяйственными потребностями жителей прибрежных деревень и стало результатом адаптации местного населения к природным и социально-экономическим условиям. В национальном архиве Республики Карелия сохранился важный документ XIX в. – «Сведенья о судах в Кижской волости в 1867 г.»² о 39 судах и лодках, находящихся в Кижской волости с указанием их размеров и грузоподъемности. Эти суда использовались крестьянами в коммерческих целях, общее же количество крестьянских лодок и сойм для собственных нужд и промыслов, находящихся в личных хозяйствах, в десятки раз превосходило официальную статистику.

Крестьянские суда на Онежском озере не были одинаковыми, так как традиции зависели от назначения судна и условий судоходства. В переписке за 1886 г. олонецкого губернатора с уездными исправниками по этой теме много интересного³. Например, имеется информация об онежских лодках, их размерах и предназначении⁴: 1. Малого размера – длина 3 сажени (6,4 м. – *Здесь и далее прим. автора*), употребляемая для ловли рыбы местными жителями. 2. Большого размера – длина 4,5 сажени (9,6 м), употребляемая для перевозки клади. 3. Полубарок – длина 3,5 сажени (7,5 м), употребляется для ловли рыбы крупными снастями и мерёжами.

Интересно, что в конце XIX в. для истории народного судостроения на Онежском озере самым известным центром лодкостроения было Заонежье: «Ежели же жителям требуется построить соймы или какие небольшие лодки, то для работы таковых нанимаются мастера преимущественно находящиеся в Толвуйской и Великогубской волостях Петрозаводского уезда...»⁵. Это сообщение подтверждает приоритет Кижских шхер в строительстве народного флота на Онежском озере.

² НАРК. Ф. 14. Оп. 2. Д. 1/10. Л. 23–24.

³ «...Жители занимаются постройкою озерных или мореходных судов, озерных лодок, полулодок, барок, полубарок, тихвинок и сойм». НАРК. Ф. 27. Оп. 2. Д. 11/159.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

В конце XIX в. В. Майнов сообщает о развитии народного судостроения: «Стали помаленьку и местные крестьяне строить морские суда на местную потребу, но грузов слишком еще мало, а потому и сама потребность в морских судах за недостатком спроса со стороны капиталистов не велика»⁶.

Традиционное судостроение в Кижских шхерах в XX в.

В начале XX в. в Заонежье для постройки сойм и более крупных коммерческих судов собирались артели крестьян-судостроителей, как и в других центрах развитого промыслового и торгового судоходства (Прибалтика, Поморье, Мариинская система, Поволжье и др.). В отчете Олонецкому губернскому статистическому комитету сообщается, что в 1901 г. в деревне Кургеницы Кижского общества Великогубской волости на берегу залива производилась постройка деревянной соймы длиной 13 метров водоизмещением до 40 тонн⁷. В 1905 г. в д. Усть-Яндома в Кижских шхерах строят большие лодки – «соймы», на которых отвозится скот на продажу в Петрозаводск, а обратно доставляется различный товар для деревень⁸. Лес для постройки заготавливался из общего крестьянского надела. Постройка, вся оснастка и все приспособления к плаванию производились на месте, а железо, канаты, якоря и гвозди привозились из Санкт-Петербурга. В 1908 г. недалеко от д. Кургеницы в селении Ивес-Наволоок производилась постройка большого судна для перевозок грузов в Онежском озере. Деревянная парусная баржа с паровой машиной длиной 23,5 м, шириной 7,6 м, вместимостью 83,8 тонны, ценой 1200 рублей строилась и оснащалась, включая установку двигателя и другие приспособления к плаванию, на берегу залива. Лес для постройки был выделен из общего надела, а железо, канаты, якоря и машина приобретены в Петербурге⁹.

Но основой народного судостроения в Заонежье и Кижской волости было индивидуальное строительство лодок, которое здесь было развито больше, чем в других волостях. В 1905 г. по Олонецкой губернии шитьем лодок занималось 156 кустарей в 38 волостях, в среднем один мастер шил до 5 лодок в год. В Заонежье и Кижских шхерах лодки шили 58 человек, причем один мастер делал в течение года 15 лодок, а иногда и 25¹⁰.

⁶ Майнов В. Поездка в Обонежье и Корелу. СПб., 1877.

⁷ НАРК. Ф. 27. Оп. 2. Д. 19/290. Письма уездным исправникам Олонецкой губернии (№ 929–935).

⁸ Кустарные промыслы и ремесленные заработки крестьян Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1905. С. 38.

⁹ НАРК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 44/3.

¹⁰ Кустарные промыслы... С. 35–36.

Для внутреннего плавания в Кижских шхерах строились лодки длиной до 6 метров, с выходом в открытое озеро на промыслы или в Петрозаводск – до 8 метров. Для рыболовного промысла и перевозки грузов – дальних плаваний по Онежскому озеру с выходом в Ладогу – строились лодки длиной до 9 метров с двумя мачтами. Потребности местного населения в лодках обеспечивали мастера-индивидуалы, работавшие по заказам. Многие крестьяне могли построить лодки для себя, но большинство заказывали лодки известным мастерам, что приносило хороший доход в хозяйство лодочника. Строителями сойм еще в XIX в. были Суриков и Якимов, продолжили традицию мастера П. Е. Рогачев из дер. Рогачево, крестьяне Егоровы из дер. Зубово, Киселевы в Подъельниках, Июдины на Волкострове, Н. М. Филин из д. Кургеницы.

В 1930-х гг. судостроительный потенциал Кижских шхер использовался в русле кооперации кустарного производства. Благодаря заказам рыбацких колхозов, Гослова, сплавной конторы и некоторых других государственных организаций возникали артели, которые брали подряды на строительство больших партий промысловых лодок, причем не только традиционных для Заонежья «кижанок». В 1930 г. была построена малая судостроительная мастерская на острове Еглов¹¹, в которой можно было одновременно шить две лодки длиной более 6 метров. В 1931 г. в д. Пустой Берег артель из одиннадцати человек под руководством П. Г. Никитина подрядилась для Вознесенского пароходства за полгода шить 60 лодок – «свирынок *наишского* типа» (р. Паша – приток реки Свирь)¹². Это говорит о большом потенциале судостроения этой артели и всего района в целом.

Исследования показали, что в конце XIX–XX в. центр судостроения Кижской волости находился на острове Волкостров¹³ и ближних к нему островах, на которых располагалось восемь деревень, объединившихся в начале 1930-х гг. в «Промколхоз». В 1932 г. на о. Волк начала работать колхозная судостроительная верфь, где строили не только лодки, но и мотоботы для рыбаков, ведущих промысловый лов рыбы на Онежском озере (рис. 4).

На Волкострове была построена лодочная мастерская площадью более 200 м², в которой можно было строить одновременно 4 лодки длиной до восьми метров, в год – более сотни лодок. Рядом с мастер-

¹¹ НАМЗК. № 3229–3231 (Наумов Ю. М. Экспедиционные записи бесед с жителями Заонежья. 1999–2008).

¹² П. 1. Лодки должны быть изготовлены из саморослой коры, с отрезной кормой, высота 5 набоев, длина по верхней ватерлинии 5 м (общая более 6 м. – Ю. Н.), ширина 1,3 м, четырехвесельные с кормовой палубой и носовой скрепляющей полупалубкой (НАРК. № 1638. Оп. 2. Ф. 1/3. Л. 13).

¹³ НАМЗК. № 3229–3231.

скими на берегу был стапель, где строили корпуса моторных ботов длиной до 16 метров. По специальному слипу суда спускали на воду и буксировали в Петрозаводск, где ставили двигатель, мачты с парусами и все судовые системы. Судоверфь «Промколхоза» на Волкострове обеспечивала работой более полусотни крестьян, продолжавших местные судостроительные традиции и в процессе работы личным примером обучавших учеников. Мастер Ф. М. Судьин (1908–1975 гг.) по общему мнению был лучший из лучших волкостровских мастеров, работал сам, учил других и руководил строительством.

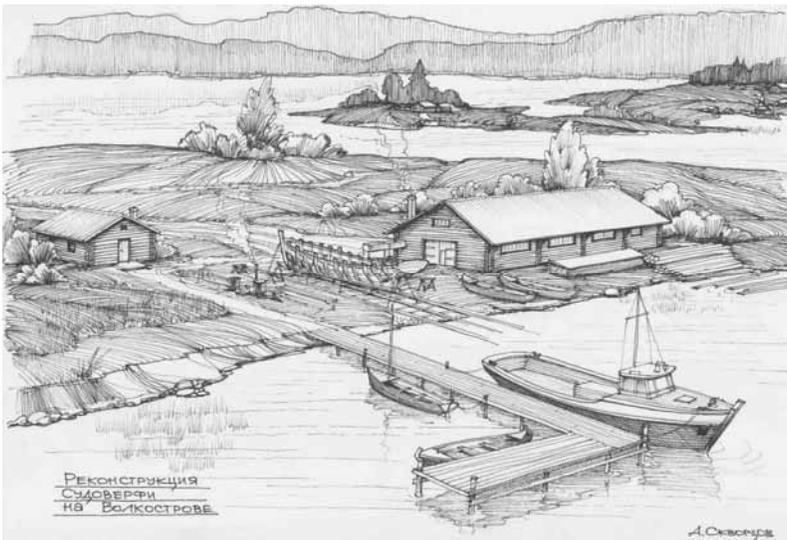

Рис. 4. Реконструкция верфи на о. Волкостров. Архитектор А. П. Скворцов

Сразу после войны на верфи прошли школу обучения молодые судостроители – более 10 человек. Работая под руководством старых мастеров, они получили профессию и сохранили древнюю лодку-«кижанку» до наших дней. Много лодок шили по заказам П. Г. и Б. П. Никитины (д. Пустой Берег), П. Е. и М. П. Рогачевы, П. Г. и Б. П. Никитины, А. И. и Д. И. Степановы, В. Н. Бурков, И. В. Судьин. Известный на всю округу мастер-реставратор и лодочник И. Ф. Вересов из д. Еглово (1930–2002) сшил за свою жизнь более 200 лодок. Последний из учеников волкостровской верфи Н. В. Судьин (1932 г. р.) шил лодки только в учениках, но после выхода в 1992 г. на пенсию каждый год шил по одной-две лодки, последнюю восьмиметровую лодку для себя он шил в 2008 г. (рис. 5).

Рис. 5. Онежская лодка-кижанка постройки Н. В. Судьина. Фото автора. 2003 г.

Таким образом, в советское время до ликвидации колхозов в 1960-х гг. в Кижских шхерах существовал вполне дееспособный центр традиционного судостроения, обеспеченный постоянными государственными и частными заказами, надежным рынком сбыта, достаточной сырьевой базой и производственными мощностями. У каждого волкоостровского мастера в доме имела своя мастерская, а заказчики к лучшим из них выстраивались в очередь, поскольку имя мастера было гарантией для каждой построенной им лодки. В 1960–1970-е гг. в кижских деревнях почти в каждом доме была старая или новая лодка-«кижанка» и строился не один десяток лодок в год, которые покупали по всем берегам Онежского озера. К волкоостровским лодочникам еще в 1970-е гг. приезжали заказчики не только из ближнего Заонежья, но и с Пудожского берега, а также из Вепской волости. И сейчас на Волкоострове в д. Посад еще есть мастера. Продолжает шить лодки ученик Вересова – Ф. Е. Лисицын (1950 г. р.), могут сделать лодку и братья Степановы (1950–60-х гг. рождения) – плотники, которые восстановили в Невском лесопарке под Санкт-Петербургом деревянную церковь Вытегорского погоста начала XVIII в., предшественницу церкви Преображения на о. Киж.

Важно, что промышленное судостроение новейшего времени на Волкоостровской верфи развивалось в русле государственной политики, основывалось на применении мастерами местных судостроительных традиций и

продолжало их развитие в новых хозяйственно-экономических условиях. Мастера Волкостровской верфи – носители многовековой культуры судостроения – сохранили традиции местного судостроения, смогли передать свой опыт следующим поколениям и сохранить традиционную онежскую лодку с ее новым названием – «кижанка».

С исчезновением мастеров постепенно исчезают и изготавливавшиеся ими изделия, теряются не только старые знания, навыки, технологические приемы, но и морально-этические принципы традиционного ремесла. Имея в виду цель сохранения исторического ландшафта вокруг о. Кизи, необходимо учитывать, что, как и «фоновые» деревни, традиционные лодки на акватории Кижских шхер являются важными элементами визуального восприятия пейзажа и способствуют более полному погружению в историю.

Работа музея-заповедника «Кизи»

В 1999 г. музей-заповедник «Кизи», первым из музеев-заповедников России, начал систематическую работу по изучению и музеефикации народного судостроения и судоходства. Исследования показали, что в районе Кижских шхер Онежского озера исторически сложился крупный центр с развитыми традициями судостроения и судоходства. В 1999 г. в деревнях Кижских шхер было зафиксировано более 50 традиционных местных лодок – «кижанок» и выявлены работающие мастера, до конца XX в. здесь сохранилась историческая память о традициях и особенностях технологии и терминология судостроения.

С целью изучения и музеефикации исчезающего наследия народного лодкостроения музей-заповедник «Кизи» начал работу по изучению традиционного судостроения и судоходства в районах Республики Карелия и на сопредельных территориях России. В процессе работы возникли новые подходы к изучению традиционных лодок, организации экспозиции музея и популяризации народного судостроения и судоходства.

Были проведены экспедиции в районы Республики Карелия, в пограничные районы Архангельской и Ленинградской областей, в Вологодскую, Тверскую, Новгородскую и Псковскую области, продолжалось обследование деревень Кижских шхер и Заонежья. В 150 населенных пунктах по маршрутам 27 экспедиций проводились фотофиксация и обмеры традиционных лодок, велся поиск и опрос местных лодочников по разработанной анкете. Удалось зафиксировать более 2000 лодок и около 500 мастеров, из них более 130 работающих на момент опроса, беседы с мастерами и процессы строительства лодок были сняты на видеокамеру. Музейная коллекция лодок увеличилась на 20 единиц и составляет 25 традиционных народных лодок русских, карел и вепсов.

В архивных и других источниках шел поиск сведений по истории и современному состоянию традиционного судостроения и судоходства, производилась систематизация и анализ собранных материалов, изучался аналогичный опыт работы в России и за рубежом. Впервые в истории экспозиционной деятельности музея-заповедника «Кижы» были подготовлены предложения по методике изучения и музеефикации народного судостроения и судоходства. За время исследований были опубликованы: исторический очерк и ряд научных и научно-популярных статей в сборниках и материалах конференций по морскому наследию России¹⁴ и в специальных журналах¹⁵.

Инновационный проект «Кижанка – лодка острова Кижы. Возрождение»

Традиционное судостроение и его история являются частью истории отечественной народной культуры, но в отличие от деревянной архитектуры народное судостроение в нашей стране мало изучено и почти не представлено в музеях. До конца 1990-х гг. в экспозиции музея-заповедника «Кижы» только одна старая традиционная лодка-«кижанка» несколько раз выставлялась на берегу для оформления усадьбы кижского крестьянина.

С 1999 г. в главной экспозиции на острове Кижы организована постоянная выставка «Мастерская заонежского лодочника», на которой пред-

¹⁴ Наумов Ю. М. «Кижанка» – лодка Онежского озера. Петрозаводск, 2011. 184 с.; Наумов Ю. М., Орфинский В. П., Скворцов А. П. Традиционные лодки Сямозерья // История и культура Сямозерья. Петрозаводск, 2008. С. 461–496; Наумов Ю. М. История и современное состояние традиционного судостроения и судоходства Кижской волости // Кижский вестник. Петрозаводск, 2007. Вып. 11. С. 71–88; Он же. О мастерах плотников и судостроителях Заонежья и карельского Поморья // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера (доклады III Международной научной конференции «Рябининские чтения – 99»). Петрозаводск, 1999. С. 386–393; Он же. Традиционное судостроение Кижской волости – изучение и музеефикация // Актуальные проблемы развития музеев-заповедников. Тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции (Петрозаводск-Кижы, июнь 2006). Петрозаводск, 2006. С. 130–134; Он же. О центре традиционного судостроения в Кижской волости // Рябининские чтения-2007. Материалы V научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007. С. 90–92; Он же. Результаты экспедиций 2000–2009 гг. по изучению истории и современного состояния традиционного народного судостроения бывшей Олонешской губернии // Полевые этнографические исследования: Материалы восьмьх Санкт-Петербургских этнограф. чтений. СПб., 2009. С. 97–102; Он же. История и современное состояние традиционного судостроения и судоходства Кижской волости // Изучение памятников морской археологии. СПб., 2009. Вып. 6. С. 130–152; Он же. Лодка-кижанка // Кижский вестник. Петрозаводск, 2011. Вып. 13. С. 66–83; Он же. О результатах работы музея «Кижы» по изучению истории и современного состояния традиционного народного судостроения в 1999–2012 гг. // Сохранение морского наследия в музеях России. Калининград, 2012. С. 94–103; Naumov Juri. Results work of museum-reserve «Kizi» in study, musealisation and preservation of national shipbuilding and navigation // Yearbook Open Air Museums. Krumovec, 2013. P. 236–273.

¹⁵ Наумов Ю. М. Карельские народные лодки // Катера и яхты. 2007. № 5 (209). С. 111–120; Он же. Домашние верфи Сегозерья // Катера и яхты. 2010. № 5 (227). С. 130–133.

ставлена традиционная лодка в процессе строительства и инструмент мастера. На берегу у дома крестьянина Ошевнева был воссоздан выставочный комплекс с лодкой-«кижанкой» и развешенными на просушку сетями, на сарае дома выставлена лодка с полным комплектом снаряжения (вёсла, паруса, руль, «оплотина»-балансир) (рис. 6).

*Рис. 6. Лодка постройки В. Н. Буркова на сарае дома Ошевнева.
Фото автора. 2005 г.*

Уже в самом начале работы стало ясно, что количество рабочих лодок в охранной зоне музея ежегодно уменьшается, поэтому музей стал не только изучать, но и поддерживать исчезающее традиционное судостроение Кижских шхер. В 1999 г. для сохранения традиций местного судостроения и судоходства и привлечения к этому местных жителей была проведена первая гонка традиционных лодок «Кижская регата» (рис. 7).

Главной задачей проекта «Кижанка – лодка острова Кижи. Возрождение» является сохранение лодки-«кижанки», популяризация и демонстрация ее в экспозиции музея. В 2008 г. в Плотницком центре музея «Кижи» потомственный кижский мастер С. Н. Филин из д. Кургеницы построил первую музейную лодку-«кижанку». Работа была продолжена – к 2015 г. сотрудники музея М. Теремов и Д. Мишин с А. Трегубовым построили три новые «кижанки», а С. Маттонен пополнил музейную коллекцию достоверной копией лодки в масштабе 1 : 7. С 2010 г. в доме Сергеева

действует выставка «Мастерская лодочника», где выставлены лодки из фондов музея. В экспозиции музея в рамках программы «Ожившая экспозиция» мастер С. Давыдов делает лодки, им построены и спущены на воду три новые «кижанки», которые участвовали в конкурсе «Народная лодка» и гонках «Кижской регаты» (рис. 8).

Рис. 7. Старт «Кижской регаты». Фото автора. 2000 г.

Рис. 8. Мастер С. В. Давыдов строит лодку в доме Сергеева. Фото автора. 2010 г.

В 2014 г. у дома Сергеева начал работу экспозиционно-выставочный комплекс «Кижская гавань», где впервые в музейной практике России выставлены «на плаву» две «кижанки» и сойма. Проходят экскурсии «Традиционное судостроение Кижских шхер» с элементами интерактивной демонстрации посетителям музея народного судоходства. Новые выставочные комплексы музея будут дополняться лодками народов Карелии.

Важным мероприятием для пропаганды традиционного судостроения и привлечения постоянного внимания к традиционным лодкам является ежегодный фестиваль «Кижская регата», который в 2016 г. прошел в семнадцатый раз. Основные участники «Кижской регаты» – это местные жители и работники музея «Кижы». Ежегодно в гонках участвуют от 30 до 40 лодок (рис. 9–10).

Рис. 9. «Кижанки» на конкурсе «Народная лодка». Фото А. Данияева. 2015 г.

Рис. 10. «Кижская регата» в музейной гавани. Фото А. Данияева. 2015 г.

Главным событием и украшением гонок является участие лодок-«кижанок», среди которых разыгрывается главный приз, что стимулирует сохранение и ремонт старых лодок и строительство новых «кижанок». В гонках также участвуют традиционные лодки из других районов Карелии и регионов России, постоянными участниками гонок являются различные долблѐнки, каноэ, чукотская байдара и архангельский берестяной каюк. Дальнейшее развитие фестиваля «Кижская регата» предполагает строительство новых лодок, проведение конкурсов и гонок в Кижских шхерах и выход праздника на международный уровень. В 2015 г. началась работа по программе «Молодежная Кижская регата».

Большое значение для актуализации традиций народного судостроения и судоходства имеет ежегодное проведение с 2008 г. на о. Кижы конкурса мастеров «Народная лодка». В первом конкурсе участвовали пять новых лодок-«кижанок», а всего за пять лет в конкурсе участвовали более 40 новых лодок из разных центров судостроения Карелии и четырех губерний Северо-Западного региона России и даже с Чукотки. С 2013 г. новая лодка-«кижанка» – победитель конкурса получает главный приз Главы Республики Карелия. Каждый год число «кижанок» увеличивается на одну-две лодки, за пять лет их было построено 10, к «Кижской регате» 2015 г. были построены еще пять «кижанок».

В г. Петрозаводске и на острове Кижы каждый год строятся и спускаются на воду традиционные «кижанки». Музей развивает сотрудничество с партнерами-судостроителями: работающими мастерами, Морским центром «Полярный Одиссей», Петрозаводским госуниверситетом и Морским центром «Ровесник» по строительству лодок и организации обучения деревянному судостроению в г. Петрозаводске. Одна из новых лодок-«кижанок» представлена в экспозиции Музея мирового океана в Калининграде, еще одна построена в Вологодской области известным череповецким мастером С. Токаревым. Поступают заказы на кижские лодки из других районов Карелии и даже из Подмосковья и Поволжья. Министерство экономического развития Республики Карелия в 2015 г. поддержало заявку Ассоциации лодочников Карелии на разработку проектной документации для серийного строительства лодок-«кижанок».

В современный период без поддержки государства и специализированных центров традиционное судостроение не сохранить. Одним из направлений в реализации проекта «Кижанка – лодка острова Кижы. Возрождение» является привлечение дополнительных финансовых средств, получение грантов от различных фондов и партнеров, включая инвесторов и местное сообщество.

Проводимая музеем работа позволит сохранить исчезающие традиции деревянного судостроения и судоходства, развить экспозиционный потенциал секторов музея, создать условия для развития историко-экологического водного туризма и новые рабочие места, что послужит социально-экономическому развитию территории охранной зоны музея-заповедника «Кижь».

Благодаря «Кижской регате» лодка-«кижанка» из седой древности всплыла в XXI в. и получила всероссийскую известность. Можно надеяться, что привлечение мастеров к строительству «кижанок» и создаваемая музеем-заповедником «Кижь» атмосфера внимания к традиционному судостроению будут и в дальнейшем способствовать сохранению этой уникальной лодки Онежского озера.

В. А. Агапитов

ПАНЫ И ЧУДЬ В ЗАОНЕЖЬЕ

Рубеж I и II тысячелетий, отмеченный активными торгово-промышленными отношениями на северном участке волжско-балтийского пути, уже давно привлекает внимание исследователей. И здесь основной источник информации – археологические находки. Считается, что раннесредневековый период в истории Заонежья археологами достаточно изучен, а стало быть, трудно ожидать каких-либо неожиданных находок, способных изменить сегодняшние представления об этом периоде.

В ряде работ, посвященных раннему Средневековью южной Карелии, признается относительно небольшое количество обнаруженных поселений, их кратковременный характер, а также довольно скудный набор вещей. В планировке поселений заметны признаки подвижного образа жизни. Керамический инвентарь преимущественно приладожского типа¹.

Курганы Кокорино и Чёлмуж очевидно отражают экономическую экспансию приладожской чуди, связанную с деятельностью охотников-промысловиков на пушного зверя. Участие населения Юго-Восточного Приладожья в торговле на балтийско-волжском пути привело к заметному изменению этнокультурной ситуации в Межозерье и Обонежье. Но все-таки трудно согласиться с устоявшимся мнением, что приладожская чудь – это исключительно вепсское население. Скорее всего, оно сформировалось как из финских (вепсских), так и из славянских элементов. Степень же участия скандинавов в этом процессе – наиболее спорный вопрос. Ведь как известно, так называемые скандинавские вещи – молоточки Тора, равноплечные и подковообразные фибулы, различные гребни – встречаются по всему циркумбалтийскому региону и часто являются предметами местного производства (Фризия, славянское Поморье)².

¹ Косменко М. Г. Многослойные поселения южной Карелии. Петрозаводск, 1992. С. 194.

² Пауль А. Балтийские славяне. От Рерика до Старигарда. М., 2016. С. 67.

Первыми в начале X в. в Заонежье проникают небольшие группы чудских колонистов из Юго-Восточного Приладожья. В это время ими осваиваются берега огромных северных заливов Онего, прокладываются тропы и первые волоки. Так, один из главных зимников Заонежья сформировался на маршруте древнего волока, начинавшегося в районе Кокорино и Мелой Губы и выходившего на севере Заонежского полуострова к водам Повенецкого Онего³.

Обнаруженные у деревни Кокорино чудские курганы и типично вепская по облику топонимия (ср. Пурдега > вепс. *purde* ‘родник’) наглядно демонстрируют, что местный волоковой путь создавался при активном участии колонистов из Приладожья.

В числе пионеров освоения богатого пушным зверем Заонежья следует считать и славянских колонистов. Открытие Любшанской крепости не только удревнило дату славянского прихода на Европейский Север, но и позволило определить территорию исхода создателей крепости – современное польское и немецкое Поморье, земли тогдашних балтийских славян. Об этом красноречиво свидетельствуют как археологические, так и лингвистические материалы. К примеру, территории Новгорода и Пскова имеют заметное количество топонимических сходений с районом Мекленбурга и польского Поморья (Славно – часть Новгорода и *Slawno* в Польше; Любятово в Пскове и *Lubiatowo* в Кашубах польских). Именно в польском Поморье, как считает А. Г. Манаков, истоки псково-новгородской модели топонимов с формантами – но, на, ня⁴. И действительно, в Кашубском краю Польши преобладают топонимы подобного типа (ср. *Smolno*, *Slawino*, *Wojano*, *Widlino*, *Mrzezino*, *Kielno*, *Kopalino*, *Gardno*, *Crołpino*...).

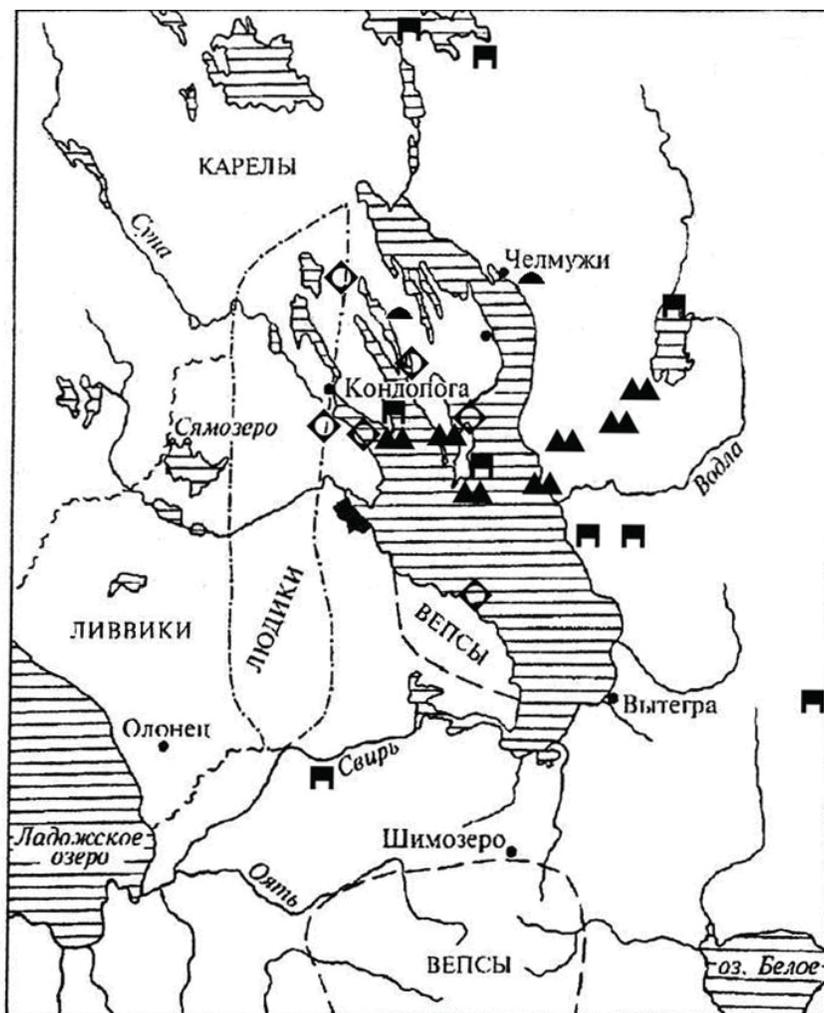
Праславянские архаические черты древненовгородского диалекта сближают его с западнославянской группой языков, особенно с северно-лехитской зоной.

Близость балтийско-славянского Поморья и Северо-Западной Руси подтверждается и археологически. Хорошо известно, что значительная часть керамики Пскова, Ладоги и Новгорода имеет ближайшие аналоги на территории Мекленбурга и нижнего течения Одера – в прошлом земель ободритского и велетского союзов балтийских славян. Немало совпадений со славянскими землями на Балтике и в форме наконечников стрел, в конструктивных деталях музыкальных инструментов, форме печей (Рюриково городище), а также в технике создания крепостей (Любша, Городок на Маяте)⁵.

³ Агапитов В. Освоение Заонежья древними вепсами // Проблемы истории и культуры вепской народности. Петрозаводск, 1989. С. 91–94.

⁴ Манаков А. Г. Псковско-новгородские топонимы в свете «теории формантов» (К дискуссии об этнической истории региона) // Псковский регионологический журнал. 2006. № 3. С. 122.

⁵ Пауль А. Балтийские славяне... С. 485.

- ◊ - топонимы южнобалтийского (славянского) облика
- ▲ - места записи былин с упоминанием районов славянской южной балтики
- - места записи преданий о панах
- ▲ - курганы

Так как богатые пушным зверем земли Обонежья, включая и его северные пределы, могли в свое время привлечь внимание и первых славянских переселенцев, то вполне закономерно возникает вопрос: где следует искать следы их деятельности и проживания? Разумеется, здесь необходим мультидисциплинарный подход.

Предания о панах, записанные в XIX–XX вв. в Повенецком, Петрозаводском и Пудожском уездах Олонецкой губернии, включают, вероятно, два пласта народной памяти. Наряду с воспоминаниями о событиях, связанных с нашествием на Север черкасов (запорожских казаков) в смутные годы XVII в., сохранились и предания о временах более давних, когда некие «паны» проникли на территорию Заонежья и попытались подчинить своей власти обитателей края. Паны притесняли, грабили и убивали местное население, а награбленное свозили в свои «замки», построенные нередко в неприступных местах. То, что паны были вооружены луками и стрелами, позволяет связывать эту часть преданий с ранним Средневековьем⁶. О панах сообщают и предания о кладах. Обнаруженные в районе Падмозера и Кондопоги клады раннесредневековых монет словно подтверждают народные предания. Так кем же были паны заонежских преданий? Очевидно, представителями второй волны славянской колонизации Верхней Руси – велетами (лютичами) и рюгенцами (рюянами). Ведь именно для них был характерен откровенно вооруженный захват новых земель с жестоким «примучиванием» местного населения. На излете первого тысячелетия какая-то часть вооруженных отрядов панов, видимо, сумела захватить значительную часть берегов северных заливов Онежского озера, где к этому времени только появились первые колонии приладожского типа. Судя по преданиям, записанным в Заонежских деревнях, «паны» сумели оставить по себе недобрую память. При этом жители отдельных деревень считали себя потомками легендарных «панов». Также в памяти народной остались «панские дельницы», отдельные сюжеты, вероятно, севернорусского происхождения в былинах («Королевичи из Крякова», «О Соловье Будимировиче»...).

Еще В. Б. Вилинбахов пытался обратить внимание специалистов на места в былинах, где встречаются упоминания прибытия отдельных героев из-за моря и, судя по географическим деталям, Балтийского⁷:

«Из-за славного синя моря Волынского,
Из-за того Кодольского острова,
Из-за того лукоморья зелёного...»

⁶ Жуков А. Ю. Самоуправление в России: Карелия в XII–XVII вв. Петрозаводск, 2013. С. 152.

⁷ Вилинбахов В. Б. Былина о Соловье Будимировиче в свете географической терминологии // Русский фольклор. Л., 1971. С. 226–229.

Море Волынское – это, конечно же, Балтика. Волин – славянский город в Поморье, как известно, был крупнейшим поселением на Балтийском побережье. Что касается Кодольского острова, то это или остров Котлин, или Готланд⁸. Былина, которую упоминает Вилинбахов, была записана на восточном побережье Онежского озера, в Шале в 1860 г. П. Н. Рыбниковым от безымянного автора – шальского лодочника.

Тогда же в деревне Новинка на Сумозере (к северо-востоку от Шалы) Рыбников записывает от Андрея Сорокина ту же былинку о Соловье Будимировиче, но в местном варианте, в котором уже появляется земля Веденецкая (Венецкая):

«Из-под того креста Леванидова,
Из-под того ли острова Кодольского,
Той-то земли Веденецкие...»⁹

Земля Веденецкая упоминается и в другой былинке, записанной от Сорокина, – «Ставр Гоудинович и Василий Микулич».

В этом же ряду с былинами Русского Севера, содержащими приметы южнобалтийской Славии, находится и старина «Королевичи из Крякова». В названии Кряков легко угадывается Краков, но скорее не польский, а Краков из Мекленбурга (Kraakow am See) или рюгенский Krakow. Селу Берёзово, что упоминается в былинке сразу после Кракова, можно отыскать аналог на южнобалтийском побережье Вагрии (ср. Brzezow, поселение, упомянутое приходским священником Гельмольдом¹⁰).

Интерес представляет и старина так же, как и «Королевичи из Крякова», местного происхождения «О Ваньке Удовкине сыне и царе Волшане Волшанском», записанная Рыбниковым от Никифора Прохорова. Имя царя – Волшан Волшанский опять же имеет ближайшие аналоги именно на территории западной Славии. В нижнелужицком языке имя *Wolšan* отсылает к местной мифологии (ср. нижн.-луж. *wolšan* ‘лесной царь’¹¹). Отчего-то на подобные параллели редко обращают внимание наши фольклористы.

Нельзя не отметить еще и такую особенность: севернорусские сказители произносили слово богатырь с ударением на второй слог, точно так же это слово звучит в польском языке.

В описании участников местного свадебного обряда также имеет смысл поменять отдельные акценты. Так, заонежско-пудожское слово *брюдьга* в значении ‘родственница со стороны жениха; дружка; под-

⁸ Вилинбахов В. Б. Указ. соч. С. 228.

⁹ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Петрозаводск, 1990. Т. 2. С. 173.

¹⁰ Żulawnik Mariusz. Piractwo słowiańskie na Bałtyku do 1184 roku // TeKa historyka, 1999. Zeszyt 16. S. 5.

¹¹ Arnošt Muka. Słownik dolnosorbškeje rěcy a jeje narěcow. Budyšin / Bautzen, 2008. II. S. 919.

ружка невесты'¹² вовсе не обязательно связывать непосредственно со скандинавским влиянием: в языках лехитской группы можно отыскать близкие по звучанию и смыслу слова: ср. кашуб. *brutka* 'панна, девушка'; *brüt* (полаб.) 'невеста'. Вероятнее всего, перед нами одно из германских заимствований в славянские языки на Балтике в период славяно-германского противостояния.

Попытки отыскать в народной лексике северные германизмы предпринимаются и сегодня. В одной из своих работ языковед Л. П. Михайлова обратила внимание на образ из свадебной песни, зафиксированной фольклористами в селах Нюхча и Колежма. Зачастую он встречается в местных песнях:

«Чёрный ворон был враг мой...
Сизой ярлук был недруг мой...
Серая утица – яства моя...
Красна девица – невеста моя...»

Сизой ярлук упоминается в разных формах – *ярлук*, *ярлук*, *ярл*. Исследовательница отмечает, что слово не зафиксировано ни в одном из известных словарей, включая диалектные. В сообщении делается попытка найти истоки словесного образа в скандинавских языках. По версии Л. П. Михайловой, поморское слово *ярл* ведет свое происхождение от древнескандинавского *earl* или более позднего *iarl*, означающего знатного человека, а также и морского главнокомандующего в древней Швеции¹³.

Но попытаемся оттолкнуться от полного песенного образа, включая эпитет сизой, сизый (*ярлук*). В славянском фольклоре сизым чаще всего называли орла. Не попробовать ли найти славянские параллели поморскому образу, тем более в песне он встречается в окружении привычных нам птичьих символов?

В словаре нижнелужицкого языка Арношта Муки имеется слово *jeřel*, гер. *jerla* в значении 'орёл; сарыч; коршун красный'¹⁴. Вероятнее всего, прототипом поморского слова была лексема из одного из исчезнувших северолехитских языков, наиболее близких к современному нижнелужицкому языку.

В результате последних исследований нами выявлен в районе залива Чёболакша целый ряд топонимов, имеющих ближайšie аналоги в западнославянском ареале, особенно в севернолужицких районах (Нижняя Лужица), в Мекленбурге и польском Поморье. Среди ряда названий обнаружен и типично «лехитский» гидроним. В районе деревни Горка существует залив Горская Повежа, а к северу от Горки, в районе исчез-

¹² Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 1994. С. 124.

¹³ Михайлова Л. П. История края в народном слове. Русские говоры Карелии. Петрозаводск, 2004. С. 155–165.

¹⁴ Arnošt Muka. Op. cit. I. S. 544.

нувшей деревни Павловицы, имеется залив Павловицкая Повежа. В «Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей» слово *повежа* ‘узкий залив, заросший осокой и затянутый тинной’¹⁵.

В раннем Средневековье район деревень Горка и Павловицы был островом, и вместо двух заливов существовал пролив, в который впадало два ручья и река Чапа. В весенний период окрестные берега, видимо, подтопляло тальными и речными водами, поэтому в названии Повежа скорее можно предполагать западнославянскую лексему *powódz* или *powóz* (ср. пол. *powódz*, диал. пол. *powoż*, верх.-луж. *powodź* ‘большой, стремительный разлив воды на значительной площади; затопление’)¹⁶.

Еще две Повежи зафиксированы в районе деревни Листгуба (Уницкая Губа) и близ устья реки Суна (Кондопожский залив).

Горская Губа звалась ранее иначе – Кучей-губа или Губа Жехова. Названия на Жехов типичны для западной Славии: ср. пол. *Żechow*, *Żechowo*; нем. *Zechowsee*. В этом же заливе расположена группа крошечных островов, зовущихся Свинцы (ср. нижн.-луж. *swińc* ‘барсук’). Название острова Конёвец, находящегося напротив деревни Горка, близко по своему звуковому облику нижнелужицкому слову *końowc* ‘конюшня’.

В предании о панах, записанном в деревне Горка, рассказывается о двух «замках» панов, располагавшихся вблизи нынешней деревни Горка. Как следует из сообщения, один из панов жил на Агафа-наволоке (северная часть о. Конёвец), а другой – в версте к северо-западу на Шинков-наволоке (Горкинский берег). Примечательно, что в нижнелужицком именовании имелись в прошлом подобные имена: ср. *Hogawa* ‘изверг, чудовище’¹⁷ и *Synko*, *Źynko* ‘сын’¹⁸. Что касается заонежского топонима Шинков, то очевидно, что в районе Горки присутствует форма имени Шинко – для части поморских славян была характерна замена «с» на «ш» (ср. «варяг Шимон» в русских летописях).

Говоры нижнелужицкого языка сформировались на территории племен суково-дзедичской культуры и во многих отношениях близки севернолехитским языкам – кашубскому и полабскому. В далеком прошлом велеты или лютичи составляли костяк севернолехитских племен. Стало быть, не исключено, что местное население Заонежья сохранило имена панов, пришедших в край на рубеже IX–X вв.

Интерес для нас представляет и урочище Курганы, что находится вблизи от Шинковщины (Шинков-наволока). Да и район Кокоринских курганов в языковом плане также загадочен. Здесь наряду с типично при-

¹⁵ Словарь... IV. С. 581.

¹⁶ Słownik etymologiczny języka polskiego. Warsaw, 2000. S. 375.

¹⁷ Arnošt Muka. Op. cit. I. S. 391.

¹⁸ Arnošt Muka. Op. cit. II. S. 595.

балтийско-финской (видимо, вепсской) топонимией (Мелой-губа, Лембитов-остров, Пурдега) нельзя не заметить и типично лехитскую основу в названии Кокорин-остров (Кокорино).

Другим районом, где присутствуют южнобалтийские, лехитские черты в местной топонимии, следует назвать Вёгоруксу. Здесь на расстоянии полукилометра расположены два холмистых объекта, именуемые Гардак Комлевский и Гардак Кожинский. В основе этих двух названий присутствует лексема *gard* ‘укрепленное огороженное место, град’, отраженное в деминутивной форме *gardek* ‘городок, градец’. Южнобалтийский поморский характер названия очевиден: в топонимии польского и немецкого Поморья сохранилось немало подобных названий – *Garz, Gardy, Sagard, Putgarten, Rugard, Nowogardek, Stargard...*

Нельзя обойти вниманием и топографию памятников «панов». Возникновение гардов (градов) в Заонежье в целом напоминает ситуацию с появлением гардов – центров славянского Поморья. Городища южнобалтийских славян чаще приурочены к заболоченным участкам речных пойм, а также к островам на озерах. Подобный характер местности заметно усиливал оборонительные возможности гардов¹⁹. По соседству с гардами на мысах возникали небольшие предградья или торговые посады²⁰. К примеру, один из Вёгоружских гардов (Кожинский гардак) расположен на мысу, вдающемся в Онежский залив, топографически более всего напоминает городище Берен-Любхин в немецкой Померании. Разумеется, есть и определенные отличия между гардами Заонежья и германского Поморья. Заонежские заметно меньше по размерам и напоминают больше городища-убежища. Другая особенность гардов Заонежья – это то, что они и в Вёгоруксе, и в Горке представлены парой находящихся неподалеку друг от друга укрепленных мест.

В народных преданиях, записанных в районе деревни Ламбасручей (в 7 км к северо-западу от Вёгоруксы), упоминается князь Пехкой, которому принадлежали в далеком прошлом многочисленные сельхозугодья в местной округе. Слово *pehk* типично прибалтийско-финское (вепсское) и означает ‘дуплистое дерево; дерево со сгнившей сердцевинной’²¹. Слово *pehk* отмечено в топонимии вепсского Присвирья²². Не исключено, что мы узнали имя еще одного участника драматических событий в Заонежье на рубеже I–II тысячелетий.

¹⁹ Михайлов К. А. Анализ первых оборонительных сооружений Киева и Новгорода на фоне фортификационных традиций раннесредневековой Европы // Новгород и Новгородская земля. История и Археология. Великий Новгород, 2009. С. 283–285.

²⁰ Алексеев С. В. Славянская Европа V–VIII веков. М., 2009. С. 333.

²¹ Зайцева Н. Г. Новый вепско-русский словарь. Петрозаводск, 2010. С. 307.

²² Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002. С. 64.

Гарды Заонежья (Вёгорукса и Горка) вскоре после своего появления, видимо, надежно перекрыли входы-выходы в район двух крупных онежских заливов. Сеем предположить, что первыми славянскими насельниками Заонежья было взято под контроль и устье реки Суны. Именно здесь, на стоянке Суна VI, был обнаружен при раскопках многослойного поселения фрагмент ножа с волотообразной рукояткой. Подобные ножи являются маркерами расселения дунайских славян²³. И не панам ли мы обязаны возникновением границ будущих погостов Заонежья, по меньшей мере, Кижского?

Поднятый в отдельных работах карельских археологов вопрос о запустении заонежских поселений на рубеже XII–XIII вв.²⁴ для своего окончательного решения требует дальнейших как археологических, так и междисциплинарных исследований.

В Кижской округе, в частности на Большом Клименецком острове, сохранилось предание о том, что первые деревни возникали в километре-двух от береговой линии. Позднее там появятся сельхозугодья с названиями, в основе которых прибалтийско-финская по происхождению лексема *kontu* (ср. фин. *kontu*, кар./ливв. *kondu*, кар./люд. *kond*, *kondu* ‘крестьянский двор, хозяйство, земельный участок’)²⁵ – Конда, Кусовски, Кондушки, Кондуши, Старая Конда, Подкондинье, Гладкие Конды. Еще долго в этих местах сохранялись ямы от древних колодез. Расположение первых поселений не по берегу, а в глубине острова старожилы объясняли боязнью перед какими-то разбойниками, приходившими с озерной стороны. Ранее мы уже писали о прибалтийско-финской земледельческой колонии, существовавшей в северо-западной части Большого Клименецкого острова в период раннего Средневековья²⁶. Местное предание, видимо, восходит именно к тому времени. Кто же тогда тревожил местное чудское население? Вероятно, те самые паны заонежских преданий.

Наше сообщение позволяет еще раз убедиться, каким огромным потенциалом для исторической ретроспекции обладают топонимические данные, фольклорные материалы и народные говоры.

²³ Седов В. В. Славяне. Древнерусская народность. М., 2005. С. 545.

²⁴ Спиридонов А. М. Средневековое расселение в Прионежье (X–XVI вв.) // Рябининские чтения–2011. Петрозаводск, 2011. С. 174.

²⁵ Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki, 1976. II. S. 216.

²⁶ Агапитов В. А. Прибалтийско-финская земледельческая колония в южном Заонежье (опыт топонимической реконструкции) // Кижский вестник. Петрозаводск, 1994. Вып. 4. С. 24–30.

А. П. Макарова

К ВОПРОСУ О НАИМЕНОВАНИИ ЧАСОВНИ ИЗ ДЕРЕВНИ КАВГОРА

Часовня из деревни Кавгора – одна из десяти часовен, находящихся на территории музея-заповедника «Кижь», и без преувеличения один из самых значительных безалтарных храмов на восточной периферии бывшей Новгородской земли¹. В настоящее время она находится в северной части острова Кижь, на Няргиной горе, в экспозиционном секторе «Карелы-людики» (рис. 1). Неповторимая композиция и габариты – вот что выделяет ее из числа прочих. Аналогов ей нет. Объемная композиция часовни состоит из двух поставленных впритык прямоугольных в плане срубов. Восточный сруб – молельня, западный – более широкий и высокий: внутри он разделен двумя параллельными перерубами, которые выделяют сени с лестницей на колокольню, притвор в центре и придел в южной части (рис. 2). Высокий столпообразный восьмерик над западным срубом, несущий стройный шатер звонницы, в сочетании с висячим одномаршевым крыльцом придает сооружению необыкновенную монументальность и роднит его с Успенской церковью в Кондопоге².

Урочище деревни Кавгора находится в Кондопожском районе Республики Карелия, в 19 км к юго-востоку от д. Тивдия, в районе северо-восточного побережья оз. Сандал (в 4 км от него), в этническом ареале карел-людигов. На месте поселения сейчас остаются лишь развалины нескольких домов, хотя не так давно оно было одним из самых крупных в приходе лычноостровской Петропавловской церкви. В период с 1782 по 1905 г. количество жителей изменялось совсем незначительно и в среднем составля-

¹ *Орфинский В. П.* Отголоски храмостроительных традиций Древнего Новгорода на восточной периферии бывшей Новгородской земли (XVI–XIX вв.) // *Православие в Карелии: Материалы 2-й международной научной конференции.* Петрозаводск, 2003. С. 12.

² *Ополовников А. В.* Русское деревянное зодчество. М., 1986. С. 164.

до 157 человек обоих полов, а количество домов – от 23 до 26³. Основным занятием местного населения было земледелие, совмещенное с рыбной ловлей и охотой. В Кавгоре имелись две водяные мельницы, кузница, из кустарных промыслов было представлено бондарное ремесло, плетение из лучины и бересты, сапожное и столярное ремесло⁴. Хозяйственно-экономические и административные преобразования XX в. не обошли стороной и эти места: коллективизация, укрупнение колхозов и дальнейшая их реорганизация в совхозы, политика ликвидации «неперспективных» деревень – все это привело к полному запустению и административному исчезновению поселения к середине 1970-х гг.⁵ (рис. 3).

Рис. 1 Часовня из д. Кавгора на южном конце о. Кизи (между 1961 и 1977 гг.)

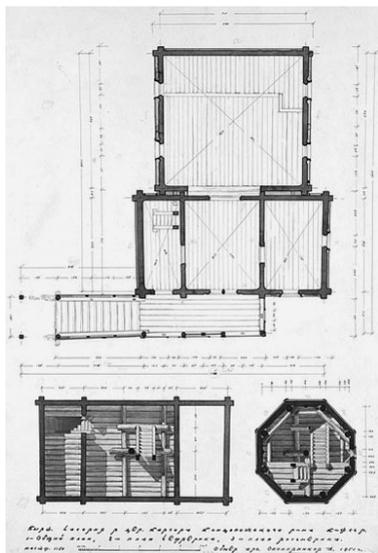

Рис. 2 Чертеж обмерный. Общий план. Планы четверика и восьмерика, 1951 г., фонды музея Кизи

³ Национальный архив Республики Карелия (далее НАРК). Ф. 4. Оп. 18. Д. 2/10. Л. 278; Ф. 4. Оп. 19. Д. 3/22. Л. 100; Ф. 4. Оп. 19. Д. 5/35. Л. 270об.; Ф. 4. Оп. 18. Д. 35/344. Л. 141; Ф. 37. Оп. 58. Д. 3/14. Л. 34; Ф. 4. Оп. 18. Д. 58/552. Л. 62об.; Ф. 4. Оп. 18. Д. 635/633. Л. 74; Ф. 37. Оп. 58. Д. 13/67. Л. 82; Ф. 4. Оп. 18. Д. 77/758. Л. 178; Ф. 37. Оп. 58. Д. 21/124. Л. 57; Ф. 126. Оп. 2. Д. 6/112. Л. 43; Ф. 126. Оп. 1. Д. 4/46. Л. 49; Ф. 126. Оп. 1. Д. 4/49. Л. 25; Ф. 126. Оп. 1. Д. 5/60. Л. 44; Список населенных мест Олонецкой губернии по сведениям за 1905 г. / Олонецкий Губернский Статистический Комитет. Петрозаводск, 1907. С. 11.

⁴ НАРК. Ф. 27. Оп. 3. Д. 53/479. Л. 7, 10; Ф. 151. Оп. 1. Д. 16/29. Л. 93; личный архив автора, экспедиционная тетрадь № 3, л. 3. Записано в г. Петрозаводске от Каява В. А., 1945 г. р.

⁵ Карелин В. А. Очерки истории Кондопожского края. Петрозаводск, 2006. С. 129.

Рис. 3. Вид деревни Кавгора, 1978 г., фото из научного архива музея «Кижь»

Часовня из Кавгоры стала экспонатом музея-заповедника «Кижь». Материалы по этому памятнику были впервые собраны и обработаны архитектором А. В. Ополовниковым в 1952 г. – ранее часовня оставалась неизвестной. «О ней не упоминалось не только в трудах исследователей искусства и народного зодчества Севера, но и в материалах, собранных в начале XX в. бывшей императорской Археологической комиссией»⁶. В 1960 г. кавгорская часовня была внесена в реестр памятников истории и

⁶ НАМЗК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 211. Л. 10 (Объяснительная записка к обмерам и проекту реставрации памятника народного деревянного зодчества в деревне Кавгора, Сележского с/совета, Кондопожского района КФСР. 1952).

культуры СССР⁷, а в 1961 г. перевезена на остров Киж и отреставрирована. История ее не проста и оставляет некоторые вопросы. Первое, что остается неясным, – датировка памятника: специалисты едины во мнении, что строительство велось поэтапно и началось около середины XVIII в. с возведения одной клетки, в дальнейшем часовня перестраивалась, но каким образом и когда это происходило – дискуссионный вопрос⁸. Вторая неясность – это посвящение часовни: в документе, регламентирующем постановку на государственную охрану, памятник определен как «часовня (деревянная) XVII в. (село Кавгора)». В музейную коллекцию она вошла как часовня Трех Святителей, что, судя по воспоминаниям бывших жителей деревни и епархиальным документам, не соответствует действительности. «Само понятие „посвящение часовни“ противоречиво и может употребляться только условно, так как для часовен не существует специального чина освящения: эти культовые постройки освящались тем же чином, что и обычный дом. Поэтому под посвящением часовни почти всегда подразумевается местный деревенский праздник, который отмечался сельской общиной и мог совпадать с посвящением престола приходской церкви (престольные праздники) или устанавливался по обету (обетные, заветные праздники)»⁹. В интервью с бывшими жителями Кавгоры выяснилось, что часовенным праздником в Кавгоре был Спасов день – Преображение Господне (19 августа по новому стилю)¹⁰. Документы Национального архива Республики Карелия тоже на это указывают. Известно, что Кавгора относилась к приходу Лычноостровской Петропавловской церкви. В ее формулярных ведомостях за 1869–1890 гг. среди прочих часовен Петропавловского прихода упоминается часовня «во имя Преображения Господня при д. Кавгора, расстоянием от церкви в 15 верстах, при коей кладбище издревле, зданием деревянная, построена неизвестно кем и когда, богослужение совершается 6 Августа, 16 Генва-

⁷ Постановление Совета Министров РСФСР № 1327, прил. 1 от 30.08.1960.

⁸ По мнению А. В. Ополовникова, наиболее старая часть памятника – его западный сруб с восьмериком и колокольней (вторая половина 18 в.); более поздняя – сруб собственно часовни (конец 18 – начало 19 в.) (*Ополовников А. В.* Русское деревянное зодчество. М., 1986. С. 164); В. П. Орфинский с коллегами предположили, что к построенному в середине XVIII в. (1745 г.) срубам мельницы в конце XIX в. (1890–1891 гг.) с запада был пристроен трехчастный в плане сруб с сенями, трапезной и придельным молитвенным помещением. Одновременно с ним была возведена колокольня (*Orphinskij V., Grishina I., Kozlov V. et al. The mystery of a monument. A study of the construction history of the Chapel of the Three Holy Hierarchs, the Village of Kavgora, Russian Karelia // Journal of the Society of Architectural Historians.* 2015. В печати).

⁹ Платонов Е. В. Перепись севернорусских часовен 1692 г. как этнографический источник // Новгородский исторический сборник. Великий Новгород, 2013. Вып. 13 (23). С. 281.

¹⁰ Личный архив автора, записано от Каява В. А., 1945 г. р., в г. Петрозаводске; личный архив Карелина В. А., записано от Лумбиной В. И., 1926 г. р., в г. Кондопоге.

ря»¹¹ (19 августа и 29 января по новому стилю). Последнее из двух указанных в ведомостях чисел – день поклонения честным веригам святого и всехвального апостола Петра: бывшие жители Кавгоры, перечисляя главные деревенские праздники, называют его Петровым днем¹², а вот о праздновании Собора вселенских учителей и святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста, память которого совершается 12 февраля (30 января по старому стилю), они ничего не говорят. Самым ранним из найденных нами упоминаний часовни в печати стала статья, вышедшая в Олонецких губернских ведомостях в августе 1890 г. В ней говорится о пожаре в Кавгоре, уничтожившем 18 из 25 домов. Погорельцы тогда приютились в сохранившихся 7 домах, «оставшееся же от пожара движимое имущество было помещено в кладовых под местную часовню во имя Преображения Господня, которая, по словам очевидцев, от сильного жара несколько раз загоралась, но сама собою и потухала»¹³.

Все перечисленные источники указывают на то, что в современном наименовании часовни, очевидно, была допущена ошибка. Интересно, что в первом охранном паспорте, составленном на этот памятник архитектуры в 1961 г., уже после перевозки на остров Кижы, часовня вообще не имеет никакого наименования, а числится лишь как «деревянная часовня из д. Кавгора». И только в 1969 г. в охранные документы вносятся изменения: часовня из Кавгоры начинает именоваться Трёхсвятской. Заметим, что в уже упомянутых формулярных ведомостях Петропавловского Лычноостровского прихода действительно фигурирует часовня Трёх Святителей – в деревне Ковкойсельга, что в 10 км от Кавгоры. Возможно, это ввело в заблуждение специалистов, некогда занимавшихся кавгорской часовней. Но так или иначе, по нашему мнению, изложенные факты достаточно основательны для того, чтобы часовня из деревни Кавгора вновь именовалась Преображенской.

¹¹ НАРК. Ф. 126. Оп. 2. Д. 6/112. Л. 43; Ф. 126. Оп. 1. Д. 4/46. Л. 49; Ф. 126. Оп. 1. Д. 4/49. Л. 25; Ф. 126. Оп. 1. Д. 5/60. Л. 44 (Формулярная ведомость по 3-му Благочинническому округу Петрозаводского уезда за 1869, 1874, 1879 и 1890 гг. соответственно).

¹² Личный архив Карелина В. А., записано в г. Кондопоге от Лумбиной В. И., 1926 г. р.

¹³ Олонецкие губернские ведомости. 1890. № 62. С. 8.

М. В. Кустерная

ОПЫТ ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ АТРИБУЦИИ ПАМЯТНИКОВ ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «КИЖИ»

Изучение истории памятников является одной из важнейших задач музейной деятельности. Реконструкция строительной истории деревянной постройки возможна по архивным данным, а также по временным особенностям использования тех или иных конструктивных приемов¹. Дополнительным источником информации может служить датировка храмовых икон, сведения об изменении убранства храмов и т. д.²

История возведения и реконструкции часовен – небольших безалтарных храмов, использовавшихся для частных богослужений, так же как и подавляющего большинства жилых или хозяйственных построек, в сохранившихся письменных источниках не отражена.

С 1990-х гг. для достоверного воссоздания истории строительства и реконструкции памятников в музее-заповеднике «Кижы» применяется

¹ Орфинский В. П., Яскеляйнен А. Т. Хронологическая атрибуция сооружений народного деревянного культового зодчества // Орфинский В. П., Гришина И. Е. Типология деревянного культового зодчества Русского Севера. Петрозаводск, 2004. С. 220–230.

² Кижский акафист: Богородич. иконы в собр. музея-заповедника «Кижы»: (кат. выст.) / Авт.-сост. Г. И. Фролова. Петрозаводск, 2003. 72 с.; Фролова Г. И. «Небеса» Заонежья: иконы из собр. музея-заповедника «Кижы». Петрозаводск, 2008. 168 с.; Она же. Из истории внутреннего убранства Кижской Покровской церкви. Никольский иконостас // Кижский вестник. Петрозаводск, 2001. Вып. 6. С. 173–183; Платонов В. Г. Иконописное наследие Сямозерья // История и культура Сямозерья. Петрозаводск, 2008. С. 547–554; Он же. Местный ряд иконостаса часовни Успения Пресвятой Богородицы в деревне Васильево на острове Кижы и некоторые вопросы развития иконописи Заонежья конца XVII – начала XVIII в. // Кижский вестник. Петрозаводск, 2009. Вып. 12. С. 186–187.

метод комплексной хронологической атрибуции, при котором на первом этапе исследования по библиографическим и архивным источникам выдвигаются гипотезы о возможной строительной истории памятника. Затем при натурном обследовании выявляются разновременные элементы и части построек, возраст которых определяется двумя независимыми методами – методом хронологической атрибуции по архитектурно-археологической шкале для датировки памятников деревянного зодчества и методом дендрохронологии³.

Применяемая для определения возраста построек по архитектурно-конструктивным признакам архитектурно-археологическая шкала является результатом многолетнего изучения закономерностей изменения приемов, форм и деталей культового зодчества Карелии. Шкала включает 25 групп архитектурно-конструктивных признаков культовых построек Карелии и составлена в виде синхронистической таблицы, показывающей периоды вероятности бытования каждого из признаков – наиболее вероятный, вероятный и маловероятный периоды. Она охватывает временной интервал от второй половины XVII до начала XX в. включительно и позволяет с точностью до 50–100 лет определить время вероятного бытования тех или иных архитектурно-конструктивных признаков деревянных церквей, колоколен и часовен⁴.

Метод дендрохронологии позволяет определить время заготовки деревьев для той или иной части памятника⁵ и уточнить предложенную датировку памятника. Для региона происхождения памятников разработана локальная шкала для сосны обыкновенной (*Pinus sylvestris* L.) для прибрежной зоны Онежского озера (61°30'–62°30' N, 33°–34° E), которая охватывает временной интервал 1550–2000 гг.⁶

³ Яскеляйнен А. Т. Новый взгляд на историю церкви Покрова Богородицы Кижского погоста // Народное зодчество: Межвуз. сб. Петрозаводск, 1999. С. 123–138; Он же. К вопросу о датировке и эволюции часовни Петра и Павла на Волкоострове // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Российского Севера: Межвуз. сб. Петрозаводск, 1991. С. 124–131; Он же. Новое об эволюции часовни Архангела Михаила на острове Кижь // Народное зодчество: Сб. науч. тр. Петрозаводск, 1992. С. 155–166.

⁴ Орфинский В. П., Яскеляйнен А. Т. Указ. соч. С. 220–230.

⁵ Thun T. Dendrochronology and building construction // Dendrochronology and the Investigation of Buildings. Proc. of Int. Seminar at the Academy of Science and Letters, Oslo, 1st-2nd November 1991. Eds. Storsletten O., Thun T. Riksantikvaren rep. N 22. Oslo. 1993. P. 49–51

⁶ Kozlov V., Kisternaya M. Architectural wooden monuments as a source of information for past environmental changes in North Russia // Paleogeography, Paleoclimatology, Paleoecology. 2004. N 209. P. 103–111.

В данной статье представлены результаты исследований строительной истории памятников, проведенных архитекторами НИИНАЗ ПетрГУ⁷, ЗАО ЛАД⁸ и учеными Института леса КарНЦ РАН⁹ в 2009–2012 гг.

Объектами изучения были перевезенные на о. Кижы часовня Петра и Павла из д. Типиницы (Бережная), часовня Спаса Нерукотворного из д. Вигово, часовня Трех Святителей из д. Кавгора, дом Пертякова из д. Усть-Яндома и амбар из д. Пелдожи; а также часовни Кижского ожерелья – часовня Кирика и Иулиты в д. Воробьи, часовня во имя иконы «Божья Матерь Всех скорбящих радость» в д. Еглово.

Все исследованные безалтарные храмы имеют сложную строительную историю, и формирование облика некоторых из них происходило в течение нескольких столетий (см. Приложение). Проведенные исследования позволили уточнить датировки отдельных строительных периодов, а в некоторых случаях – по-иному взглянуть на историю формирования часовен.

Самым старым из исследованных памятников является **часовня во имя апостолов Петра и Павла**, перевезенная в музей из д. Типиницы (Бережная) Медвежьегорского района Карелии. Она относится к типу небольших одночастных клетских часовен с крыльцом-галереей и по учетным документам датируется началом XVIII в.¹⁰

Проведенное исследование подтвердило гипотезу Л. Петтерссона о существовании трех периодов в истории памятника¹¹.

Анализ архитектурно-конструктивных особенностей памятника показал, что часовня была построена, по всей вероятности, в начале XVIII в. Это подтвердили и результаты дендрохронологического анализа, показавшие, что лес для строительства был заготовлен в

⁷ НАМЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 3562 (Петрозаводский государственный университет. Орфинский В. П. Часовня Спаса Нерукотворного из дер. Вигово, Часовня Знамения Богородицы в дер. Корба, Часовня Параскевы Пятницы и Варлаама Хутынского в дер. Подбельники. Отчет о научно-исследовательской работе: «Комплексная хронологическая атрибуция». 2009. 46 л.).

⁸ НАМЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 3895 (Вахрамеева Т. И. Дом Пертякова из дер. Усть-Яндома, часовня Петра и Павла из дер. Бережная, амбар из дер. Пелдожи. Научный отчет «Комплексная хронологическая атрибуция памятников». 103 с.); НАМЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 4000/а (Вахрамеева Т. И. Часовня во имя иконы «Божья Матерь всех скорбящих радость» в дер. Еглово, Кирика и Иулиты в дер. Воробьи. Комплексная хронологическая атрибуция. 85 л.).

⁹ НАМЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 3561 (Институт леса КарНЦ РАН. Козлов В. А. Часовня Знамения Богородицы в дер. Корба, Часовня Параскевы Пятницы и Варлаама Хутынского в дер. Подбельники, Часовня Спаса Нерукотворного дер. Вигово. Отчет по хозяйственной теме 7/09 «Дендрохронологическое датирование». 2009. 42 л.).

¹⁰ Архив Республиканского центра по государственной охране объектов культурного наследия МР РК. Паспорт № 1335 от 24.08.1988. Часовня Петра и Павла из д. Бережная (Типиницы). Составители С. В. Воробьева, С. В. Куликов.

¹¹ Pettersson L. Äänisniemen kirkollinen puuarkkitehtuuri. Helsinki, 1950. S. 60, 72.

1704/1705 гг.¹² Изначально часовня представляла собой однокамерную клетскую постройку с близким к квадрату молитвенным помещением, стены которого имели повалы и не были отесаны. Освещался храм расположенным на южной стене волоковым окном, следы которого сохранились до настоящего времени¹³.

Позднее, в первой половине XIX в., к основному срубам пристроили крыльцо-галерею. Вероятно, именно в это время стены в молитвенном помещении были отесаны со скруглением углов, а волоковое окно заменено на новое – трехкосячатое с прямоугольным сопряжением косяков и скосами с внутренней стороны колод. Была изменена и конструкция дверного проема, который был расширен и увеличен по высоте. Новое дверное полотно, навешенное на жиковины, заменило старое «на пятах»¹⁴.

В начале XX в., в 1914–1917 гг.¹⁵, над храмом устроили общую крышу гвоздевой конструкции, установили новые причелины и подзоры. Одновременно была изменена конструкция крыльца¹⁶.

Полученные результаты позволили с достаточно высокой степенью достоверности сместить время строительства храма на более ранний период – начало XVII в.

Комплексная хронологическая атрибуция **часовни Спаса Нерукотворного**, перевезенной в музей из заонежской деревни Вигово, уточнила время возведения храма. Большинство исследователей относили время его строительства ко второй половине XVII в.¹⁷ или к рубежу XVII и XVIII вв.¹⁸

Анализ документов и визуальный осмотр памятника выявили, что сначала, во второй половине XVII – первой половине XVIII в., была срублена двухкамерная равноширокая и разновысокая клетская часовня с повышенным молитвенным помещением и более низким притвором¹⁹.

¹² НАМЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 3895. Л. 83.

¹³ Там же. Л. 51–53.

¹⁴ Там же. Л. 54–55.

¹⁵ Л. Петтерссон приводит эту дату на основе опроса местных жителей. Pettersson L. Äänisniemen kirkollinen... S. 60.

¹⁶ НАМЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 3895. Л. 56.

¹⁷ Л. Петтерссон датировал храм на основе особенностей росписи икон: Pettersson L. Äänisniemen kirkollinen... S. 64, 84; С. В. Куликов и С. В. Воробьева определили время строительства: Архив Республиканского центра по государственной охране объектов культурного наследия МР РК. Паспорт № 1103 от 2.07.1988. Часовня Спаса Нерукотворного из деревни Вигово. Составители С. В. Куликов, С. В. Воробьева.

¹⁸ А. В. Ополовников, обследовавший часовню еще до ее перевозки на остров Кижы в 1968 г., свою датировку не аргументировал (см.: Ополовников А. В. Русское деревянное зодчество: памятники шатрового типа. Памятники клетского типа и малые архитектурные формы. Памятники ярусного, кубоватого и многоглавого типа. М., 1986. С. 158).

¹⁹ Орлов А. В., Кистерная М. В., Козлов В. А. Комплексная хронологическая атрибуция часовни Спаса Нерукотворного из Заонежской деревни Вигово // Ученые записки ПетрГУ. 2010. № 8 (113). С. 67.

Дендрохронологический анализ с высокой степенью достоверности определил, что древесина для молитвенного помещения и притвора была заготовлена в 1713 ± 2 года²⁰.

Через некоторое время после возведения храм реконструировали – к основному срубам пристроили звонницу с основанием в виде восьмерика на четверике. Эта реконструкция датирована только в одном из предшествующих исследований – в паспорте памятника, авторы которого относят ее к XVIII в.²¹

Конструктивные особенности пристройки позволили датировать реконструкцию второй половиной XVIII в., что подтвердилось и результатами дендрохронологического анализа, согласно которому время заготовки материала для восьмерика с достаточно высокой достоверностью 1760 ± 2 года²².

В рамках исследования было выявлено, что при возведении трехстенных сеней и звонницы применялась вторичная древесина, использованная ранее в других постройках и датируемая серединой XVIII в. В связи с этим была выдвинута гипотеза о одновременности пристройки трехстенных сеней и звонницы, которая, однако, пока не получила документального подтверждения²³.

Таким образом, вся история формирования часовни была отнесена к XVIII в.

Детальное исследование **часовни Кирика и Иулиты** в деревне Воробьи, расположенной в 2 км от о. Кизи, показало, что храм несколько моложе, чем предполагалось ранее. По данным научного паспорта, он был срублен в XVIII в. в виде однокамерной постройки, а в XIX в. к зданию были пристроены притвор с сенями и звонницей²⁴.

Результаты комплексной хронологической атрибуции свидетельствуют о том, что вся история формирования храма проходила в XIX в. Сначала во второй половине XIX в. из амбара была перестроена часовня со звонницей. Дендрохронологический анализ датирует время заготовки основных бревен для строительства амбара 1762/1763 гг., а для остальной части храма – 1866/1867 гг.²⁵ Полученная датировка хорошо согласуется

²⁰ Орлов А. В., Кистерная М. В., Козлов В. А. Указ. соч. С. 68.

²¹ Архив Республиканского центра по государственной охране объектов культурного наследия МР РК. Паспорт № 1103 от 2.07.1988.

²² Орлов А. В., Кистерная М. В., Козлов В. А. Указ. соч. С. 69.

²³ Там же.

²⁴ Архив Республиканского центра по государственной охране объектов культурного наследия МР РК. Часовня Кирика и Иулиты. Паспорт № 1101 от 2.07.1988. Составители С. В. Воробьева, С. В. Куликов.

²⁵ НАМЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 4000/а. Л. 63 (Вахрамеева Т. И. Часовня во имя иконы «Божья Матерь всех скорбящих радость» в дер. Еглово, Кирика и Иулиты в дер. Воробьи. Комплексная хронологическая атрибуция).

с данными Л. Петтерссона, основанными на рассказах местных жителей²⁶. Косвенными подтверждениями времени строительства храма служат обнаруженный при реставрации 2004 г. фрагмент газеты за 1865 г.²⁷ и первое упоминание в статистических документах в 1876 г.

На втором строительном этапе облик часовни изменился за счет обшивки тесом наружных стен молельни, трапезной и притвора. Обшивка крыльца преобразовала его в закрытое крыльцо-тамбур. Определить время проведенной реконструкции не удалось ввиду утраты всех конструктивных элементов этого периода в процессе последующих реставраций и отсутствия письменных свидетельств²⁸. Основываясь на датировке первого строительного этапа храма, можно предположить, что обшивка сруба тесом произошла в конце XIX – начале XX в.²⁹

Следующим объектом исследования, расположенным в пределах охранной зоны музея-заповедника «Кижы», стала **часовня во имя иконы «Божья Матерь Всех скорбящих радость»** в д. Еглово на о. Еглов.

Анализ документов и визуальный осмотр памятника позволили выявить три строительных периода в его истории.

Сначала, предположительно, была построена двухкамерная часовня. Характер первоначального сруба – разновысокий и равноширокий – ограничивал нижний предел строительства часовни серединой XVIII в. Форма молитвенного помещения и одночастная подтеска бревен у проемов ограничивали верхнюю границу возможных датировок серединой XIX в. Таким образом, время строительства часовни можно было отнести к достаточно широкому временному отрезку – с середины XVIII до середины XIX в. Несколько сузили указанный интервал решения оконных проемов, первоначально имевших, по всей вероятности, косяки, соединенные сверху «на ус», вершник с гребнем и заплечиками. Таким образом, время строительства часовни было отнесено ко второй половине XVIII – первой четверти XIX в. Возможно, что в тот период часовня имела окна только на южном фасаде³⁰.

²⁶ Л. Петтерссон отмечает, что, со слов местных жителей, строительство часовни оплатил уроженец деревни Воробьи, петербургский фабрикант Воронцов в 1860-е гг. Также он упоминает о том, что основной сруб первоначально принадлежал амбару, место входа в который хорошо видно на южном фасаде (см.: Suomen Kansallisarkisto. Pettersson L. Äänisniemen kirkot, tsasounat ja luostarit: mittauksia, valokuvia, poimintoja. No 13: Vorobji. Инф. и перевод Т. Ю. Дудиновой).

²⁷ Реставрация часовен Кижского ожерелья / Сост. Т. В. Незвицкая и др. Петрозаводск, 2008. С. 6–7.

²⁸ Л. Петтерссон отмечает, что «на внутренней поверхности южной стены крытого крыльца черным написано 1885» (см.: Suomen Kansallisarkisto. Pettersson L. Äänisniemen kirkot, tsasounat ja luostarit: mittauksia, valokuvia, poimintoja. No 13: Vorobji. Инф. и перевод Т. Ю. Дудиновой).

²⁹ НАМЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 4000/а. Л. 20–21.

³⁰ Там же. Л. 47–48.

Позднее с запада к часовне были пристроены сени, над которыми возвели восьмигранную звонницу. Основными признаками для датировки указанной реконструкции послужили: трехкосящатая с сопряжением косяков сверху «в ус» с гребнем и заплечиками, внизу прямо дверь в храм, а также трехкосящатая колода окна сеней с опорой вершника на четверти боковых косяков. Указанные решения одновременно встречались лишь в первой половине XIX в. Таким образом, с учетом датировки возведения часовни, этот строительный этап был отнесен ко второй четверти XIX в.³¹

Третий период по конструктивным признакам датировался концом XIX в. – началом XX в. В это время были реконструированы окна молельни и трапезной, сруб обшит тесом, безгвоздевая кровля заменена на гвоздевую³².

Дендрохронологический анализ показал, что материал для строительства часовни был заготовлен практически в одно время. Молельное помещение часовни построено из древесины, заготовленной не позднее зимы 1720/1721 гг. В восьмерике звонницы использованы бревна, датируемые 1699/1700 гг.; 1720/1721 гг. и серединой XVIII в.

Это позволило предположить единовременность возведения молельни, трапезной, звонницы и, возможно, ее основания в виде крыльца-галереи. Подобная версия о строительной эволюции часовни была высказана впервые. Вполне возможно, что ряд видоизменений часовни был осуществлен при предполагаемом переносе этой часовни из д. Липовицы в д. Еглово³³.

Неожиданные результаты были получены при изучении **часовни Трех Святителей**, перевезенной в музей из деревни Кавгора (Кондопожский район Карелии). Построенная в этническом ареале карел-людигов – одной из этнолингвистических групп карельского народа, часовня необычна с архитектурной точки зрения. Среди известных построек такого же типа она имеет самое большое молельное помещение, придельное молитвенное помещение и необычную планировку³⁴. Архивные данные о времени строительства часовни не сохранились.

Комплексная хронологическая атрибуция позволила опровергнуть принятую ранее версию истории строительства и реконструкции памятника. Выяснено, что восточная часть памятника, считавшаяся самой поздней, является старейшей частью постройки. По данным дендрохронологического анализа она была возведена в 1745 г. В 1891 г. к ней была пристроена за-

³¹ НАМЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 4000/а. Л. 49.

³² Там же. Л. 50.

³³ Там же. Ед. хр. 2774. Л. 6 (Архитектурно-реставрационное проектное предприятие «Закрытое Акционерное Общество ЛАД». Полякова Л. Г. Часовня во имя иконы «Божья Матерь всех скорбящих радость» в дер. Еглово. Комплексные научные исследования (историко-архивные и архитектурные исследования, фотофиксация)).

³⁴ Орфинский В. П. Часовня Трех Святителей из д. Кавгора // Карелия: Энциклопедия. В 3-х т. Т. 3: Р–Я. Петрозаводск, 2011. С. 264.

падная часть со звонницей, в которой сохранились такие архаичные детали, как крыльцо-галерея на консолях, тесовое ограждение галереи «в елочку», трехкосячатые оконные и дверные колоды с соединением косяков «в ус», двойные угловые столбы яруса звона колокольни³⁵.

Позднее во время установки тесовой обшивки была изменена конструкция крыши над наиболее старой частью часовни и растесаны окна.

Проведенное исследование подтвердило относительное смещение времени бытования одинаковых строительных приемов у русского и карельского населения Карелии, указывающее на архаизацию зодчества карел³⁶.

Используемая для датировки памятников культового зодчества архитектурно-археологическая шкала при изучении гражданских и хозяйственных построек может служить только как инструмент сравнительного анализа в отношении отдельных конструктивных и декоративных элементов, таких как окна, двери, декоративные детали. В этом случае возрастает значимость получаемых методом дендрохронологии данных о времени заготовки древесины для сруба.

В то же время существует достаточно успешный опыт применения метода комплексной хронологической атрибуции для изучения строительной истории домов и хозяйственных построек музея-заповедника «Кижы»³⁷.

Амбар из карельской деревни Пелдожи (Пряжинский район Карелии), согласно учетным документам, датируется концом XVIII в. Особенностью этих традиционных хозяйственных построек, предназначенных для хранения съестных припасов (зерна, муки и др.) и различной хозяйственной утвари, является то, что при строительстве многих из них одновременно использовались как архаичные архитектурные и конструктивные приемы, датируемые в культовых постройках XVIII веком, так и более поздние, характерные только для второй половины XIX в.³⁸

Именно в этот широкий временной интервал и укладывались по архитектурно-археологической шкале основные датирующие признаки изучаемого амбара. Лишь один из них – сегментная подтепка бревен у проемов – имел более узкий хронологический ареал и позволил определить первую половину XIX в. как наиболее вероятное время постройки амба-

³⁵ Orphinskij V., Grishina I., Kozlov V. et al. A history of a chapel as it was told by its timber // Journal of Architectural Conservation. 2016 (в печати).

³⁶ Ibid.

³⁷ Яскеляйнен А. Т. Оптимизация хронологической атрибуции сооружений деревянного зодчества. Автореф. дис. ... канд. архитектуры. Петрозаводск, 1998. С. 14–18.

³⁸ НАМЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 3895. Л. 62–65.

ра. Дендрохронологический анализ определил, что лес для амбара был заготовлен не позднее зимы 1806/1807 г.³⁹ Таким образом, проведенные исследования позволили сдвинуть на более позднее время существующую датировку памятника.

Дом Пертякова из заонежской деревни Усть-Яндома был перевезен и восстановлен в значительно измененном виде. Вместо кирпичного цоколя он был поставлен на камни-валуны, не связанные раствором, была удалена первоначальная обшивка жилой части дома, изменена форма оконных наличников. Стропильно-слеговая конструкция крыши была заменена на более традиционную для народного зодчества безвоздевую крышу самцово-слеговой конструкции с тесовым двуслойным покрытием. Именно тогда в доме появились светелка, балкон с балясинами, повторяющими рисунок сохранившихся балясин внутренней лестницы в сенях. Выполненные на основе заонежских аналогов резные причелины и полотенце дополнили декоративное убранство дома. При этом достаточно сложные декоративные элементы были необоснованно установлены и на заднем, дворовом фасаде дома⁴⁰.

Анализ отдельных архитектурно-конструктивных деталей позволил по совокупности признаков определить, что изначально дом имел один строительный период, предположительно конец XIX – начало XX в. Дендрохронологический анализ показал, что древесина для строительства была заготовлена зимой – весной 1903 г.⁴¹ На досках обшивки лестницы сохранилась запись – 1905 г. Таким образом, по совокупности признаков можно с достаточной степенью уверенности сказать, что строительство дома завершилось именно в этом году.

Положительные результаты, полученные при восстановлении истории строительства и реконструкции памятников культовой и гражданской архитектуры методом комплексной хронологической атрибуции, можно рассматривать как повод для продолжения данной работы по изучению памятников музея-заповедника «Кижы», не имеющих точной датировки.

³⁹ НАМЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 3895. Л. 85–86.

⁴⁰ Там же. Л. 17–18.

⁴¹ Там же. Л. 79–80.

Описание и датировка строительных этапов исследованных часовен

Памятник	1-й строительный этап	2-й строительный этап	3-й строительный этап
<p>Часовня во имя апостолов Петра и Павла из д. Типиницы (Бережная)</p>	<p>Однокамерная клетская часовня. Начало XVIII в. (по архитектурно-конструктивным особенностям), 1704/1705 гг. (данные дендрохронологического анализа)</p>	<p>Пристройка крыльца-галереи, изменение конструкции оконных и дверных колод, оттока стен в молитвенном помещении. Первая половина XIX в. (по конструктивным особенностям)</p>	<p>Устройство общей кровли гвоздевой конструкции с красным тесом, пристройка приставного односклонного крыльца, установка новых причелин и подзоров. 1914–1917 гг. (по данным опроса населения)</p>
<p>Часовня Спаса Нерукотворного из д. Вигово</p>	<p>Двухкамерная равноширокая и разновысокая клетская часовня. Начало XVIII в. (по архитектурно-конструктивным особенностям); 1713 ± 2 г. (данные дендрохронологического анализа)</p>	<p>Пристройка трехстенных сеней и звонницы. Вторая половина XVIII в. (по архитектурно-конструктивным особенностям), 1760 ± 5 лет (данные дендрохронологического анализа)</p>	
<p>Часовня Кирика и Иудиты в д. Воробы</p>	<p>Трехчастная клетская часовня со звонницей, перестроенная из амбара. Вторая половина XIX в. (по архитектурно-конструктивным особенностям); 1866 ± 3 г. (данные дендрохронологического анализа)</p>	<p>Обшивка часовни тесом в конце XIX – начале XX в.</p>	
<p>Часовня во имя иконы «Божья Матерь Всех скорбящих радость» в д. Еглово</p>	<p>Двухкамерная разноширокая и разновысокая часовня. Вторая половина XVIII – первая четверть XIX в. (по архитектурно-конструктивным особенностям); 1720 ± 2 г. (данные дендрохронологического анализа)</p>	<p>Пристройка сеней и возведение восьмигранной звонницы. Вторая четверть XIX в. (по архитектурно-конструктивным особенностям); 1699 ± 2 г.; 1720 ± 2 г., середина XVIII в. (данные дендрохронологического анализа)</p>	<p>Реконструкция окон молельни и трапезной, обшивка сруба тесом, замена гвоздевой кровли на гвоздевую. Конец XIX – начало XX в. (по архитектурно-конструктивным особенностям)</p>

Окончание прил.

<p>Памятник Часовня Трех Святителей из д. Кавгора</p>	<p>1-й строительный этап Архитектурно-конструктивные решения постройки неизвестно. Сохранилось моленное помещение, которое по данным дендрохронологического анализа было построено из леса, заготовленного в 1745 ± 3 г.</p>	<p>2-й строительный этап Пристроена западная часть с сеями, трапезной и придельным молитвенным помещением. Возведена звонница. Древесина для строительства по данным дендрохронологического анализа заготовлена в 1891 ± 5 лет. Пристройка имела ряд архаичных деталей – крыльцо-галерею на консолях, тесовое отраженное оконные и дверные колоды с соединением косяков «в ус», двойные угловые столбы яруса звона колокольни</p>	<p>3-й строительный этап Установка тесовой обшивки, изменение конструкции кровли и растеска окон. Конец XIX – начало XX в. (по архитектурно-конструктивным особенностям)</p>
---	--	---	--

В. А. Гущина, Б. А. Гущин

НАШ ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ КИЖСКОГО АРХИТЕКТУРНОГО АНСАМБЛЯ (1966–2015 гг.)

Это – бриллиант мировой архитектуры.
*Рокуэлл Кент, американский художник.
Остров Кижси. 1967 г.*

В 1964 г. на Международном съезде в защиту памятников старины в Париже, когда делегация из Советского Союза показала фильм о Кижях, зал встал и стоя рукоплескал этому чуду Севера¹.

Писатель Д. М. Балашов отметил, что здания церквей в древности были средоточием высших художественных усилий нации, воплотившим в своей архитектуре праздничность, жизнеутверждающий дух народа и демократичность². Кижский архитектурный ансамбль является наглядным подтверждением этих слов.

12 декабря 1990 г. в г. Банфе (Канада), на 14-й сессии Комитета Всемирного наследия, Кижский архитектурный ансамбль был включен в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО одновременно с историческим центром Ленинграда, Московским Кремлем и Красной площадью.

Наше знакомство с Кижским ансамблем началось в 1966 г., задолго до этого знаменательного события.

Музей набирал силу. Поток туристов нарастал ежегодно.

В 1960-е гг. Кижский погост становится центром экскурсионно-туристической работы, представляющим научный и культурно-просветительский интерес.

С тем пор наша работа была непосредственно связана с темой истории Кижского архитектурного ансамбля. Результаты этой работы представлены в ряде изданий, в том числе и вышедших в последнее время, приуро-

¹ Балашов Д. М. Еще раз о Великой России. М., 2001. С. 244.

² Там же. С. 245.

ченных к отмечавшемуся в 2014 г. 300-летию Преображенской церкви³. В данной статье мы предлагаем читателю краткий обзор результатов проведенных нами изысканий.

Из истории изучения деревянного зодчества в России⁴

Изучение культового деревянного зодчества в России зародилось сравнительно поздно.

На территории Олонецкой губернии интерес к данному вопросу одним из первых проявил Петр Цитов, профессор Олонецкой духовной семинарии. В 1852 г. он подготовил «Обозрение памятников древности, открытых при монастырях и церквях Олонецкой Епархии, касающихся преимущественно распространения христианства в здешней губернии. О некоторых церковных древностях Олонецкой губернии 14–17 вв.»⁵.

В 1858 г. член-корреспондент Отделения русской и славянской археологии А. Т. Жуковский обратил внимание на две деревянные церкви – церковь Покровскую в селе Анхимово и церковь Кижского погоста, предполагая собрать по возможности полные сведения об этих двух памятниках, «замечательных в архитектурном решении и представляющих своеобразное проявление чисто русского вкуса», и опубликовать их в «Журнале Главного управления путей сообщения и публичных зданий»⁶.

На протяжении многих лет изучением деревянного зодчества занимался иеромонах Алексей Виноградов. Задуманная им в 1874 г. работа по исследованию памятников деревянного церковного зодчества 17–18 вв. была завершена в 1895 г.⁷ Со временем у него образовалась коллекция

³ Документы и материалы по истории Кижского архитектурного ансамбля (1694–1945 гг.) / Авт.-сост. Гушина В. А., Гушин Б. А. Петрозаводск, 2013; Документы и материалы по истории Кижского архитектурного ансамбля (1946–1979 гг.) / Авт.-сост. Гушина В. А., Гушин Б. А. Петрозаводск, 2014; Ансамбль Кижского погоста: история и архитектура. Библиограф. указатель / Науч. рук. и автор вступ. ст. В. А. Гушина, отв. ред. А. А. Николаева. Петрозаводск, 2014; Гушина В. А., Гушин Б. А. Очерк истории Преображенской церкви на острове Кижь // Церковь Преображения Господня на острове Кижь: 300 лет на заонежской земле. Петрозаводск, 2014. С. 6–22.

⁴ Подробный обзор см.: Гушина В. А. К истории изучения культового деревянного зодчества в России и Олонецкой губернии // Кижский вестник. Петрозаводск, 2000. Вып. 5. С. 166–179.

⁵ Архив ИИМК. Ф. 3. Ед. хр. 590.

⁶ Архив ИИМК. Ф. 3. Ед. хр. 408. Л. 86–87 (Протоколы заседаний Отделения русской и славянской археологии за 1853–1863 гг.); Журнал Главного управления путей сообщения и публичных зданий. Первая книга. 1858, январь–февраль.

⁷ РАХ. Научная библиотека. Н – 1516 (Виноградов А. Памятники деревянного церковного зодчества в епархиях Новгородской, Тверской, Ярославской, Иркутской и Красноярской 17 и 18 вв. Учебно-миссионерский отчет. 1895). Автор рукописи – иеромонах Алексей Виноградов, сотрудник Императорского Русского археологического общества, Почетный вольный Общник Императорской Академии художеств и корреспондент Общества поощрения русских художников в Санкт-Петербурге.

чертежей древнерусских церквей и часовен, «всего свыше ста номеров». Черновики видов большинства церквей были выполнены при помощи «камеры-обскуры», пропорции с измерениями фасадов и деталей наносились на сетчатую бумагу. Миниатюрные клише с оригиналами воспроизведены в цинкографии П. О. Яблонского в Санкт-Петербурге⁸.

Составленные им «Сравнительные таблицы планов деревянных церквей и колоколен с 1590 по 1818 гг.» и «Указатель к планам деревянных церквей...» позволили определить объекты в количестве 110 церквей и часовен. К сожалению, данных по Олонецкой губернии в труде Виноградова не было.

В результате изучения была выявлена масштабная панорама деревянного зодчества России и разнообразия составляющих его типажей. Музей «Кижь» пополнился ценнейшими материалами, что значительно расширило познание исследователей и углубило представление о Кижском архитектурном ансамбле, сосредоточившем в себе все наилучшие достижения плотницкого искусства⁹.

Одновременно с А. Виноградовым исследованием деревянных церквей Владимирской губернии занимался Н. Гольшев. В своей публикации он рассмотрел вопросы, касающиеся истории строительства деревянных церквей в России¹⁰. Н. Гольшев был убежден в том, что «деревянные церковные сооружения были и есть временные», поясняя свою мысль тем, что первые деревянные храмы на Руси заменялись впоследствии, как правило, каменными. В 1879 г. Н. Гольшев писал: «На древние русские деревянные церкви следует обращать особое внимание. Большая часть их уже заменена новыми каменными, построенными в новейшем вкусе, а прежние оставлены на произвол судьбы и с каждым годом быстро уничтожаются от разных причин, часто не оставляя и следов своего существования. Пройдет еще немного времени и в России останется весьма мало данных для археологических изысканий по этому предмету»¹¹.

⁸ РАХ. Научная библиотека. Е/184. Л. 4 (Виноградов А. Н. Памятники деревянного церковного зодчества в епархиях Новгородской, Тверской, Ярославской, Иркутской и Красноярской 17 и 18 вв. (с 36 таблицами чертежей). СПб., 1892).

⁹ Гущина В. А. По следам научных командировок // Историко-культурное наследие Русского Севера. Проблемы изучения, сохранения и использования. Посвящается 860-летию Каргополя. Каргополь, 2006. С. 220–224.

¹⁰ Н. Гольшев рассмотрел следующие вопросы: 1. Первые памятники церковных сооружений; 2. Плотничество; 3. Первые деревянные церкви в России; 4. Сооружение деревянных церквей; 5. Оклады и устройство церквей; 6. Порядная запись 1700 г.; 7. Постепенное уменьшение количества деревянных церквей и часовен; 8. Уничтожение деревянных церковных сооружений.

¹¹ Гольшев Н. Памятники деревянных церковных сооружений. Старинные деревянные храмы во Владимирской губернии. Владимир, 1879. С. 5.

Таким образом, изучение культового деревянного зодчества в России хоть и началось сравнительно поздно, но тем не менее велось отдельными исследователями довольно активно, о чем свидетельствуют приведенные архивные материалы. Они позволяют уточнить утверждение академика В. В. Сулова, который в 1889 г. писал: «До настоящего времени все труды наших ученых и художников по исследованию древнего русского зодчества были направлены только на изучение каменных образцов его, исследование деревянной архитектуры если не совсем, то заметно игнорировали. Академик Даль Л. В. ... был выдающимся исключением, положив почин серьезному исследованию деревянных памятников родного зодчества...»¹².

Академик архитектуры Л. В. Даль (1834–1878) посетил остров Кижы в августе 1876 г. Его материалы по Преображенской церкви (размер, план, детали, фасады, перспективный план) и акварели хранятся в Научно-исследовательском музее Российской академии художеств¹³. Путешествие по России (Поволжье и Олонецкая губернии) убедило его в самобытности русского деревянного зодчества.

Значительный интерес представляют выявленные материалы о подготовке «Метрики» на памятники зодчества¹⁴.

В 1886 г. в докладной записке о составлении метрики Трувонт Кибальчич пишет: «Императорская Академия Художеств, озабочиваясь не только изучением, но и содержанием древнерусских художественных памятников, за последние 15 лет принесла несомненную услугу искусству... Русское государство, считавшееся до того времени только отпрыском магометанского, наконец заявлено самобытным, с такими характеристическими особенностями, каких нет в искусстве других национальностей Европы»¹⁵.

В архиве ИИМК имеются «метрики» 1887 г., собранные Академией Художеств и по Олонецкой епархии, включая церкви Кижского погоста¹⁶.

В 1889 г. академик В. В. Сулов отмечал: «Откладывая исследование памятников нашего далекого Севера даже преступно: время, неумолимый сокрушитель, висит Дамокловым мечом над немymi свидетелями глубокой старины, и уже близка пора, когда они бесследно исчезнут с лица Русской земли и навсегда сокроются от летописей и преданий народной

¹² Сулов В. В. Очерки по истории древнерусского зодчества. СПб., 1889. С. 85.

¹³ Научно-исследовательский музей Российской академии художеств. № 4249-19-Д-2.

¹⁴ Архив ИИМК. Ф. 1. 1890. № 25. Л. 2 (Докладная записка в Императорскую академию художеств Трувонта Кибальчича о составлении Метрики для получения верных сведений о древне-православных храмах Божиих, зданиях и художественных предметах) от 17 февраля 1886 г.).

¹⁵ Там же. Л. 1.

¹⁶ Архив ИИМК. Ф. 1. Р-111, 4217. 1887. Л. 1, 16 (Метрика для получения верных сведений о древне-православных храмах Божиих, зданиях и художественных предметах Олонецкой губернии Петрозаводского уезда Кижского погоста).

жизни». В. В. Суслов призывал глубже вдумываться в естественный ход развития народного творчества, с тем чтобы понять его духовный язык¹⁷.

Первый опыт написания истории русской архитектуры осуществил академик А. М. Павлинов в 1894 г.¹⁸

Глава «Деревянное зодчество» была выделена им особо. Касаясь Преображенской церкви, А. М. Павлинов писал: «Нельзя не упомянуть также про церковь Преображения в Кижском погосте Петрозаводского уезда. Она многоглавая, выступы креста крыты по трем уступам каждый, на каждом уступе по главке». Далее он отмечает: «Все вышеупомянутые деревянные церкви и многие, разбросанные по провинциальным городам и селам, конечно, не представляют памятников высшего деревянного зодчества. Последние, несомненно, были и в свое время процветали в лучших городах, в царских, великокняжеских и боярских деревянных храмах и хоробах»¹⁹.

126 лет прошло со времени этого заявления А. М. Павлинова, но время внесло свои коррективы. Преображенская церковь в составе Кижского архитектурного ансамбля внесена в Список Всемирного наследия в качестве памятника высочайшего ранга.

В начале XX в. на Север началось паломничество художников и архитекторов. Их привлекало то, что еще сохранилось здесь в своей первозданности. Но и Север не избежал обновления: начала проявляться тяга к новизне и небрежное отношение к старине.

В 1890-е гг. в России начали появляться специальные духовные музеи, с целью формирования коллекций из культовых предметов.

В 1904 г. И. Я. Билибин настоятельно призвал беречь «от варварских ремонтов и вандальского уничтожения» древние деревянные церкви, убеждал сохранять их «как этнографические реликвии от прошлого времени»²⁰.

В 1907 г. постановление Черниговского Епархиального съезда утвердило культовый памятник музейным предметом, что позволило продолжить формирование коллекций²¹. Таким образом, становление культового памятника музейным предметом произошло с благословения церкви как способ спасения памятников древнерусского искусства.

¹⁷ Суслов В. В. Путевые заметки о севере России и Норвегии. СПб., 1889. С. 68, 106.

¹⁸ Павлинов А. М. История русской архитектуры. М., 1894.

¹⁹ Там же. С. 215–217.

²⁰ Билибин И. Я. Народное творчество Русского Севера // Мир искусства. 1904. № 11. С. 38.

²¹ Фирсова Л. Д. Сохранение памятников культового зодчества в Архангельской губернии в 19 – начале 20 в. (к истории вопроса) // Музей под открытым небом в современных условиях: Сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию Архангельского Государственного музея деревянного зодчества и народного искусства. Архангельск, 1995. С. 42.

В начале XX в. в семинариях был введен курс лекций по древнерусскому культовому зодчеству и особенностям ремонта памятников архитектуры²².

С 1912 г. Императорская Археологическая комиссия установила контроль за ремонтом старинных церквей²³.

В 1915 г. при поддержке императора Николая II создается «Общество возрождения художественной Руси», которое согласно принятому уставу поставило своей задачей «широкое ознакомление с самобытным древним русским творчеством во всех его проявлениях и дальнейшее преемственное развитие в применении к современным условиям»²⁴. В «Общество» входили известные архитекторы, художники, писатели и поэты, в числе которых были В. Васнецов, М. Нестеров, А. Щусев, А. Ремизов, И. Билибин, Н. Клюев, С. Есенин, С. Городецкий.

Одним из первых шагов «Общества» в возрождении национальных традиций в искусстве стало строительство на территории Царского села Федоровского городка. Его название происходило от уже построенного собора в честь Феодоровской иконы Божией Матери. Этой иконой в 1612 г. был благословлен на царствование Михаил – первый царь из рода Романовых. В состав зданий Федоровского городка входила церковь и нескольких построенных в древнерусском стиле зданий, обнесенных кремлевской стеной с живописными башнями. Предполагалось, что городок станет своеобразным музеем древнерусского искусства, образцом архитектурных и художественных достижений Древней Руси. Об этом же свидетельствует материал о «Музее древнерусского искусства и зодчества в Федоровском городке»²⁵.

Таким образом, постепенно приобретался опыт и навыки работы по спасению памятников архитектуры в России. К началу XX в. источниковая база по изучению культового деревянного зодчества в России была уже довольно значительной.

После революции 1917 г., в 1920-е гг., наиболее выдающиеся памятники искусства и старины начали ставить на государственную охрану.

2 июля 1920 г. Ф. А. Каликин, сотрудник Отдела охраны и регистрации памятников искусства и старины, писал: «...мною было произведено обследование церквей Кижского погоста... Всего построек три... Обе церкви, хотя и охраняются приходским советом, но, тем не менее, я предлагаю отделу выдать Охранные грамоты как на памятники строительного искусства...». Охранное свидетельство было выдано 11 августа 1920 г. (номер свидетельства 1847). В нем сообщалось: «...как вы-

²² Фирсова Л. Д. Указ. соч. С. 43.

²³ Там же.

²⁴ Евсин И. Судьба и вера Сергея Есенина. Рязань, 2002. С. 66.

²⁵ Там же. С. 67.

дающиеся памятники, находящиеся под охраной правительства, состоят в ведении отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Комиссариата народного просвещения, не могут видоизменяться и перестраиваться, а также быть без ведома разрешения Отдела перемещены и не подлежат реквизиции»²⁶.

В 1939 г. кижские церкви были включены в перечень памятников революции, культуры и архитектуры по КАССР, рекомендованных в состав списка памятников общесоюзного значения. Но в связи с войной 1941 – 1945 гг. это произошло только в 1948 г.

В послевоенные годы в целях сохранения Кижского архитектурного ансамбля территория погоста, в пределах каменной ограды, была объявлена заповедником. Тогда же было решено «обнести весь погост по контуру существующей каменной ограды колючей проволокой, дабы прекратить свободный доступ на кладбище и в церкви»²⁷.

В мае 1948 г. Управление по делам архитектуры при Совете министров К-ФССР обратилось в Государственную инспекцию по охране памятников принять на себя разработку проектов реставрации Кижского ансамбля.

В 1948 г. начались реставрационные работы под руководством московского архитектора Б. В. Гнедовского.

С 1949 г. ремонтно-реставрационные работы возглавил московский архитектор А. В. Ополовников.

Работы приобрели широкий размах. В 1957 г. Кижский заповедник был подготовлен к открытию.

Распоряжением Совета Министров РСФСР от 14 июля 1965 г. на острове Кижы 1 января 1966 г. был создан Государственный историко-архитектурный музей «Кижы», который в 1969 г. был реорганизован в Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижы».

Истоки формирования кижского архитектурного ансамбля

На обширной территории совместного проживания финноязычного и русского населения (Карелия, Ленинградская и Вологодская области) исследователи отмечали наличие особенностей, характерных для деревянных церквей данного региона.

Известно, что каждый народ создает свою национальную культуру и искусство в соответствии с конкретными историческими условиями своего национального развития, проявляясь и заявляя о себе теми или иными особенностями.

²⁶ Архив ИИМК. Ф. 67. Д. 7. Л. 13.

²⁷ НАРК. Ф. 2916. Оп. 1. Ед. хр. 1/16. Л. 55.

Не случайно исследователи русского народного деревянного зодчества довоенного времени отмечали существование особого типа шатровых церквей, встречающихся только на побережьях Онежского озера, населенных карелами и вепсами. Они выделили их в разряд церквей местной прионежской школы (церкви в г. Кондопоге – 1774 г., в с. Линдозере – 1634 г., в Гимреке – 1695 г. и другие)²⁸.

Накопив большой графический материал (акварели, наброски, фотографии, чертежи), архитектор Б. В. Гнедовский в ноябре 1952 г. прочитал в Институте истории искусств в Москве доклад «Элементы карельского народного зодчества на территории Карело-Финской ССР», высоко оцененный видными учеными И. Э. Грабарём, М. А. Ильиным, И. В. Маковецким, отметившими, что благодаря собранным материалам можно «поставить вопрос о наличии национальных карельских элементов, а работу по сбору материала необходимо продолжить и подготовить к изданию». Это было отмечено в Протоколе заседания сектора истории архитектуры Института истории искусств АН СССР от 18 ноября 1952 г.

Б. В. Гнедовского можно считать «пионером», «первооткрывателем» карельских особенностей в народном зодчестве и в дальнейшем развитии этой темы²⁹.

Архитектор А. В. Ополовников также явно ощутил, что при тождестве основных архитектурных приемов, общих для всего русского деревянного зодчества, ряд характерных черт памятников севера свидетельствуют о несомненном взаимовлиянии искусства русского народа и местных национальностей. «Особенно заметно взаимовлияние национальных культур в таких памятниках, как, например, Кондопога, Лычный остров, Линдозеро, Деревянское, которые, возникнув в районах с преобладающим карельским населением, не переставая являться произведениями русского искусства, отразили в себе все основные внутренние закономерности развития русской культуры, но вместе с тем носят на себе несомненный отпечаток местной, карельской культуры, обогатившей их архитектурное решение»³⁰.

Самобытность культуры вепско-карельского населения и взаимообогащающие связи с русскими, по мнению архитектора В. П. Орфинского, подтверждаются существованием на территории их расселения высокохудожественных и технически сложных архитектурных комплексов, которые могли быть созданы лишь квалифицированными плотниками³¹.

²⁸ Забелло С., Иванов В., Максимов П. Русское деревянное зодчество. М., 1942.

²⁹ Деревянное народное зодчество в творчестве Бориса Гнедовского. М., 2000. С. 12, 17, 68.

³⁰ Ополовников А. В. Памятники деревянного зодчества Карело-Финской ССР. М., 1955. С. 25–26.

³¹ Орфинский В. П. Деревянное зодчество Карелии. Л., 1972.

Искусствовед Э. С. Смирнова отмечала, что культовое строительство вепсов имеет немало своеобразных особенностей, но еще недостаточно изучено³².

При изучении архитектурно-конструктивных особенностей церквей прионежского типа выяснилось наличие аналогичных вепско-карельских элементов в архитектуре церквей Кижского ансамбля, в частности, последовательное расширение верхних частей сруба с помощью от одного до трех «повалов», а также устройство от одного до трех фронтонных поясов по периметру восьмериков.

Конструктивно-архитектурные элементы, развитые мастерами прионежской школы, внесли в архитектуру Кижского ансамбля новое освежающее дыхание. В результате творческой переработки зодчими Покровской церкви Кижского погоста ранее утвердившиеся традиционные приемы были тонко соразмерены и полностью подчинены величественному образу Преображенской церкви.

Остров Кижи явился средоточием двух разновидностей культового зодчества – шатрового прионежского, творчески переосмысленного, и многоглавия в своем уникальном шатровом варианте, доведенном до полного совершенства зодчими, прекрасно освоившими особенности местного деревянного зодчества.

Нельзя не принимать во внимание то, что именно на территории совместного проживания карел, вепсов и русских были созданы шедевры мирового значения: шатровая церковь Успения в Кондопоге и Кижский архитектурный ансамбль, воплотивший в себе всё лучшее, созданное многовековым содружеством этих народов в деревянном зодчестве.

В данном случае, видимо, правомерно сравнение с русским фольклором, зародившимся в центральных областях России, но сохранившимся и обогатившим себя в живом исполнении прославленных рапсодов Заонежья³³.

Особый интерес представляет то, что церкви Кижского ансамбля впитали в себя лучшие достоинства многоглавия, получившего наивысшее развитие на данной территории. Они преодолели сопротивление шатровых церквей прионежского типа, полностью растворив строгие контуры шатра в легком хороводе девятиглавия, утвердились рядом с колокольной позднего, нетрадиционного устройства (высокий четверик колокольни предназначен для низкого восьмерика). «Стародавняя основа» прежней колокольни была совсем иной: с низким цоколем (четверик) и высоким восьмериком.

³² Смирнова Э. С. По берегам Онежского озера. Л., 1969.

³³ Гуцина В. А., Гуцин Б. А. К вопросу о церквях прионежского типа (вепско-карельские элементы в архитектуре Кижского ансамбля) // Кижский вестник. Заонежье. 1994. № 4. С. 133–143. Рис. 33–35.

Соседство непревзойденной 22-главой церкви Преображения Господня с далекой от совершенства девятиглавой церковью Покрова и совсем чужеродной колокольней, как это ни странно, воспринимается содружеством гармонии и красоты.

В чем же заключена сила столь явного архитектурного разнobia?

Вне сомнения цементирующей их нерасторжимое единство является Преображенская церковь, без которой становится бессмысленной усеченная девятиглавой короной Покровская церковь, предназначенная для шатрового завершения; видится полностью беззащитной беспомощная, надуманная в тиши кабинетов уездным архитектором кижская колокольня.

Известно, что свой настоящий вид Кижский архитектурный ансамбль обрел не сразу. Первоначально, после пожара в 1693/1694 гг., была построена церковь Покрова в клетском, а не в шатровом варианте. Через 20 лет, в 1714 г., рядом была возведена величественная 22-главая Преображенская церковь – основа для только что зарождающегося архитектурного комплекса.

На примере Кижского ансамбля, создававшегося на протяжении 180 лет (с 1694 по 1874 г.), убеждаешься в мастерстве зодчих доводить до совершенства свои творения (Преображенская церковь), находить выход из сложных положений, смело нарушая устоявшиеся каноны (Покровская церковь), оставаясь верными новым модным веяниям в строительном искусстве (колокольня).

Создание Кижского ансамбля стало возможным благодаря многовековой истории развития народного деревянного зодчества, прошедшего через простейшие клетские церкви, доведенные до полного самовыражения во всех своих разновидностях, через виртуозное воплощение шатровых церквей (Успенская церковь 1774 г. в Кондопоге) и совершенство многоглавия (Преображенская церковь 1714 г. на о. Кижь).

Благодатная земля, рождающая шедевры деревянного зодчества мирового значения, изобилует древней топонимией финноязычного происхождения, тесно переплетенной со славянской терминологией.

Многовековое совместное проживание финноязычного и русского населения благотворно сказалось, в частности, на культовом деревянном зодчестве, разнообразном и щедром на красоту, но, к сожалению, еще недостаточно исследованном и поэтому малоизвестном³⁴.

За время своего довольно длительного существования шатровые церкви сильно менялись. Наиболее значительным изменениям, как известно, подверглось шатровое завершение Покровской церкви в

³⁴ Гущина В. А. К вопросу об истоках формирования Кижского архитектурного ансамбля // Кижский вестник. Петрозаводск, 2004. Вып. 9. С. 180–210.

Кижях, которое полностью исчезло в связи с заменой шатра девятиглавием. Это не было случайным решением: шатровое завершение диссонировало с 22-главием церкви Преображения Господня. Поэтому было решено совместить отдельные элементы этих двух совершенно разных архитектурных форм (шатровой и многоглавой) в одном новом ансамблевом комплексе.

Такое смелое решение, с полным попранием давно устоявшихся традиций, могло возникнуть лишь у особо одаренной личности, сумевшей осуществить свой необычный замысел и добиться новой гармонии двух теперь уже многоглавых церквей.

В данном варианте Покровская церковь «пожертвовала» своим стилем в угоду безупречной красоте 22-главия церкви Преображения Господня, став лишь достойным ее дополнением. Другой вариант здесь, кажется, стал бы неуместен. Преображенская церковь словно передала свою эстафету многоглавия Покровской церкви, уничтожив при этом ее шатер, низведя его до уровня восьмискатной, пологой крыши («купола съели шатер»), но одновременно и утвердила шатер своим 22-главием в его силуэтом исполнении («купола возродили шатер»). Кроме того, шатер здесь изначально представлен в пирамидальной конструкции, состоящей из трех постепенно уменьшающихся сверху восьмериков.

Таким образом, на примере формирования Кижского архитектурного ансамбля в истории деревянного зодчества России произошло знаменательное событие: уничтожение шатра – излюбленной в народе формы церковного завершения – с заменой его живописным девятиглавием (Покровская церковь), с одновременным его возрождением 22-главием (церковь Преображения Господня).

В одной из своих работ мы рассматривали предысторию формирования кижских церквей с присущими им локальными особенностями, выявленными при сравнении их с памятниками того же периода, расположенными в бассейне Онежского озера³⁵.

При изучении церквей данного региона возникает интересное наблюдение: левобережье Онежского озера представлено преимущественно деревянными церквями с шатровым завершением. Эти территории – Кондопожский, Медвежьегорский, Прионежский районы Карелии и Ленинградская область – были заселены в основном карелами и вепсами. Таким образом, Заонежье и левобережное Прионежье явились своеобразным «шатровым раем», столь насыщенным данным типом церквей.

³⁵ Гуцина В. А. Кижский архитектурный ансамбль: локальные особенности формирования // Этнографическая карта Ленинградской области и сопредельных территорий – 2. СПб., 2009. С. 254–260.

Самой ранней из сохранившихся является церковь на Лычном острове (1620 г.), а самой поздней – Успенская церковь в Кондопоге (1774 г.). Потребовалось 154 года, чтобы достичь высочайшего совершенства в создании шатровых церквей. Зодчие подготавливались к своему будущему шедевру – Успенской церкви в Кондопоге – неторопливо, с каждым новым объектом все более совершенствуя свое мастерство.

Многоглавые церкви, «заселившие» другой – правый берег Онежского озера заявили о себе сразу же каскадом звучных куполов. Это наблюдение убедительно подтверждают 21- и 22-главые церкви в Анхимове и на острове Кижы. Именно на этот период приходится пора расцвета России, устремившейся к европейской цивилизации, к праздничности и свободе в разных видах творчества³⁶.

Проследивая тенденцию дальнейшего развития «многоверхового стиля» после формирования Кижского архитектурного ансамбля, наблюдаем, что не они, а шатровые церкви продолжали утверждать свою прежнюю стать. Не прижился хоровод куполов на восьмерике – основе шатрового навершия на примере кижской церкви Покрова Богоматери.

Кижские шедевры никого не смутили.

Им не стали подражать, видимо, осознав тщетность повторений.

Это и есть классика на все времена!

Возможно, зодчие надеялись превзойти кижские церкви в дальнейшем, но Кижский архитектурный ансамбль остался недосягаемым образцом до настоящего времени³⁷.

Таким образом, остров Кижы явился для архитектурного комплекса своеобразным аккумулятором идей, выработанных на сопредельных землях местными зодчими, но творчески переосмысленных на каждом из его объектов.

Отмечено, что именно на землях обитания разных народностей ярче всего проявляются их самые лучшие черты во всех видах творчества и искусства. Именно здесь возникают шедевры. Рассматриваемый регион, земли которого стали родиной уникальных памятников деревянного зодчества, общепризнанных мировым сообществом, – лучшее тому подтверждение³⁸.

О датировке памятников Кижского архитектурного ансамбля

До недавнего времени датировка строений Кижского архитектурного ансамбля не вызывала никаких сомнений. Но обнаруженные архивные источники позволили приоткрыть отдельные страницы исто-

³⁶ Гущина В. А. Кижский архитектурный ансамбль... С. 255–257.

³⁷ Там же. С. 258.

³⁸ Там же. С. 259.

рии не только ныне существующих памятников, но и их предшественников, а также уточнить даты построения церкви Покрова Богоматери и колокольни.

Впервые Спасский погост в Кижях был описан в 1496 г. Юрием Константиновичем Сабуровым, о чем свидетельствует запись более позднего времени. Так, в момент подробного описания деревень Спасского погоста в Кижях в 1563 г. писец Андрей Лихачёв отмечает: «...да у погоста же писаны по Юрьеву письму Константиновича 3 двory... и те дворища пусты и двory нет»³⁹.

Известно, что Кижский приход издавна считался «едва ли не древнейшим во всем Заонежье»⁴⁰.

Впервые описание церковных построек Кижского погоста дал писец Петр Воейков в 1616 г.: «А на погосте Боголепного Спасова Преображения деревянной с папертьми, верх шатровой, и Покрова Пресвятой Богородицы, теплой, тож деревянной»⁴¹.

В Писцовой книге 1628–1631 гг. дано следующее описание: «Погост Спасской в Кижях на Онеге озере на острове, а на погосте церковь Преображение Господа бога и спаса нашего Иисуса Христа, деревяна, верх шатром... Церковь другая тёплая Покров Пречистые Богородицы с трапезоу, деревяна, верх шатром»⁴².

Последние сведения о церквях относятся к 1694 г.: «Церковь Преображения Господня и прежня Покрова Богородицы в прошлом 7202 (1693/1694) году сгорели от молнии»⁴³.

О том, как выглядела новая Покровская церковь, сообщается в «Олонца города переписной книге волостям, сёлам, деревням и пустошам...»: «Погост Спасский в Кижях на Онеге озере на Кижском острове, а на погосте строят церковь новую, теплую, клетчки, во имя Покрова Богородицы. Да в той же церкви построен придел во имя Николы Чудотворца»⁴⁴.

Данный документ позволил усомниться в общепринятой датировке Покровской церкви 1764 г. и задуматься над вопросом: какой была построена церковь после пожара – клетской, шатровой или девятиглавой?

³⁹ Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930. С. 126; НАМЗК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1296. Л. 12 (Гущина В. А., Гуцин Б. А. Писцовые книги Обонежской пятины как исторический источник для датировки памятников народного деревянного зодчества культового назначения. Рукопись).

⁴⁰ Кижь. Этнографические материалы // Олонекские губернские ведомости. 1892. № 93. С. 952.
⁴¹ Остров Кижь. Петрозаводск, 1968. С. 15.

⁴² Чернякова И. А., Черняков О. В. Писцовые и переписные книги 16–17 вв. как источник по истории деревянного зодчества Карелии // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 1988. С. 71–72.

⁴³ РГАДА. Ф. 137. Олонец, № 16. Л. 4А.

⁴⁴ Там же.

До пожара зимняя Покровская церковь была шатровой, а после пожара строилась в более простом, клетском, варианте. Отстройка ее началась довольно поспешно, сразу же на месте свежего пепелища. При ее строительстве использовались бревна, прежде уже бывшие в употреблении, заметны следы торопливости в небрежной обработке отдельных конструкций, а также в хаотичном разбросе бревен в срубах. Возможно, что такая поспешность предусматривала впоследствии замену этой церкви новым, более продуманным, выверенным вариантом – в соответствии с будущей главной, летней церковью Преображения Господня, тогда еще неизвестной по своему архитектурному решению.

Такая предусмотрительность кижских прихожан позволила отстроить церковь с двойным функциональным предназначением в качестве летне-зимней, или «тёпло-холодной» церкви, так как в помещении ее трапезной был устроен тёплый Никольский придел. Алтарь придела располагался в юго-восточном углу собственно-церковного помещения. Следы отдельных элементов этого придела хорошо сохранились в современном интерьере Покровской церкви.

Наличие на погосте новой, «двухкомплектной», приходской церкви, вероятно, позволило не торопиться с возведением главной церкви. Таким образом, Покровская церковь стала первой церковью будущего Кижского архитектурного ансамбля.

Она была построена во времена правления митрополита Корнилия, который был переведен в Новгород из Казани. Корнилий управлял Новгородской епархией почти 21 год, с 6 августа 1674 г. до 3 марта 1695 г.⁴⁵

Следует принять во внимание, что Кижский погост к этому времени стал достаточно благополучным и старинные церкви погоста, известного с 1496 г., не отвечали запросам прихожан, а неожиданно разразившийся пожар только способствовал их обновлению.

Итак, к датировке Покровской церкви 1694 г. склоняют следующие основные аргументы:

- Историческое подтверждение в архивных источниках 1696 г. о строительстве этой церкви с уже готовым тёплым Никольским приделом в 1694 г.
- Хорошо сохранившиеся следы Никольского придела, зафиксированные в натуре.
- Конструктивно-архитектурная основа самой церкви с равношироким плановым решением и близкой к анфиладной компановкой всех помещений (алтаря, собственно-церковного помещения, трапезной и сеней), традиционная для церквей конца XVII в.

⁴⁵ Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви / Сост. Павел Строев. СПб., 1877. С. 38.

- Значительно большее разрушение древесины по сравнению с состоянием древесины более «молодой» Преображенской церкви, зафиксированное специалистами биологами и химиками, проводившими исследования на данных объектах⁴⁶.

Вероятнее всего, в 1764 г. Покровская церковь подверглась значительной конструктивной перестройке с заменой шатра на девятиглавие, была заново освящена, что и позволило в будущем считать именно 1764 г. датой ее постройки⁴⁷.

О предстоящей реставрации Покровской церкви

Результаты исследований Покровской церкви необходимо учесть при разработке проекта реставрации.

Прежде всего, необходимо учесть корректировку возраста церкви – с 1764 на 1694 г.⁴⁸

Целесообразно предусмотреть проведение дополнительных исследовательских работ по выявлению и подтверждению наличия двух опорных столбов в помещении трапезной. Планировавшееся архитектором А. В. Ополовниковым воссоздание этих столбов в период реставрации 1949–1959 гг. не было произведено. В. А. Крохин считает, что существовавшие в первоначальном интерьере церкви два опорных столба были удалены во время крупной реконструкции около 1749 г.⁴⁹

Требует разрешения вопрос о воссоздании второго фронтонного пояса, связывающего кровли углов четверика. Совместно с первым фронтонным поясом, существующим в настоящее время, это создало бы еще более живописную кровельную композицию. Тем более что в настоящее время следы второго, нижнего фронтонного пояса видны на срубе. Археолого-архитектурное обследование кровельных конструкций, произведенное А. Т. Яскеляйненом, подтвердило существование второго фронтонного пояса⁵⁰.

⁴⁶ Гущина В., Гуцин Б. Когда построены Кижы? // Север. 1976. № 10. С. 105.

⁴⁷ Гущина В. А., Гуцин Б. А. Новое об истории памятников Кижского архитектурного ансамбля // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1978. Вып. 9. С. 349.

⁴⁸ Гущина В. А. Об уточнении датировки церкви Покрова Богородицы и колокольни Кижского архитектурного ансамбля // Кижский вестник. Петрозаводск, 2001. Вып. 6. С. 136–150; Крохин В. А. Формообразование Кижского ансамбля // Там же. С. 151–172.

⁴⁹ Технический архив ЗАО «Архитектурно-реставрационное предприятие «Лад». Б/н. Л. 4. (Крохин В. А. Покровская церковь Кижского погоста. Историческая справка с графической реконструкцией памятника на 17 в. Петрозаводск, 1998).

⁵⁰ Яскеляйнен А. Т. Оптимизация хронологической атрибуции сооружений деревянного зодчества: Дис. ... канд. архитектуры. Петрозаводск, 1996. С. 67.

Согласно проекту реставрации Покровской церкви, разработанному в 1949 г., архитектор А. В. Ополовников предусматривал восстановление 12 наличников на окнах, следы которых хорошо просматривались на бревенчатых срубах. В процессе реставрации 1949–1959 гг. наличники не были восстановлены⁵¹. Работы по их устройству были выполнены только в 2013–2014 гг.

О Преображенской церкви

Наступила новая историческая пора – времена бурных Петровских преобразований. Уже не хотелось жить по старинке, и даже в отдаленных северных провинциях жизнь заметно обновлялась, тем более что у соседней на Вытегорском погосте, в селе Анхимове бывшей Олонецкой губернии, совсем недавно, в 1708 г., была построена 25-главая, небывалая по красоте церковь. А почему бы и в Кижях не возвести подобную? Возвели церковь через шесть лет, в 1714 г., и даже превзошли по красоте и величию!

Согласно Метрическому свидетельству церковь была основана в начале XVIII в., а алтарь был освящен только в 1714 г.: «Въ Алтаре имееся деревянный крестъ, на коем надпись: Обложил [облыкися?] сей алтарь Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа Богольпного Преображения Господня по плоти от Рождества Христова АУДІ [1714] года июня 6 дня на память Преподобного отца нашего Висариона при державъ Великого Князя Петра Алексеевича всея великия и малыя и белыя России Самодержць и при Благоверномъ Государь нашемъ Царевичъ Алексее Петровичъ А614 и при Преосвященномъ митрополитъ Иовъ Великого Новгорода и Великихъ Лукъ»⁵².

Митрополит Иов был переведен в Новгород из Троице-Сергиевой Лавры 6 июня 1697 г. и управлял Новгородской Епархией на протяжении 19-ти лет (умер 3 февраля 1716 г.)⁵³.

Эта церковь возводилась неторопливо, без поспешности, что было вызвано, возможно, сложностью ее необычного архитектурно-конструктивного решения и длительной заготовкой строительного материала.

Какой была церковь Преображения Господня в первоначальный этап своего существования, свидетельствует история создания ее трапезной, рассмотренная нами в специальной работе⁵⁴.

⁵¹ Гущина В. А. Покровская церковь Кижского погоста. Исторические сведения о ремонтных работах (предложения к разработке проекта реставрации) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2005. Вып. 10. С. 28.

⁵² ИИМК. Ф. 1. Р-111. № 4217. 1887. Л. 1–2 (Метрика...).

⁵³ Списки иерархов и настоятелей... С. 38.

⁵⁴ Гущина В. А., Гушин Б. А. Трапезная церкви Преображения Господня: из истории создания // Кижский вестник. Петрозаводск, 2015. Вып. 15. С. 67–91.

За 300 лет существования Преображенской церкви значительным изменениям подвергался не только ее внешний вид, но и внутреннее убранство⁵⁵.

Документальные материалы позволяют проследить эволюцию ее художественного убранства от церкви-предшественницы (с начала XVII в.) до настоящего времени.

При изучении истории создания и формирования художественного убранства церкви за столь длительный период существования необходимо учитывать разные аспекты, в том числе иконостасное оформление (тябловый, резной), сюжетный состав икон и особенности иконографии, стабильность и устойчивость иконостасных рядов, перемещение и замену икон, демонтажные работы, предпринятые в связи с ремонтами, с военными действиями (вывоз икон в Финляндию, возврат и воссоздание иконостасов на прежнем месте)⁵⁶.

Данные сведения нами были зафиксированы⁵⁷.

В связи с заменой первоначального строгого, тяблового иконостаса новым, выполненным в стиле пышного барокко, с обильным золочением резной рамы, интерьер храма в значительной степени изменился.

Сложный резной орнамент, высокое мастерство его исполнения придали иконостасу величавый, торжественный вид, но при этом внесли диссонирующее звучание в прежний интерьер. Исчезло гармоничное единение с оказавшимися вдруг такими неуместными расписными тяблами «неба» и красочными фризами потолочного свода. Крупная, словно клубящаяся резьба иконостасной рамы и спокойная акварельная роспись тябл «неба» и обрамляющих потолок фризов вошли в явное противоречие между собой.

Нарушенное стилистическое единство интерьера в настоящее время не вызывает эмоционального отклика, не пробуждает чувства гармонии: всё меркнет под сиянием позолоты.

Тем не менее барочный иконостас вошел в соответствие с экстерьером памятника, отразившим новые тенденции в развитии церковной архитектуры, связанной с влиянием европейского стиля барокко. Пышное многоглавие, динамичный взлет куполов, вихревая пульсация объемных

⁵⁵ Гуцина В. А. Кижский архитектурный ансамбль до и после реставрации 1949–1959 гг. // Рябининские чтения-2011. Петрозаводск, 2011. С. 35–37.

⁵⁶ Гуцина В. А. Художественное убранство Преображенской церкви Кижского погоста (тябловый и резной иконостасы, живопись «неба») // Церковь Преображения Господня на острове Кизи: 300 лет на заонежской земле. Петрозаводск, 2014. С. 136–137.

⁵⁷ НАМЗК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 4387 (Т. 1, 2) (Гуцина В. А. Отчет по теме: «Разработка научно-экспозиционного проектирования по воссозданию иконописного убранства интерьеров Преображенской и Покровской церквей Кижского архитектурного ансамбля в историческом аспекте (1628–2001 гг.) в 2-х томах». Приложение – 2 диска).

форм церкви Преображения Господня отразили новое время и новые требования: восторжествовал стиль барокко, который был наиболее прогрессивным для того времени. Растущие международные связи всё более требовали приближения к европейским нормам жизни⁵⁸.

Подъем экономической и культурной жизни Карелии в начале XVIII в., связанный с бурными преобразованиями Петра I, вызывал оживление и в духовной жизни, потребовал смены стиля и поисков нового выражения образа в церковном и гражданском зодчестве.

Барочные формы распространялись и проявлялись повсеместно: об этом напоминают «рваные» в стиле барокко фронтоны оконных наличников в крестьянских домах Заонежья.

На примере Преображенской церкви тенденции новизны в форме своеобразного «деревенского» барокко проявились ярко, сохранив при этом дух крестьянской самобытности в главном – уважении к деревянной основе срубной конструкции⁵⁹.

О «небе» Преображенской церкви

Вопрос о воссоздании утраченного в годы Великой Отечественной войны «неба» Преображенской церкви поднимался еще в период подготовки иконостаса церкви к экспонированию в 1959 г. Тогда иконы «неба» предполагалось заново написать художнику-реставратору по древнерусской живописи Г. В. Жаренкову⁶⁰.

Известно, что первоначальное живописное убранство Преображенской церкви сохранилось лишь частично. Оно дает представление о «небе» и прежнем тябловом иконостасе. Сохранившийся каркас «неба» и тябла иконостаса являются подлинными элементами.

Первое упоминание о «небе» зафиксировано на западном фризе потолочного свода, где имеется надпись: «Возобновлены сии небеса в лето мироздания от Рождества по плоти Бога Слова 1759».

Впервые фотофиксация фрагментов «неба» была сделана в 1903 г. И. Билибиным и в 1926 г. Ф. Морозовым.

Полная фотофиксация икон «неба» воспроизведена в 1943 г., во время оккупации Заонежья финскими войсками. Демонтированные финнами иконы «неба» были утрачены⁶¹. Оставшиеся в церкви тябла

⁵⁸ Гущина В. А. Художественное убранство... С. 145.

⁵⁹ Там же. С. 146.

⁶⁰ НАРК. Ф. 2916. Оп. 1. Д. 17/163. Л. 12 (Письмо В. Брюсовой председателю Госкомитета по делам строительства и архитектуры при Совете Министров К-Ф ССР Р. Б. Соломонову от 27.01.1956 г.).

⁶¹ НАРК. Ф. 2916. Д. 3/32. 1948 г. Л. 54–55. В письме начальника Управления по делам архитектуры при совете Министров К-Ф ССР Д. Масленникова секретарю ЦК КПСС

«неба» сохранились и находятся в фондах музея «Кижы»⁶². В фондах музея «Кижы» также находятся акварельные зарисовки тябл иконостаса и «неба», выполненные в 1946–1947 гг. Н. А. Ильинской, Л. М. Лисенко и Б. В. Гнедовским⁶³.

К сожалению, отсутствие цветных изображений утраченных икон «неба» (имеются только фотографии в черно-белом исполнении), а также текстовое описание живописных достоинств небес дают лишь общее представление о целостном образе потолочного свода⁶⁴.

В Национальном архиве Финляндии хранится коллекция Ларса Петтерссона с материалами фотофиксации икон «неба», представляющими большую ценность для разработки данной темы⁶⁵. Эти материалы поступили в фонды музея «Кижы»⁶⁶.

В 1945 г. московские реставраторы по древнерусской живописи Н. Е. Мнёва⁶⁷ и В. Г. Светличная (Брюсова)⁶⁸ высоко оценили неведомое ранее им искусство крестьянской живописи Заонежья.

Архитектор Б. В. Гнедовский (1914–1998 гг.) относил «небо» как архитектурно-художественный прием древнерусских зодчих к числу самых высоких творческих достижений. Он писал: «Среди многообразных форм перекрытий моленных залов деревянных церквей наиболее эффектен и сложен потолок „неба“. Это высшая точка поисков предельной торжественности и парадности внутренних пространств древнерусского деревянного храма... этого интересного и пока еще во многом загадочного художественного приема...»⁶⁹.

Вновь возникла, «витает в воздухе» сложнейшая проблема воссоздания «неба» в интерьере церкви Преображения Господня на основе имеющихся черно-белых фотографий. Счастливым обстоятельством является

Ю. В. Андропову сообщается, что зимой 1945 г. иконы «неба» «...завхоз Дома культуры истопил на дрова».

⁶² ФМК. КП-2625/17. А. Б.

⁶³ ФМК. КП-11360; КП-267/29-37; КП-5996/1-9.

⁶⁴ В настоящее время вышел в свет перевод неопубликованной статьи Ларса Петтерссона и Пенгги Хяркёнена, в которой характеризуется цветовая гамма икон Преображенской церкви, в том числе икон неба (см.: Дудинова Т. Ю. Неопубликованная работа Ларса Петтерссона и Пенгги Хяркёнена «Кижская Преображенская церковь. Величественный памятник церковного искусства Олонечского края» // Кижский вестник. Петрозаводск, 2015. Вып. 15. С. 3–50).

⁶⁵ Национальный архив Финляндии. Коллекция Ларса Петтерссона. Негативы № 1-1107 и 2000-2533.

⁶⁶ ФМК. НВФ-15004-15023.

⁶⁷ Государственная Третьяковская галерея. Ф. 67. Д. 508. 1945 г. Л. 5–6.

⁶⁸ НАМК. Б.н. (Брюсова В. Г. В Карелии. Рукопись. С. 2–3).

⁶⁹ Добровольская Э. Д. Памятники народного деревянного зодчества России в творчестве Бориса Гнедовского. 40 лет в реставрации: 1947–1988. М., 2000. С. 64–65.

наличие текстового описания живописной палитры «неба», зафиксированное финскими исследователями в 1943–1944 гг., а также не менее ценных акварельных зарисовок с натуры, выполненных Н. А. Ильинской, Л. М. Лисенко и Б. В. Гнедовским в 1946–1947 гг.

Таким образом, казалось бы, несбыточная идея обретает свои контуры, и только время сможет показать, будет ли она когда-нибудь отвергнута или же окажется востребованной⁷⁰.

О колокольне Кижского погоста

Первое упоминание об отдельно стоящей колокольне на Спасском Кижском погосте имеется в писцовой книге Петра Восейкова и Ивана Львовского 1616–1619 гг.: «А на погосте Боголепного Спасова Преображения деревянной с папертьми, верх шатровый и Покрова Пресвятой Богородицы, тёплой, то ж деревянной... а также колокола на колокольне»⁷¹.

Первое графическое изображение Кижского погоста Р. Зотова относится к 1785 г.⁷² На гравюре изображен классический тип северной колокольни на низком цоколе – четверике, переходящем в высокий восьмигранный сруб с шатровым завершением. На той же гравюре виден крытый переход «церковный мост», используемый для прохода из Преображенской церкви в колокольню.

В настоящее время существование этого перехода подтверждается не имеющим сейчас практического значения дверным проёмом на западном фасаде трапезной, «ведущим в никуда», обращенным в сторону колокольни.

К 1854 г. древняя колокольня была приговорена к сносу в связи с ветхим состоянием. К постройке новой колокольни приступили только через восемь лет, в 1862 г. Новая колокольня была несколько смещена в сторону и не предназначалась для связи с храмом, словно подчеркивая свою самостоятельность среди погостских строений.

Колокольня классического типа, состоявшая из низкого квадратного сруба и высокого восьмерика, в дальнейшем видоизменялась лишь в отношении пропорций: высота квадратного сруба становилась все выше. Колокольня Кижского погоста по высоте четверика превзошла все другие колокольни: ее нижний сруб стал значительно выше восьмерика. Колокольня приобрела своеобразный силуэт и завершила собой эволюционное развитие данного типа строений.

⁷⁰ Гушина В. А. О возможности воссоздания «неба» Преображенской церкви на острове Кижы // Кижский вестник. Петрозаводск, 2013. Вып. 14. С. 280.

⁷¹ Правдин М. Из прошлого Олонецкого края // Известия общества изучения Олонецкой губернии. Петрозаводск. 1914. Т. 4. Вып. 6–7. С. 119.

⁷² Озерецковский Н. Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. СПб., 1792. С. 324. Рис. 8.

В соответствии с новыми исследованиями удалось уточнить время постройки колокольни, построенной в 1862 г., а затем перестроенной в 1874 г.

В результате убеждаешься в том, что не только Преображенская и Покровская церкви представляют собой своеобразное финальное завершение многовекового эволюционного развития разных типов культовых сооружений – многоглавых и шатровых храмов. Колокольня с присущим ей уникальным пропорциональным соотношением разных по высоте двух основных срубов (четверика и восьмерика) также является завершающим этапом в развитии колоколен северного классического типа.

По всей видимости, зодчего вдохновило праздничное церковное многоглавие и позволило достойно поддержать его строгим, стройным силуэтом колокольни.

Декоративное убранство колокольни в момент постройки соответствовало «обновлённым церквям», также обшитым тёсом и с обитыми железом куполами, но после проведения реставрации в 1949–1959 гг. стало резко диссонировать с обликом храмов.

Не суждено было колокольне быть таким же пластичным деревянным срубом: время требовало нового выражения в архитектурных формах. Чужеродные, но модные городские элементы, не свойственные традициям крестьянского мастерства, исказили ее образ. Но, несмотря на новшества в декоративном оформлении, колокольня утвердилась в составе архитектурного ансамбля прочно и навсегда.

Массивное основание колокольни органично вторит грузным нижним объемам церкви, утверждая прочность и надежность конструкций для стремительного взлета многоглавия⁷³.

Ограда Кижского погоста

Впервые деревянная ограда Кижского погоста была зафиксирована на упомянутой гравюре Р. Зотова в 1785 г.⁷⁴

В 1800 г. ограда, согласно договору с мещанами Новгородской губернии города Валдая Терсковыми, была заменена диким булыжным камнем⁷⁵.

В 1901 г. крестьянин деревни Серёдка Михаил Афанасьев «пожертвовал для прихода в церковную ограду железные двери...»⁷⁶.

В 1906 г. «при ограде находится сторожка для караула»⁷⁷.

⁷³ Гущина В. А. О колокольне Кижского архитектурного ансамбля (время создания и восприятие образа) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2009. Вып. 12. С. 231.

⁷⁴ Озерцовский Н. Я. Указ. соч. С. 324 (гравюра № 9).

⁷⁵ НАРК. Ф. 63. Оп. 3. Д. 110/755. Л. 79.

⁷⁶ НАРК. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 82/11. Л. 255–257.

⁷⁷ НАРК. б/н. Л. 217.

Ранее, в 1899 г., на Кижском погосте была открыта школа. Она помещалась в выстроенном в 1890 г. доме совместно с «церковной сторожкой, отделенных большим коридором»⁷⁸.

В 1932 г. в одной из комнат церковной сторожки при ограде жил сторож, другая была занята семьей колхозника. В дальнейшем там был устроен склад кижского сельпо для хранения разных товаров, в том числе картофеля и овощей⁷⁹.

2 октября 1945 г. Постановлением СМ К-Ф ССР № 604 «О состоянии охраны памятников архитектуры в К-Ф ССР» территория погоста была объявлена заповедником, границы которого определялись имеющейся в натуре каменной оградой. Предусматривалось установить особый режим охраны⁸⁰.

Согласно Положению 1950 г. о Государственном архитектурном заповеднике на погосте Кижы в состав заповедника ограда не была включена⁸¹.

В 1957 г. был подготовлен «Проект реставрации ограды Кижского погоста» московским архитектором А. В. Ополовниковым. Фактически была проведена реконструкция, аналогами для которой стали сохранившиеся к тому времени две ограды – в Водлозерско-Ильинском погосте Пудожского района и в Почезерском погосте Архангельской области.

Сложная конфигурация погостской ограды в виде резких угловатых уступов с юго-восточной стороны обусловлена наличием в этом месте фундамента церковного сооружения довольно крупного размера, поверх которого ограда была устроена. Научный сотрудник Карельского государственного краеведческого музея Л. И. Капуста установила, что это фундамент каменного Троицкого собора, который был заложен в 1786–1788 гг. и строился на средства местного жителя В. Е. Ольхина. Но достроить церковь, согласно Духовному завещанию В. Е. Ольхина, «крестьянам и обывателям» не удалось⁸². По словам кижского старожила Е. Г. Тестеникова, собор «...был до окошек сделан, да благодетель помер».

Постановлением правительства Республики Карелия от 8 июля 1996 г. № 626 ограда Кижского погоста была включена в список объектов, рекомендуемых для внесения в число памятников местного значения⁸³.

⁷⁸ НАРК. б/н. Л. 217.

⁷⁹ НАРК. Ф. 689. Оп. 5. Д. 14/83. Л. 23, 23об., 24.

⁸⁰ НАРК. Ф. 2916. Оп. 1. Ед. хр. 1/16. Л. 58.

⁸¹ НАРК. Ф. 2916. Оп. 1. Ед. хр. 7/60. Л. 50.

⁸² Гуцин Б. А., Гуцина В. А. Первая экспедиция музея «Кижы» в Заонежье // Заонежский сборник. Петрозаводск. 1992. С. 29.

⁸³ НАМЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1426. Л. 7–8.

История Кижского архитектурного ансамбля прослеживается на протяжении пяти веков (с конца XVII по начало XXI в.), отражаясь в источниках разного свойства и характера, предоставляющих исследователям широкий простор для научного творчества.

В Преображенской церкви с наибольшей полнотой воплотились традиции северных плотников, крестьянский идеал красоты, рожденный в привычном, повседневном труде и неразрывной связи с природой и деревенским бытом. В нем отразились отголоски язычества, праздничность православия, суровый аскетизм старообрядчества, явно улавливаемый намек на барокко, дыхание культуры соседних народов (карел и вепсов), многовековой опыт и талант русских зодчих⁸⁴.

Все его объекты уникальны, взаимозависимы и неотделимы друг от друга. На каждом из них всеильное время оставило свои следы. Сохраняя шедевры, оно утверждает даже их слабости в архитектурно-конструктивном решении (церковь Покрова Богородицы), фиксирует новые варианты и современные изыски декоративного оформления (колокольня).

На все времена верным остается утверждение: «Жизнь традиции не в мертвом копировании прошлого, а в развитии; развитие традиции – в новации»⁸⁵.

⁸⁴ Гуцин Б., Гущина В. Кижские храмы нужны всем // Курьер ЮНЕСКО. 1992. № 3. С. 46–47.

⁸⁵ Гущина В. А., Гуцин Б. А. Очерк истории Преображенской церкви... С. 6.

В. А. Гущина

ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ: ПРИЧИНЫ И СПОСОБЫ УСТРАНЕНИЯ ДЕФОРМАЦИЙ (ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ 1949–2014 гг.)

На протяжении 300-летнего периода существования Преображенская церковь на острове Кижы подвергалась многочисленным испытаниям, не раз пребывая в аварийном состоянии.

Причины деформаций Преображенской церкви и способы их устранения изучаются отечественными и зарубежными специалистами более 65 лет. Противоречивость результатов их исследований нашла отражение и в выборе способа реставрации, осуществляемой в настоящее время.

С 1988 по 2009 г. исследованием реального состояния и механизма наклона Преображенской церкви занимался конструктор-эксперт Леонид Алексеевич Новожилов, почетный член Российской академии архитектурных и строительных наук. Он считает, что в старинном наследии Преображенского собора воплощен многовековой опыт одухотворенного мастерства человека-созидателя.

Функциональный и планировочно-системный объем собора, отмечает Л. А. Новожилов, скомпонованы с мастерским чутьем прекрасного, с архитектурной гармонией и конструктивной легкостью, вызывающими особое любопытство и удивление. Восьмерики, их периметры и толщина стенок подобраны с предельным уменьшением их масс и жесткости снизу вверх и с пропорциональным распределением их давления по периметрам сверху вниз¹.

Изучив материалы исследований за прежние годы, Л. А. Новожилов предлагает свое видение этой проблемы.

¹ Новожилов Л. А. Реставрация Преображенского собора в Кижях. Исследование причин наклона и ошибочных решений при реставрации памятника. Тайны деформаций и надежности конструкций памятников деревянного зодчества. М., 2009. С. 3.

Автор считает, что «уникальный двадцатидвухглавый собор после выполнения укрепления его несущих конструкций должен сохранить свой неповторимый многомерный ансамбль, одинаково призывно воспринимаемый со всех сторон света»².

Но при всем этом ввиду сложного объема здания при его устройстве зодчим, отмечает он, не удалось избежать ошибок и достигнуть совершенства общей пространственной надежности конструкции³. Автором выявлены «...несовершенства и ошибки устройства нижнего восьмерика и прирубов, а также ошибки в устройстве четвериков и верхних срубов»⁴.

Л. А. Новожилов предлагал разработать оптимальную систему укрепления конструкций собора, включающую три ее разновидности: внутреннюю, наружную и совмещенную внутренне-наружную⁵.

Согласно исследованиям, проведенным научными сотрудниками музея «Кижь» В. А. и Б. А. Гущинами, в первые два века своего существования церковь сохранялась прихожанами благодаря текущим ремонтам и периодическим «благлепным поновлениям»⁶. Прихожане сохраняли церковь доступными средствами, без сохранения ее «первичного вида». С обшитыми тесом стенами, покрытием кровли и главок листовым железом церковь сохранилась до 1949 г.

В 1949–1959 г. состоялась реставрация по принципу восстановления «первичного вида» памятника. Реставрацию возглавлял архитектор А. В. Ополовников.

Реставраторы полагались на отмеченное для того времени стабильное состояние здания (наклон здания церкви от вертикали на восток до 19 см и отклонение нижнего восьмерика на северо-восток до 36 см не вызывали опасений).

В этот период А. В. Ополовников решил лишь архитектурно-показательную часть реставрации – восстановление «первоначального вида» памятника, без укрепления конструкций.

Л. А. Новожилов считает, что реставраторы, к сожалению:

- недооценили знакового предостережения дремавших деформаций несущих элементов сооружения;
- допустили проектно-подготовительные и конструктивно-технические ошибки;

² Новожилов Л. А. Указ. соч. С. 3.

³ Там же. С. 3.

⁴ Там же. С. 4.

⁵ Там же. С. 9.

⁶ Документы и материалы по истории Кижского архитектурного ансамбля (1694–1945 гг.) / Авт.-сост. В. А. Гущина, Б. А. Гущин. Петрозаводск, 2013.

- не выявили действительных причин деформаций;
- сняли досчато-брусчатую обшивку без проекта профилактического укрепления жесткости несущих конструкций, их ремонта, укрепления их соединений и связей, а также укрепление перекрытий «неба», внутренней кровли, их связей и затяжек с нижним восьмериком;
- ослабили несущие стены при замене дефектных бревен на новые, выполнением беззаделочных нескрепленных стыков и применением разных по диаметру стыкуемых бревен.

Все это в дополнение к снятию обшивки значительно снизило жесткость и устойчивость нижнего восьмерика и его прирубов⁷.

Вскоре после реставрации, в 1962–1980 гг., памятник пришлось укреплять, производить противоаварийные капитальные ремонты его несущих деформированных элементов.

В 1962 г. профессор Э. Гендель отметил: «...кольцевой брус, на который опираются радиальные балки – тябла, получил смещение за счет сил распора от конструкций „неба“; ...кольцевой брус был подтянут тальер-памями к верхней балке четверика»⁸.

Г. Карлсен в 1964–1965 гг. предлагал восстановить устойчивость и сохранность памятника путем полной переборки стен с одновременной высокотемпературной обработкой всей древесины с помощью петрола-тумной сушильной установки⁹.

После реставрации наклон нижнего восьмерика по замерам Московского архитектурного института в 1978 г. увеличился до 53 см, а к 1980 г. по замерам Института «Спецпроектреставрация» наклон нижнего восьмерика вырос до 90 см, а общий наклон памятника достиг якобы 118 см¹⁰.

Профессор Л. Лисенко отметил: «При подъеме северо-восточной стены вагами и домкратами в марте 1966 г. произошло частичное обрушение потолка „неба“... поэтому сделали специальные металлические крепления для ребер свода, но щель размером 15 см осталась»¹¹.

В 1968 г. профессор В. Казин отметил: «В результате снятия обшивки стены (особенно нижний восьмерик) стали терять устойчивость»¹².

Профессор С. Н. Горшин в 1970–1971 гг. подтвердил, что после снятия обшивки «...за 15 лет собор подвергся значительному гниению из-за большой влагоемкости стен, затронутых гнилью и жуками... собор разру-

⁷ Новожилов Л. А. Указ. соч. С. 10.

⁸ Цит. по: Новожилов Л. А. Указ. соч. С. 10.

⁹ Там же. С. 11.

¹⁰ По мнению Л. А. Новожилова – 87 см.

¹¹ Новожилов Л. А. Указ. соч. С. 10–11.

¹² Там же. С. 11.

шается грибами, жуками, лишайниками, мхами, водорослями и высшими растениями... разрушения носят глубокий характер... замене может подлежать 10–15 % древесины»¹³.

В 1969–1980 г. специалисты Ленинградского инженерно-строительного института биоповреждения бревен определили в границах 20–23 %, наклон памятника – 105 см. Организации «Росреставрация» и «Спецпроектреставрация» в 1976–1981 г. сочли, что замене подлежит около 52 %¹⁴.

В 1980 г. церковь закрыли.

В 1981–1983 гг. внутри церкви установили силовой стальной каркас.

По мнению Л. А. Новожилова, за 1949–1986 гг. памятник претерпел не реставрацию, а капитальную «реконструкцию», в результате которой надежность его конструкций не только не была увеличена, а еще больше утрачена. Памятник утратил свои функции. Л. А. Новожилов считает, что могло быть иначе, если бы было произведено усиление несущих конструкций и укрепление его жесткости и устойчивости с помощью системы дополнительных жестких связей и необходимых затяжек¹⁵.

В 1988 г. ИКОМОС рекомендовал «воздержаться от полной переборки памятника»¹⁶.

Л. А. Новожилов в своей книге представил своеобразный «парад реставрационных ошибок», отметив следующее:

- капитальная реставрация собора в 1949–1959 гг. увеличила наклон нижнего восьмерика дополнительно на 32–36 см;
- ошибки послереставрационных ремонтов памятника в 1962–1980 гг. увеличили наклон нижнего восьмерика еще на 16–18 см;
- после введения стального силового каркаса в 1981–1983 гг. памятник полностью утратил свои самостоятельные функции.

В связи с этим, отмечает Л. А. Новожилов, собору более чем за полвека был нанесен безмерный ущерб¹⁷.

Л. А. Новожилов отмечает следующие «факторы несовершенства» конструкции церкви:

- Жесткость нижнего восьмерика и его прирубов геометрически ослаблена разомкнутостью их стен в плане и завышением их свободной высоты до 9–10 м.
- Стены – пилоны нижнего восьмерика не имеют достаточной жесткости, так как в угловых соединениях со стенами прирубов они

¹³ Новожилов Л. А. Указ. соч. С. 11–12.

¹⁴ Там же. С. 12.

¹⁵ Там же. С. 13.

¹⁶ Там же. С. 14.

¹⁷ Там же. С. 15.

не укреплены от потери устойчивости в промежутках до 9 м – от фундамента до «неба»;

- Все действующие на нижний восьмерик нагрузки возросли в результате отмеченного ослабления более чем в два раза, так как переданы на четыре стенки нижнего восьмерика из восьми возможных стенок.

Рубка церкви сопровождалась грубыми ошибками в устройстве стен несущих срубов. В некоторых стенах, особенно по северо-западному и юго-восточному фасадам, венцы нижнего восьмерика над прирубами уложены комлями в одну сторону. Верхние бревна северной стены среднего восьмерика короче нижних бревен на 12–15 см. Бревна восточной стены нижнего восьмерика на уровне «неба» длиннее нижележащих бревен и смещены наружу до 12–14 см.

Ошибки в размерах устройства стен нижнего восьмерика и прирубов являются доминирующими и достигают на разных уровнях от 15 до 30 см.

Верхние срубы – средний и верхний восьмерики с центральной главой – односторонне смещены от центра тяжести нижнего восьмерика на северо-восток, в среднем на 35 см, создавая дополнительную перегрузку северо-восточной стены нижнего восьмерика и примыкающих к ней стен северного и восточного прирубов¹⁸.

Выявленные автором факторы несовершенства конструкции и их диагностика имеют решающее значение для разработки всесторонне обоснованной пространственной системы усиления ослабленного скелета памятника¹⁹.

По мнению автора, инженерно-конструктивное решение памятника значительно слабее его объемно-планировочных, архитектурных достоинств. Стены нижнего восьмерика ввиду увеличения объема интерьера имеют завышенную свободную высоту – до 9 м, завышенную гибкость и недостаточную надежность. Стены нижнего восьмерика не скреплены жесткими связями по контуру нижнего восьмерика от потери устойчивости по высоте. Жесткость стен нижнего восьмерика и их устойчивость поддерживают трехстенные прирубы, тоже не укрепленные от потери устойчивости, недостаточно жесткие и недостаточно надежные²⁰.

Один восточный прируб – алтарь имеет достаточную, испытанную устойчивость и длительную надежность благодаря его замкнутым связям с нижним восьмериком, устроенным для крепления иконостаса. Это без преувеличения спасло церковь от обрушения, и это же подтверждает выводы о несовершенстве устройства остальных трех прирубов и нижнего восьмерика²¹.

¹⁸ Новожилов Л. А. Указ. соч. С. 19.

¹⁹ Там же. С. 20.

²⁰ Там же. С. 32.

²¹ Там же. С. 35.

Ведущими причинами возникновения и основными факторами развития деформаций – начального наклона, местных перекосов и выпучивания стен нижнего восьмерика – явились несовершенства изначальной системы конструкций в совокупности с односторонней перегрузкой северо-восточной части нижнего восьмерика²².

Начальный наклон, отмечает Л. А. Новожилов, возник в первый период эксплуатации церкви, до ее укрепления первой обшивкой. Величина наклона по замерам надлома угла северо-восточной стены нижнего восьмерика могла быть до 30 см. Трещины надлома имеют застарелый вид.

Увеличение деформаций надлома стало происходить после снятия последней обшивки. Это прослеживается по более поздним двум надломам угла северо-восточной стены нижнего восьмерика, по более свежим трещинам, по следам свежих перемещений бревен в их узловых соединениях и по замерам изменений увеличения деформаций.

Возникновению и развитию деформаций нижнего восьмерика способствовали односторонняя перегрузка северо-восточной части нижнего восьмерика, несовершенство фундамента и сочетание односторонней перегрузки с ветровой нагрузкой от преобладающего вектора розы ветров.

Наибольшим деформациям подвергся не фундамент, а нижний восьмерик с четырьмя прирубками и опирающийся на нижний восьмерик четверик, несущий вышерасположенную нагрузку сооружения, а также четверик, несущий нагрузку от верхнего восьмерика и центральной главы. Деформации нижнего восьмерика в 2–3 раза больше деформаций фундамента. А величины деформаций независимых от фундаментов четвериков более чем в 3 раза превышают нормируемые величины.

Это означает, что основные, ведущие причины деформаций памятника заключены в функциях несовершенства устройства рабочей схемы сооружения и в недостаточной надежности его элементов, а не в осадке фундамента²³.

Как видим, данные выводы существенно отличаются от выводов других исследований, в которых за основные причины наклона памятника приняты второстепенные, способствующие наклону факторы – неравномерная осадка фундамента и накопление деформаций ввиду сезонной усадки древесины и ее старения²⁴.

Общую работу сложного многосрубового сооружения, считает Л. А. Новожилов, можно обеспечить наиболее эффективно с помощью устройства

²² Новожилов Л. А. Указ. соч. С. 36.

²³ Там же. С. 36.

²⁴ Там же. С. 41.

системы усиления, объединяющей разобщенные срубы в единый сбалансированный каркас. Современные материалы и техника позволяют это реализовать на надежном техническом уровне²⁵.

Далее автор предлагает для продления долговечности памятника укрепить и защитить его дощато-брусчатой обшивкой из шпунтованного биозащищенного профиля горбыля, обеспечивающего памятнику присущую ему выразительность и функциональную надежность²⁶.

Более 50 лет, от начала капитальной реставрации 1949–1959 гг., предпринимаются попытки найти путь к оптимальной рабочей системе укрепления конструкций собора. Способы устранения деформаций специалистами предлагались разные.

В 1971 г. задачу исправления перекосов срубов и восстановления их формы ставил профессор Военно-инженерной академии им. В. А. Куйбышева доктор технических наук Г. Г. Карлсен. По его предложению необходимо было восстановить форму срубов с помощью сжимов стен и перекрестных затяжек, подвести под стены каменный фундамент на цементном растворе. Требовалось выполнить полную переборку стен собора, произвести высокотемпературную обработку всех бревен в петролатумной сушильной установке и затем собрать срубы собора на устроенном заранее каменном фундаменте.

Но этот замысел Г. Г. Карлсена не был реализован. При этом стены срубов собора были неудачно скреплены вертикальными брусками без учета воздействия температурно-влажностных деформаций и без устройства предполагавшихся затяжек. Г. Г. Карлсен предлагал лишь временные «протезы» для исправления перекосов срубов, а не укрепление несущих элементов памятника. Им была отмечена необходимость проведения срочных мероприятий по обеспечению устойчивости сооружения, в связи с аварийным состоянием переходного четверика на отметке 20 метров (3 из 8 брёвен сгнили)²⁷.

Ранее, в 1965 г., Г. Г. Карлсен предупреждал: «Наблюдающийся в настоящее время заметный (более 20 см) перекос основного восьмерика с запада на восток в условиях преобладания западных ветров будет систематически увеличиваться, если не будут устранены уже накопившиеся со временем деформации перекоса основных несущих стен»²⁸.

В 1971 г. архитектор Б. В. Гнедовский предложил провести международный конкурс по разработке методики восстановления Преображенской церкви, а прежде выполнить исследование по технической характе-

²⁵ Новожилов Л. А. Указ. соч. С. 45.

²⁶ Там же.

²⁷ Карлсен Г. Г. Заключение по техническому проекту восстановления и укреплению несущих конструкций Преображенской церкви в Кяхтах. М., 1971.

²⁸ НАМЗК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 583 (Карлсен Г. Г. Второе заключение по проекту инженерного укрепления конструкций Преображенской церкви в Кяхтах).

ристике каждого бревна с указанием всех видов поражения²⁹. В 1976–1980 гг. Б. В. Гнедовский предложил свой вариант инженерной консервации и переборки сруба и представил проект «Инженерная консервация и переборка сруба. Первоочередные противоаварийные укрепления»³⁰.

С 1976 г. к разработке комплексного проекта инженерного укрепления и архитектурной реставрации приступили специалисты Института «Спецпроектреставрация» Н. И. Смирнов и Б. П. Зайцев.

В 1978 г. профессора Московского архитектурного института Л. М. Лисенко и С. В. Иванов разработали «Проект сохранности Преображенской церкви». Проект предусматривал создание внешнего металлического каркаса для снятия основной нагрузки со срубов с целью усиления прочности основных конструктивных элементов³¹.

В 1980 г. зафиксировано критическое состояние церкви и возможный ее переход из предаварийного в аварийное состояние. В этом же году перед установкой стального каркаса Преображенскую церковь закрыли.

Для выведения церкви из состояния критического равновесия предлагается полная переборка церкви с использованием максимального количества старых бревен.

В 1981 г. Н. И. Смирновым и Б. П. Зайцевым был представлен Проект инженерного укрепления, предусматривающий полную переборку сруба с помощью внутренних стальных разгрузочных конструкций с сохранением силуэта памятника в процессе реставрации. В 1984 г. на завершающей стадии проектирования авторы отказались от идеи полной переборки сруба. Они предложили заменить Преображенскую церковь точной копией с сохранением элементов подлинного памятника в специальной зоне хранения на острове Кижы³².

В феврале 1981 г. начались работы по противоаварийным мероприятиям: устройство контрфорсов, монтаж панелей жесткости, укрепление «неба», разборка клиросов и полов, устройство фундаментов под металлоконструкции.

В 1982 г. произведена маркировка срубов и полов.

Монтаж металлических разгрузочных конструкций сопровождался нарушениями конструкций памятника:

²⁹ НАМЗК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 886 (Гнедовский Б. В. Заключение по циклу научно-исследовательского проектирования работ коллектива ЛИСИ на тему: «Детальное обследование Преображенской церкви и разработка проекта ее восстановления». Институт «Спецпроектреставрация». М. 1971 г.).

³⁰ НАМЗК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 187.

³¹ НАМЗК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 899 (Лисенко Л. М., Иванов С. В. Проект сохранности Преображенской церкви. М. 1978 г.).

³² НАМЗК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 583 (Смирнов Н. И. Пояснительная записка к Проекту переборки Преображенской церкви, разработанному Институтом «Спецпроектреставрация» в 1984 г.).

- в бревнах церкви были допущены многочисленные пропилы и отверстия для пропуска металлических горизонтальных и диагональных связей;
- была произведена разборка и удаление бревенчатых конструкций, препятствующих установке металлического каркаса;
- частично перепилены и переставлены балки с устройством врубок.

Работы по установке пристенных конструкций были завершены в 1984 г.

Кроме снятия обшивки и ослабления стен распилами бревен были удалены конструкции перекрытий: «небо» и внутренняя страховочная кровля с их связями и затяжками, удалена конструкция двойного пола, имевшего заделку в стенах и служившего диском жесткости памятника; повреждены многие внутренние связи срубов и многие бревна жесткости подклеты. Таким образом, памятник утратил свои функции.

Работы велись под руководством главного инженера института «Спецпроектреставрация» Н. И. Смирнова, главного архитектора Б. П. Зайцева и прораба Кижского стройучастка Ю. М. Наумова. Бригаду монтажников возглавлял В. Довгард.

В последующем значение проведенных работ было отмечено специалистами. Так, участник реставрации Преображенской церкви доктор технических наук И. К. Раша считает, что «...церковь завалилась, если бы в 1984 г. по проекту Н. И. Смирнова внутри не поставили стальной страховочный каркас. Здание было сохранено и спасено для будущей реставрации.

Инженерное искусство Н. И. Смирнова состояло в том, что он создал регулярную стальную конструкцию, которую удалось смонтировать без огневых работ в тесном нерегулярном объеме с минимальными повреждениями элементов исторического сруба. Эта жесткая связевая башня выключила сруб из работы, которую он выполнял в течение 270 лет, сопротивляясь всем нагрузкам и неравномерным осадкам.

С точки зрения „чистого“ проектировщика, обязанного создавать оптимальные по расходу материала конструкции, каркас Н. И. Смирнова сильно избыточен, т. е. каркас способен воспринимать нагрузки, во много раз превосходящие действующие на аварийный сруб. Конструкция Н. И. Смирнова логична в ситуации, когда степень повреждения объекта известна приблизительно. Избыточность конструкции упростила реставрацию, позволив опереть лифтинг на страховочный каркас. Лифтинг позволил реставрировать церковь без полной переборки, поярусно, сохраняя красоту для сотен тысяч людей»³³.

³³ Раша И. Про Преображенскую церковь на острове Киж и не только. Записки участника реставрации. СПб., 2014. С. 29.

В сентябре 1988 г. в Петрозаводске и на о. Кижы состоялся международный симпозиум ИКОМОС по обсуждению способов сохранения Кижского архитектурного ансамбля. В его работе приняли участие 108 специалистов по реставрации, в том числе и 40 ученых из разных стран мира. В принятом решении рекомендовалось не подвергать Преображенскую церковь переборке. Участники симпозиума выразили мнение о включении Кижского архитектурного ансамбля в Список Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО.

В 1989 г. архитекторы-реставраторы А. В. Попов и В. С. Раввин представили «Заключение по изучению научно-проектной документации по Преображенской церкви» и сделали вывод о необходимости выполнения нового подробного обмера церкви, отметив выпилку пола церкви, уничтожение балочных конструкций в подклете, а также множество пропилов в бревнах, появившихся в процессе установки металлического стального каркаса³⁴.

К этому времени у А. В. Попова была разработана методика восстановления плотницкой строительной культуры 17–18 вв.³⁵

В 1989 г. В. А. Крохин подготовил Проектное предложение по переборке Преображенской церкви в Кижях с максимальным сохранением старой древесины³⁶.

Тогда же профессор Ю. В. Пискунов из Кировского хозрасчетного центра науки произвел расчеты основных конструктивных элементов и частей Преображенской церкви³⁷.

В 1992 г. инженер-конструктор Л. А. Новожилов завершил комплексное обследование Преображенской церкви, начатое им в 1987 г. Он сделал оценку ее надежности и представил разработку «Материаловедческие и расчетно-конструкторские исследования работоспособности конструкций Преображенской церкви с предоставлением разработки проектных решений по усилению объекта»³⁸.

Тогда же, в 1992 г., А. В. Беккер, сотрудник Центрального научно-исследовательского института строительных конструкций (Ленин-

³⁴ Попов А. В., Раввин В. С. Преображенская церковь на о. Кижы. Научно-проектная документация. Предварительные работы. Заключение по проверке. Творческое производственное объединение «Ландшафтная архитектура». Петрозаводск. 1989 г. Т. 1 (место хранения документа неизвестно).

³⁵ Попов А. В. Восстановление плотницкой строительной культуры 17–18 вв. Доклад на Симпозиуме ИКОМОСА. Петрозаводск, 1988 г., 6–10 сентября.

³⁶ Технический архив ЗАО «Лад», б/н.

³⁷ НАМЗК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 778 (Пискунов Ю. В. Инженерные расчеты основных конструктивных элементов и частей Преображенской церкви. Расчет системы четвериковых балок 1-го уровня. 1989 г.).

³⁸ НАМЗК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 878.

град) произвел инженерные исследования Преображенской церкви с целью получения достоверных количественных данных о работоспособности здания³⁹.

Доктор Немецкого национального комитета Германии (Мюнхен) Норберт Бергман в 1993 г. разработал «Проект инженерного укрепления Преображенской церкви. Статистическая фиксация и реставрация». Проект предусматривал:

- постепенный ремонт церкви с заменой разрушенных деталей с помощью установки гидравлических прессов, поднимающих и опорных устройств;
- подведение фундамента под все срубы;
- укрепление внешних стен каркасом для предотвращения дальнейшей деформации;
- устройство крепёжных конструкций с применением высокопрочных температуростойчивых искусственных материалов в комбинации с элементами пружин;
- восстановление наружной тесовой обшивки;
- ограничение применения химической защиты⁴⁰.

В 1993 г. Манфред Гернер, инженер Немецкого центра ремесла и охраны памятников (г. Фульда, Германия), разработал классификацию дефектов Преображенской церкви и выявил следующее:

- недостаточность фундамента,
- многочисленные повреждения древесины вредителями,
- недостаточную жесткость и несущую способность стен с многочисленными повреждениями в результате ремонтных работ,
- недостаточность жесткости всей конструкции,
- концентрацию влажности⁴¹.

Предложения Манфреда Гернера предусматривали придание жесткости стенам и всему корпусу церкви при помощи традиционных деревянных плотницких конструкций. Предложенная им концепция реставрации включала:

- Придание жесткости стенам при помощи использования внешних и внутренних вертикальных деревянных стоек, стянутых болтами.
- Придание жесткости всему корпусу церкви путем использования двух горизонтально расположенных в нижнем восьмерике связей.

³⁹ Беккер А. В. Инженерные исследования по Преображенской церкви. Л., ЦНИИСК. 1992 г. (место хранения документа неизвестно).

⁴⁰ Бергман Н. Проект инженерного укрепления Преображенской церкви. Статистическая фиксация и реставрация (место хранения документа неизвестно).

⁴¹ Гернер М. Классификация дефектов Преображенской церкви. 1993 г. (место хранения документа неизвестно).

- Реставрацию большей части локальных повреждений.
- Устройство видимой срубовой конструкции или наружную обшивку церкви досками⁴².

По замечанию федерального архитектора Проектного института «Спецпроектреставрация» (Санкт-Петербург), генерального проектировщика реставрации Кижского погоста В. С. Рахманова, «сложная архитектура и большие размеры срубовой конструкции обусловили существующую разнагруженность конструктивных элементов, расположенных вблизи друг друга. Указанная разнагруженность явилась одной из причин дефектов и повреждений сруба, проявляющихся в течение 300-летнего существования храма. А поскольку историческая конструкция здания сохраняется после реставрации, это „слабое“ место необходимо контролировать как источник будущих неприятностей.

Наибольшую вертикальную нагрузку несут диагональные стены прывистого нижнего восьмерика.

Прогибы исторических балок среднего четверика многократно превышают допустимые нормами и здравым смыслом значения. Расчетные напряжения в бревнах также значительно превосходят величины, допустимые современными нормами.

Несмотря на усиления, предусмотренные в процессе реставрации, средний четверик остается самой опасной конструкцией храма, и контроль его состояния необходим и понятен.

Более надежным, чем средний четверик и восьмерик, но достаточно перегруженным, является верхний четверик. Однако большая высота, на которой расположен верхний четверик и восьмерик, и опасности, возникающие при их повреждении, определяют необходимость контроля их состояния.

Мониторинг выполняется автоматизированным комплектом измерений деформации с сенсорами – инклинометрами в качестве основных датчиков»⁴³.

Далее В. С. Рахманов отмечает: «Имеют место значительные несоответствия габаритов старых исторических элементов и новых элементов, вставленных с ними рядом на место деструктивных в ремонтные периоды 1948–1960 гг. и 1973–1980 гг.

Вся алтарная часть сруба церкви... завалена на восток»⁴⁴.

При всем этом В. С. Рахманов утверждает: «Преображенская церковь уникальна как целиком, так и отдельными своими деталями, в том числе и фундаментом. Обычные для строительства подходы в данном случае неприемлемы»⁴⁵.

⁴² НАМЗК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1269 (Т. 1).

⁴³ Там же. Д. 3981. С. 7–8.

⁴⁴ Там же. Д. 3985. С. 35.

⁴⁵ Там же. Д. 3988. С. 20.

Расчетная прочность материала, предел прочности древесины, разработанные Л. А. Новожиловым, были использованы в дальнейшем в исследованиях доктора технических наук И. К. Раши⁴⁶. Им была отмечена оригинальность для деревянной архитектуры конструкции разреженных четвериков, представляющих собой квадратные в плане параллелепипеды с несплошными стенами, в которых бревна располагаются с зазором, равным диаметру бревна (стена через одно бревно). Назначение их – создать опору для каждого из вышерасположенных трех восьмериков. Восьмерик четырьмя гранями опирается на четверик, в то время как другие четыре (диагональные) грани висят без опор. В церкви выполнены три четверика – нижний, средний и верхний. Нижний четверик пролетом почти 10,3 м располагается в подклете и служит опорой для балок пола церкви и эфемерной вязью нижних венцов диагональных стен, так как исторические узлы заделки бревен в диагональные стены ничтожны. Средний четверик, расположенный на отметке +11,5 м, является самым проблемным элементом здания. Все 22 главы церкви выполнены из легких конструкций, воспринимающих нагрузки только собственного веса и ветровые, не участвуя в обеспечении общей прочности и устойчивости здания⁴⁷.

Идея, положенная в основу современной реставрации, была сформулирована сотрудником музея «Кижь» Н. Л. Поповым, который предложил разделить сруб на 7 отдельных поясов, каждый из которых будет поднят на высоту зазора примерно до 40 см, что удобно для выемки бревна. Все расчеты и конструирование по проекту выполнили С. М. Солодарь и Н. А. Дахновская. Произвести пробный подъем верхней части сруба предложили строительной фирме «Алекон», которая уже 11 лет работает в Кижях (руководители – А. А. Савельев и К. В. Никишин). Инженер-строитель Ю. С. Плишкин предложил соединение со стойками в виде «велосипедного колеса». В сентябре 2004 г. верхняя 17-метровая часть церкви была отделена от нижней и поднята на 10–15 см. Положительный результат пробного подъема помог в дальнейших проектных и монтажных работах⁴⁸. Рабочий проект лифтинга по новой концепции был разработан в 2006 г.

Сложной задачей явилось устройство фундаментов. Исторические отдельные валуны были поставлены на грунт вперемежку с могилами погоста на случайную глубину, так что ни фундаментов, ни надежного основания у здания не было. Для страховочного каркаса 1984 г. внутри объема были выполнены монолитные бетонные фундаменты, которые стали надежным дополнением и даже заменой функции исторических валунов. После реставрации страховочный фундамент будет демонтирован. Под

⁴⁶ Раши И. Указ. соч.

⁴⁷ Там же. С. 30.

⁴⁸ Там же. С. 33–35.

срубом сделан надежный ленточный фундамент. Ступенчатая форма фундамента заглублена на 1,8 м ниже глубины промерзания грунта. Проект фундамента был разработан Н. Б. Тветинской. На железобетонные ленты под бревенчатые стены сложены валуны из старой исторической забирки церкви, дополненные камнями, собранными на островах Кижского архипелага. На специальной площадке камни очищались водой и огнем. Поверхности обрабатывались бучардой⁴⁹.

В процессе реставрации неизбежно усиление сруба, то есть вмешательство в его историческую структуру⁵⁰. Для хранителей исторического объекта и специалистов-историков внедрение в предмет их охраны подобно хирургической операции без наркоза, для инженера – обеспечение безопасности, прочности и устойчивости памятника доступными ему средствами.

Наиболее опасным по критериям «прочность» и «деформированность» является средний четверик, расположенный в отметках +10,0 – +13,5. Каждая грань четверика длиной около 9,6 м состоит из 5 бревен, расположенных с зазором 30–35 см друг от друга. Бревна опираются на четыре главные диагональные стены церкви, через которые все нагрузки от сруба, расположенного выше отметки +10 м, передаются на фундаменты. Плотники отказались от огромных затрат, необходимых для строительства сплошного четверика, и сделали четверик разреженным⁵¹.

За 300 лет существования церкви стены сместились в горизонтальной плоскости в виде волнообразных изгибов по вертикали. Для компенсации этих изгибов были установлены многочисленные сжимы из парных бревен, скрепленных шпильками, которые насквозь прошивали исторические бревна. Для устранения данного дефекта в процессе реставрации установлены нагели, которые должны обеспечить несмещаемость бревен относительно друг друга. Гарантий отсутствия волнообразных деформаций в будущем дать нельзя. Решение по усилению стен от выпучивания покажет опыт эксплуатации аналогичных конструкций и плотницкий опыт реставраторов⁵².

Более надежным, чем нижний четверик, но достаточно перегруженным является верхний четверик. Отклонение наружных стен от вертикали в северо-восточном направлении достигало около 1 м, отклонение стен от вертикали на высоте около 14 м достигало почти 0,5 м.

Большая высота срубовых стен, податливость врубок и балочных четвериков обуславливают значительную деформативность здания⁵³.

⁴⁹ Раша И. Указ. соч. С. 37–38.

⁵⁰ Там же. С. 40.

⁵¹ Там же. С. 53.

⁵² Там же. С. 60.

⁵³ Там же. С. 66.

Параметры внешнего воздействия и реакции на него несущих конструкций предлагается получить с помощью комплекта динамического контроля⁵⁴.

О причинах и способах устранения деформаций также имеется мнение непосредственных участников реставрации Преображенской церкви А. А. Чусова, В. А. Скопина и А. Ю. Любимцева. В статье, опубликованной в сборнике музея-заповедника «Кижы», посвященной 300-летию церкви Преображения Господня, авторы рассказали о применяемой в ходе реставрации технологии, о произведенных на памятнике работах и об открытиях, которые им довелось сделать⁵⁵.

Касаясь вопроса о деформациях Преображенской церкви, авторы отмечают, что «сруб церкви в нижних венцах разъехался, балки частично выпали из своих гнезд... Балки церкви не имеют жестких соединений со стенами сруба, врубок типа „ласточкин хвост“. Врубки балок прямые, не стягивающие стены сруба друг с другом и не создающие диска жесткости балочного пояса. На момент разборки некоторые из них лежали на металлических конструкциях, вывалившись из гнезд»⁵⁶.

Авторы отмечают, что «в процессе работ были выявлены и такие деформации, как расхождение стен восьмерика, искривление дверных проемов... Одной из главных проблем была мощнейшая просадка восьмерика по отношению к прирубам. Это произошло по причине разного давления на грунт. Восьмерик получилась значительно более нагруженным, чем прилегающие к нему объемы. В результате одна из стен наклонилась внутрь на 40 см. Дверные проемы по мере отклонения стены многократно растесывались с целью их выправления... Таким образом, когда основание церкви было деформировано, проемы, в результате проходивших ремонтов, оставались вертикальными... Похожая ситуация сложилась с окнами алтаря»⁵⁷.

Реставраторы отмечают, что, видимо, подклет храма рубила одна, а то, что выше, – другая бригада, более квалифицированная. В целом уровень плотников был очень высокий, но местами видны следы спешки.

Храм строился без чертежей – отсюда и накладки. Решения принимались на ходу: зодчие задумали максимально придвинуть главки к срубу, чтобы добиться плотности и стройности абриса храма. Сделанные более крупными, главки при установке на место упёрлись в конструкцию бо-

⁵⁴ Раша И. Указ. соч. С. 69.

⁵⁵ Чусов А. А., Скопин В. А., Любимцев А. Ю. О реставрации церкви Преображения Господня на о. Кижы // Церковь Преображения Господня на острове Кижы: 300 лет на заонежской земле. Петрозаводск, 2014. С. 152–157.

⁵⁶ Там же. С. 152.

⁵⁷ Там же. С. 155.

чек. Пришлось срочно подрубать бочки, чтобы главки уместились. Таким образом, знакомый классический силуэт Преображенской церкви был найден строителями не сразу.

С профессиональной точки зрения необычны соединения углов восьмерика, одни из самых сложных на севере России⁵⁸.

По словам В. Скопина, «...самое сложное – укрепление памятника. На уровне потолка – „неба“ конструкции очень ослаблены, там изначально были сильнейшие деформации. Высота стен от пола до „неба“ около 7 метров. Еще при строительстве храма зодчие заложили очень серьезную ошибку – у них было недостаточно связей для устойчивости конструкции.

Одна из главных причин деформации Преображенской церкви – недостаточная конструктивная прочность. Эту ошибку придется нам исправлять»⁵⁹.

Согласно расчетам профессора берлинского университета Йенса Киклера, изучавшего храм, без введения в конструкцию деревянной церкви металлических элементов не обойтись. Немецкий ученый предложил использовать с этой целью очень длинные шурупы – до 80 см, которые будут введены внутрь стен для укрепления памятника, но при этом останутся невидимыми для посетителей храма. Смелое предложение уже было поддержано многими авторитетными учеными и реставраторами, но окончательное решение пока не принято.

С этой идеей познакомили экспертов ЮНЕСКО⁶⁰. Консультативная миссия считает: «...использование стальных винтов в бревенчатом здании является современной технологией. Внедрение новомодных технологий может поставить под угрозу целостность церкви... Современные методы армирования следует рассматривать только при условии, если доказано, что традиционные методы уже не работают»⁶¹.

Работа по реставрации и сохранению Преображенской церкви продолжается.

⁵⁸ О реставрации Преображенской церкви в Кижях // Кижь. 2014. № 3. С. 2.

⁵⁹ ТВР Панорама. 2014. 9 июля. С. 8.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Отчет консультативной миссии ИКОМОС о Кижском погосте. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kizhi.karelia.ru/media/info/files/attached/1501/final_icomos_report_rus_1.pdf (дата обращения 26.01.2016).

ИЗУЧЕНИЕ ФОНДОВОГО СОБРАНИЯ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «КИЖИ»

Л. С. Хареева

ПАМЯТНИКИ КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ В СОБРАНИИ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «КИЖИ»

Основу фондового собрания рукописей и редких печатных изданий музея «Кижь» составили коллекции, переданные в 1966 г. Карельским государственным краеведческим музеем своему бывшему кижскому филиалу. В числе предметов из дома космозерских иконописцев Абрамовых поступила сохранившаяся часть семейной библиотеки – рукопись «Номоканон» и одиннадцать экземпляров старопечатных изданий¹. В книгах сохранились записи, содержащие не только ценные сведения об истории бытования изданий, но и факты биографии их владельцев. Так, в старообрядческом Часослове² нами была прочитана запись, сделанная рукой Абрамова-младшего, Ивана Михеевича, о смерти своего отца.

Еще одна коллекция, полученная музеем «Кижь» в год его образования, содержала десять книг из церкви Петра и Павла села Вирма Беломорского района, собранных в 1960-х гг. экспедицией Русского музея. Это богослужебные книги, изданные на Московском Печатном дворе в период с 1632 по 1678 г. Одна из них – издание Псалтири с воследованием 1632 г.³ – и по сей день является самым ранним печатным изданием в собрании музея. Из записей, оставленных на листах книг церковным клиром, мы узнали о том, что одну из них – издание Минеи 1638 г.⁴ – вложил в Петропавловскую церковь в 1663 г. архимандрит Соловецкого монастыря Варфоломей. Две книги передали в храм виремские крестьяне Голвины: Псалтирь с воследованием и Печерский Патерик, издание типо-

¹ КП-3/1–10.

² КП-1446 ПИ-416. Часослов. Вильно: [тип. Троицкого м-ря], 1772 (7280) г. [не ранее 1808].

³ КП-53/6 ПИ-403. Псалтирь с воследованием. Москва: Печатный двор, 08.09.1632 (7141) г.

⁴ КП-53/2 ПИ-399. Минея общая с праздничной. Москва: Печатный двор, 29.08.1638 (7146) г.

графии Киево-Печерской лавры 1678 г.⁵ Псалтирь подарил 29 февраля 1812 г. глава семейства Яков Степанов Головин для благословения своих родителей. В издании Патерика сохранилась довольно пространная запись о его судьбе, оставленная сыном Якова Головина Иваном: «Сия святая богодухновенная книга Патерик печерских старцеи иноков или монахов куплена прежде была родителем моим Яковом Степановым Головиным в городе Архангельске в одной бумаге⁶, но я, грешный сын упомянутого Головина Иван, переладил своими трудами в Данилове монастыре, но опосле по разделу с братьями по шерьбью досталась мне-ка недостойному Ивану... 1852 марта 2 дня. Иван Яковлев Головин».

Источниками дальнейшего формирования музейной коллекции книжной старины стали этнографические экспедиции и собирательская деятельность сотрудников. Иногда случайные поступления и находки приводили к настоящим научным открытиям. Так, в августе 1973 г. у жителя заонежской деревни Кургеницы Ивана Андреевича Прохорова были приобретены за 20 рублей два экспоната – самовар и рукописная книга⁷. В 1978 г. рукопись из-за «крайне плохого состояния» отправили на реставрацию в Лабораторию консервирования и реставрации документов АН СССР (г. Ленинград). Во время реставрации на нее обратили внимание специалисты, обнаружившие в составе сборника уникальную подборку полемических материалов старообрядческой публицистики. Один из текстов – «Жалобницу» поморских старцев против самосожжений 1691 г. – опубликовала исследовательница Н. С. Демкова⁸. До настоящего времени наша рукопись – единственный известный список этого старообрядческого сочинения. Позднее изучение текстов кижского сборника продолжил профессор Петрозаводского университета А. В. Пигин. В каталоге рукописей из хранилищ Республики Карелия им было опубликовано описание и текст еще одного сочинения из этого кодекса под названием «Писание отчасти против самосожжений»⁹.

Среди старообрядческих рукописей музейного собрания имеется странническое сочинение компилятивного характера первой четверти XX в.¹⁰

⁵ КП-53/8 ПИ-405. Патерик Печерский. Киев: тип. лавры, 1678 (7187) г.

⁶ Книга была приобретена без переплета – «в тетрадех», «в одной бумаге», Иван Головин переплел ее сам – «переладил».

⁷ КП-219/1, 2.

⁸ Демкова Н. С. Из истории ранней старообрядческой литературы. V. «Жалобница» поморских старцев против самосожжений (1691 г.) // Древнерусская книжность. По материалам Пушкинского Дома. Л., 1985. С. 48–61.

⁹ Памятники книжной старины Русского Севера: коллекции рукописей XV–XX вв. в государственных хранилищах Республики Карелия / Сост., отв. ред. и автор предисл. А. В. Пигин. СПб., 2010. С. 462–487.

¹⁰ КП-4762 ПИ-860. Старец С. Е. «Выписки из Священнаго Писания о падении церковном и о ея разделении на разныя общества и о разных церковных вопросах». Ч. 1, 2. 1914 г.

Объемная рукопись в двух частях включает выписки из самых разнообразных источников – от библейских сказаний до научных исследований XIX – начала XX вв. Ее автор – «старец С. Е.» – излагает историю «падения» Церкви с точки зрения сторонников «древлего благочестия», а также дает характеристики многочисленным направлениям и течениям старообрядческого движения.

Самые ранние рукописи нашей коллекции датируются XVI в., они были приобретены в антикварном салоне г. Петрозаводска. Две из них содержат богослужебные тексты: Минея праздничная с дополнениями и первая часть Октоиха¹¹. Третья рукопись является литературным сборником текстов, расположенных в календарном порядке (по типу минейного торжественника)¹².

Одним из ценных поступлений последнего времени стал рукописный сборник первой половины XVIII в., привезенный сотрудниками музея из экспедиции по Архангельской области¹³. Он содержит списки рукописей: «Страсти Христовы», «Повесть о Черногорском монастыре», «Житие Сергия Радонежского». Судя по записи на листах сборника, происходит он из библиотеки ярославских купцов Лыткиных, покровителей Черногорского (позднее – Красногорского) монастыря на Пинеге¹⁴.

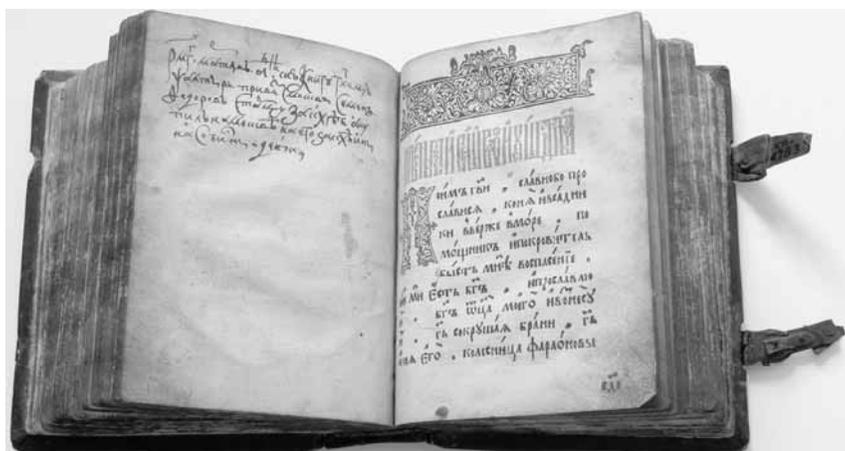
В числе печатных изданий музейного собрания, поступивших от жителей Карелии, имеются неприметные на первый взгляд экземпляры, ценность которых обнаружилась при их изучении. В 1981 г. от Василия Ивановича Крупина из поморского села Сумпосад поступила книжечка карманного формата без титульного листа и переплета. Книга оказалась переизданием Азбуки 1637 г. известного московского типографа Василия Федоровича Бурцова, предпринятым Московской единоверческой типографией во второй половине XIX в. Бурцовская азбука была новаторским изданием для своего времени. В предисловии книги помещены стихи, обращенные к ученикам, с наставлением о том, каким сокровищем является знание грамоты. Исследователи полагают, что автором этих стихов был сам издатель – Василий Федорович Бурцов, и это самое раннее поэтическое произведение, появившееся в московском печатном издании. Новым явлением в книгопечатании стала также иллюстрация, впервые помещенная в книге светского содержания. На гравюре изображена сцена из школьной жизни: учитель сечет розгами провинившегося ученика.

¹¹ КП-4889 ПИ-867. Минея праздничная. Кон. XVI – 1-я пол. XVII в.; КП-4891 ПИ-869. Октоих (гласы 1–4). 2-я пол. XVI в.

¹² КП-4890 ПИ-868. Сборник слов и житий. Кон. XVI – нач. XVII в.

¹³ КП-6339 ПИ-1029. Сборник. Кон. XVII – 1-я пол. XVIII в.

¹⁴ См.: Смирнов Я. Е. Библиотека ярославских купцов Лыткиных в первой половине XVII в. (Проблемы историографического и источниковедческого изучения) // Чтения по истории и культуре древней и новой России: Материалы конференции. Ярославль, 1998. С. 87–102.

Псалтирь. – М.: печ. В. Ф. Бурцов, 08.06.1634 (КП-4783)

В фондах музея «Киж» имеются экземпляры изданий В. Ф. Бурцова – Псалтирь, вышедшая из печати 8 июня 1634 г., и Шестоднев, изданный в 1640 г.¹⁵ Если издания Шестоднева относительно часто встречаются в книжных хранилищах¹⁶, то экземпляров Псалтири сохранилось немного. Особенностью бурцовской Псалтири музея «Киж» является то, что сохранилась она с минимальными утратами благодаря тому, что бытовала в старообрядческой среде. Приверженцы старой веры трепетно относились к дониконовским изданиям, считая их единственно верными, старались сохранить их, выработав свои способы реставрации. Их излюбленный прием – монтировать поврежденный лист подлинного издания, помещая сохранившийся фрагмент в рамку из бумаги и тщательно восстанавливая утраченный текст от руки. Благодаря реставраторам-староверам в нашей книге сохранились листы с выходными сведениями издания: Псалтирь «начата бысть печатати» 12 января и «вышла из дела» 8 июня 1634 (7142) года. До сих пор специалистам был известен только один экземпляр этого издания с сохранившимися выходными сведениями, на основе которых оно и было датировано¹⁷. Наш экземпляр Псалтири позволил подтвердить время ее издания.

¹⁵ КП-53/3 ПИ-400. Шестоднев. Москва: печ. В. Ф. Бурцов, 18.10.1640 (7149) г.; КП-4783 ПИ-472. Псалтирь. Москва: печ. В. Ф. Бурцов, 08.06.1634.

¹⁶ Например, он имеется и в собраниях карельских музеев: Национального музея (КГМ-15853) и Музея изобразительных искусств (КП-12343).

¹⁷ Книга хранится в фондах Научной библиотеки Казанского университета. См.: Веселова Л. Ф. Каталог книг кириллической печати XVI–XVII вв. Казань, 1986. № 47.

После азбуки основными учебниками для многих поколений русских людей являлись церковные книги. Псалтирь – «малая Библия», содержащая в сокращении книги Священного Писания – была настольной книгой в каждом доме. Она часто читалась и в храме, и во время домашних молитв. Ученику было легко учиться читать по книге, которую он уже хорошо знал на слух, местами наизусть. На листах одного из старообрядческих изданий фондового собрания музея «Кижь»¹⁸ сохранилась запись, подтверждающая использование Псалтири для обучения чтению: «Сия книга глаголемая Палтирь. По сей книге училсе виремской деревни крестьянина Якова Головина сын его Феодор в Сумском посаде у учителя нухощкого крестьянина Александра Егорова 1817-го г.». Книга эта, судя по записи, принадлежала Федору Головину, сыну крестьянина Якова Головина из Вирмы, который уже упоминался нами ранее как владелец и даритель книг. Поступила Псалтирь в музей в 1990 г. тоже из Поморья, от жительницы деревни Шижня Анны Ивановны Лежневой.

Псалтирь. – М.: Печатный двор. 01.11.1647 (КП-3813)

Отличительной особенностью кижского книжного собрания является то, что при скромном его объеме учебные книги составляют значительную часть всей коллекции. Одних только изданий Псалтири в фондах музея – более тридцати экземпляров. Этот факт показателен, он отражает особенность народной культуры, особенно старообрядческой, ориентированной на овладение грамотой, просвещение, сохранение духовных ценностей.

¹⁸ КП-3596 ПИ-438. Псалтирь. Вильно, 1795 (7303) г. [Янов: тип. К.Колычева, не ранее 1810 г.].

Примером образованности северного крестьянства может служить и так называемая «корниловская» коллекция в фондах нашего музея. В 1993–1997 гг. потомки крестьян Корниловых из заонежской деревни Кургеницы передали в музей «Кижь» более 250 предметов. Среди письменных и печатных источников, преобладающих в коллекции, – ценные рукописи, документы и чертежи, печатные издания XVIII–XX вв. (книги и брошюры, географические карты, настольные календари, газеты). Впервые это уникальное собрание представил научному сообществу один из его собирателей сотрудник музея Н. И. Шилов на конференции «Рябининские чтения», проходившей в Петрозаводске в 1995 г.¹⁹ Впоследствии к документам и рукописным материалам из крестьянской библиотеки неоднократно обращались археографы, лингвисты, исследователи фольклора²⁰.

Репертуар печатных изданий библиотеки Корниловых разнообразен: книги духовно-нравственного содержания, произведения художественной литературы, учебники по арифметике, словесности, естествознанию, психологии, земледелию. Время издания учебных пособий охватывает период с конца XVIII в. до предреволюционных лет. Эти книги оставили заметный след в истории отечественного образования, воплотили лучшие идеи педагогической мысли своего времени.

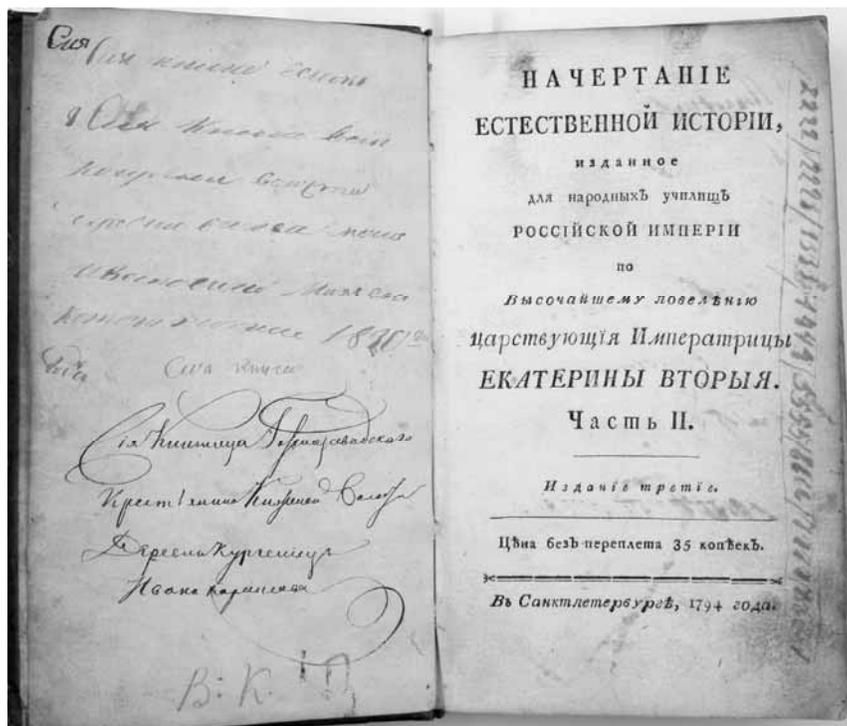
Книга «Начертание естественной истории»²¹ – первый русский учебник по естествознанию, написанный Василием Федоровичем Зуевым, академиком Петербургской Академии наук, основателем методики естествознания.

¹⁹ Шилов Н. И. Архив и библиотека заонежских крестьян Корниловых в собрании музея-заповедника «Кижь» // Международная научная конференция по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры Русского Севера «Рябининские чтения-95». Петрозаводск, 1997. С. 310–317.

²⁰ Маркелов Г. В. Кижские документы в Древлехранилище Пушкинского Дома // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1999. Т. 51. С. 446–462; Воробьева С. В., Пигин А. В., Шилов Н. И. Рукописные заговоры-молитвы из библиотеки заонежских крестьян Корниловых // Отреченное чтение в России XVII–XVIII вв. М., 2002. С. 233–249; Топорков А. Л. Мотив «чуждого одевания» в русских заговорах XVII–XVIII вв. // Заговорный текст. Генезис и структура. М., 2005. С. 143–174; Топорков А. Л. Заговоры в русской рукописной традиции XV–XIX вв. История, символика, поэтика. М., 2005. С. 390 и др.; Харебова Л. С. «Сокровенные» знания в рукописях из коллекции крестьян Корниловых // Кижский вестник. Петрозаводск, 2005. Вып. 10. С. 149–156; Пигин А. В. Потаенное знание заонежских крестьян Корниловых // Живая старина. 2006. № 1. С. 43; Бабалык М. Г., Пигин А. В. Древнерусский апокриф «Беседа трех святителей» в кижской рукописи из коллекции крестьян Корниловых // Кижский вестник. Петрозаводск, 2007. Вып. 11. С. 148–165; Шилов П. Н. Памятные книжки семьи Корниловых // Кижский вестник. Петрозаводск, 2007. Вып. 11. С. 166–169; Ипполитова А. Б. Русские рукописные травники XVII–XVIII вв.: Исследование фольклора и этноботаники. М., 2008. С. 62, 81, 165 и др.; Кожвинникова Ю. Н. Сельская поземельная община Заонежья в 80-е гг. XIX в. (по документам из Карельского собрания ИРЛИ РАН) // Церковь Преображения Господня на острове Кижь: 300 лет на заонежской земле. Петрозаводск, 2014. С. 281–288.

²¹ КП-4189 ПИ-644. Зуев В. Ф. Начертание естественной истории, изданное для народных училищ Российской Империи. Изд. 3-е. СПб., 1794.

В подготовке другого учебного пособия «Руководства к арифметике»²² принимал участие Михаил Евсеевич Головин, племянник М. В. Ломоносова, один из первых российских методистов-математиков. Книга неоднократно издавалась в серии учебной литературы Российской Академии Наук для народных училищ в рамках проводимой Екатериной II реформы образования. М. Е. Головин написал и издал учебные руководства по арифметике, геометрии, механике и архитектуре. В кижском собрании имеется еще один его учебник «Краткое руководство к гражданской архитектуре или зодчеству»²³, поступивший в фонды из библиотеки музея.

Зуев В. Ф. Начертание естественной истории, изданное для народных училищ Российской Империи. Изд. 3-е. СПб., 1794 (КП-4189). Из «корниловской» коллекции

²² КП-4261/31 ПИ-776. Руководство к арифметике. Для употребления в народных училищах Российской империи. Ч. 1. СПб., [1787–1794].

²³ КП-6588 ПИ-1031. Головин М. Е. Краткое руководство к гражданской архитектуре или зодчеству. СПб., 1789.

**Всеобщий Русский Календарь на 1890 г.. М.:
Изд. «И.Д. Сытин и К°», 1889 (НВФ-13641/3).
Из «корниловской» коллекции**

Достойны внимания учебные пособия из библиотеки Корниловых, изданные в начале XX в. Учебник по психологии, написанный Георгием Ивановичем Челпановым, профессором Московского университета, был удостоен премий Митрополита Московского Макария и Императора Петра Великого. Книга переиздавалась пятнадцать раз, экземпляр двенадцатого издания, которым пользовались заонежские крестьяне Корниловы, хранится в музее «Кижы»²⁴. Автор «Исторической хрестоматии по истории русской словесности»²⁵ Василий Васильевич Сипов-

²⁴ КП-4281/42 ПИ-460. Челпанов Г. И. Учебник психологии (для гимназий и самообразования). Изд. 12-е. М., 1915.

²⁵ КП-4281/41 ПИ-459. Сиповский В. В. Историческая хрестоматия по истории русской словесности. Т. 1. Вып. 1. Народная словесность. Изд. 8-е. СПб., 1908.

ский может быть назван одним из самых известных в 1900–1910-х гг. отечественных литературоведов. Его учебники русской литературы и составленные им хрестоматии были в это время основными учебными пособиями в большинстве высших и средних учебных заведений, как светских, так и церковных. Интересно то, что в библиотеке заонежских крестьян сохранился том издания, в котором собраны произведения народной словесности, в том числе и те, которые были записаны в Заонежье, в непосредственной близости от деревни Кургеницы, где проживали Корниловы.

Рукопись. Сборник. Конец XVII – нач. XVIII вв. (КП-4183). Из «корниловской» коллекции

В формирование книжного собрания нашего музея внесли заметный вклад многочисленные дарители, среди которых – известные деятели культуры. От Геннадия Васильевича Жаренкова, принимавшего участие в реставрации кижских икон, мы получили несколько изданий, в том числе Минею, напечатанную в 1909 г. в Санкт-Петербурге.

бургской Синодальной типографии²⁶. Исключительную ценность этой книге придает анонимная вкладная запись «В Кижскую церковь», свидетельствующая о принадлежности Минеи библиотеке Кижского прихода²⁷. К 35-летию музея-заповедника «Кижь» передал в фонды три редкие книги о. Николай (Озолин), настоятель Спасо-Кижского прихода²⁸. Издания принадлежали эмигрировавшему во Францию искусствоведу и реставратору Николаю Борисовичу Кишилову, близкому другу известного писателя А. Д. Синявского. Карельский писатель Иван Алексеевич Костин также подарил музею десять книг из личной библиотеки²⁹.

Комплектование и изучение коллекции книжных памятников музея-заповедника «Кижь» продолжается. Музейными специалистами уже проделана большая работа по каталогизации собрания рукописных источников и печатных изданий. За последнее десятилетие из печати вышли три справочника, посвященные редким книгам и рукописям из фондов музея «Кижь». Книги кириллической печати из кижского собрания отражены в каталоге, составленном сотрудниками музея под руководством известного историка и археографа И. В. Поздеевой³⁰. В республиканский каталог кириллических книг, изданных до 1830 г., вошли описания шестидесяти экземпляров старопечатных изданий из фондов музея³¹. Подготовленный А. В. Пигиным каталог карельских рукописей содержит раздел, посвященный коллекции музея-заповедника «Кижь», а также приложения с отдельными текстами из кижских рукописей³². На сайте музея постоянно обновляется содержание рубрик «Музейные коллекции» и «Электронная библиотека», где представлены результаты изучения памятников книжной культуры.

²⁶ КП-4857.

²⁷ Большая часть сохранившихся книг из библиотеки Кижского прихода хранится в фондах Национального музея РК. См.: Харебова Л. С. О библиотеке Кижского прихода // Рябининские чтения-2007. Материалы V научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007. С. 450–453.

²⁸ КП-5117. Творения святых отцев, в русском переводе, издаваемая при Московской Духовной Академии. Т. 28. Творения блаженного Феодорита, епископа Кирсакого. Ч. 3. М., 1856; КП-5118. Григорий Назианзин. Поучительные слова. [XIX в.]; КП-5119. Книга житий святых на месяц июнь. М., 1864.

²⁹ КП-6143–6150.

³⁰ Харебова Л. С., Шилов Н. И. Книги кириллической печати в фондах музея-заповедника «Кижь»: Каталог / Под ред. И. В. Поздеевой. Петрозаводск, 2005.

³¹ Книги кириллической печати в хранилищах Республики Карелия (1569–1830 гг.) / Под ред. А. В. Вознесенского; сост. Л. С. Харебова. Петрозаводск, 2013.

³² Памятники книжной старины Русского Севера: коллекции рукописей XV–XX вв. в государственных хранилищах Республики Карелия / Сост., отв. ред. и автор предисл. А. В. Пигин. СПб., 2010. С. 291–368, 462–550.

Е. М. Наумова

КОЛЛЕКЦИЯ САРАФАНОВ В ФОНДАХ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «КИЖИ»

Традиционная крестьянская одежда Русского Севера всегда интересовала не только специалистов-исследователей, но и участников фольклорных коллективов, образовательных учреждений, культурных центров. В настоящее время интерес к этой теме усиливается. В фонды музея «Кижь» постоянно приходят посетители с вопросами о традиционных технологических особенностях кроя сарафанов, использовании тканей для их изготовления, элементах различного декора и т.д. Поэтому главная цель данной работы состояла в стремлении ответить на наиболее часто задаваемые вопросы, представив для этого коллекцию сарафанов музея-заповедника «Кижь», сопроводив ее иллюстрациями, старыми фотографиями и т.п. Особое внимание уделено бытованию фабричных тканей в крестьянской среде, особенностям и различиям в манере ношения нарядов женщинами разных уездов Олонецкой губернии и Поморья.

Коллекция крестьянской одежды XIX – начала XX вв. начала формироваться в музее-заповеднике «Кижь» с конца 1960-х гг. В основном она включает в себя отдельные элементы будничной и праздничной женской и девичьей одежды. В состав женского наряда входили сарафаны, составляющие большую часть коллекции одежды музея.

По В. Далю: *«Сарафан – встарь, мужской долгий кафтан, особого покрою. Женская русская одежда, безрукавая, с проймами для рук и с поясом. Сарафаны, по покрою, бывают: однорядные, двурядные, закрытые, открытые (грудь), круглые (узкие), прямые, клинчатые, триклинки, растегаи (распашные), шубки (московские), с рукавами, с проймами (с помочами), сборчатые, гладкие, с лифом, без лифа. По ткани: холщевики, дубленики, крашенинники, пестрядинники, кумачники, китаечники, ситцевики, стамедники, суконники и пр.»*¹

¹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1909. Т. 4. С. 34–35.

На Севере России сарафан и рубаха длительное время составляли основу будничного и праздничного женского крестьянского наряда, в отличие от южных областей России, где больше преобладал комплекс – рубаха с распашной юбкой понёвой. Именно сарафан стал символом традиционной русской женской одежды.

Исследователи считают, что комплекс одежды с сарафаном сформировался в XV–XVII вв.², в письменных источниках как женская одежда он упоминается с XVII в.³

Восемнадцатый век, полностью изменивший одежду русской знати, принявшей западную моду, практически не затронул народную одежду, сохранившую в своих формах и деталях древнерусские традиции почти до начала XX в.⁴

В шестидесятые годы XIX столетия было положено начало формированию музейных этнографических коллекций по русскому быту. Об одежде в то время говорилось: «Костюм должен быть совершенно такой, какой носится строго держащими старины горожанами или крестьянами и инородцами, сделан из обыкновенно употреблявшихся тканей...»⁵.

В собрания столичных музеев России попадали наиболее яркие и выразительные образцы женского костюма Олонецкой губернии, в том числе из Каргопольского и Повенецкого уездов. Так, подобное собрание предметов одежды, к которому мы далее обратимся, поступило в Российский этнографический музей в начале XX в.⁶ Остальная часть губернии в то время еще оставалась практически вне сферы внимания собирателей и исследователей.

Несмотря на большое количество исследований по этнографии и народному костюму Русского Севера, вышедших в свет в XX и начале XXI в., их авторы редко представляли традиционную одежду

² Русский традиционный костюм: Иллюстрированная энциклопедия /Авт.-сост.: Н. Соснина, И. Шангина. СПб., 2006. С. 7.

³ Там же. С. 282.

⁴ Согласно указу Петра I «О ношении всякого чина людям немецкого платья и обуви, и об употреблении в верховой езде немецких седел» от 1701 г. людям дворянского сословия требовалось носить одежду «иноземного образца», что не распространялось на крестьян (Русский народный костюм. Из собрания Государственного музея этнографии народов СССР. Л., 1984. С. 6–7).

⁵ Программа А. П. Богданова, которая называлась: «Инструкции собирания предметов для Русской этнографической выставки и Русского музея, устраиваемых Обществом Любителей Естествознания». Цит. по: Шангина И. И. Русский фонд этнографических музеев Москвы и Санкт-Петербурга. История и проблемы комплектования. 1867–1930 гг. СПб., 1994. С. 13–15.

⁶ РЭМ, коллекционные описи: № 68, 233, 296, 299, 585, 641, 668, 702, 737, 820.

большей части Олонецкой губернии, исключая, Каргопольский уезд⁷ и Карельское Поморье, которое до 1920 г. входило в состав Архангельской губернии⁸.

Наиболее полно костюм карел Олонецкой губернии представлен в монографии Р. Ф. Тароевой, а также в сборнике Р. Ф. Никольской (Тароевой) и А. П. Косменко⁹.

Исторический очерк о традиционной одежде народов Карелии, сопровождающий одно из последних вышедших изданий, как и более ранние работы по данной теме, принадлежат этнографу К. К. Логинову¹⁰. Ряд статей научного сотрудника музея-заповедника «Кижь» Л. В. Трифионовой тоже посвящены крестьянской одежде, бытовавшей на территории Карелии¹¹.

В музее «Кижь» изучением народной одежды и, прежде всего, сарафанов многие годы занималась Е. И. Яскеляйнен, результаты ее исследований опубликованы в ряде статей и в книге «Панозерские наряды»¹². В своих работах автор дала характеристику коллекции музея и на основе собранного в экспедициях местного этнографического материала выявила особенности сарафанов отдельных районов Карелии.

⁷ Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991; Работнова И. П. Русская народная одежда. М., 1964; Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М., 1984; Шангина И. И. Молодежный костюм Русского Севера (конец XVIII – начало XX в.). // Народный костюм и современная молодежная культура. Архангельск, 1999; Русский традиционный костюм...; Кислуха Л. Ф. Народный костюм Русского Севера XIX – начала XX в. в собрании Государственного музейного объединения «Художественная культура Русского Севера». М., 2006.

⁸ Бернштам Т. А. Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX вв. Л., 1983; Ткани и одежда Поморья в собрании Соловецкого государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника: Каталог / Автор-сост. Г. А. Григорьева. Архангельск, 2000.

⁹ Тароева Р. Ф. Материальная культура карел (Карельская АССР). М.; Л., 1965; Материальная культура и декоративно-прикладное искусство сегозерских карел конца XIX – начала XX вв. // Изд. подгот. Никольская Р. Ф., Косменко А. П. Л., 1981. С. 116–127.

¹⁰ Логинов К. К. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья (конец XIX – начала XX в.). СПб., 1993. С. 100–113; Он же. Традиционная одежда народов Карелии (краткий исторический очерк) // Костюм и праздник. Петрозаводск, 2008. С. 14–38.

¹¹ Трифионова Л. В. Народный костюм южной Карелии конца XIX в. (по материалам этнографической экспедиции М. А. Круковского 1899 г.) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2001. Вып. 6. С. 57–72; Она же. Одежда русских Повенецкого и Петрозаводского уездов Олонецкой губернии (по материалам этнографической экспедиции М. А. Круковского 1899 г.) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2003. Вып. 8. С. 126–140; Она же. Традиционная одежда северных карел (по материалам исследователей XIX – первой половины XX в.) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2007. Вып. 11. С. 52–70.

¹² Яскеляйнен Е. И. Панозерские наряды: панозерские наряды и их родословные. Juminkeko; Петрозаводск, 2007; Она же. Сарафаны в коллекции музея «Кижь» (опыт этнографического исследования) // Кижский вестник. Заонежье. Петрозаводск, 1994. Вып. 4. С. 110–116; Она же. Народный костюм русских Кемского Поморья XIX – первой половины XX в. в коллекции музея «Кижь» // Кижский вестник. Петрозаводск, 2003. Вып. 8. С. 80–125.

Ценнейшими источниками для изучения народного костюма Олонецкой губернии являются этнографические заметки краеведов и путешественников XVIII – начала XX вв. и фотоматериалы этнографических экспедиций и путешественников. Материалы, собранные П. С. Ефименко, С. В. Максимовым, Н. Я. Озерецковским, П. Н. Рыбниковым, Н. С. Шайжиным, В. Майновым, В. Н. Харузиной, М. И. Круковским и другими, до сих пор являются основой современных исследований по народному костюму Русского Севера¹³.

Территория современной Карелии по большей части совпадает с территорией бывшей Олонецкой губернии. В результате административных изменений после 1917 г. к Карелии отошла часть побережья Белого моря, так называемый Карельский берег¹⁴ (от Кандалакшского залива до реки Кемь), а Каргополье, в свою очередь, стало Архангельским.

К концу XIX в. на землях современной Карелии в основном проживали русские, карелы и вепсы. Значительную часть территории занимали носители трех карельских диалектов – живущие на севере и западе Карелии собственно карелы, а также южные карелы, проживающие на северном и северо-восточном побережье Ладожского озера (ливвики) и на западном и северо-западном побережье Онежского озера (карелы-людики). Кроме того, в составе карельского этноса есть поселения сегозерских карел, которые расположены в окрестностях озера Сегозера. Этнографы относят этот район к Средней Карелии и считают его связующим звеном между севером и югом, выделяя в самостоятельную этническую группу, хотя в языковом отношении они мало отличаются от собственно карел¹⁵.

Территория расселения вепсов в Карелии – юго-западное побережье Онежского озера.

¹³ Озерецковский Н. Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. Петрозаводск, 1989; Максимов С. Год на Севере. Белое море и его побережья. СПб., 1859; Рыбников П. Н. Этнографические заметки о заонежанах // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1866 г. Петрозаводск, 1866; Майнов В. Поездка в Обонежье и Корелу. СПб., 1877; Ефименко П. С. Обычаи и верования крестьян Архангельской губернии. Гл. III «Одежда и обувь». М., 2009; Харузина В. На Север (Путевые воспоминания). М., 1890; Шайжин Н. С. Олонецкий край. Петрозаводск, 1908; Круковский М. И. Олонецкий край. СПб., 1904; Колпакова Н. П. У золотых родников: записки фольклориста. Л., 1975.

¹⁴ «Поморским берегом, или собственно Поморьем... называется западная часть Онежского залива между двумя уездными городами губернии: Онегою и Кемью. Дальние поморы мезенские и терские обыкновенно зовут этот берег Кемским» (Максимов С. Указ. соч. С. 81–82).

¹⁵ «...переходной зоной, в которой элементы, характерные для культуры северокарельской зоны, как бы наслаиваются на элементы, свойственные южным группам карельского народа. Сегозерские карелы наряду с основными общекарельскими чертами сохранили присущие только им специфические особенности в языке и культуре. Это позволяет выделить их в самостоятельную этническую группу» (Материальная культура... С. 6).

К регионам Карелии с русским населением относятся Заонежье, территория, охватывающая Заонежский полуостров с прилегающими островами, Пудожье – восточное побережье Онежского озера и Поморье – Карельский берег Белого моря.

Коллекция музея «Кижь» содержит восемьдесят два сарафана (семьдесят два повседневных и десять праздничных), представляющих в основном народный костюм карел северной и средней части Карелии, а также трех районов с русским населением.

Из Южной Карелии (Олонецкий район) в фонды музея поступил только один довольно поздний сарафан из тканей домашнего изготовления. По мнению Р. Ф. Тароевой, на рубеже XIX–XX вв. в некоторых районах Карелии происходил «распад традиции ношения сарафана». Он «неожиданно привел (не без влияния городской моды) к возрождению на новой основе более раннего типа одежды – рубахи и кофты с юбкой»¹⁶. Определенное влияние на южнокарельскую одежду оказывали также прибалтийские традиции. Таким образом, раньше, чем в других районах, в Южной Карелии сарафан был заменен на юбку с кофтой и на городское платье.

Возможно, именно этим объясняется отсутствие сарафанов данного региона в коллекции нашего музея. Эту лауну в какой-то степени заполняет фотоматериал этнографической экспедиции М. А. Круковского 1899 г., где можно увидеть южнокарельский праздничный сарафанный комплекс с зауженной впереди до талии верхней частью (вид облегающего лифа), напоминающий городское платье, а также элементы повседневной женской одежды с рубахой и сарафаном. Наблюдения по данной теме были опубликованы Л. В. Трифионовой в сборнике статей музея-заповедника «Кижь»¹⁷ (рис. 1).

Восемнадцать сарафанов коллекции привезены из деревень Средней Карелии – Сегозерья. Двадцать четыре сарафана поступили из Заонежья, десять – из Пудожского района, один из них из Каргополя. Из деревень Карельского берега Белого моря (Поморья) и прилегающих районов расселения северных карел поступило 20 сарафанов.

Помимо этого, в коллекции музея хранятся три сарафана из соседних губерний России: два – из Вельского района Архангельской области (бывшей Вологодской губернии) и один вологодский, поступивший из г. Костромы. Ряд сарафанов, приобретенных музеем за последние годы, до конца не атрибутированы.

В Олонецкой губернии, как и по всей России, для шитья сарафанов использовали ткани, изготовленные «своими старинными кустарными способами»¹⁸.

¹⁶ Тароева Р. Ф. Указ. соч. С. 162.

¹⁷ Трифинова Л. В. Народный костюм южной Карелии... С. 57–72.

¹⁸ Соболев Н. Н. Очерки по истории украшения тканей. М.; Л., 1934. С. 407.

Рис. 1. Девушки из окрестностей Олонца. Этнографическая экспедиция М. А. Круковского 1899 г. Репродукция. КижИ НВФ13581/31

Это была ручная набойка по льняному дмотканому холсту или просто крашеный льняной холст – крашенина, а также пестрядь – полосатые или клетчатые полотна и холсты. Изготавливали их на домашних ткацких станах, имевшихся в каждом крестьянском доме.

На праздничные сарафаны обычно использовались фабричные ткани – шелковые, хлопчатобумажные, шерстяные («французское сукно»), которые чаще всего покупались на ярмарках; будничные «сарафан делается из крашеного холста, и потому называется «крашениником», в то время как праздничные «...шьются из ситца, шерстяной материи и малинового штофа»¹⁹.

¹⁹ Рыбников П. Н. Указ. соч. С. 31–32.

П. С. Ефименко писал, что в Архангельской губернии «летнюю одежду женщин замужних и девиц составляют: рубашка из портна²⁰, у которой рукава из одного ситцу, а намышники (наплечники) из другого; сарафаны – крашенинник из портна, совсем окрашенного черною краскою; набиванник из портна, набитого разными фигурами и цветами, ситник²¹, кумачник²² и лопотина – сарафан из шелковой материи»²³.

Девичий наряд города Пудожа Олонецкой губернии в середине XIX в. представлял собой «штофный или парчовый сарафан, обшитый по подолу золотыми позументами...»²⁴.

В. В. Майнов, путешествуя по Олонецкой губернии в 1877 г., так описывал заонежанок: «Все бабы ходят в ситцевых сарафанах, а в праздники вовсе не редкость увидеть на них не только шерстяныя материи (рипс), но и красный штоф, и синее фабричное сукно, известное под названием французскаго»²⁵.

Покупные материи в женском народном costume Олонецкой губернии, можно предположить, начали использовать еще в конце XVIII в. Н. Я. Озерецковский, будучи на о. Валаам в 1785 г., отмечал, что на валаамской ярмарке у олонецких и тихвинских купцов в лавках «...были разные шелковые материи и платки, ситец и выбойка, холст и крашенина»²⁶.

По разновидности ткани, из которой были шиты сарафаны, они могли получать свои названия: «матерья», «кумачник», «штофник», «гарусник», «печатник», карельский «siitči» (русский «ситцевик»²⁷). Реже в названии сарафана подчеркивался его крой: «косоклиинник», «костыч», «клиинник» и др.

В XIX в. на территории Олонецкой губернии (Каргопольский уезд) и в Поморье были известны такие названия сарафанов, как «матурник» (или «матура») ²⁸, «кунтуш»²⁹, «китайник, он же шушун», «набивник, или на-

²⁰ «Портно – узкий, грубый холст» (Даль В. Толковый словарь... Т. 3. С. 840).

²¹ Ситец – набивное, узорочное хлопковое полотно, пестрый миткаль. <...> Ситник арх., ситцевик (Даль В. Толковый словарь... Т. 4. С. 165).

²² Кумач – простая бумажная ткань, обычно алого <...> цвета на сарафаны, почему кумик также кумачный сарафан, кумачник (Даль В. Толковый словарь... Т. 2. С. 558).

²³ Ефименко П. С. Указ. соч. С. 135–176.

²⁴ Архив РГО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 30 (Этнографические сведения Олонецкой губернии о Городе Пудоже с принадлежностями к Оному окрестными селениями. 1856 г. / Сост. Священник Иоанн Георгиевский).

²⁵ Майнов В. Указ. соч. С. 137.

²⁶ Озерецковский Н. Я. Указ. соч. С. 73.

²⁷ Тароева Р. Ф. Указ. соч. С. 145.

²⁸ Русский традиционный костюм... С. 172.

²⁹ «Старинные сарафаны («кунтуши», «кундуши», «тесемочки» и «матурныя шубы») носились с широкими ляжками. Сзади прикреплялись две ленты, называемые «рукавами». Миллер В. Ф. Систематическое описание коллекций Дашковского этнографического музея. М., 1893. Т. 3. С. 22; Русский традиционный костюм... С. 152.

биванник, крашенинник, кумачник, каразейник, кашемирник и гарнитурник»³⁰ и другие. У карел бытовали названия, русские по происхождению: «saraffana, ferezi, siitči, krasiiikka, kumakka, košto, kostič и т. п.»³¹.

В настоящий момент названия некоторых старинных тканей, а тем более названия сарафанов забыты и встречаются только в специальной и художественной литературе, терминологических словарях, в материалах архивов и музеев.

В коллекции музея «Кижы» только семь домотканых сарафанов, остальные сшиты из различных фабричных тканей. В документах музея встречаются названия тканей, записанные со слов владельцев предметов: кисея, канифас, поплин, репс, гарус, кашемир, муар, фай, «ситец гофреевый», «ситец белофонный»³².

Самым старым видом украшения крестьянских тканей была кубовая набойка – широко распространенный народный промысел. Рисунок набивался на неокрашенную ткань особым составом³³, отсюда возникли термины «набивка», «набивальник», «печатник» и т. п. «Ткань с узором, нанесенным этим веществом, красят затем обычным способом – кубовой краской, получая белый узор на синем фоне», – писал Д. К. Зеленин³⁴. Как тип украшения ткани, набойка была распространена во многих уездах России, тем не менее исследователи отмечали региональные особенности в приемах ее украшения: «Узоры карелов бывшей Тверской губернии и узоры Олонецкого края мало схожи между собой, но еще более далеки они хотя бы от набоек вятских звероловов или великороссов северных побережий Белозерья и Пинеги»³⁵.

К началу XX в. большинство повседневных сарафанов Заонежья шились не из домотканого холста, а из набивного ситца. Ранее дорогой для крестьянской среды ситец в XIX в. стал стремительно дешеветь. Если в 1820-е г. он стоил 60 копеек за аршин, то в 1855 г. – 18 копеек, а в 1873 г. – всего лишь 10 копеек³⁶, что сделало ситец более доступным для крестьян.

С середины XIX в. характерные для крестьянской ручной набойки узоры с мелким цветочным или геометрическим орнаментом часто использовались в узорах русских фабричных ситцев с синим, красным и черным фоном, особо полюбившимся в среде простого народа. Популярными были также «белоземельные» ситцы с цветочными рисунками.

³⁰ Ефименко П. С. Указ. соч. С. 146.

³¹ Тароева Р. Ф. Указ. соч. С. 160.

³² Яскеляйнен Е. И. Сарафаны в коллекции музея «Кижы»... С. 112.

³³ Состав русские называли «вапой». «Кипятят растворенный в воде растительный клей с белой глиной, затем добавляют туда сульфат меди и немного говяжьего жира и снова варят в течение двух часов». Зеленин Д. К. Указ. соч. С. 214.

³⁴ Там же.

³⁵ Соболев Н. Н. Указ. соч. С. 391.

³⁶ Там же. С. 407.

В крестьянской среде долгое время использовали такие узоры на тканях, как мелкие цветы, букетики, расположенные в шашечном порядке, горошек, полоска, крапинка, чередующиеся полосы, заполненные некрупными растительными рисунками или геометрическими формами и т.п. Эта особенность орнаментики крестьянских тканей была отмечена этнографами: «Ситцы на рубашки идут преимущественно с мелкими цветами, полосками и крапинками, а на... сарафаны с крупными»³⁷ (имеются в виду, видимо, шелковые ткани).

В 1818 г. опись имущества крестьянской семьи из деревни Ольхино (Ямка) на острове Кижь, помимо прочего, включала и одежду: «...Из платьев собственных ее Лукерьи Федоровой сарафанов: выбоичатый по земле с красными мушечками и таковыми ж цветочками...; набитой по холсту по красной земле с белыми мушечками и цветочками, шугайчик ситцевой темно-желтой с мелкими черными и белыми мушечками»³⁸.

Неброские мелкоузорные рисунки на привычных льняных холстах и хлопчатобумажных ситцевых тканях были характерны для одежды крестьян Русского Севера (рис. 2).

Сарафаны из ситца (Заонежья, Пудожья и Сегозерья) представляют почти половину коллекции музея «Кижь». Значительная их часть была сшита как в предреволюционное время, так и в советский период и датирована очень условно – началом XX в. В 1920–1930-е гг. еще шили ситцевые и однотонные хлопчатобумажные сарафаны по случаю летних праздников («на заговенье», «отжин»³⁹ и т.д.) и одевали на «вечерины», «вечорки», гулянья на полянах. Молодые девушки шили сарафаны из российского ситца «белоземельного» или разных ярких цветов со своеобразными некрупными узорами.

Определить происхождение тканей нелегко, но можно предположить, что в коллекции нашего музея есть российские набивные ткани московской и ивановской фабрик. Отдельные «мелкотравчатые» узоры на тканях некоторых сарафанов, сшитых уже в советское время, указывают на сходство их с ситцами XIX в. или отдаленно напоминают рисунки старинных ручных набоек. Встречаются ткани и раннего советского периода с обязательными для того времени мотивами индустриализации страны⁴⁰ (рис. 3).

³⁷ Ефименко П. С. Указ. соч. С. 145.

³⁸ НАРК. Ф. 655. Оп. 1. Д. 83/684. 1818 г. (Дело о краже денег у крестьянина Кижской трети деревни Корчевской (Харчевской) Антона Ерофеева) (Материал любезно предоставлен С. В. Воробьевой).

³⁹ «На заговенье» («заговенье») – на пасхальные праздники; «отжин» – в Заонежье – окончание жатвы на полях.

⁴⁰ «Печатные валы с прежними рисунками повсюду стачивались и вместо них гравировались новые рисунки „с тематикой“. К дореволюционным классическим текстильным узорам стали снова возвращаться только ближе к середине тридцатых годов». Работнова И. П. Из истории советских набивных тканей 1920 – первой половины 1930-х гг. М., 1972. С. 79–80.

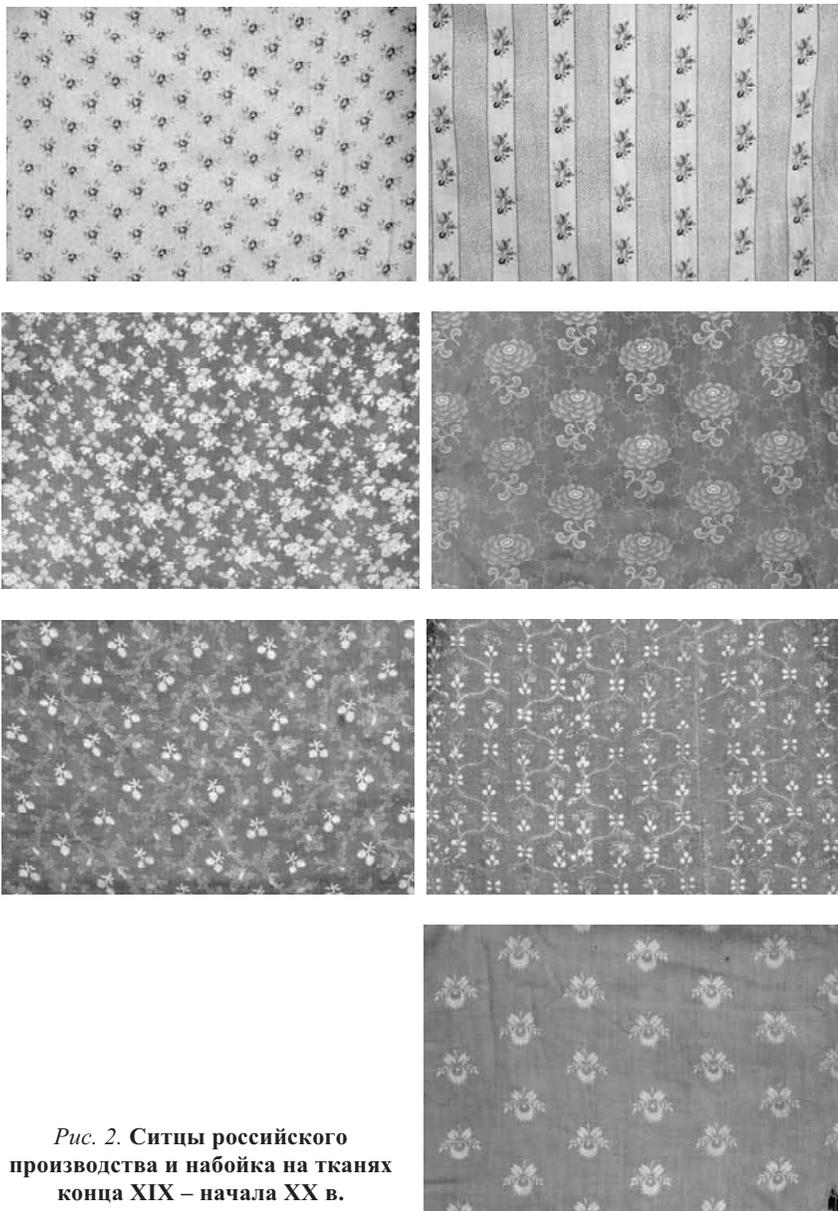

Рис. 2. Ситцы российского производства и набойка на тканях конца XIX – начала XX в.

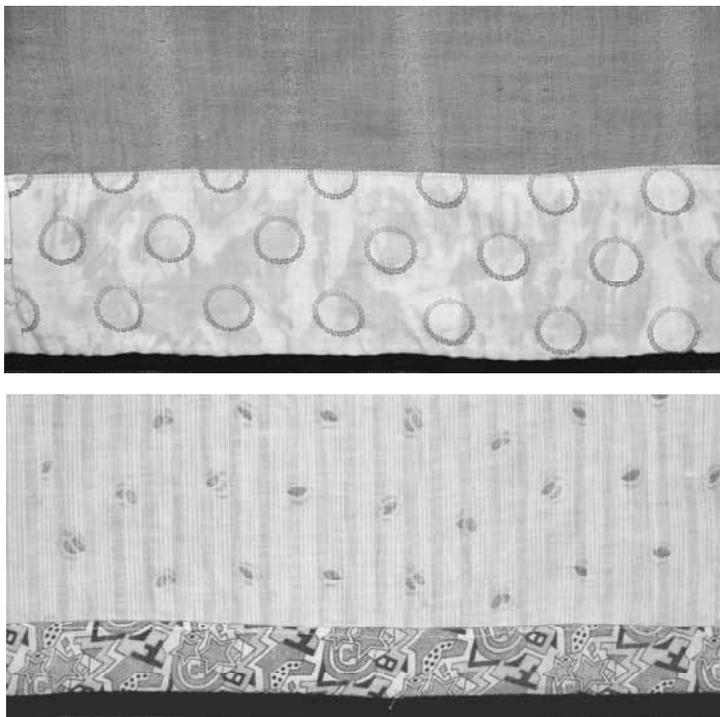

Рис. 3. Советские ткани начала 1920-х гг. «с тематикой» (с шестерёнками, звёздами и т.п.) на подолах сарафанов с изнанки

В конце XVIII в., в период становления российской текстильной промышленности, большого расцвета достигло производство шелковых тканей. Под «разными шёлковыми материями» могли подразумеваться парча, штоф, тафта, гродетур⁴¹, «блестящие атласы, крупнорубчатые каннеле⁴² с красочными букетами цветов»⁴³ и т.д. Мануфактуры России «с учетом вкусов крестьян» специально выпускали недорогие ткани, плотные, отличающиеся особыми рисунками, сдержанностью, простотой и строгостью узоров. Крестьянские вкусы отличались постоянством, поэтому характерные узоры на шелковых тканях конца XVIII в., производимые специально для простого народа, продержались довольно долго и в последующем столетии.

⁴¹ Гродетур – шелковая, плотная, мелкорубчатая по утку ткань, одноцветная или с узором.

⁴² Каннеле – шелковая ткань с крупными рубчиками по утку.

⁴³ Арсеньева Е. В. Старинные узорные ткани России XVI – начала XX в. Из фондов Государственного исторического музея. М., 1999. С. 31.

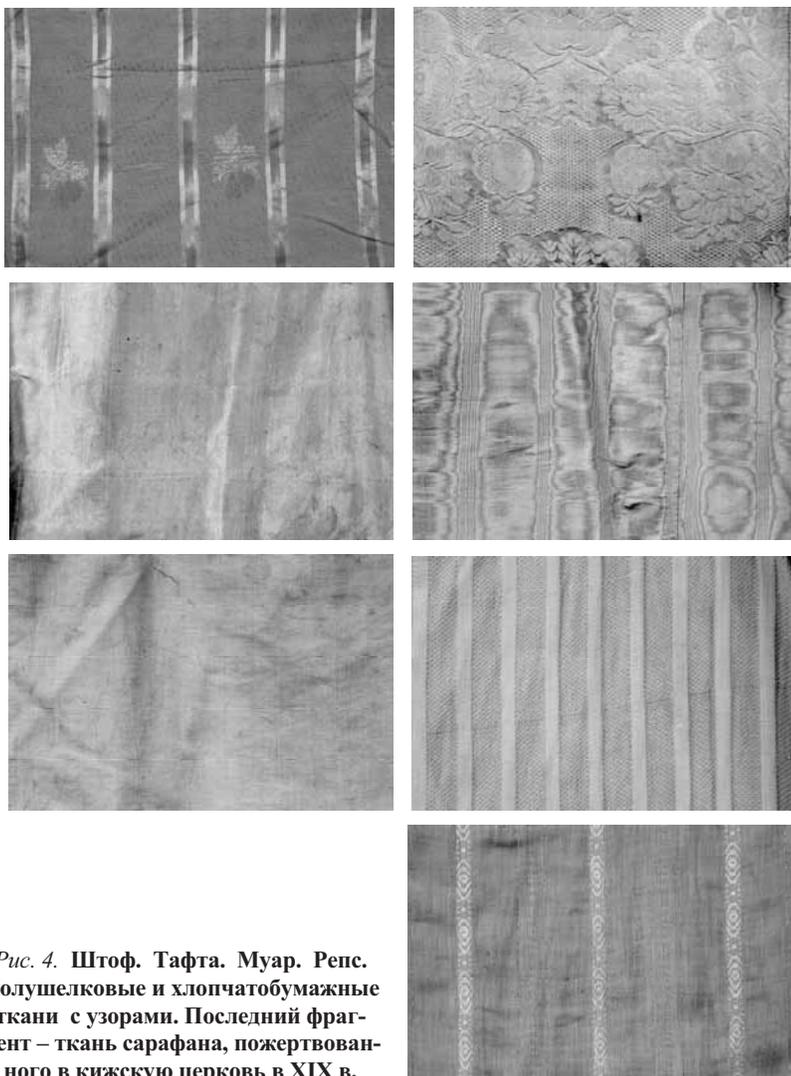

Рис. 4. Штоф. Тафта. Муар. Репс. Полушелковые и хлопчатобумажные ткани с узорами. Последний фрагмент – ткань сарафана, пожертвованного в кижскую церковь в XIX в.

Из шелковых тканей во второй половине XIX в. в деревнях Олонецкой губернии и всего Севера предпочтение отдается штофу, переливчатым тканям – тафте, муару (шелку «с морями» (шелк разливной)⁴⁴),

⁴⁴ Бернштам Т. А. Указ. соч. С. 46.

из шерстяных – кашемиру, гарусу⁴⁵, а также различным однотонным тканям смешанных сортов и бумажным материям (рис. 4).

В Поморье сарафаны часто шили из дорогих шелковых тканей, и это неслучайно. Главным привозным рынком, начиная с XVII в., был Архангельск, куда съезжались иностранные купцы⁴⁶. Жители западного побережья Белого моря и сами отправлялись в торговые плавания в Архангельск и северные страны приобретать нужные им товары. В середине XIX в. праздничная одежда поморок отличалась особым богатством покупных тканей: «Что касается Сумского посада, то жители его одеваются шеголевато. Женщины носят ситцевые, шерстяные, шелковые и даже бархатные платья и сарафаны»⁴⁷ (рис. 5).

В заонежских и пудожских деревнях в 1870–1880-е гг. современники чаще всего упоминали праздничные шелковые сарафаны из малинового штофа⁴⁸.

Такой женский наряд из села Шуньга (Заонежье), сшитый из бордового (малинового) штофа и состоящий из сарафана и шугая, представлял Российский этнографический музей на выставке «Русские Олонецкой губернии» в музее «Кижы» в 2006 г.⁴⁹

Несколько об ином штофе писал в XIX в. П. С. Ефименко: «Штоф – материя с разными цветами и травами, золотыми и серебряными реками, с белыми, синими или зелеными, черными и желтыми разводами»⁵⁰. Такие описания тканей можно встретить и позднее⁵¹.

Ткани подобного типа отечественного производства украшались золотистыми цветами или крупными узорами из вертикальных извивающихся ветвей, переплетенных между собой цветов, букетов или широких полос, заполненных мелкими растительными узорами, часто были затканы нитями из металлических сплавов, имитирующих золотное ткачество. Производились они специально для крестьян, а также купеческого и мещанского сословий. Варианты подобных шелковых тканей продержались в России более сотни лет, а сарафаны из них можно увидеть в некоторых российских музеях и на старых фотографиях.

⁴⁵ «Шерстяные гарусы уже не выпускаются, но название ткани было перенесено на шерстяную, разноцветную пряжу для вышивания и вязания» (Неёлов В. И. Рассказы о ткачестве. М., 1990. С. 10).

⁴⁶ «...Иностранные привозные товары были разнообразны, состоя из золота, серебра, драгоценных камней, посуды, мебели, галантерейных вещей, сукон, бархатов, парчей, шелковых тканей» (Максимов С. Указ. соч. С. 530).

⁴⁷ Ефименко П. С. Указ. соч. С. 175.

⁴⁸ Упоминаются «штофные сарафаны из алой, голубой и зелёной материи» (Максимов С. Указ. соч. С. 543).

⁴⁹ РЭМ. Кол. № 585-23, 24.

⁵⁰ Ефименко П. С. Указ. соч. С. 147.

⁵¹ В заонежской деревне Черкасы женщина рассказывала о бордовом «штофнике», с желтыми цветами (или кругами): «Желтые, вот такие цветы – не цветы... такие круглые...» (Музей «Кижы». ФА, аудиозапись № 51).

Рис. 5. Девушки в традиционных поморских праздничных костюмах. 1928 г., г. Беломорск (с. Сорока). Кизи КП 7365

Рис. 6. Девушка из дер. Суна Петрозаводского уезда. Этнографическая экспедиция М. А. Круковского 1899 г. Репродукция. Кизи НВФ 13581/15

Рис. 7. Праздничный наряд. 1910-е гг. Олонецкая губерния. Репродукция 1937 г. НАРК. П-2949

О сарафанах из парчи сообщали путешественники, побывавшие в Пудуже и Заонежье (с. Шуньга) Олонецкой губернии в конце XIX в.⁵² В фондах Российского музея этнографии хранится сарафан Каргопольского уезда Олонецкой губернии, сшитый из золотной парчовой ткани⁵³ (рис. 6, 7).

По крою этнографы выделяют четыре основных типа сарафанов, бытовавших на территории России в XIX – начале XX в.⁵⁴ Первый тип встречается в музейных собраниях редко – это старинный косоклиный «глухой» сарафан без шва спереди. Другой тип – косоклиный сарафан с центральным разрезом впереди. Он представлен в музеях чаще и имеет несколько вариантов: распашной или с зашитым швом, вдоль которого нашиты петли и пуговицы, с проймами или на лямках, с разными спинками и т.д. Третий тип – сарафан прямого кроя со сборками и на лямках. Четвертый – сарафан с лифом⁵⁵.

В коллекции музея «КижИ» хранятся три типа: косоклинные, прямые или круглые, а также небольшое количество сарафанов с лифами (или «юбка с лифом»⁵⁶). «Сарафан с лифом распространился в некоторых губерниях в предреволюционное время и проник в деревню из города»⁵⁷.

Среди косоклиных сарафанов представлены сарафаны-костычи. «Костыч – Арх., Ол., будничный, крашенинный сарафан, широкий в подоле и косоклиный; носят его более старухи и старроверки»⁵⁸. П. С. Ефименко писал: «Костычи – род сарафана с клиньем, и китаечники, обшитые напереды – продольною лентою с пуговицами»⁵⁹.

Косоклиный сарафан дольше сохранялся в северных районах Карелии и в Поморье, но носили его и в других районах Олонецкой губернии. В фондах Российского этнографического музея хранится сарафан конца XIX в., происходящий из заонежской деревни Космозеро. Он относится ко второму типу существовавших старинных распашных сарафанов, с застёжкой до подола на пуговицы, с большими клинообразными вставками на боках и спине, расширяющими нижнюю часть сарафана. Наличие клинообразных вставок и дало название типу косоклиных сарафанов.

⁵² Архив РГО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 30 (Этнографические сведения...).

⁵³ РЭМ. Кол. № 3432-1, 3421-2, 3432-3. Впервые опубликован: Русский традиционный костюм... Ил. 124.

⁵⁴ Крестьянская одежда населения Европейской России. Определитель. М., 1971. С. 26–29, 139–140.

⁵⁵ Пятым типом выделяют сарафан на кокетке (Беловинский Л. В. История русской материальной культуры: Учебное пособие. Ч. 1. М., 1995. С. 66–68).

⁵⁶ Ткани и одежда Поморья... С. 45.

⁵⁷ Крестьянская одежда... С. 140.

⁵⁸ Даль В. Толковый словарь... Т. 2. С. 451.

⁵⁹ Ефименко П. С. Указ. соч. С. 168.

Этнограф Д. К. Зеленин, классифицируя сарафаны по типологическому признаку, в начале XX в. писал: «Бывают... закрытые (глухие) сарафаны, у которых вырез очень небольшой, по самой шее; вместо лямок в нем проймы»⁶⁰.

Косоклиный распашной сарафан представлен на фотографии Национального архива Карелии. Подобные сарафаны (как «матурник»⁶¹) в старину были распространены по всей Олонецкой губернии, в том числе и на территории Сегозерского района Карелии: «Наиболее ранним типом сарафана у карел был косоклиный, со спинкой до самой шеи, круглым воротом, с прямым разрезом впереди у ворота..., с широкими проймами для рукавов»⁶². Этот старый тип косоклиных сарафанов предшествует сарафанам на лямках. В старообрядческой среде на Севере России, в отдаленных местах, они сохранялись достаточно долго⁶³ и существовали рядом с косоклиными сарафанами на лямках более позднего типа (рис. 8, 9).

Другой тип сарафанов – прямой, круглый («московский»)⁶⁴. Такие сарафаны, по мнению этнографов, появились довольно поздно⁶⁵. К этому типу относится большая часть коллекции сарафанов музея «Кижи».

В крестьянской среде испокон веков существовало бережное отношение к тканям, поэтому одна из особенностей, которая всегда проявлялась в шитье одежды, – это рациональное использование ткани при крое. «Характерная черта народного костюма – его ярко выраженная конструктивность. Рациональная конструкция рубахи, сарафана, зипуна, понёвы, армяка почти не требовала ножниц, а отходы были минимальными»⁶⁶. В деревнях чаще всего старались шить сами: «По большей части шили и кроили одежду дома, так как за стыд считалось для хорошего семейства отдавать (шить) одежду на сторону»⁶⁷.

⁶⁰ Зеленин Д. К. Указ. соч. С. 241.

⁶¹ «Матура – Ол. красный красильный корень, растения *Galium boreale*, марена (не настоящая). Матурник – красный домашней выделки и особого покроя сарафан, с откидными рукавами» (Даль В. Толковый словарь... Т. 2. С. 798).

⁶² Тароева Р. Ф. Указ. соч. С. 160.

⁶³ Яскеляйнен Е. И. Панозерские наряды... С. 27.

⁶⁴ «...В наше время севернорусские называют московским сарафаном женскую одежду без клиньев, которая носит название круглый. Этот сарафан отличается множеством сборок, которые придают ему пышность и делают очень красивым. Разрез, ничем не украшенный, делают на груди, а иногда под мышками. По крою это длинная юбка с лямками» (Зеленин Д. К. Указ. соч. С. 241).

⁶⁵ Зеленин Д. К. Указ. соч. С. 243.

⁶⁶ Беловинский Л. В. Типология русского народного костюма // Традиционные промыслы и ремёсла: Альманах. М., 1997. № 3. С. 5.

⁶⁷ Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Собр. М. Забылиным (в 4-х ч.). М., 1880. С. 518.

Рис. 8. Сарафан старушечий. XIX в. Олонецкая губ., Заонежье, д. Космозеро. 1905 г. РЭМ 737-5. Выставка «Русские Олонецкой губернии», г. Петрозаводск, 2006 г.

Рис. 9. Женщина в старинном сарафане «матурник». 1920–1930-е гг. Карельская АССР. Съёмка: И. М. Мулло. Репродукция. НАРК I-2243

Многие сарафаны из нашей коллекции почти полностью сшиты вручную, и только некоторые детали прошиты на швейной машинке. Например, очень часто дополнительно по ручному шву прострочены оборки.

Стремление к наименьшим затратам тканей, возможно, и определило появление к середине XIX в. круглого типа сарафана, на изготовление которого использовали прямые полотна ткани. Во второй половине XIX в. подобные сарафаны уже повсеместно распространились на Севере России, включая Олонецкую губернию и Поморье. Считается, что сарафаны такого кроя были довольно просты в исполнении: прямые полотна ткани собраны по верху мелкими складочками под обшивку тесьмой и пришиты лямки. При этом сарафаны разных местностей имеют свои локальные особенности, свойственные сложившимся многолетним народным традициям.

Сохранилось описание XIX в. подобного сарафана: «Сарафан похож на простую юбку. Он кроится из пяти-шести полотнищ, причем передние полотнища делаются длиннее задних и боковых, так как перед поднимается на груди. Лямки сарафана обшиты тесьмой; сзади они пришиваются к так называемой „спинке“ или „скакушке“, т. е. к кусочку материи в палец шириной и в четверть вершка вышиной, пришитому к юбке, отсюда они идут к боковым швам. Подол сарафана украшается разными вышивками»⁶⁸.

Шерстяные, шелковые, хлопчатобумажные ткани имели различную ширину полотен. На прямые или круглые сарафаны обычно шло определенное количество полотнищ, и края (или кромку) ткани старались не обрезать, так же как на домотканых холстах. От количества полотен зависела его ширина, и считалось, что «...чем шире сарафан, тем он наряднее»⁶⁹.

Большая часть сарафанов музея, поступивших из деревень Заонежья, сшита из различных ситцевых тканей. Кроме ситцевых сарафанов, в коллекции хранятся два малиновых «штофника», два «кумачника»⁷⁰, один сарафан гарусный и один пестрядиный.

По крою это прямые, круглые сарафаны, появившиеся в этом районе в середине XIX в. «Сарафан у них (заонежанок. – Е. Н.) обыкновенный великорусский, со складочками на талии, и руки продеваются в „ляпочки“»⁷¹.

П. Н. Рыбников в своих этнографических заметках о заонежанах обратил внимание на некоторые детали кроя и отделки местных сарафанов. Так, повседневный сарафан из домашнего окрашенного холста «крашены» «...начинается от талии, где он сзади собирается в мелкие складочки, а держится на плечах посредством узеньких, пальца в два шириною, ляпочек, которые обшиваются желтою бумажною ленточкою», в то время как праздничные сарафаны заонежанок «шьются из ситца, шерстяной материи и малинового штофа. Ляпочки у этих сарафанов обшиваются шелковыми ленточками, а по подолу полагается в ситцевом сарафане шелковая лента в вершок шириною, а в шерстяных и штофных – позумент»⁷².

⁶⁸ Миллер В. Ф. Систематическое описание коллекций Дашковского этнографического музея. М., 1893. Т. 3. С. 21 (29).

⁶⁹ Там же. С. 14 (6).

⁷⁰ Кумач – кумач – простая бумажная ткань, обычно алого, иногда и синего цвета на сарафаны, почему кумач также кумачный сарафан, кумачник. (Даль В. Толковый словарь... Т. 2. С. 558). Кумач на Руси в письменных источниках упоминается в начале XVII в. Название ткани заимствовано из старотатарского языка, куда, в свою очередь, оно пришло из арабского. Изготовление кумача со стойким красителем еще в XIX в. (до появления искусственных красителей) было довольно многотрудным: «один и тот же кусок проходил массу операций почти в течение месяца. Зато краски получались настолько прочными, что не линяли при стирке и не выгорали на солнце». Арсеньева Е. В. Указ. соч. С. 43.

⁷¹ Майнов В. Указ. соч. С. 137.

⁷² Рыбников П. Н. Указ. соч. С.31–32.

Повсеместно на Севере ценились шерстяные праздничные сарафаны. В нашей коллекции только один сарафан из Заонежья сшит из узорной ткани (гаруса) сиреневого цвета двух оттенков. Ткань на сарафане мягкая на ощупь и довольно тонкая, что свидетельствует о высоком качестве шерстяных тканей конца XIX в.

В музее хранятся два праздничных заонежских сарафана из малинового штофа. «Штофники» по подолу часто украшали металлическими позументами или тесьмой с бахромой. Позумент на сарафанах нашего музея украшает спину, где он пришит к планке, над собранными мелкими складками полотнами штофа. С изнанки для прочности они посажены на подкладочную ткань. Ткань подклада – это разные ситцы и бязи с набивными мелкими узорами. Подобные сарафаны есть и в других музеях Карелии. «Штофники» встречались в Петрозаводском и Повенецком уездах Олонецкой губернии еще с конца XVIII в.⁷³ Многие исследователи традиционного народного костюма отмечали, что наряд из штофа был дорогим, очень ценился и передавался по наследству. Подобные сарафаны служили деревенским невестам свадебным нарядом даже в первой трети XX в. (рис. 10–11).

Рис. 10. Штофный сарафан спереди и сзади

Рис. 11. Девичий свадебный наряд

⁷³ Русский традиционный костюм... С. 366–367.

Из двух заонежских «кумачников» один поступил в музей как «сенокосный» сарафан. «Красные сарафаны были характерны для Заонежья, Пудожья, Олонецкого уезда как праздничные, а также как сенокосные или жатвенные»⁷⁴. Оба сарафана сшиты из кумача с довольно прочным красителем красного густого цвета.

Еще в Древней Руси красный цвет, который любили все сословия, в зависимости от оттенков имел разные названия: червчатый, багряный, лазоревый, брусничный, алый и другие⁷⁵. Деревенские девушки старались обязательно иметь такой сарафан в числе своих нарядов: «Деревенские женщины и девки... надевают на себя кумачные сарафаны и повязываются алыми платками или лентами»⁷⁶.

В коллекции музея есть сарафан, не очень типичный для Заонежья по расцветке и по крою. Он происходит из деревни, прилегающей к острову Кижы. Судя по документам музея, сарафан мог принадлежать уроженке Вологодской губернии, 1895 г. рождения. Это «пестрядинник» из льняной ткани в красно-белую клетку. Подобная льняная ткань была характерна для Вологодской и некоторых других губерний России⁷⁷. Так как аналогов этому предмету в музеях Карелии не обнаружено, трудно сказать, насколько «пестрядинник» из подобной ткани в красно-белую клетку был традиционен для Заонежья.

В энциклопедии, посвященной русскому традиционному костюму, описан сарафан «клетошник», который «был распространен во всех северных и центральных губерниях России и служил одеждой женщин всех возрастов»⁷⁸ (рис. 12).

Сарафаны из районов Средней Карелии (Сегозерья) выделяются белфонными ситцами с мелкоузорным рисунком, а также однотонными желтыми, оранжевыми и красными шерстяными, полушерстяными и хлопчатобумажными тканями ярких цветов. Шерстяная ткань насыщенного красного и оранжевого цветов на трех сарафанах из коллекции музея отличается большой мягкостью, тонкостью и высоким качеством, такие сарафаны называли «кашемирниками». В коллекции музея хранятся еще два сарафана из хлопчатобумажных узорных тканей, розового и желтого цветов, а также довольно тяжелый плотный сарафан из хлопчатобумажного репса желтого цвета. Надо отметить, что сарафаны сегозерских карел подобных ярких цветов хранятся и в других музеях Карелии. Одним

⁷⁴ Яскеляйнен Е. И. Народный костюм русских Кемского Поморья... С. 93.

⁷⁵ Пущкарева Н. А. Женщины Древней Руси. М., 1989. С. 161.

⁷⁶ Озерецковский Н. Я. Указ. соч. С. 73.

⁷⁷ Аналогичная ткань есть в фондах музея «Кижы» (КП 5005/1-4 – пестрядь из д. Жаль, совр. Вологодская обл.).

⁷⁸ Русский традиционный костюм... С. 115.

из последних поступлений является сарафан 1930-х гг. из полушерстяной фабричной ткани в многоцветную клетку, которая как бы сменила домо-тканую пестрядь; он шит с соблюдением традиционных особенностей шитья данного региона. Сарафаны из деревень Средней Карелии тяготеют по крою к заонежским, но имеют свои некоторые особенности.

*Рис. 12. Сестры Корниловы из д. Кур-
геницы. Заонежье. Конец 1930-х г.
КижИ КП 4850/16*

Коллекция сарафанов Пудожского района немногочисленна, но представлена разными видами сарафанов. Среди них интересен сарафан-«печатник» из тяжелого грубого льняного холста домашнего изготовления, кустарной набойки по синему фону с белым орнаментом в виде мелких цветочных мотивов, напоминающих трех- и четырехлистный клевер, заключенный в тонкие волнистые линии.

Три пудожских сарафана – из ситца, кисеи и канифаса – выполнены в старых традициях и почти ничем не отличаются от заонежских и ранних сегозерских образцов. Особенности других же сарафанов данной коллекции музея указывают на их позднее происхождение, что объясняется влиянием городской моды начала двадцатого века. Тогда постепенно вытеснялись традиционные приемы шитья и кроя сарафанов: они значительно укорачивались, упрощались в исполнении, традиционные приемы постепенно исчезали.

К пудожским мы отнесли сарафан, поступивший в музей в 2012 г. Он выполнен из очень типичной для XIX в. полушелковой ткани жаккардового ткачества. Шали и платки из подобной ткани с различными узорами, особенно в сине-черно-оранжевой цветовой гамме, были очень популярны в крестьянской и купеческой среде. Сарафан поступил из города Пудожа, датируется концом XIX в. Он принадлежал А. С. Черепановой, проживавшей в большой и богатой деревне Печниково Каргопольского уезда Олонецкой губернии. В 1930-е г. семью раскулачили. Из имущества спасти удалось только то, что женщины успели надеть на себя или спрятать под одеждой⁷⁹. Таким образом, сарафан сохранился до наших дней.

Однотонные сарафаны различных цветов из северных районов Карелии и Поморья шиты из шелка (тафты, муара), шерсти, штапеля, полушелкового поплина, репса, хлопчатобумажных тканей с узорами (исключение составляет только один сарафан из ситца). Некоторые из них очень нарядные и отличаются особой красотой оборок. Это сарафаны из поморских деревень Сумской Посад, Нюхча, Колежма, Шуерецкое и др. Поморские сарафаны коллекции музея «Кижы» относятся к двум типам – косоклинные и круглые «московские».

Из деревень Кемского Поморья (территория проживания русских поморов) и севера Лоухского района (территория проживания северных карел) в разное время в музей поступили три косоклинных сарафана на лямках: два шерстяных – черный и темно-зеленый, один из сатина синего цвета. Бывшие владельцы называли его «костыч»⁸⁰ (рис. 13).

Поморский толк старообрядчества имел очень большое распространение как в среде карельского крестьянства этих мест, так и в среде рыбаков-поморов, охватив своим влиянием все стороны их жизни: «Старообрядчество наложило свой отпечаток на женскую поморскую одежду отдельных районов: на Поморском берегу от Нюхчи до Кеми, в северных селениях Зимнего берега, в Кандалакше и ряде мест на Карельском берегу носили сарафаны приглушенных или темных тонов – коричневого, синего, лилового, пестрого, иногда с узорами, образованными сочетаниями этих цветов»⁸¹.

⁷⁹ Музей «Кижы», КП 7876 (см.: Полевые (экспедиционные) карточки. Том 2. С. 2 / Сост. Воробьева Е. А. 25.06. 2012).

⁸⁰ «Костыч – Арх., Ол., будничный, крашенный сарафан, широкий в подоле и косоклиный; носят его более старухи и староверки» (Даль В. Толковый словарь... Т. 2. С. 451). «Наряду с шушуню в XVIII – начале XIX в. карелки носили обыкновенные косоклинные сарафаны на лямках с небольшим разрезом и пуговицами на груди. Такой сарафан описан Д. К. Зелениным. По словам автора, этот сарафан был известен у паданских карел под названием «kostič». Костыч – очень распространенная форма косоклинного сарафана» (Тароева Р. Ф. Указ. соч. С. 161).

⁸¹ Бернштам Т. А. Указ. соч. С. 45–46.

Рис. 13. Сарафан «костыч» сбоку и с изнанки. Кижы КП 203/12

В то же время Д. К. Зеленин писал, что *круглые* сарафаны «у некоторых староверов носить... считалось грехом»⁸², хотя они и имели распространение.

В 1998 г. в фонды музея поступил сарафан из шелковой шуршащей ткани – муара, который в Поморье очень любили. Сарафан был сшит приблизительно в 1870-е г. в поморской староверческой семье из села Шуерецкое и передавался из поколения в поколение по наследству. Сарафан вместе с другими музейными предметами женского поморского наряда (повойником, косынкой, шалью) принадлежал Богдановой Серафиме Михайловне, которой он достался от матери (рис. 14).

Недавние поступления в музей – это и сарафаны с лифами из деревни Якушевская Вельского района (бывшей Вологодской губ.), и вологодский круглый сарафан прямого кроя «клеточник». Они изготовлены из полосатой и клетчатой домотканой пестряди ярких цветов. О сарафанах с лифами исследователи писали: «В конце XIX – начале XX вв. на Русском Севере такой сарафан носили девушки и молодые женщи-

⁸² Зеленин Д. К. Указ. соч. С. 243.

ны в Вельском уезде Вологодской губернии»⁸³. Подобные сарафаны упоминаются и в каталоге «Ткани и одежда Поморья»: «В первой половине XX в. на Онежском берегу (Белого моря. – Е. Н.) в качестве рабочей одежды носили довольно новые по покрою сарафаны типа юбки с лифом, которые шили из дмотканых материалов: пестряди, полушерстяной ткани и сукна»⁸⁴.

Рис. 14. Жители поморского села Сумпосад. 1891–1910 гг. Беломорский р-н, д. Лапино. Кизи КП 3832

Из последних поступлений сарафанов в фонды музея «Кизи» два происходят из Пинежского района Архангельской области, третий, дмотканый пестрядинный сарафан – из Пудожского района Карелии. Происхождение трех других, к сожалению, нам трудно достоверно определить. Отличительные особенности этих сарафанов – это почти одинаковый крой и способ изготовления; они имеют параллельно пришитые ляжки, между которыми у ряда сарафанов собраны основные складки. Сарафаны такого

⁸³ Кислуха Л. Ф. Указ. соч. С. 6.

⁸⁴ Ткани и одежда Поморья... С. 44.

крой и шитья представлены в каталогах Архангельской области⁸⁵, для уездов Олонецкой губернии они не были характерны. На территории Карелии появление отдельно (параллельно друг другу) пришитых лямок на сарафанах проявилось только после двадцатых годов XX в. в период видоизменений традиционной одежды женщин (рис. 15).

Рис. 15. Сарафан с лифом из д. Якушевская Вельского р-на Архангельской обл.

Типы старых сарафанов в советский период постепенно уходили из обихода, происходила их трансформация, оставалось название, но они меняли свой вид. Появлялись укороченные сарафаны с лифами, пример тому – сарафан из домотканой полушерстяной «крашенины» Олонецкого района Карелии первой половины XX в. Подобные сарафаны из различных фабричных тканей, приталенные или прямые, отрезные по талии или

⁸⁵ Лютикова Н. П. Крестьянский костюм Мезенского уезда Архангельской губернии конца XIX – начала XX в. в собрании Архангельского государственного музея деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корель». Каталог. Архангельск, 2009. С. 115–137.

нет, с лифами, на широких или узких лямках, с застежкой на пуговицы впереди или сбоку и т.д., присутствовали в одежде женщин примерно до семидесятых годов двадцатого столетия.

Несмотря на то, что коллекция сарафанов музея большей частью имеет достаточно позднее происхождение и датируется началом XX в., все же она позволяет выявить их некоторые локальные особенности и при этом демонстрирует устойчивость традиционных приемов кроя и шитья крестьянской одежды XIX столетия. К ним можно отнести, например, подшивку верхней части сарафана на груди другими тканями. Этот прием дольше всего сохранялся в Заонежье, так же как и внутренние завязки под грудью. Другой прием, встречающийся повсеместно, – подшивка подола или всего сарафана подкладочными тканями. Это напоминает нам традицию шитья парадных, праздничных сарафанов XIX в., когда подолы сарафанов не подгибали той же тканью, их дублировали широкой полосой ткани, а затем обшивали по краю, предусмотрительно учитывая его изнашиваемость при хождении. Примерами тому служат заонежские «штофники», сегозерские «кашемирики» и ряд шелковых поморских сарафанов музея конца XIX – начала XX в. К традиционным приемам можно отнести и сборку сарафана по верху очень мелкими складками, причем в основном вручную. Данный прием традиционен для заонежских, сегозерских и ряда пудожских сарафанов. При этом иногда складки дополнительно закреплялись ручными швами, характерными для шитья крестьянской одежды.

Сарафаны всех регионов Карелии по линии груди и по краю лямок чаще всего обшивали однотонной тесьмой, выбирая ее с учетом качества ткани, из которой изготовлен сарафан. Ситцевые сарафаны чаще обшивали хлопчатобумажной, шерстяной или полушерстяной тесьмой или хлопчатобумажной тканью черного цвета.

Поморские и северокарельские сарафаны тоже обнаруживают свои местные особенности, значительно отличающие их от сарафанов остальной части Карелии. К ним можно отнести: разрез на груди с левой стороны, заложенный достаточно крупными складками, верх круглого сарафана, особую форму основания для лямок на спинке⁸⁶, поморские оборки, которыми украшены подолы сарафанов, обшивка верха шелковых сарафанов по краю – исключительно шелковой или иногда шерстяной тесьмой.

⁸⁶ «Выделяются прямые сарафаны из Поморья – как русских, так и из карельских деревень. Они все без грудины, а их цельнокроеные спинки, переходящие в лямки, значительно крупнее. Спинки прямых сарафанов из других районов Карелии (Заонежья, Пудожья, Сегозерья и др.) соответственно значительно мельче, чем цельнокройные спинки поморских сарафанов» (Яскеляйнен Е. И. Сарафаны в коллекции музея «Кижь»... С. 112).

Сарафаны старинного кроя с широкими проймами и круглым вырезом чаще носили женщины пожилого возраста. «Молодые ходили в сарафанах с более узкими спинками, на лямках, причем часть лямок на спине вырезалась из заднего полотнища и уже к ним пришивали остальные части. Иногда лямки пришивали целиком, но выкраивали их, сохраняя форму узенькой спинки»⁸⁷. Таковы в большинстве своем сарафаны из коллекции музея-заповедника «Кижь» (рис. 16).

Рис. 16. Танцы Олонецкого уезда. Кадриль. Этнографическая экспедиция М. А. Круковского 1899 г. Репродукция. Кижь НВФ 13581/44

Существовали также свои традиции и мода, определяющие манеру ношения⁸⁸ наряда с сарафаном. В праздничные дни девушки прохаживались по деревне в своих самых лучших нарядах. По вечерам же, гуляя на полянах, они одевали легкие сарафаны, такие как ситцевые, в которых проще и легче было танцевать, а поверх могли надеть приталенную кофту. Сарафаны носили в комплексе с рубахой, могли носить с шугаем, душегреей, а с конца XIX в. и с кофтой-казачком. Подпоясывали круглые сарафаны передником, поясом или ремнем (Поморье), а сборки, получившиеся на талии, немного отводили к спине так, что сзади са-

⁸⁷ Крестьянская одежда... С. 27.

⁸⁸ «Костюмы, бытовавшие в разных губерниях, уездах, часто обладали ярко выраженными местными чертами. Они проявлялись в манере ношения костюма, в количестве входивших в его состав предметов, в цветовой гамме, покрое, характере украшений» (Русский традиционный костюм... С. 8).

рафан казался пышнее и немного длиннее. Делали это для придания особой красоты и статности. Основным правилом при ношении сарафана было создание объема подола на спине, а впереди его могли делать и короче, подтянув над поясом или передником немного вверх. А могли носить и так, как писал П. С. Ефименко: «У женщин щегольства более, чем у мужчин. Когда бывает надета хорошая рубашка, женщина, в особенности при работе, без стеснения подымает подол сарафана и затыкает за пояс – и так ходит по улицам»⁸⁹.

Общую пышность сарафану придавали, как правило, с помощью нижних юбок или дополнительных сарафанов: «Для толщины... делающей девицу округленную статуей, она навешивает на себя вдруг две и три юбки, одну на другую, а поверх их сарафан либо платье»⁹⁰. В. В. Майнов отмечал: «Баба корелячка, белоглазость свою сохранила да юбку чухонскую; носит корелячка сорочку холщовую с длинными рукавами, что мы находим и у заонежских русских, а поверх юбки своей надевает... русский сарафан»⁹¹.

Сарафаны далеко не всей Карелии представлены в фондах музея-заповедника «Кижы». О некоторых традиционных нарядах с сарафанным комплексом, бытовавших на территории отдельных районов бывшей Олонецкой губернии и Поморья, нам дают представление фотоматериалы.

Фотографии конца XIX – начала XX в. дают возможность увидеть праздничный девичий наряд южных районов Олонецкой губернии, включающий рубаху, сарафан и головной убор с короной, скрепленной с лентой и сеткой-поднизью. Такой же костюм представлен на фотографиях из Новгородской губернии начала XX в.⁹² Уникальны фотоматериалы, представляющие жителей карельских районов Северной Карелии⁹³. На них можно разглядеть как круглые, так и косоклинные сарафаны. В фотоколлекции музея «Кижы» представлены изображения женского традиционного костюма с головным убором повойником, а также наряды девушек Поморья, головы которых украшены жемчужными или бисерными повязками. Также имеются изображения шелковых сарафанов в комплексе с душегреями и девичьими головными уборами; однотонные ситцевые сарафаны с передниками и поясами из Заонежья, Пудожья, Южной Карелии. Изучая их, можно ощутить все своеобразие традиционного сарафана (рис. 17–20).

⁸⁹ Ефименко П. С. Указ. соч. С. 145.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Майнов В. Указ. соч. С. 276.

⁹² Васильев М. И., Васильева С. Л. Новгородский традиционный костюм. СПб., 2010. С. 176.

⁹³ Inha I. K. Kalevalan laulumailta. Helsinki, 1999. S. 27, 48, 73, 231, 322.

Рис. 17. Вид старинного крестьянского костюма Олонецкой губернии (сбоку). 1909 г. Автор съемки С. М. Прокудин-Горский⁹⁴

Рис. 18. А. И. Трегубова. Заонежье, с. Сенная Губа. 1920-е гг. КижИ КП 1666

⁹⁴ Прокудин-Горский С. М. Альбом Олонецкой губернии. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: images.yandex.ru. Источник изображения: Библиотека Конгресса США. Номер по кат. 01945/.

Рис. 19. Девушки в поморских
нарядах. Конец XIX в.
Беломорский р-н, с. Вирма.
Кизи КП 4357

Рис. 20. Девушка в старинной
одежде. Экспедиция
К. К. Романова, 1926 г.
Репродукция. Кизи НВФ 13421/10

Л. В. Трифонова

ТРАДИЦИОННАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ ОДЕЖДА ЗАОНЕЖЬЯ И ПУДОЖЬЯ В СОБРАНИИ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «КИЖИ»

Музейные собрания являются одним из важнейших источников для изучения традиционной крестьянской одежды. Коллекции народного традиционного костюма позволяют составить представление о месте бытования той или иной разновидности крестьянской одежды, локальных особенностях кроя, цветового решения и декоративных деталей костюма, характерных для различных этнических групп населения нашей многонациональной страны. Именно музейные коллекции дают возможность проследить те изменения, которые происходили в крестьянском костюме под влиянием социально-экономических преобразований в ходе исторического развития.

Научная составляющая, связанная с изучением коллекций, подкрепляется информацией, сопровождающей каждый предмет в музейном собрании. Это могут быть устные свидетельства владельцев, фотографии или архивные документы, позволяющие атрибутировать предмет и определить хронологические рамки его бытования.

Цель данной статьи – представить количественный и качественный анализ коллекции народного костюма Заонежья и Пудожья в фондах музея-заповедника «Кижы» и обозначить ценность этой коллекции как научного источника по изучению культуры названных этнических групп населения бывшей Олонецкой губернии. Комплектование коллекции началось в конце 1960-х гг. и продолжается до сих пор. Основные способы комплектования – закупки у населения, передача предметов в дар, поступление из антикварных магазинов. В Пудожском районе и Заонежье в составе музейных экспедиций работали собиратели А. Беляев, Б. Гушин, В. Гушина, Р. Калашникова, Е. Яскеляйнен, Е. Наумова, О. Набокова, Е. Воробьева, И. Набокова, Е. Герасимова. Предметы крестьянской одежды из антикварных поступлений сдавали в фонды сотрудницы музея Н. Павлова и О. Аммалайнен.

Обзор коллекции заонежской одежды¹

На данный период коллекция заонежской одежды в собрании музея-заповедника «Кижы» насчитывает 110 единиц хранения и включает в себя сарафаны, рубахи, рабочие юбки, передники, казачки, головные уборы и верхнюю одежду. Датировка предметов в коллекции ограничена концом XIX – первой третью XX в.

Сарафанов в коллекции – 23. Происходят они из разных регионов Заонежья: восемь из Кижей и окрестностей (три из д. Ольхино (Ямка) на острове Кижы², четыре из Телятниково³, один из Боярщины⁴), остальные из района Шуньги (Онежаны⁵, Фоминская⁶, Хашезеро⁷, Батово⁸, Паяницы⁹), Типиниц (Кибитка)¹⁰, Кузаранды (Юсова Гора)¹¹, Толвуи (Лебещина¹², Ивантеевская¹³), Великой Губы (Яндомозеро¹⁴, Космозеро¹⁵), Ламбасручья¹⁶, Повенца (Енина Гора)¹⁷. Еще один сарафан¹⁸ из деревни Ольхино хранится в научно-вспомогательном фонде. Он перешит из старой юбки или сарафана.

Все сарафаны круглые московского кроя. Предположительно девять повседневных, четырнадцать праздничных. Причем один из них – синий в полоску – владелица из деревни Кибитка надевала на отжин, другой – «кумачник» из Телятниково (рис. 1) надевался на сенокос. Все будничные сарафаны – ситцевые, кроме одного из Боярщины, выполненного из льняной пестряди. Праздничные сарафаны сшиты из штофа (рис. 2), шерсти и ситца разнообразных расцветок. Встречаются сарафаны, у которых грудка сшита из одного вида ситца, а низ – из другого. Расцветка сарафанов самая разнообразная: белые, розовые, красные, бордовые, синие, коричневые. В орнаменте преобладает набивной растительный или геометрический узор, иногда в сложных сочетаниях с полосатым рисунком. Встречаются чисто полосатые ткани, без каких-либо дополнений.

¹ Обзор коллекции включает в себя предметы, поступившие в музей до 1 января 2015 г.

² НВФ-13473; КП-75/5; КП-75/4.

³ КП-1725; КП-1723; КП-1724; КП-1726.

⁴ КП-11/1.

⁵ КП-226/31.

⁶ КП-226/33.

⁷ КП-243/13.

⁸ КП-243/14.

⁹ КП-226/32.

¹⁰ КП-3055.

¹¹ КП-69/1.

¹² КП-6934.

¹³ КП-5109.

¹⁴ КП-212/3.

¹⁵ КП-5522.

¹⁶ КП-151/1; КП-3656.

¹⁷ КП-5781.

¹⁸ НВФ-14782/а, б.

*Рис. 1. Сарафан. Телятниково.
1920-е гг. КП-1725*

*Рис. 2. Сарафан штофный. Пяницы.
Конец XIX – начало XX в. КП-226/33*

Особенностью заонежских сарафанов является высокая грудка с разрезом посередине (максимальная длина до 19 см) с застежкой на крючок, реже на пуговицу. Края разреза у коллекционных сарафанов обязательно обшиты. Это может быть белая хлопчатобумажная тесьма, фланель, синий или черный сатин, лиловая шелковая или черная атласная лента, шерстяная тесьма розового, красного, синего цвета. Грудка с изнанки всегда продублирована, у отдельных сарафанов дополнена боковыми подкройными вставками треугольной формы. Подклад грудки может быть выкроен из цельного куска ткани или составлен из нескольких кусков, как правило, отличных по цвету и узору от материи сарафана. По бокам грудки изнутри пришиты завязки из хлопчатобумажной тесьмы, предназначенные для завязывания под грудью. У многих сарафанов в боковой шов вшит небольшой карман для хранения денег. По обе стороны от разреза грудки, несколько отступя от центра, заложено от шести до семнадцати складок¹⁹.

¹⁹ Число складок в сарафанах коллекции 6; 7; 9; 10; 12; 14; 17.

Число складок с двух сторон могло быть нечетным: 9–10; 13–14; 14–17. Большинство сарафанов в коллекции сшиты из четырех кусков ткани при ширине полотнища 62,5 см. При ширине ткани 50 см сарафан шился из шести кусков, при ширине 70 см – из трех. Лямки имеют ширину от 1,3 см до 1,5 см при длине 40–50 см, по краям обшиты шерстяной²⁰, шелковой²¹, хлопчатобумажной²² тесьмой или черным сатином. В штофных сарафанах по краю спинки идет полоса позумента.

По подолу заонежского сарафана, как правило, нашивается оборка. В кижской коллекции не имеют оборки только сарафаны, сшитые из штофа²³, и три повседневных сарафана из деревни Ольхино (Ямка) на острове Киж. Обычно оборка выкраивается по косой и состоит из нескольких частей, но может быть и прямой²⁴. Встречаются сарафаны с двойной оборкой²⁵. Нижний край оборки почти всегда чуть выше края подола на 1,5–2,5 см, но может быть и вровень с ним²⁶. Встречаются дополнительные украшения: хлопчатобумажное кружево по нижнему краю оборки, одинарная или двойная складка над ее верхним краем. На одном из сарафанов вместо оборки нашита широкая полоса хлопчатобумажного кружева²⁷. Место фиксации оборки акцентируется черной шерстяной тесьмой. Подол сарафана с изнанки подшивается полосой ткани одной расцветки или составленной из остатков разных тканей высотой 2,5–3,0 см. Большинство сарафанов в коллекции сшито на руках или с минимальным применением швейной машинки.

Женских рубах в коллекции шесть, мужская – одна. Женские рубахи традиционного покроя с ластовицами. Происходят из Кузаранды²⁸, Шуньги²⁹, деревень Онежаны³⁰, Подъельники³¹, Телятниково³² (рис. 3), Хашезеро³³. Четыре рубахи имеют традиционные холщовые станушки, вышитые красной бумагой по подолу (две – досюльным швом, одна – тамбуром, одна – крестом). У двух рубах станушки сшиты из покупной ткани (из белого полотна и из набивного цветастого ситца). Рукава у четырех станушек из белой хлопчатобумажной ткани, у пятой – кумачные, у шестой – из белого

²⁰ Шерстяная тесьма черного, синего, красного цвета и цвета хаки.

²¹ Шелковая тесьма фиолетового цвета и цвета малины с молоком.

²² Хлопчатобумажная белая с ромбическим узором.

²³ КП-226/33 и КП-243/13.

²⁴ КП-212/3.

²⁵ КП-69/1.

²⁶ КП-1723; КП-151/1; КП-5109; 5522.

²⁷ КП-3893.

²⁸ 8771.

²⁹ КП-7739 детская. Первая половина 20 в.

³⁰ КП-226/30.

³¹ КП-43/1.

³² КП-1729.

³³ КП-243/15.

**Рис. 3. Рубаха женская
праздничная. Петры. 1920-е гг.
КП-1729**

ситца в мелкий кружочек. Рукава трех праздничных рубах отделаны широкой оборкой с кружевом, у трех – рукав зафиксирован на манжете.

Мужская рубаха из деревни Петры³⁴ – поздняя, датируется 1930-ми гг. Рубаха туникообразного покроя, из белой хлопчатобумажной ткани, с воротом стойка и косым разрезом ворота с левой стороны. Застегивается на шесть кнопок. Плечевая часть продублирована подоплёчкой. Вышивка красной, черной и желтой бумажной нитью крестом по подолу, стойке, планке ворота и манжетам рукавов. Дополнением к мужской рубахе всегда был пояс. Единственный в коллекции пояс поступил из семьи Корниловых, проживавших в деревне Кургеницы³⁵. Пояс узкий в виде узорной тесьмы с кистями на концах. Изготовлен из шелковых разноцветных нитей (красных, синих, белых, розовых). Надевался по праздникам.

Все семь заонежских юбок, хранящихся в собрании музея Кижы, являются рабочими. Две юбки происходят из деревни Петры³⁶ (рис. 4), одна из Пяниц³⁷, одна из Яндомозера³⁸, две из Великой Губы³⁹, одна – заонежская без точного места происхождения⁴⁰. Пять из них домотканые холщовые или полшерстяные из продольнополосатой пестряди (коричневой или синей в сочетании с белыми, красными, голубыми, розоватыми полосами).

Подолы четырех юбок декорированы широкой полосой из белых, зеленых и красных горизонтальных полос. Одна юбка в коллекции поперечнополосатая. Все юбки сшиты в пять трест, у пояса с боков заложены складками: по 10 (10), 12 (12), 13 (14), 14 (16), 17 (18), 23 (27). Сзади

³⁴ КП1728.

³⁵ КП-4201.

³⁶ КП-2803 и КП-2805.

³⁷ КП-226/36.

³⁸ КП-212/4.

³⁹ КП-3763 и КП-4000.

⁴⁰ КП-43/2.

к поясу пришиты завязки в виде тесьмы или косички, сплетенной из льняных нитей. Завязки обводились вокруг талии и завязывались с левой стороны. Подолы юбок продублированы широкой полосой холста, по краю обшиты бейкой из черной саржи, черного ситца с цветочным или меланжевым рисунком, хлопчатобумажной тесьмой. Юбка из Великой Губы КП-4000 сшита из красного в мелкий белый цветочек ситца. С изнанки полностью продублирована хлопчатобумажной тканью цвета хаки. Подол обшит шерстяной тесьмой салатного цвета. Подобные красные юбки заонежские крестьянки надевали на сенокосные работы.

**Рис. 4. Юбка рабочая. Петры.
1920–1930-е гг. КП-2805**

Еще одним важным элементом праздничного и повседневного костюма был передник. В кижской коллекции десять заонежских передников. Один из них рабочий⁴¹, девять – праздничных. Рабочий передник шит из клетчатой пестряди: в продольную бело-коричневую полоску с декором из горизонтальных синих и красных полос в его нижней части. Изготовила его Ерёмина Варвара Егоровна из деревни Углевщина (Яндомозеро) 1874 г. рождения. Праздничные передники сшиты из шерсти, тафты, саржи и полушелка. Только один праздничный передник шит из холста, украшенного по подолу широкой полосой вышивки, выполненной двусторонним швом красной бумажной нитью⁴². Вышила его жительница села Хашезеро А. Г. Фомина (1876 г. р.), сестра которой П. Г. Назарова была основательницей знаменитой артели «Заонежская вышивка». Все остальные передники происходят из деревень Петры⁴³, Тучково (Онежаны)⁴⁴, Батово (2⁴⁵), Типиницы (2)⁴⁶, Толвуя⁴⁷, Вегорукса⁴⁸. Они состоят из пояса и собственно передника, заложенного с двух сторон с боков под пояс складками.

⁴¹ КП-212/2.

⁴² Возможно, он шит из двух трест станушки.

⁴³ КП-2807.

⁴⁴ КП-226/38.

⁴⁵ КП-243/17.

⁴⁶ КП-3658 и КП-1730.

⁴⁷ КП-6935.

⁴⁸ КП-168/13.

Количество складок разное – от 6-ти до 13-ти. Имеются передники без складок. Пояс обычно шьется из той же ткани, что и передник, иногда из ткани другой расцветки. Почти все передники имеют завязки, пришитые к концам пояса. Два пояса застегиваются на пуговицы. По крою передники делятся на цельнокроенные и сшитые из двух полотнищ. Декор передников разный: горизонтальные складки, заложенные по подолу, оборки, кружево, вышивка. Сшиты они на машинке и на руках. Ширина передника зависит от ширины использованной для шитья ткани.

К праздничному костюму помимо праздничных сарафанов относятся два платья-парочки. Одно венчальное КП-212/6 из Яндомозера, второе – КП 9/1 из деревни Шлямино близ Кижей. Первое сшито из светло-коричневой шелковой ткани и отделано шелковым сутажем. Казачок со вставкой из тюля, затканного шелком, и двумя широкими ляжками, перекинутыми через плечи и зафиксированными у пояса. Лямки широкие у плеча

*Рис. 5. Казачок. Толвуя.
Конец XIX – начало XX в. КП-4802*

и зауженные книзу. Казачок имеет воротник-стойку и рукава с манжетами, отделанными кружевом. Юбка – пятиклинка. Низ юбки сзади и с боков декорирован оборкой, заложенной крупными складками, акцентированными с боков и сверху узором из сутажа. Таким же сутажем украшены ляжки, манжеты платья и накладной пояс в виде полосы ткани шириной 14 см, заложенной мягкими сборками. Пояс зафиксирован пятью вертикальными двойными швами со вставленными в них жесткими пластинами.

Второе платье-парочка сшито из атласа светло-оливкового цвета. Юбка шестиклинка, декорирована оборкой с односторонними складками. Казачок приталенный со спинкой, выкроенной из шести частей и двумя передними полочками, выкроенными из двух частей. К правой полочке пришита вставка, заложенная в верхней части бантовой складкой с двумя односторонними боковыми, в нижней части – шестью складками, зафиксированными машинной строчкой. Наверху вставка пришита к вороту-стойке. Казачок имеет внутренний корсет, баску. Застегивается на пуговицы.

К элементам праздничного костюма относятся казачки, кофты, душегреи, шелковые ленты и платки. Казачков в коллекции восемь. Два из них происходят из деревни Речки⁴⁹ (окрестности Кижей), два из Ламбасручья⁵⁰, по одному привезено из Толвуи⁵¹ (рис. 5), Великой Губы⁵², Кефтениц⁵³, Коровникова⁵⁴. Сшиты они из тонкой шерсти светло-зеленого, оранжевого, темно-бордового цвета, синей тафты, оливкового и серого с малиновыми полосами атласа, шелкового кремового и хлопчатобумажного розового репса.

В коллекции есть казачки, плотно облегающие фигуру за счет кроя спинки, выгачек, наличия внутренних корсетов и басок. Есть казачки, приталенные только благодаря пояску, к которому пришивается достаточно свободный верх. Помимо приталенных казачков в коллекции есть три кофты свободного покроя⁵⁵ (рис. 6) и блузка 1920-х гг.⁵⁶ Все казачки и кофты независимо от покроя имеют длинные рукава, пышные у плеча и сужающиеся к запястью, иногда двусоставные, когда нижняя более узкая часть рукава выступает из верхней более широкой части. У приталенных казачков спинка изготовлена из трех, шести зауженных к талии кусков ткани, а передние полы – из одного прямого полотнища с выгачками. Застежка на пуговицы или на крючки располагается по центру или с левой стороны. В этом случае правая пола заходит на левую (или под нее) и застежка становится потайной. Воротник – стойка. Декор располагается по вороту, нижней части рукавов, по краям передних полочек, на центральной вставке, которая пришивается к правой полочке сверху или снизу. Во втором случае возникает иллюзия, что вставка располагается между полочками. В качестве украшений используются кружево, шелковая тесьма, ленты, гипюр, стеклянные и перламутровые пуговицы. Сшиты казачки и кофты на машинке и на руках.

Рис. 6. Кофта праздничная.
Великая Губа. Конец XIX в. КП-4074

⁴⁹ КП-16/24 и КП-16/25.

⁵⁰ КП-151/3 и КП-151/2.

⁵¹ КП-4802.

⁵² КП-4074.

⁵³ КП-5/4.

⁵⁴ КП-226/35.

⁵⁵ КП-2648 из Типиниц; КП-151/2 из Ламбасручья и КП-3473 из Великой Губы.

⁵⁶ КП-4768.

Несколько особняком в коллекции стоит блузка из деревни Телятниково 1920-х гг. Такие блузки начали носить в деревне в противовес казачкам. Сшита она из тонкой хлопчатобумажной ткани кремового цвета с кокеткой на спине и передних полочках, выкроенной из одного куска с дугообразными выемками спереди и сзади. Отложной воротник, манжеты и планка застёжки (на кнопках) отделаны мережкой. Рукав длинный.

Рис. 7. Душегрея штофная. Паяницы.
XIX в. КП-243/19

Рукав длинный.

Душегрей в коллекции две. Обе происходят из деревни Паяницы⁵⁷. Одна из голубого штофа с серебристо-розовыми крупными цветами (рис. 7), другая парчовая, расшитая шелковой и золотной нитью (рис. 8). Передние полочки выкроены в виде трапеции с подкройной выемкой для подмышек. Застежка на крючках. Спинка заложена крупными складками-«трубами» (у парчовой – тридцатью шестью, у шелковой – сорока). Складки

изнутри зафиксированы прошивкой суровой нитью и тесьмой в семь и в пять рядов. Внутренняя часть душегрей продублирована в одном случае серым ситцем с изображением ягодок и мелких веточек, в другом – коричневым ситцем с мелким рисунком. У парчовой душегреи ляжки обшиты шелком лилового цвета, у штофной – золотистой шелковой тесьмой. Края полочек и спинка обшиты полосой золотного позумента.

Еще одной принадлежностью праздничного костюма являются девичьи ленты. Их в коллекции шесть. Происходят из деревень Онежаны⁵⁸, Вегорукса⁵⁹, Ламбасручей⁶⁰, Яндомозеро⁶¹, Войнаволок. Две из них красные муаровые, одна голубая атласная, одна шелковая клетчатая. Украшением коллекции являются две «букетовые» ленты из матового шелка, затканые букетами из блестящих шелковых нитей. Красная «букетовая» лента⁶² дос-

⁵⁷ КП-243/19 и КП-226/34.

⁵⁸ КП-5110.

⁵⁹ КП-168/14.

⁶⁰ КП-151/5.

⁶¹ КП-1768.

⁶² КП-4200.

талась жительнице деревни Кургеницы Е. П. Корниловой (1888–1981) от ее прабабушки (приблизительно 1840 г. р.), проживавший в д. Войнаволок (рис. 9). Черная «букетовая» лента⁶³ была привезена из Петербурга и подарена восемнадцатилетней Марфе Егоровне Бровиной из деревни Онежаны ее тетей, проживавшей в столице и работавшей там прислугой. Обе ленты имеют одинаковую длину и ширину 8,7х168 см. Длина других лент колеблется от 122 до 264 см.

Рис. 8. Душегрея парчовая. Паяницы. XIX в. КП-226/34

*Рис. 9. Лента букетовая. Фрагмент. Войнаволок.
Вторая половина XIX в. КП-4200*

⁶³ КП-5110.

В состав праздничного девичьего костюма входил головной убор, состоявший из короны и сетки-поднизи, которая выплеталась из белого конского волоса и унизывалась мелким речным жемчугом и бисером. В фондах музея хранятся две поднизи – КП-6955 из деревни Волкостров и КП-6949, владелица которой в молодые годы жила в деревне Подъельники. Девичьей короной заонежская коллекция музея, к сожалению, не располагает.

Рис. 10. Платок шелковый. Великая Губа. XIX в. КП-3771

Украшением праздничного женского крестьянского костюма были шелковые платки и шали. В коллекции их насчитывается 19. Большинство платков выполнено в технике жаккардового ткачества с одинаковой расцветкой и рисунком в виде оранжево-черного растительного узора на фиолетовом или синем фоне⁶⁴ (рис. 10). Иногда черный цвет заменяется зеленым. Жаккардовые ткани изготавливаются на станках, конструкция которых была изобретена французом Жаккаром в 1808 г. Существенной особенностью этой конструкции является наличие перфорированных картонов, которые, соединяясь в непрерывную цепочку, позволяют управлять каждой нитью или группой нитей в отдельности. Это избавляло ткачей от ручной переборки нитей для протягивания утка. На станках Жаккара можно было получать машинным способом тканые узоры любой

⁶⁴ КП-226/37; КП-10/2; КП-5779; КП-6956; КП-5444; КП-212/1; КП-3771; КП-4228.

сложности и добиваться невероятных живописных эффектов. В технике жаккардового ткачества изготовлены также хранящиеся в коллекции однотонные белые шелковые платки с растительным узором. Один из платков декорирован многоцветными композициями из цветов на желтом фоне, выполненными в технике «броше»⁶⁵. Есть в собрании праздничные платки из тонкой однотонной зеленой шерсти, а также из белой и красной с печатным узором (красный и белый). Растительный узор напечатан на платках в виде каймы и отдельных цветов, разбросанных по центральному полю платка. Кроме платков в коллекции хранится шелковый шарф из Великой Губы⁶⁶ и плетеные из черных шелковых нитей на коклюшках шаль⁶⁷ и косынка⁶⁸. Из головных уборов замужних женщин в заонежской коллекции имеется только чепец из Шуныги⁶⁹, сшитый на руках из красной шерсти и отделанный по краю черной бархатной лентой.

Повседневная верхняя женская одежда представлена плюшевой жакеткой 1940–1950-х гг.⁷⁰ Жакетка распашная, слегка приталенная за счет вытачек, с цельнокроеной спинкой. Застежка на пуговицы с воздушными петлями. Воротник отложной, пришивной. Рукав вшивной, книзу заужен. Подкладка саржевая на ватине.

Зимой с верхней одеждой крестьянские женщины носили теплые платки. В коллекции имеется восемь больших зимних платков, которые заонежские крестьянки накидывали на плечи или укутывались в них во время катания на санях. К последним относится платок КП-3759 размером 171x160. Основное поле платка темно-коричневого цвета с широкой клетчатой каймой из светло-коричневых, зеленых и белых полос. По краям идут кисти из скрученных нитей, зафиксированных узкой бархатной тесьмой. Для езды в санях предназначался и шерстяной клетчатый платок КП-3895 (размер 156x146). Клетки вытканы с использованием розовых, коричневых и белых нитей. К этой же категории платков относится платок КП-5809, напоминающий мягкий плед без кистей в бело-коричневую клетку (182x122). Остальные платки накидывались зимой на плечи. Они двух разновидностей: клетчатые или с однотонной серединой и клетчатой каймой по краю. Один платок (КП-4075) одноцветный голубой. Размеры 115x105. Имеется в коллекции и вязаный на спицах платок с каймой из ромбического орнамента⁷¹. Когда-то он был белым, но со временем пожелтел.

⁶⁵ КП-6706.

⁶⁶ КП-5307.

⁶⁷ КП-7091.

⁶⁸ КП-3152.

⁶⁹ КП-4070.

⁷⁰ КП-4971.

⁷¹ КП-5354 из Яндомозера.

Рабочая женская одежда представлена разновидностью весенне-летней одежды – кафтанушкой⁷², сшитой из полушерстяной ткани. Происходит из окрестностей Кижей. Спинка и полочки цельнокроеные, в боках и сзади со стороны проймы справа и слева сделаны вставки. Ворот – стойка. Застежка на костяные пуговицы. Рукава вшивные. Один цельный с клинообразной вставкой под мышкой, другой сшит из четырех кусков. Все швы прошиты на руках.

Имеется в коллекции и мужская верхняя одежда. Это два повседневных кафтана. Один изготовлен в окрестностях острова Кижы в 1920-х гг.⁷³, второй – в деревне Петры (Сенная Губа). Первый кафтан распашной, прямого покроя. Сшит из полушерстяного сукна: основа – льняная нить, уток – шерстяная нить зеленоватого и светло-серого цвета. Переплетение нитей «в ёлочку». Спинка выкроена из двух кусков, соединенных запошивочным швом. Полы подкроены под воротник и рукав. Карманы прорезные с лацканами. Воротник пришивной с острыми углами. Петли для пуговиц прорезные, обметаны бумажной нитью светло-коричневого цвета. Пуговиц две – одна старая костяная, другая пластмассовая. Места фиксации пуговиц продублированы той же тканью, что и кафтан. Соединительные швы на плечах подшиты светлой хлопчатобу-

Рис. 11. Кафтан. Петры. КП-2808

мажной тканью полотняного переплетения. Черным сатином подшиты снизу полы и спинка. Рукава прямого покроя, один сшит из двух продольных кусков, другой удлинен за счет поперечного манжета. Кафтан сшит на машинке, отдельные элементы подшиты на руках.

Второй кафтан⁷⁴ из деревни Петры (рис. 11) тоже сшит из полушерстяного сукна, вытканного саржевым переплетением нитей. Основа – льняная нить, уток – светло-серая шерсть. Спинка цельнокроеная. Полы подкроены под пройму рукава и под воротник. На одной поле пять петель, обметанных серой бумажной нитью, на другой – пять пластмассовых пуговиц, три одна над

⁷² КП-46/55.

⁷³ КП-46/58.

⁷⁴ КП-2808.

другой в ряд, одна под воротником, другая ближе к краю полы. Воротник из цельного куска, продублирован льняной светлой тканью полотняного переплетения. Этим же холстом подшиты снизу полы и спинка. Кафтан шит на руках.

Третьим предметом верхней мужской одежды в коллекции заонежской одежды является армяк⁷⁵ (рис. 12), который надевался поверх кафтана, шубы, полушубка в холодное время года в дорогу или при плохой погоде. Происходит из деревни Кефтеницы. Шит из коричневой полушерстяной ткани на конопляной основе. Спинка выполнена из двух кусков, снизу подшита на руках. Передние полочки цельные, слегка расклеванные за счет клиньев, вшитых с боков, по краю отстрочены на машинке, снизу подшиты на руках. Карманы прорезные поперечные, отделаны клапаном в виде прямоугольной планки. Застежка справа налево на пуговицы. Рукава из цельного куска холста, прямые, неширокие, пришиты и подшиты на руках. Продольные швы машинные. Воротник отложной, с одной стороны дополнен треугольной вставкой, пристрочен на машинке.

Рис. 12. Армяк. Кефтеницы. Конец XIX – начало XX в. КП-5/16

В целом коллекция характеризует традиционную одежду заонежских крестьян конца XIX – первой трети XX в. В начале XX в. еще бытует традиционный комплекс повседневной и праздничной одежды – рубаха с сарафаном или юбкой. Верхняя часть женских рубах шьется из фабричной ткани. Сохраняется вышивка на станушках. Сарафаны подразделяются на будничные ситцевые и праздничные, которые шьются из штофа, шерсти и ситца.

Будничные сарафаны носятся с повседневным холщовым или ситцевым передником, праздничные сарафаны из ситца или шерсти – с передником из шерсти, тафты или плотного шелка, зачастую отделанным бумажным кружевом.

⁷⁵ КП-5/16.

Коллекция заонежских сарафанов и рабочих юбок позволяет понять специфику их кроя и шитья. В процессе анализа становится ясно, что заонежские рабочие юбки значительно отличаются от юбок южной Карелии отсутствием оборки и рисунком. Расположение полос на заонежских юбках может быть горизонтальным. При продольном расположении полос нижняя часть юбки дополняется широкой полосой из горизонтальных полос, которые при пересечении с продольными полосами образуют клетчатый узор.

Представлен в кижской коллекции и традиционный комплекс праздничного костюма со штофным сарафаном и душегреей, который в Заонежье вплоть до 1930-х гг. считался костюмом невесты. Дополнением к костюму были «букетовые» ленты и шелковые платки жаккардового ткачества, прекрасно представленные в коллекции.

На рубеже веков на смену сарафану приходят платья-парочки, в первой трети XX в. вместо казачков с юбкой начинают носить блузки.

Имеется в коллекции и образцы верхней и мужской, и женской рабочей одежды: кафтаны, армяк, кафтанушка, вытканые из полушерстяной ткани. Единственным экспонатом, характеризующим женскую праздничную одежду, является плюшевая жакетка 1940-х гг.

Таким образом, коллекция заонежской одежды позволяет представить традиционный состав одежды крестьян Заонежья конца XIX – первой трети XX в. и определить лакуны в собирательской деятельности музея в сфере народного костюма, восполнить которые в начале XXI в. практически невозможно, разве что по счастливой случайности.

Обзор собрания пудожской одежды⁷⁶

Собрание пудожской одежды в коллекции музея-заповедника «Кижь» невелико и включает в себя сарафаны, рубахи, юбки, казачки, головные уборы и верхнюю одежду. Датировка предметов в коллекции ограничена с концом XIX – первой третью XX в.

Сарафанов в коллекции семь. Происходят они из деревень Пелгостров⁷⁷, Римское⁷⁸, Ершово⁷⁹, Тамбичозеро⁸⁰, Колодозеро⁸¹ (рис. 13). Один из них – будничный, холщовый, синей кубовой набойки, представляет собой классический пример севернорусского сарафана-набивальника⁸². Остальные сарафаны – праздничные: из шерсти и ситца. Два сарафана оранжевого

⁷⁶ Обзор коллекции включает в себя предметы, поступившие в музей до 1 января 2009 г.

⁷⁷ КП-1348.

⁷⁸ КП-4002; КП-2722; КП-2715.

⁷⁹ КП-193/25.

⁸⁰ КП-187/43.

⁸¹ КП-4787.

⁸² КП-187/43.

цвета, три – красного, остальные – светлых расцветок. Пудожские сарафаны из кижского собрания имеют высокую грудку с разрезом по центру. По обе стороны от разреза грудка заложена мелкими складками: по 5–7 складок с каждой стороны. Лямки крепятся к спинке через переходный элемент Y-образной формы (рис. 14). Лямки пришивные, чаще всего выполнены из другой материи, чем та, из которой сшит сарафан. Снизу, с отступом от подола сарафана, одна или две оборки. Отделка оборок разная: хлопчатобумажное кружево фабричного производства⁸³, тесьма или косая бейка, которой акцентировалось место стыка оборки и сарафана⁸⁴. Оборки могли быть прямыми, заложеными складками, присборенными, выкроенными по косой. Лямки, края грудки и подола пудожских сарафанов обшиты шерстяной тесьмой черного, красного или синего цвета. Многие сарафаны из пудожского собрания имеют традиционные детали: подоплеку под грудиной,

Рис. 13. Сарафан шерстяной. Колодозеро. Конец XIX – начало XX в. КП-4787

Рис. 14. Сарафан. КП-4787. Вид сзади

⁸³ КП-1348; КП-2722; КП-4787.

⁸⁴ КП-4002; КП-2715.

обшивку лямок и краев грудины тесьмой, завязки под грудью. Но есть ряд поздних сарафанов, в которых такие детали отсутствуют: лямки крепятся к спинке внахлест, одна на другую, нет завязок под грудью, отсутствует подплёка⁸⁵.

Крестьянских рубах в коллекции четыре: три женские, одна мужская. Одна из женских рубах происходит из Колодозера – повседневная с ситцевыми рукавами до локтя, выкрашенными ольховой корой в рыжий цвет (рис. 15). Низ рубахи сшит из пестряди с подклинками. Пестрядь клетчатая, сине-бордово-белой расцветки⁸⁶.

Рис. 15. Рубаха рабочая. Колодозеро. Конец XIX – начало XX в. КП-98

Две женские рубахи – из Римского и Кошуково – праздничные. Одна – традиционного кроя с рукавами до локтя, зафиксированными на вздержке, с отделкой из белого хлопчатобумажного кружева. Низ рубахи – холщовый с традиционной вышивкой набором. Высота вышивки – 35 см⁸⁷. Вторая – с элементами модного городского кроя: на кокетке с застежкой на две пуговицы и с воротом-стойкой, отделанной кружевом. Рукава – пышные до локтя, на вздержке, с широкими воланами, отделанными

по краю кружевами. Низ рубахи сшит из светлого фабричного производства полотна (рис. 16)⁸⁸. Дополнением к собранию женских праздничных пудожских рубах являются рукава⁸⁹ из Каршево, выполненные из гаруса ярко-розового цвета, с отделкой из кружева и муара⁹⁰. Мужская рубаха – рабочая. Датируется 1890–1900-ми годами. Выполнена из окрашенной домотканины с длинным рукавом без манжет и воротником-стойкой на одной пуговице⁹¹.

⁸⁵ КП-2007; КП-193/25.

⁸⁶ КП-98/8.

⁸⁷ КП-2723.

⁸⁸ КП-187/16.

⁸⁹ Рукава – верхняя часть женской рубахи.

⁹⁰ КП-193/26.

⁹¹ КП-2292.

Рис. 16. Рубаха праздничная.
Римское. 1921. КП-2723

Рис. 17. Душегрея парчовая. Каршево.
XIX в. КП-193/23

Душегрей в пудоожском собрании пять. Все они происходят из старинного пудоожского села Каршево (рис. 17–19). Три из них выполнены из парчи⁹², четвертая – из бледно-абрикосового шелка⁹³, пятая – из кремового цвета штофного шелка с лазорево-белыми цветами⁹⁴. Технология шитья однотипная. Передняя застежка на крючках. Каждая «труба» на спинке отстрочена изнутри с двух сторон на машинке. Со стороны подкладки «трубы» зафиксированы суровой нитью и тесьмой. Крепёж выполнен в три ряда (сверху, посередине и внизу). Четыре душегреи – на ситцевом подкладе, пятая – на льняном красного цвета с набойкой в мелкий белый горошек. Лямки и края спинки обшиты шелком или атласом розового, оранжевого и красного цвета. Количество труб на душегреях доходит до 68.

⁹² КП-193/24; КП-200/31; КП-193/22.

⁹³ КП-193/23.

⁹⁴ КП-72/3.

Хорошо представлены в пудожском собрании юбки – восемь единиц хранения. Все они происходят из разных деревень: Нигижмы, Тамбичозера⁹⁵, Каршево⁹⁶, Костиной Горы⁹⁷, Колодозера⁹⁸, Бомбино⁹⁹, Вавулино¹⁰⁰. Три из них – рабочие, остальные – праздничные. Традиция носить в праздники юбку – поздняя, восходящая к началу XX в.

Из рабочих юбок особый интерес представляет юбка из белого домашнего холста с нижней частью из плотной продольнополосатой пестряди (черно-красно-белой) с традиционной для Пудожья кумачовой прошивкой по подолу¹⁰¹. Две другие рабочие юбки – из пестряди в красно-синюю клетку¹⁰². Все юбки – на поясе, со спинкой, собранной мелкими пышными складками. Застежка сбоку на крючках или на завязках. Все три юбки сшиты вручную.

*Рис. 18. Душегрея. КП-193/23.
Внутренняя сторона*

*Рис. 19. Душегрея парчовая. Каршево.
XIX в. КП-200/31*

Праздничные юбки отличаются от рабочих прежде всего нарядными тканями, из которых они выполнены. Это хлопчатобумажные ткани фабричного производства с тканым узором. Тканый узор в основном состоит из чередования полос разного орнаментального заполнения: елочка, «рябь на воде», растительные узоры. Рисунок ткани на юбке из Нигижмы строится на чередовании полос разного цвета: оранжевых, золотистых, темно- и светло-зеленых, бордовых,

⁹⁵ КП-187/44; КП-187/45.

⁹⁶ КП-73/1.

⁹⁷ КП-200/29.

⁹⁸ КП-98/7.

⁹⁹ КП-185/5.

¹⁰⁰ КП-94.

¹⁰¹ КП-185/5.

¹⁰² КП-94; КП-98/7.

фиолетовых. Разноцветный шелковый уток переплетается со светло-коричневой хлопчатобумажной нитью основы¹⁰³. Праздничные пудожские юбки из кижского собрания имеют пояс и застежку сбоку. Конструкция юбок существует в двух вариантах. Первый: передняя часть без сборок, с вытачками, спинка – сильно присборена¹⁰⁴. Второй: юбка заложена складками по всей ширине пояса¹⁰⁵.

Нижняя часть праздничных юбок декорирована оборками, отороченными хлопчатобумажным кружевом¹⁰⁶, или нашитыми в несколько рядов узкими шелковыми лентами (рис. 20)¹⁰⁷.

Достаточно хорошо представлена в собрании модная составляющая женской крестьянской одежды конца XIX – начала XX столетия – «казачок». Казачок – легкая кофта на подкладе. Надевалась с юбкой. Пудожские казачки происходят из разных деревень: Колодозеро¹⁰⁸, Костина Гора¹⁰⁹, Тамбичозеро¹¹⁰, Кошуково¹¹¹, Каршево¹¹², Семеново¹¹³, Усть-Река¹¹⁴, Пудож¹¹⁵. Все они сшиты из дорогих тканей: тафты¹¹⁶, шелка¹¹⁷, шерсти¹¹⁸, атласа¹¹⁹, но есть и хлопчатобумажные¹²⁰. Отличительной особенностью большинства казачков является наличие внутреннего кор-

Рис. 20. Юбка праздничная. Тамбичозеро. Начало XX в. КП-187/44

¹⁰³ КП-233/25.

¹⁰⁴ КП-187/44; КП-187/45; КП-200/29; КП-94.

¹⁰⁵ КП-73/1; КП-233/25.

¹⁰⁶ КП-73/1; КП-98/7.

¹⁰⁷ КП-187/44.

¹⁰⁸ КП-220/1; КП-2853.

¹⁰⁹ КП-200/30.

¹¹⁰ КП-187/46; 187/47.

¹¹¹ КП-187/48.

¹¹² КП-193/28.

¹¹³ КП-4004.

¹¹⁴ КП-2854.

¹¹⁵ КП-3809.

¹¹⁶ КП-193/27.

¹¹⁷ КП-4004; КП-220/1.

¹¹⁸ КП-200/30; КП-187/46; КП-193/28.

¹¹⁹ КП-187/48.

¹²⁰ КП-2854; КП-187/47; КП-2833; КП-3800.

сета на «косточках» с застежкой на пуговицы¹²¹. Большинство казачков плотно облегает фигуру. Нарядная вставка впереди выполнялась из шелка¹²², кружева¹²³, атласа¹²⁴, гаруса¹²⁵ или имела отделку из тесьмы (рис. 21)¹²⁶.

Спинки казачков в основном приталены за счет специального кроя – шести расклеванных книзу деталей, передняя часть – за счет вытачек и защипов. Воротник – стойка. Рукава с буфами, зауженные книзу, на манжете. Часто имеют двойную конструкцию кроя: верхний рукав, более широкий, обшитый по краю тесьмой или кружевом, и нижний, выступающий из него, зауженный к запястью¹²⁷. Застежка – на крючках и кнопках. В нескольких случаях передняя часть изделия выполнена из прямого куска ткани, вшитого с одной стороны в боковой шов и зафиксированного с другой стороны на крючках по вороту-стойке и втачному шву рука-

*Рис. 21. Кофта праздничная. Каршево.
Конец XIX – начало XX в. КП-193/28*

кава¹²⁸. В этом случае изделие именуется жакофтой. Есть в собрании и нарядный приталенный жакет из Каршево¹²⁹. Он сшит из рыжей тафты и отделан машинным кружевом.

Из праздничных женских головных уборов в собрании представлены два кокошника (рис. 22)¹³⁰ и бытовавшая на территории Пудожья каргопольская кичка¹³¹. Кокошники из Пудожа и Каршево выполнены из бархата темно-бордового и темно-лилового цвета. Под-

¹²¹ КП-220/14 КП-187/46; КП-187/48; КП-193/28; КП-2854.

¹²² КП-220/1.

¹²³ КП-200/30.

¹²⁴ КП-187/48.

¹²⁵ КП-2854.

¹²⁶ КП-193/28.

¹²⁷ КП-3809; КП-187/46.

¹²⁸ КП-193/28; КП-2854.

¹²⁹ КП-193/27

¹³⁰ КП-193/29; КП-3808.

¹³¹ КП-4786.

клад в одном случае из розового ситца с набивным орнаментом из пятилепестковых цветов, в другом – из крашеного домашней выработки холста с ручной набойкой, донца – из материала, проклеенного в несколько рядов. Вышивка на донце выполнена в технике золотого шитья «по карте». Орнамент – дерево жизни. По контуру рисунка проложен шнур с нашитым на него бисером (белым и цвета «лунного камня»). Сердцевины листьев заполнены прозрачными стразами ланцетовидной формы. Сердцевины цветов должны были быть декорированы крупными стразами в металлических кастах. Об этом можно судить по остаткам сохранившихся орнаментальных форм.

Каргопольская кичка имеет вид шапки с приподнятой спереди тульей и паушами. Кокошник изнутри уплотнен картоном и подшит подкладом из ситца с мелкими красными цветочками и темными листьями. В качестве декора использованы золотая бить, позумент, фольга, блестки, бисер, речной жемчуг. Особый интерес представляет бисерная поднизь в виде ажурной косой сетки, зафиксированной на передней части очелья. Выполнена поднизь в технике низанья. Каргопольскую кичку в Пудуже и Каргополе носили в паре с головными платками, украшенными золотым шитьем. Такой платок из миткаля, расшитый золотом, является одним из самых ценных экспонатов кижской пудожской коллекции (рис. 23)¹³².

Рис. 22. Кокошник бархатный.
Пудож. XIX в. КП-3808

Рис. 23. Платок. Фрагмент. КП-90.

¹³² КП-90.

Из девичьих головных уборов в фондах музея представлены корона¹³³ и три поднизи¹³⁴ – сетки, сплетенные из конского волоса и унизанные бисером и мелким речным жемчугом (рис. 24). Форма поднизи – традиционная: пять воланов, зафиксированных на ленте с завязками. Сетка одевалась вместе с короной. В комплект с ней входили серьги-бабочки¹³⁵ и широкая атласная лента. Такая лента из красного атласа шириной 12 см и длиной 2 м 34 см хранится в фондах музея «Кижь»¹³⁶.

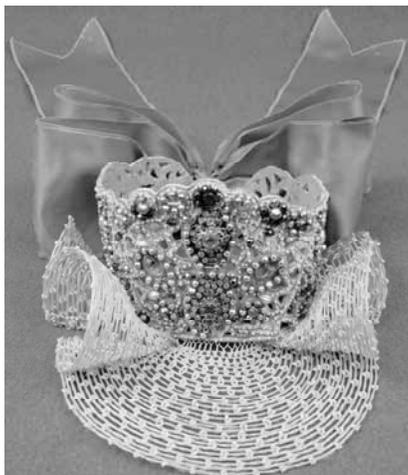

Рис. 24. Корона с поднизью.
Общий вид. Пудож. XIX в.
КП-191/31 и КП-193/30

К праздничным головным уборам следует отнести и головной шелковый фабричного производства платок, который могли носить как девушки, так и молодые замужние женщины¹³⁷. Поле платка окрашено в разные оттенки розового цвета. По его центральной части разбросаны мелкие брошированные цветки из серо-голубых, желтых и зеленых нитей. По краю пущена кайма из цветов (бледно-розовые цветы на ярко-розовом фоне и наоборот).

Собрание повседневных головных уборов пудожанок более чем скромно. Это женский чепец из д. Кривцы¹³⁸. Он шит из красного гаруса на подкладе из серо-голубой хлопчатобумажной ткани в белую полосу, по краю обшит розовой атласной лентой. Второй повседневный головной убор – женский головной платок из Пудожа¹³⁹. Платок фабричного производства, черный, шерстяной, с каймой из набивных цветов разных оттенков. Такие платки носили обычно пожилые крестьянки.

Представление о повседневной верхней женской одежде можно получить по кафтанушке из Тамбичозера¹⁴⁰ и женском балахоне из Бураково¹⁴¹. Кафтанушка сшита из домашней выработки холста саржевого пере-

¹³³ КП-193/31.

¹³⁴ КП-220/2; КП-193/30; КП-72/1.

¹³⁵ КП-187/49; КП-72/2.

¹³⁶ КП-193/32.

¹³⁷ КП-5878.

¹³⁸ НВФ-14577.

¹³⁹ КП-5879.

¹⁴⁰ КП-187/54.

¹⁴¹ КП-91/2.

плетения. Однобортная. Спинка – цельная с двумя подкладками в области плеча и рукава. Воротник – стойка. Застежка на пуговицы с петлями. Петли – холщовые, пуговицы – костяные. Ворот и обшлага обшиты фабричной тканью с узором в виде редких полос. Рукава с клинообразными вставками, каждая из которых составлена из двух частей. Балахон выполнен из домотканины, с застежкой на двух крючках по левой стороне груди и с круглым без воротника вырезом ворота, обшитым холстом.

Особый интерес в коллекции верхнего женского платья представляется «сак»¹⁴² – разновидность праздничной нарядной одежды, пришедший в деревню под воздействием городской моды. Сак однобортный, сшит из темно-синего добротного сукна, без подклада. Спинка и полы – цельнокроеные. Рукава – втачные с манжетами, отделанными бархатными накладками. По низу, в 7 см от края, нашита шелковая тесьма с кистями, чуть выше – сутаж в виде петлевидных элементов и полоса темно-синего плотного бархата. Спинка – расклешенная, ворот-стойка. Застежка – на одну пуговицу, пришитую на расстоянии 4,5 см сбоку от ворота. Передняя часть сакка декорирована шестью накладными пуговицами, обтянутыми шелковой тканью с зигзагообразным узором. Был приобретен сотрудниками музея в деревне Каршево.

Из мужской будничной одежды в собрании имеются два балахона, сшитых из домашней выработки холста саржевого переплетения (рис. 25)¹⁴³, и кафтан¹⁴⁴. Один балахон из Тамбичозера. Однобортный, полы – цельнокроеные, карманы – прорезные с обшлагами. Спинка – цельная с двумя клиньями, идущими от проймы рукава. Застежка – на крючках с металлическими петлями. Воротник представляет собой прямоугольную полосу, составленную из двух кусков холста со швом посередине. Рукава с клино-

Рис. 25. Кафтан. Ершово. Вторая половина XIX – начало XX в. КП-187/53

¹⁴² КП-193/33.

¹⁴³ КП-187/53, 91/3.

¹⁴⁴ КП-187/53.

образными вставками. В одном вставка проходит через всю длину рукава, во втором – через две трети длины рукава в верхней части, ниже ее вшита вставка овальной формы. Второй балахон (из Бураково) без застежки с небольшим стоячим воротником. Кафтан из деревни Ершово выполнен из грубого домашнего сукна. Он двубортный, с отложным воротником и прорезными карманами.

Из дополнений к мужскому костюму можно назвать тканый пояс шириной 9,2 см и длиной 105 см¹⁴⁵. Орнамент в виде прямоугольников и полос черного, серого и болотного цвета на светлом фоне. На пояс нашит кожаный кошелек коричневого цвета с застежкой на кнопку и кожаная накладка с металлической петлей. Пояс сохранился не полностью. Поэтому судить о том, как он застегивался, при данном состоянии предмета невозможно. Есть в собрании еще один мужской пояс – праздничный¹⁴⁶. Он происходит из д. Римское и имеет вид шнура, перевитого из двух шелковых прядей малинового цвета и одной основной пряди из серых хлопчатобумажных нитей. Концы оформлены в виде длинных кистей. Два других пояса из пудожской коллекции могли принадлежать как женщинам, так и мужчинам¹⁴⁷. Оба пояса фабричного производства, представляют собой узкую тканую тесьму с узором. Происходят из деревень Кривцы и Авдеево. А вот тканый шерстяной поясок с пятью гарусными кистями на концах из Заозерья был явно женским, о чем свидетельствует данное ему ласковое название.

Подводя итог, следует отметить, что коллекция пудожской крестьянской одежды характеризует прежде всего повседневный и праздничный костюм пудожской крестьянки. Мужская одежда представлена в коллекции очень скромно: двумя балахонами из домашней выработки холста, рабочей рубахой и двумя поясами: тканым с нашитым на него кожаным карманом и плетеным из шелковых и хлопчатобумажных нитей.

К повседневной женской одежде относятся сарафан «набивальник», рубаха с ситцевыми рукавами, выкрашенными ольховой корой в рыжий цвет, рабочие пестрядинные юбки (три единицы хранения), женский чепец из деревни Кривцы, кафтанушка из Тамбичозера и балахон из Бураково.

Праздничная одежда представлена шерстяными и ситцевыми сарафанами (шесть единиц хранения), двумя праздничными рубахами, пятью душегреями из парчи и шелка, пятью юбками из шелковых и нарядных хлопчатобумажных тканей, десятью казачками из шелка, шерсти, атласа и хлопка и одним жакетом из рыжей тафты, отделанным машинным кружевом.

¹⁴⁵ КП-5841.

¹⁴⁶ КП-4003.

¹⁴⁷ КП-2256, КП-1152.

Пудожская коллекция располагает двумя кокошниками из темно-бордового и лилового бархата с золотной вышивкой и одной каргопольской кичкой, декорированной бисером и золотной битью. Кроме того, в фондах хранится пудожский платок «золотного» шитья, корона и три сетки-поднизи, сплетенные из конского волоса и унизанные мелким речным жемчугом и бисером.

Из верхнего женского платья значительный интерес в коллекции представляет «сак» – разновидность праздничной одежды.

Специфика технических приемов, края, шитья, расцветки и орнаментации предметов мужской и женской одежды Пудожья позволяет судить об особенностях крестьянского костюма этого региона и о его сходстве с традиционным костюмом других регионов Русского Севера.

В целом коллекция крестьянского традиционного костюма Пудожья и Заонежья может расцениваться как дополнительный источник по изучению культуры названных этнических групп населения бывшей Олонецкой губернии.

Г. И. Фролова

ИКОНЫ В СОБРАНИИ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «КИЖИ» (ФОРМИРОВАНИЕ, ИЗУЧЕНИЕ, ХАРАКТЕРИСТИКА КОЛЛЕКЦИИ)

Созданию музея-заповедника «Кижь» предшествовала огромная работа по его комплектованию памятниками архитектуры и предметами быта. Сегодня музей обладает архитектурными сокровищами XVI–XVIII вв., среди которых ведущее место занимают православные храмы, изначально срубленные на острове Кижь: часовня Успения Богородицы в д. Васильево, церкви Преображения Господня и Покрова Богородицы на Спасо-Кижском погосте. В окрестных деревнях, на погостской земле, стоят часовни во имя апостолов Петра и Павла в д. Волкостров, мучеников Киррика и Иулиты в д. Воробьи, преподобного Варлаама Хутынского и мученицы Параскевы Пятницы в д. Подбельники, в честь икон «Всех скорбящих радость» в д. Еглово и «Знамение Богородицы» в д. Корба¹.

Значительное количество в заповеднике деревянных храмов, находящихся в естественной среде, их разнообразие, художественная и историческая значимость сохранившейся иконописи позволяют достаточно полно представить культуру православия данной местности.

Начало формирования коллекции икон музея «Кижь» отличалось от комплектования большинства музейных собраний – оно началось до открытия музея с воссоздания интерьеров летней Спасо-Преображенской и

¹ На территории Спасо-Кижского прихода в первой половине 20 в. было 12 часовен. К названным добавим: в честь Положения пояса Пресвятой Богородицы в д. Кургеницы, иконы «Елецкой Божией Матери» в д. Телятниково, Святого Духа и мученика Димитрия в д. Ямка, во имя Преподобного Макария Желтоводского в д. Косельга, Великомученика Георгия в д. Воев Наволок, во имя Трех Святителей Василия Великого, Иоанна Златоуста, Григория Богослова и Соловецких преподобных в д. Липовицы и одна приписная церковь в честь Введения Богородицы во храм в д. Сибово. Эти часовни не сохранились.

зимней Покрова Богородицы церковью Спасо-Кижского погоста. Архитектурный ансамбль составил основу деревянных памятников музея-заповедника «Кижь», а иконы из кижских церковей положили начало комплектованию коллекции древнерусской живописи. К моменту формирования музея интерьеры церковей были в значительной мере опустошены.

В 1945–1946 гг. правительство К-Ф ССР активно сотрудничало с Комитетом по делам искусств при СНК СССР, который возглавлял И. Э. Грабарь. Решались вопросы создания заповедника на территории Кижского погоста, атрибуции и сохранения огромного числа заонежских икон, включая кижские, размещенные временно в г. Петрозаводске. В годы Второй мировой войны иконы из храмов были вывезены финскими оккупантами с территории советской Карелии в Финляндию. Зимой 1944–1945 гг. кижские иконы, в числе прочих заонежских икон (около 2000 ед.), были возвращены по мирному договору из Хельсинки в Петрозаводск и переданы на хранение Государственному музею Карело-Финской ССР². Летом 1945 г. значительная часть из них была привезена на остров Кижь и получила наименование «кижской коллекции» (по месту хранения).

В 1945 г. на остров были командированы Н. Е. Мнева, заведующая отделом древнерусского искусства Государственной Третьяковской галереи, и В. Г. Светличная (Брюсова), художник-реставратор Центриализованной реставрационной мастерской. Они произвели отбор икон для кижских храмов. Специалистами были отобраны 105 икон из «кижской коллекции» для иконостаса Преображенской церкви. Их происхождение из летней кижской церкви подтвердил сторож кижских церковей Н. Г. Маньшин³. Реставраторы В. Г. Светличная и Г. В. Жаренков выполнили на иконах необходимые консервационно-реставрационные работы: укрепление основы, удаление плесени и загрязнений, укрепление живописной поверхности, промывку живописи с частичным удалением потемневшей олифы на ряде икон⁴.

Для восстановления интерьера зимней кижской Покровской церкви были выявлены иконы праздничного, деисусного и пророческого рядов, явно принадлежавшие одному иконостасному комплексу. К ним добавили отдельные иконы, подходящие по размерам для укомплектования иконостасных рядов. Всего для зимней церкви отобрали 44 иконы. Определить их принадлежность конкретному храму в то время не было возможности, так как специалисты не располагали финскими сопроводительными документами, которые финская сторона от-

² НАРК. Ф. 2916. Оп. 1. Д. 1/16. Л. 12. 1946 г.

³ НАРК. Ф. 2916. Оп. 1. Д. 1/7. Л. 54, 61. 1945–1946 гг.; НАРК. Ф. 2916. Оп. 1. Д. 7/60.

⁴ НАРК. Ф. 2916. Оп. 1. Д. 1/7. Л. 3. 1945–1946 гг.

правила с иконами. Отсутствие финских сопроводительных документов не позволяло в тот период определить принадлежность икон конкретным храмам.

Восстановление внутренней отделки кижских церквей наметили на 1946 г., однако не осуществили «ввиду отсутствия специалистов по данному вопросу»⁵. В 1950-е г. интерьер летней Преображенской церкви был восстановлен по проекту архитектора А. В. Ополовникова⁶. Тогда же были отреставрированы потолочные иконы в часовне Успения Богоматери д. Васильево на острове Кижь. Музеефикация интерьера зимней церкви Покрова Богородицы была завершена в 1959 г.⁷

После восстановления интерьеров в основных кижских памятниках не задействованные на острове иконы были отправлены в открывшийся в г. Петрозаводске Музей изобразительных искусств. Иконы были приняты в фонды республиканского музея как живописные произведения. Среди них, к сожалению, оказались иконы из кижской Покровской церкви: храмовая икона «Покров» и «Никола Чудотворец с житием», иконы из двух деисусных чинов второй половины XVI в. Вследствие проводившейся в эти годы политики распределения художественных памятников по различным отечественным музеям с целью формирования коллекций российских музеев икона «Отечество» из местного ряда иконостаса Покровской церкви была отправлена в Челябинский музей⁸. К сожалению, без этих икон сложно воссоздать подлинное убранство кижского зимнего храма.

Дальнейшее комплектование коллекции также было связано с храмами, вошедшими в состав музея как памятники архитектуры. В 1958 г. перевезли церковь Воскрешения Лазаря из Успенского Муромского монастыря (Пудожский район Республики Карелия) и одновременно элементы внутреннего убранства: иконы XVI–XVII вв., входившие в состав иконостаса. В 1961 г. перевезли часовню Архистратига Михаила из д. Леликозеро (Медвежьегорский район Республики Карелия), находившиеся в ней иконы из двухрядного

⁵ НАРК. Ф. 2916. Оп. 1. Д. 1/16 Л. 59. 1946 г.

⁶ НАРК. Ф. 2916. Оп. 1. Д. 1/7. 1945–1946 гг. Л. 54, 61; НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2732 (Ополовников А. В. Отчет о реставрации памятников деревянного зодчества – Преображенской и Покровской церквей и колокольни на Кижском погосте. М.; Петрозаводск, 1957).

⁷ НАРК. Ф. 2916. Оп. 1. Д. 3/32; НА МК НРФ-34 (Брюсова В. Г. Список произведений живописи древней Карелии, составленный Светличной В. Г. в 1948 г., и схемы иконостасов Преображенской и Покровской церквей. Петрозаводск, 1969 г. В конце XX в. большую часть этих икон исследователям удалось атрибутировать как иконы, принадлежавшие иконостасу Никольского придела этой церкви. Иконостасный комплекс из Покровской церкви создан в конце XVII в. (не позднее 1697 г.).

⁸ Икона опубликована: Спасти и сохранить. Выставка икон и картин, реставрированных художником-реставратором Челябинской картинной галереи В. П. Кочневым (Каталог) / Сост. Г. И. Пантелеева. Челябинск, 1994/95. С. 18–21.

иконостаса и «неба», датируемые последней третью XVII в., а также иконы, размещавшиеся в храме помимо иконостаса, включая выносной двухсторонний образ «Богоматерь Знамение – Никола Чудотворец».

В силу обстоятельств не все памятники поступили в музей в комплекте с внутренним убранством. Так, часовня в честь иконы Спаса Нерукотворного из деревни Вигово, украшающая сегодня северную часть острова, переехала на новое местожительство без иконостасных икон. Они несколькими годами раньше были вывезены в фонды Музея изобразительных искусств Республики Карелия. Но потолочные иконы – «небеса» как конструктивный элемент поступили в собрание музея «Кижь». Иконы, оформленные в виде потолочных сюжетных композиций, являются достопримечательностью своеобразного оформления северного деревянного храма.

Расширение территории повлекло включение в состав музея часовен, располагающихся в окрестных деревнях. В двух часовнях – в честь иконы Знамения Богородицы в д. Корба и во имя апостолов Петра и Павла в д. Волкостров – на период музеефикации заповедной территории сохранились иконы «неба» и иконостасов, но вскоре их пришлось изъять из храмов и перевести в музейное хранилище, потому что не была обеспечена охрана часовен, следствием чего явилось хищение трех икон из корбинской часовни⁹.

Отсутствие возможности в ряде случаев сохранения икон в храмах вынуждало музейных специалистов вывозить иконы на остров. Потолочные иконы не привлекали внимания сотрудников других музеев из-за больших размеров, сложности их демонтажа и вывоза, своеобразия живописного решения. У музея «Кижь» вследствие его специфики накопился опыт по транспортировке крупногабаритных предметов (например, саней, дровней, шкафов, кроватей и т. п. экспонатов), без которых немислимо восстановление интерьеров крестьянских домов. Благодаря этому удалось сохранить для потомков живопись на иконах «неба» из церкви во имя Святителя Николая в д. Вегорукса и на четырех иконах «неба» из церкви Петра и Павла на Лычном острове (на остальных клиньях из-за протечек кровли живопись

⁹ Позднее, уже в 80-е гг. XX столетия, по этой же причине райисполком Пудожского района обратился с просьбой о перевозе огромных икон «неба» (длиной 4 м) из церкви Ильи пророка Водлозерско-Ильинского погоста в музейные фонды для их сохранения. Место, где стоит церковь, – остров в тот период был нежилым, и нашлись любители старины, которые стали выпиливать фрагменты икон. Музей откликнулся на просьбу, но их транспортировка представляла большие сложности из-за огромных размеров иконных щитов и плохой сохранности живописного слоя. Пришлось обратиться за помощью к монтажникам-высотникам, чтобы разобрать потолочную конструкцию – «небо», затем в авиапредприятие г. Петрозаводска для перевозки икон на остров Кижь. После того как сотрудники музея заклеили живопись профилактическими наклейками, иконы запаковали и доставили вертолетами, совершив несколько рейсов.

полностью утрачена) (рис. 1). В результате специфики комплектования фондов и равнодушного отношения к сохранению культурного наследия музей сформировал уникальную коллекцию, состоящую из 190 икон «неба», подобной которой нет в России по иконографическому составу, художественным достоинствам и хронологическим рамкам.

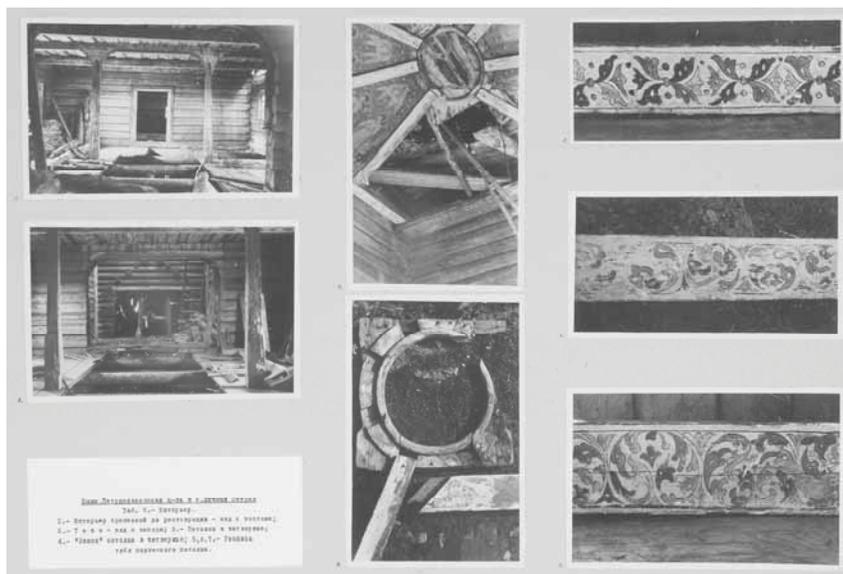

Рис. 1. Фрагменты интерьера Петропавловской церкви в д. Лычный остров. КижИ КП-6809

Формировалась коллекция также за счет экспедиционных привозов. Иконы собирались сотрудниками музея у жителей деревень Карелии. Наиболее значимые поступления были из окрестных деревень, а также из деревень Пудожского района и побережья Белого моря (Кемский и Беломорский районы Республики Карелия). Иконы из домашних божниц, как правило, дарились музею. Продавать их считалось большим грехом, и этой нормы придерживались не только люди пожилого возраста, но и молодые, которым уважение к образам было привито старшим поколением.

Таким образом, в собрании музея-заповедника «КижИ» есть привозные иконы, написанные в традициях новгородской школы иконописи для интерьера маленькой клетской церквушки, иконы местных писем в традиционно убранных деревенских часовнях, оформлявшихся по заказу местных жителей, а также иконы, которые вместе с другими храмовыми предметами со-

ставляют грандиозное по масштабности и продуманности иконографической программы внутреннее убранство погостского храма. Эти христианские памятники (храмы и иконы) как своеобразные вехи отражают православный путь Карелии. Они волею судьбы благодаря целенаправленной деятельности музейных сотрудников оказались в музее-заповеднике «Кижы».

В состав коллекции входят не только иконы, но и элементы внутреннего убранства храмов: расписные тьябла – иконостасные и потолочные (замковые кольца и тьябла «неба»), резные золоченые детали иконостаса, тощие свечи, живописные кресты и киоты, как из храмов, так и из домашних божниц. Большая часть коллекции происходит из Заонежья.

Большинство икон поступало в музей в плохом состоянии. Еще до транспортировки их на остров Кижы приходилось предпринимать экстренные меры по их сохранению. Живопись заклеивалась профилактической бумагой, чтобы предотвратить потери грунта и красочного слоя, и только затем иконы отправляли к месту назначения. Аварийные иконы сразу поступали в реставрационную мастерскую, в умелые руки реставраторов. Уже в годы формирования музея-заповедника реставрацией икон занимались такие специалисты, как В. Г. Брюсова (Светличная) и Г. В. Жаренков. Они привели в экспозиционный вид многие иконы из кижской Преображенской церкви и «небо» из часовни Успения Богоматери д. Васильево. В период становления музея много внимания сохранению кижских икон уделяли известные российские реставраторы С. В. Ямщиков, С. Ф. Коненков, К. Р. Шейнкман, Г. Н. Кузнецов. Многим иконам из храмов Карелии вернул вторую жизнь реставратор Государственного Русского музея Н. В. Перцев. В коллекции музея «Кижы» им раскрыты от записи праздничные иконы из кижской Покровской церкви¹⁰. Весомый вклад в дело сохранения икон внесли реставраторы Карельской специализированной научно-реставрационной производственной мастерской Г. Н. Попова и А. И. Байер. Значительное количество икон отреставрировано первым штатным музейным реставратором И. М. Гурвич. Среди них наиболее значимы два иконостасных комплекса: иконы из церкви Воскрешения Лазаря Успенского Муромского монастыря и иконы из часовни Архангела Михаила д. Леликозеро. Ее сменила Г. И. Фролова, которая в течение 35 лет хранила и реставрировала иконы из музейной коллекции. Большую постоянную помощь в раскрытии икон от поздних наслоений оказывали специалисты из Московского научно-реставрационного художественного управления Е. М. Кристи, В. А. Акимова, В. М. Сорокатый, Е. Б. Вернер, Т. В. Маковецкая и другие; из Государственного научно-исследовательского института реставрации А. П. Яблоков. В настоящее время под руководством В. А. Акимовой ведет-

¹⁰ Перцев Н. В. Каталог реставрационных работ / Сост. И. Я. Богуславская. СПб., 1992.

ся реставрация резного золоченого иконостаса из Преображенской церкви по методике, разработанной Г. И. Фроловой на основе совместных наработок со специалистами баварских реставрационных мастерских и сотрудников химлаборатории Государственного Русского музея.

Музейный статус, бережно сохраненное сотрудниками внутреннее убранство церквей и часовен позволили восстановить на острове интерьеры трех храмов: Преображенской и Покровской церквей (1950-е гг.), часовни Архангела Михаила (2000 г.).

Реставрация музейных предметов, изучение внутреннего убранства храмов Обонежья позволили специалистам произвести атрибуцию икон и церковной утвари, находящейся на хранении музея. Это создало перспективы не только реконструкции интерьеров, но и обогатило экспозиционно-выставочную деятельность музея. Сегодня музей имеет постоянно действующую выставку иконописи из собственных фондов, организует различные тематические выставки, представляя иконы и церковную утварь как у себя на родине, так и за рубежом.

Всемирная известность музея-заповедника «Кижь» способствовала публикации икон из кижских храмов. Несмотря на небольшую в количественном отношении коллекцию, основу которой составляют иконы второй половины XVII–XVIII вв., отдельные иконы известны широкому кругу читателей и специалистам. Иконы из кижских храмов, находящиеся в основной экспозиции, публиковались в путеводителях, популярных фотоальбомах по музею и Карелии¹¹. Отдельные иконы привлекались специалистами для выяснения эволюции определенной иконографии¹², выявления стилистически близких икон, обозначения иконописных мастерских¹³, изучения икон из отдельных кижских храмов¹⁴ и т. п.

¹¹ Кижь – остров сокровищ... Путеводитель. Петрозаводск, 1965; Гиппенрейтер В. Гармония вечного. Древнее искусство Карелии / Текст В. Г. Платонов. Петрозаводск, 1994; Дарование Святого Духа. Книга-календарь 2006 / Текст В. Г. Платонов. Bergamo, 2005.

¹² Платонов В. Г. Развитие иконографии «Покрова Богородицы» в искусстве Заонежья XVI–XVIII вв. // Кижский вестник. Петрозаводск, 2002. Вып. 7. С. 140–147; Кольцова Т. М. Росписи «небес» в деревянных храмах Русского Севера. Архангельск, 1993; Спас Нерукотворный в русской иконе / Авт.-сост.: Евсеева Л. М., Лидов А. М., Чугреева Н. Н. М., 2005. С. 195–197; Пуцко В. Г. Храмовая икона Преображенской церкви Кижского погоста // Кижский вестник. Петрозаводск, 2009. Вып. 12. С. 193.

¹³ Брюсова В. Г. Живопись 17 в. М., 1984. С. 166; Платонов В. Г. Иконопись Заонежья второй половины XVII в. (формирование стилистических направлений и эволюция иконостасов) // Заонежье: Сб. науч. ст. Петрозаводск, 1992. С. 142–159; Платонов В. Г. Иконостас Успенской церкви в Кондопоге по архивным данным // Успенская церковь в Кондопоге. Сб. ст. по материалам конференции. Кондопога; СПб., 1994–1996. С. 55–62; Фролова Г. И. «Небеса» Заонежья. Иконы из фондов музея-заповедника «Кижь». Каталог. Петрозаводск, 2008.

¹⁴ Древняя живопись Карелии. Фонды музея «Кижь». Каталог / Сост. И. М. Гурвич. Петрозаводск, 1980; Платонов В. Г. Храмы Кижского погоста и их убранство в XVI–XVII столетиях // Известия Вологодского общества изучения северного края. Вологда, 1999. Вып. 7.

Собрание иконописи музея-заповедника «Кижь», хронологические рамки которого XVI–XIX вв., включает иконы, происходящие из церквей и часовен Обонежья. В нем преобладают иконы из храмов Заонежья. В коллекции практически нет «безымянных» икон, они имеют конкретную привязку к памятникам архитектуры, большая часть которых находится на территории музея. Это иконы из кижских Преображенской и Покровской церквей, Успенской часовни в деревне Васильево, Знаменской и Петропавловской часовен в деревнях Корба и Волкостров, входивших в состав Спасо-Кижского прихода, церкви Воскрешения Лазаря из Успенского Муромского монастыря, часовни Спаса Нерукотворного из д. Вигово. Живописные произведения, созданные для храмов данной территории и хранящиеся в музее-заповеднике «Кижь», отражают как разнообразие северных писем, так и тенденции ведущих российских художественных направлений развития историко-культурного процесса.

Наиболее древние иконы в собрании музея «Кижь» происходят из церкви Воскрешения Лазаря Успенского Муромского монастыря XVI в. – это шесть деисусных икон и царские врата.

Деисусные иконы датируются первой половиной XVI в. Архангелы и святые изображены в рост, стоящими на двухцветном поземе, в спокойных статичных позах предстояния, на золотисто-охристом фоне. В трактовке фигур заметна парность композиционного решения, которая проявляется в однозначности поз, округло-плавном наклоне архангелов и апостолов, в сходстве их одежд. У архангелов гиматии, скрепленные тремя скрепами на груди, ниспадают ступенчатыми складками, у апостолов округлые формы гиматиев, накинута на плечо, внизу завершаются складками, собранными в острый край. В одеждах архангелов цветовая переключка: красному гиматию архангела Михаила соответствует красный хитон архангела Гавриила, зеленому хитону Михаила – зеленый гиматий Гавриила. Цвета одежд апостолов, напротив, как и сочетание округлых встречных форм, близки по колориту и моделировке. И только крайние

С. 79–83; Он же. Местный ряд иконостаса часовни Успения в деревне Васильево на острове Кижь и некоторые вопросы развития иконописи Заонежья конца XVII – начала XVIII вв. // Кижский вестник. Петрозаводск, 2009. Вып. 12. С. 179–188; Фролова Г. И. Из истории внутреннего убранства кижской Покровской церкви. Никольский иконостас // Кижский вестник. Петрозаводск, 2001. Вып. 6. С. 173–183; Она же. Внутреннее убранство часовен Спасо-Кижского погоста // Кижский вестник. Петрозаводск, 2002. Вып. 7. С. 115–139; Она же. Кижский акафист. Богородичные иконы в собрании музея-заповедника «Кижь». Каталог выставки. Петрозаводск, 2003; Она же. История внутреннего убранства Преображенской церкви на острове Кижь (обзор архивных источников) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2003. Вып. 8. С. 20–35; Она же. Обзор литературы и рукописных материалов по изучению истории внутреннего убранства Преображенской церкви на острове Кижь // Кижский вестник. Петрозаводск, 2004. Вып. 9. С. 54–66; Она же. Внутреннее убранство Преображенской церкви Спасо-Кижского погоста // Кижский вестник. Петрозаводск, 2005. Вып. 10. С. 3–18.

фигуры мучеников Флора и Лавра отличаются друг от друга постановкой фигур, письмом одежд и цветовым решением. Мученики исполнены более графично по сравнению с остальными предстоящими.

Стилистические особенности этих произведений – значительность и монументальность небольших по размерам образов, энергичный, уверенный очерк фигур и гармония цвета. Яркие звучные краски (азурит, киноварь, аурипигмент, золотистая охра, белила) впечатляют эффектом ниспадающего света на гиматиях архангела Гавриила и мученика Флора. Мягкий, скользящий свет красных материй одежд архангелов, спокойный коричневый цвет гиматия мученика Лавра, бликующие синие ткани хитонов апостолов создают своеобразную цветовую игру жизнерадостного настроения. Пропорциональные фигуры святых на деисусных досках контрастируют с удлиненными фигурами святителей на створках царских врат, четкая моделировка фигур в предстоянии светом и тенью – с плоскостным декоративным решением облачений иерархов Церкви. Иконы по-новгородски эффектны и декоративны. Иконография, как и само письмо икон из церкви Воскресения Лазаря XVI в., носит явный отпечаток новгородских писем.

В это же время наблюдается постепенное снижение художественной роли Новгорода в Обонежье, которое, как считает Э. С. Смирнова, объясняется не столько силой московских «форпостов», сколько иными причинами: угасанием новгородской художественной школы и главное – ростом местной северной культуры, смело заявляющей о своей самостоятельности¹⁵.

В течение XVI столетия на основе новгородской и московской живописной школ происходит накопление творческого потенциала обонежскими иконниками. Иконография, приемы и манеры письма, характерные для крупных художественных центров, перерабатываются в соответствии с местными художественными представлениями. Появляются иконы, совмещающие в себе признаки различных художественных школ¹⁶. В этом плане в собрании музея «Кижы» показательна икона «Спас Всемиловитый» второй половины XVI в. На иконе к стопам Вседержителя припадают преподобные Варлаам (слева) и Александр (справа); надписи к чудотворцам даны без прозвания. Состав святых в данной иконографии не постоянен. К наиболее ранним относится включение Сергия Радонежского

¹⁵ Смирнова Э. С. Живопись Обонежья XIV–XVI вв. М., 1967. С. 63.

¹⁶ В качестве примера можно назвать деисусные иконы второй половины XVI в. из кижской церкви Покрова Богородицы, ныне входящие в собрание МИИРК. Включение в состав предстоящих в деисусном чине новгородского владыки Иоанна Новгородского, канонизированного во второй трети XVI в., свидетельствует о расположении к святым, почитаемым в Великом Новгороде, а центральный образ этого ряда – икона «Спас в силах» – соответствует московской иконописной традиции.

и Варлаама Хутынского¹⁷. Вероятнее всего (исходя из принадлежности иконы заонежскому храму церкви Покрова Богородицы Спасо-Кижского погоста), здесь изображены преподобные Варлаам Хутынский и Александр Свирский (канонизирован в 1547 г.), соответственно, икона приобретает новгородско-северную ориентацию. Взаимовлияние двух церковных культур Новгорода и Москвы в XVI столетии подготовило почву для местного творчества, которое в XVII в. становится ведущим на Русском Севере, включая Заонежье. В XVII в. формируются местные иконописные мастерские. Наряду с иконами, исполненными по заказу иконописцами из других регионов, иконы пишутся и своими мастерами. Уровень подготовки их был различен, профессиональное мастерство соседствовало с «простонародным» творчеством.

В середине XVII в. в Тубозере (Толвуйский погост в Заонежье) пишут иконы сыновья священника Игнатий и Мокей Пантелеевы¹⁸. Игнатий, а затем и Мокей по документам значатся как дьячки при церкви. Их профессиональная принадлежность свидетельствует о том, что местные иконописцы в это время – лица, непосредственно связанные с церковью. На землях Георгиевско-Толвуйского погоста были владения Вяжицкого монастыря, и, вполне вероятно, что они обучались у монастырского иконописца. Иконы из **церкви во имя Ильи пророка из Ильинско-Водлозерского погоста**, исполненные Игнатием Пантелеевым, тубозерским дьячком, – пример местных писем талантливого иконописца, получившего хорошую профессиональную подготовку. В музейной коллекции из водлозерской церкви хранятся местный богородичный образ, деисусные и праздничные иконы¹⁹. Иконы деисусного чина исполнены Игнатием Пантелеевым в 1647 г. Иконы написаны в теплой светло-коричнево-зеленой

¹⁷ Припачкин И. А. Иконография Господа Иисуса Христа. М., 2001. С. 78–79. Известны образы с соловецкими преподобными, например, вкладной крест 1560–1561 г. (см.: Бусева-Давыдова И. Л. Припадающие соловецкие святые: генезис и смысл иконографии // Наследие Соловецкого монастыря: Материалы всерос. конф. Архангельск, 2007. С. 124), с изображением св. князей Александра Невского и Георгия Владимирского (см.: Быкова М. А., Преображенский А. С. Древнерусская живопись в музеях России. Иконы Владимира и Суздалья. М., 2008. Кат. 79. С. 385–387).

¹⁸ В. Г. Платонов выявил имена двух иконописцев братьев Игнатия и Мокея Пантелеева, по архивным данным проживавших в Тубозере (район Толвуи). Датированные надписи на иконах из двух обонежских храмов позволили определить их авторство на ряде икон. Сергеев С. П., Платонов В. Г. Икона «Огненное восхождение пророка Ильи с житием» 1647 г. с криптограммой // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1983. Л., 1985. С. 302–312.

¹⁹ В церкви Ильи Пророка на Водлозере три алтаря и три иконостаса: в честь пророка Ильи, Успения Богородицы (в кафоликоне) и святителя Василия Великого в трапезной. Ильинский и Успенский иконостасы располагались на восточной стене кафоликона. Подробнее см.: Фролова Г. К вопросу о внутреннем убранстве Ильинской церкви // Ильинский Водлозерский погост: Материалы науч. конф. «Водлозерские чтения: Ильинский погост» (6–10 августа 2007 г.). Петрозаводск, 2009. С. 63–76.

цветовой гамме, оттеняемой неярким красным цветом и подчеркиваемой темно-синим колером. Их «уютное» сочетание очаровывает и располагает к длительному созерцанию. Среди них исполненная Игнатием Пантелеевым икона «Богоматерь Грузинская» – исключительно тонкое по исполнению произведение местного иконописца. В этой же тональности выполнены деисусные иконы «Спас в силах», «Богоматерь», «Архангел Михаил». Лики Богоматери и архангела Михаила написаны плавью, выступающие бликующие части лиц исполнены на столь тонких переходах, что они как бы излучают свет. Мягкая живописность в этих образах сочетается с тонкой одухотворенностью. Обладая незаурядным талантом, мастер использует различные приемы и по-разному трактует образы святых в предстоянии. Ильинский иконостас включает русских святых мучеников Бориса и Глеба. Они изображены в княжеских одеждах, с мечами в ножнах. Фигуры мучеников отличаются плоскостным решением. Одежды святого князя Бориса написаны без складок, покрыты сплошным мелким узором из повторяющихся завитков. Лик мученика, несмотря на общий для всех деисусных икон санкирный слой, в основе которого присутствует теплый красный цвет, написан плотно наложенными слоями охры, разбавленной белилами. Вместо бликов (свечения), как на лицах у Спасителя, Богородицы и Архангела Михаила (особо выражено свечение у Богоматери), здесь – тонкая белильная штриховка. Основные черты и контурный рисунок ликов на всех иконах выполнен светло-коричневым цветом. Следует заметить, что в письме этого чина практически нет чистого черного цвета (исключение: текст на Евангелии у Вседержителя и зрачки глаз), мастер заменил его коричневым колером.

Для Игнатия Пантелеева характерно письмо ликов с использованием красной охры в санкирном слое. Этот прием в дальнейшем будет использоваться и другими иконописцами, работавшими в последней трети XVII в. Личное письмо на многих иконах, приписываемых «Заонежской (типиницкой) мастерской»²⁰, создавалось также с применением неяркого красного колера теплого оттенка. То же можно сказать и о весьма популярном у за-

²⁰ Исследователи, выявив в пределах Заонежья группу стилистически однородных икон, закрепили за ними название «Типиницкой мастерской», по месту обнаружения первых икон (см.: Смирнова Э. С. Древнерусская живопись. Новые открытия. Живопись Обонежья XIV–XVIII вв. Л., 1974; Платонов В. Г. Иконопись Заонежья второй половины XVII в. (формирование стилистических направлений и эволюция иконостасов) // Заонежье. Сб. науч. ст. Петрозаводск, 1992). Позднее, когда в Заонежье было выявлено большое количество однородных в стилистическом плане икон, мастерскую переименовали в «заонежскую мастерскую» (см.: Платонов В. Г. Типология центров иконописания в Обонежье XVII–XIX вв. (к вопросу об организации иконописного дела на Русском Севере) // Рябининские чтения-2007: Материалы V научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007. С. 185–187).

онежских иконописцев темно-синем цвете. С определенной долей вероятности можно предположить, что иконописцы из «Заонежской мастерской» получили навыки письма у братьев Пантелеевых, но не были отмечены тем талантом и способностями, которыми обладал Игнатий Пантелеев. Наиболее раннее произведение «Заонежской мастерской», по данным исследователей, датируется 1660 годом, наиболее позднее – 1677 годом. Подписные работы братьев Пантелеевых известны с 1647 по 1675 г.²¹ Находясь в пределах Заонежья, работая параллельно не менее 15 лет, иконописцы данной местности могли иметь творческие контакты. Это заметно в предпочтении близкой цветовой палитры, мягкой живописной манере письма, использовании общих орнаментальных мотивов.

Работы иконников «Заонежской мастерской» в собрании музея представлены в большом количестве. Прежде всего, это две иконы второй половины XVII в. из местного ряда **кижской Преображенской церкви** – «Покров» и «Преображение».

Композиционно икона «Покров» интересна своеобразным изображением храма в виде большой ступенчатой плоскости, которая завершается пятиглавием. Главки изображены на простых круглых барабанах в профиль. Справа храм обрамляет звонница, слева – двухнефное здание. Автор придерживается схемы, для которой характерно обилие персонажей, расположенных поярусно на фоне светлого храма. Иконописцем старательно выписаны святые и люди, жившие в разные столетия, отразить присутствие которых мастер посчитал важным. В этом плане кижская икона иллюстративна по отношению к литургическому тексту: «Дева днесь предстоит в церкви, и с лики святых невидимо за ны молится Богу, ангелы со архиереи поклоняются, апостоли же со пророки ликовствуют; нас бо ради молит Богородица превечного Бога» (кондак на праздник Покрова, глас 3). В левой группе представлены патриарх, царь, царица и бояре. Включение в нее патриарха Тарасия, борца с еретиками и защитника «чистой» веры, свидетельствует о знании иконописцем событий VII Вселенского собора, восстановившего почитание икон Богоматери и осудившего иконоборцев²². Изображение на амвоне Романа Сладкопевца, творца кондаков в честь Богородицы, придает композиции не иллюстративное, а обобщенно символическое значение, подчеркивает тему прославления Богородицы. Событие, происходившее в константинопольском храме, заонежский автор трактует через призму своего восприятия, изо-

²¹ Платонов В. Г. Икона и народное искусство. Некоторые наблюдения над стилистикой заонежской живописи второй половины XVII–XVIII вв. // Междунар. науч. конф. по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры Русского Севера «Рябинские чтения'95». Петрозаводск, 1995. С. 387–390.

²² Настольная книга священнослужителя. М., 1978. Т. 2. С. 145.

бражая знакомые для него архитектурные детали, такие, как звонница с колоколами, главки с восьмиконечными крестами, облачает в боярские шубы предстоящих в церкви и даже находит возможность отразить явление Богородицы в храм ночью. Для этого фон за церковью он написал темно-синим цветом, а Богоматерь изобразил в темно-синем небесном ореоле, ограниченном легким кружевом из облаков (рис. 2). Это является наиболее интересной особенностью иконы. Тем самым, по мнению исследователей, иконописец стремился подчеркнуть момент чудесного явления Богородицы Андрею Юродивому во время всенощной службы²³.

Рис. 2. Икона «Покров».
Из Преображенской церкви о. Кизи. Кизи КП-106/5

²³ Платонов В. Г. Развитие иконографии «Покрова Богородицы»... С. 144.

Подобное решение находим на храмовой иконе «Преображение», также из местного ряда Преображенской церкви о. Кижы. Спаситель на иконе изображен в таком же по цвету темно-синем ореоле, расцвеченном звездами и напоминающем ночное звездное небо, в отличие от распространенных композиций XV–XVI вв. с голубо-синей славой. Теплый приглушенный колорит иконы основан на сочетании золотистого фона и красновато-коричневых цветов, оттеняемых темно-синим колером. На их фоне ярко читаются белые одежды Христа, белильные блики на одеждах святых и лещадках. Отсутствие в композиции классической стройности, неуклюжесть фигур персонажей, угловатость их поз и жестов создают ритмический строй, далекий от выверенности и профессиональности столичного искусства. Иконографическая схема кижской иконы традиционна, в ней деление на небесную и земную зоны выражено явно, но акцент в композиции сделан на вертикальное восприятие. Центральный уступ горы Фавор выделен яркими белильными бликами лещадок. Блики на лещадках центрального уступа изображены таким образом, что воспринимаются как ступеньки для восхождения (духовного познания Спасителя). Пророки Илия и Моисей частично наложены на славу Христа – они уже как бы сопричастны Спасителю в горнем мире, апостолы же сливаются с горой, их одежды по цвету близки колеру уступов, особенно у среднего – апостола Иоанна. Тем самым иконописец подчеркивает их принадлежность земному миру – им еще предстоит измениться силой Божественного Духа. Смысловая доминанта – духовное преобразование распространяется не только на пророков, но и на учеников.

Храмовой иконе «Преображение» из летней кижской церкви уделяется регулярное внимание в публикациях. Из последних интересна статья В. Г. Пуцко. Исследователь отмечает темный синий цвет на иконе и сопоставляет его с описанием текста Евангелия от Луки: «Петр же и бывшие с ним отягчены были сном» (9.32) – как с источником, которым иконописец мог пользоваться при написании иконы²⁴. Темно-синяя звездная мандорла на кижских иконах «Покров» и «Преображение» и на ряде икон из храмов ближайшей округи: «София Премудрость Божия» из деревень Леликозеро и Усть-Яндома, «Сошествие во ад» из с. Великая Губа – характерный показатель простонародного прочтения и воспроизведения сюжетов. Связь с письменностью в иконе «Преображение» не ограничена воспроизведением ночного звездного неба, здесь явственна символика синего и красного цветов. Красный цвет в славе – область пребывания Бога, знак Воскресения; синий – как изображение небес – цвет Премудрости Божией²⁵. Спаситель в белых одеждах изображен в красной (восьмиконечной) звезде, вписанной в синюю мандорлу,

²⁴ Пуцко В. Г. Храмовая икона Преображенской церкви Кижского погоста // Кижский вестник. Петрозаводск, 2009. Вып. 12. С. 193.

²⁵ Овчинников А. Символика христианского искусства. М., 1999. С. 130.

тем самым иконописец помимо явления Христа в божественной ипостаси провозвещает о Воскресении, Втором пришествии и единосущности Отца и Сына. Такая трактовка находит параллели в «Слове Ефрема Сирина на Преображение Бога и Спаса нашего Иисуса Христа». В нем сказано: «Он возвел их на гору и показал им славу Божества Своего прежде Воскресении, дабы тогда, как Он с тою же славою восстанет из мертвых, они узнали, что не в награду за труд Он получил славу, кабы не имея оной, но, что прежде веков принадлежала Ему слава со Отцем и у Отца, как и сам Он сказал о сем исходя на вольное: „И ныне прослави Мя Ты, Отче, у Тебе Самого, славою же имех у Тебе, прежде мир не бысть“»²⁶.

Важно отметить своеобразную любовь заонежских иконописцев середины – второй половины XVII в. к темному синему колеру, иногда почти черному, основу которого составляет индиго. Использовали индиго либо с добавлением черного пигмента, либо верхним слоем на нижний практически черный цвет. Этот характерный цвет присутствует на многих иконостасных иконах из храмов небольшой локальной территории Заонежья (Типиницы, Тамбицы, Леликозеро). Общность использованных пигментов, сочетание цветов, упрощенный рисунок объединяют эти иконы в круг икон «Заонежской мастерской». А датированные иконы (1647–1674 г.), созданные местными иконниками, позволяют говорить о непрерывной деятельности иконописных мастерских (иконописной мастерской?) в пределах Заонежья²⁷.

Значительной по объему работой «Заонежской мастерской» является иконостасный комплекс из **часовни во имя Архангела Михаила из д. Леликозеро**.

Леликозерские иконы – характерный пример провинциальных писем. Силуэты фигур, предстоящих на деисусных иконах, нескладны, непропорциональны, угловаты, в то же время отличаются убедительностью образов. Художник очерчивает фигуры силуэтом, одежды пишет цветовыми пятнами, разделку одежд обозначает несколькими линиями, складки мастер не прорабатывает, отмечает их линейно. Письмо ликом тоже просто по исполнению. Оно немногослойно, но за счет введения красной охры в состав санкиря и

²⁶ Цит. по: Овчинников А. Указ. соч. С. 130.

²⁷ И. М. Гурвич предполагает, что кижское «Преображение» относится к ранним произведениям «типиницкой мастерской» или к образцам, на основе которых созданы приемы письма мастерской (см.: Инв. карт. ДРЖ-391). В. Г. Платонов расширяет круг памятников, созданных в той же называемой им «заонежской» мастерской. Помимо двух кижских икон «Преображение» и «Покров», исследователь называет иконы из часовни Архангела Михаила д. Леликозеро, основную часть икон из д. Типиницы, а также две иконы из часовни Святого Николая Чудотворца д. Тамбицы – «Никола Можайский с житием», 1647 г., и «Параскева Пятница, с житием», 60-е гг. XVII в. (см.: Платонов В. Г. Иконопись Заонежья второй половины XVII в. ... С. 149; Он же. Икона и народное искусство... С. 387–390).

прозрачно положенных белильных высветлений иконописец добивается эффекта значимости предстояния святых, их молитвенной сосредоточенности. Лики святых в деисусном предстоянии изображены с крупными широко раскрытыми глазами. Крупные черные зрачки придают взглядам энергию, образам в целом – значительность (рис. 3). И в то же время, несмотря на простоту исполнения, во всех произведениях заметно, что иконописец не просто повторяет иконографию, но всегда стремится вложить в нее свои размышления и представления о каждом конкретном образе.

Яркий пример такого воплощения – икона «Богоматерь Одигитрия». Иконописец создает необычный образ Богородицы: крупная фигура Богородицы, утрированно расширенная в левой части, воспринимается как большой трон, на котором восседает Младенец. Монументальность и значимость образа создана, вероятно, под влиянием слов из Акафиста Богородицы: «Радуйся, яко еси царево седалище; радуйся, яко носиши носящего вся». Скульптурная пластика массивных пропорций, внушительность осанки, величавость Богородицы в пурпурном мафории увеличивают эффект образа Марии в предназначении трона для Спасителя мира. Своеобразие белильных высветлений на лице, в виде прозрачных расплывчатых пятен, резко обозначенные белки глаз с черными зрачками придают лику Богородицы суровость и некоторую отстраненность. Жест Ее руки словно переводит акцент на Младенца, указывая на Христа как на истинный путь спасения. «Золотые» ризы Младенца, выполненные тонированным листовым серебром, «золото» фона²⁸ создают сплошное сияние, еще более усиливая репрезентативность Богородицы и Ее предназначение.

**Рис. 3. Фрагмент иконы
«Преподобный Зосима Соловецкий».
Из часовни Архангела Михаила
д. Леликозеро. Кижи КП-108**

²⁸ Одежды Младенца и фон – листовое серебро, положенное на охристый полимент, подцветено лаком для имитации золота. Хитон и гиматий Христа прописаны лессировочно охрой красной и ярью-медянкой.

Столь же интересно исполнена икона «София Премудрость Божия». Мастер использует новгородскую иконографию с характерной симметричной композицией и определенным соотношением цветов. Простыми живописными средствами ему удается воплотить тему торжества Божественного Логоса. Красный колер, оттеняемый темно-синим, доминирует над всеми остальными цветами, создает повышенную выразительность и символическую значимость образа. Красный цвет в софийных образах имеет многозначную символику. На данной иконе художник располагает его необычно в форме четырехконечного креста, тем самым выявляя знак искупительной жертвы и воскресения.

В противоположность лаконичной композиции софийной иконы образ архистратига Михаила повествователен. В среднике, над черной бездной, парит на белом коне огненный архангел со всеми атрибутами, присущими иконографии. По периметру центрального изображения расположены 16 клейм, в которых представлены деяния архангела Михаила, сопровождаемые обильными выдержками из литературных источников.

Обилие текстов – явление, характерное для местной иконописи последней трети XVII – первой четверти XVIII в. Например, на нижней половине двучастной иконы «Избранные святые и Медост патриарх Иерусалимский», конца XVII в., из **часовни во имя верховных апостолов Петра и Павла** в д. Насоновщина на Волкострове, представлено чудо об исцелении скота патриархом Медостом. Верхняя часть фона заполнена подробным текстом, с указанием дня, месяца и года свершившегося события²⁹. Икона «Избранные святые и Медост патриарх Иерусалимский» относится к так называемым «северным письмам». Живопись характерна для начитанного человека, получившего определенные навыки художественного мастерства. Вероятно, этот же мастер исполнил и другую икону «Богородица с праздниками» для Петропавловской волкостровской часовни. Лик Богородицы на иконе написан плоскостно, несколько неумело, робко, но именно эта трепетная робость при создании лика Пречистой трогает и покоряет. Центральное изображение обрамляют двенадцать праздничных клейм. В живописи клейм преобладают красный, зеленый, желтый цвета, они красиво оттеняются серебром, в большом количестве упот-

²⁹ «Иконы-повести», сюжеты которых строятся на литературных источниках, – явление, характерное для северного региона со второй половины XVII столетия. В частности, в Заонежье, помимо публикуемой иконы, известны еще две: «Двоесловие живота со смертью» (60-е гг.) из Великой Губы и «Двоесловие живота со смертью и притча о Святом Мартирии» (рубеж XVII–XVIII вв.) из Усть-Яндымы (см.: Платонов В. Г. Иконопись Заонежья второй половины XVII в. ... С. 156).

ребленном иконописцем при написании фона средника, одежд, нимбов, утвари, архитектурных деталей. Икона увлекает миниатюрностью письма клейм, тонким рисунком деталей, складывается впечатление, что этому мастеру приходилось работать с миниатюрой. Рассматривая эти две волкостровские иконы, можно предположить, что их писал либо начинающий иконописец, либо миниатюрист.

Иное впечатление оставляет храмовый образ «Петр и Павел с житием». Композиционно и живописно икона выгодно отличается от них. Здесь, как и на других иконах этого периода, активно используется серебро. Фон в среднике и фоны в клеймах, нимбы, поля покрыты листовым серебром. Общее композиционное построение, фигуры апостолов, их расположение и предстояние образу «Богоматерь Знамение», обрамление клейм – все перекликается с иконой из церкви во имя верховных апостолов Петра и Павла д. Лычный остров, которая датируется XVII в. Для средника иконописцы использовали общий прототип (что объяснимо – оба эти поселения Волкостров и Лычный остров в XVII столетии входили в состав Спасо-Кижского погоста). Различия заключаются в манере исполнения. На лычноостровской иконе фигуры апостолов в среднике удлиненные, письмо относительно «сухое», на волкостровской – фигуры пропорциональны человеческому телу, исполнены живописно. На первой иконе апостолы обращают свой взор к Богородице, изображенной за чашеподобным сегментом неба, на другой – к Богоматери, вписанной в правильный полукруг. Кроме того, иконы отличаются по составу клейм, несмотря на их одинаковое количество. Например, лычноостровские клейма открывают сюжет «Сошествие Святого Духа на апостолов», а на волкостровской – избрание Христом первых учеников: Петра, Андрея, Иоанна. Сравнение этих икон убеждает в том, что иконники использовали одни и те же иконописные подлинники и прориси, которые берегли и передавали из поколения в поколение³⁰. Но в то же время иконописцы в зависимости от поставленной задачи вносили свои корректировки, сохраняя при этом основу композиции.

Волкостровские иконы писали мастера из популярной в конце XVII – начале XVIII в. в Заонежье иконописной мастерской, в составе которой было, вероятно, не менее трех иконников. Несмотря на разный уровень исполнения, их объединяет общность технических приемов и используемых пигментов. К работам начинающего мастера среди волкостровских

³⁰ Экспедиция 1924 г. обнаружила в селе Сенная Губа, входившем длительное время в состав Спасо-Кижского прихода (в XVIII в. стало центром Сенногубского прихода), иконописный подлинник. В этой местности в д. Обельщина в середине XIX в. жил иконостасный мастер Дмитрий Грешников.

икон можно отнести образ «Богоматерь Тихвинская с праздниками» (рис. 4). Опытному мастеру принадлежат «Спас в силах», «Сошествие во ад», «Петр и Павел с житием», «Чудо Георгия о змие с житием».

Рис. 4. Фрагмент иконы «Богоматерь Тихвинская» с клеймами «Двенадцатые праздники». Из Петропавловской часовни д. Насоновщина на Волкострове. Кижы КП-110/4

Кисти этого иконописца принадлежат также алтарные врата: «Даниил во рву львином» и «Лоно Авраамово», икона «Богоматерь Грузинская» из церкви Преображения Господня о. Кизи и икона «Сошествие во ад» из Успенской часовни д. Васильево³¹. Принадлежность икон к часовням, расположенным в деревнях, ближайших к центру прихода (Волкостров – 4 км от острова Кизи, Васильево – на острове), и церкви на самом погосте предполагает одновременное или близкое по времени создание их для храмов Спасо-Кижского прихода. Помимо перечисленных иконостасных икон к продукции этой заонежской мастерской близки иконы «неба» из часовни в честь иконы «Спас Нерукотворный» из д. Вигово. Иконы этой группы выделяются по ряду признаков: своеобразному написанию фонов и одежд прозрачными неровно положенными мазками, светло-охристым горкам с тонким белильным высветлением лещадок, которыми робко строится их форма, а также по характерному типажу ликов. Лицо создается прозрачными лессировочными слоями, с включением охры красного оттенка, черным рисунком элементов лица со своеобразным замкнутым рисунком глаз (рис. 5).

Рис. 5. Фрагмент иконы «Ангел». Из неизвестной заонежской часовни. Кизи КП-3929

К этой же мастерской примыкает большое количество икон «неба» из заонежских храмов. Изучение икон «неба» из виговской, васильевской и заонежской часовен позволило объединить их в одну группу икон, исполненных в мастерской, которая по преобладанию в ней потолочных икон была названа «Мастер „небес“»³². При этом наибольшим разнообразием отличаются васильевские иконы «неба». Васильевское «небо» необычайно интересно включением сюжета «Благовещение», которое органично вкомпоновано в схему служения ангелов. Богоматерь васильевского «неба» и Богоматерь из «Благовещения» в

³¹ Фролова Г. И. Внутреннее убранство часовен... С. 123–125, 130.

³² Фролова Г. И. «Небеса» Заонежья... С. 66, 74.

навершии царских врат из кижской церкви Покрова Богородицы, несмотря на их разницу в размерах, исполнены по одному образцу настолько одинаково, что напрашивается вывод о написании их одним мастером. Живопись на створках царских врат, в свою очередь, стилистически очень близка живописи на медальоне «Троица Новозаветная» из часовни в честь иконы «Спас Нерукотворный» д. Вигово. Иконописцы мастерской «Мастер „небес“» плодотворно работали на рубеже XVII–XVIII столетий в Кижской округе. Их произведения в виде потолочной живописи сохранились в часовнях заонежских деревень Вигово, Васильево, неизвестной заонежской часовне, в качестве иконостасных икон в д. Насоновщина на Волкострове и на о. Кижы.

На протяжении XVII столетия в Заонежье заметный след оставили три местные иконописные мастерские: «Мастерская братьев Пантелеевых», «Заонежская мастерская», «Мастер „небес“», их произведения широко представлены в коллекции музея «Кижы».

В музейном собрании иконопись XVII в. не ограничена только местными мастерскими. Стилистика икон, созданных в конце XVII – первой четверти XVIII в., свидетельствует о работе иконописцев, в творчестве которых заметны стилистические черты, характерные для разных российских регионов. В иконах праздничного ряда иконостаса **из кижской церкви Покрова Богородицы** в буквальном смысле поражает причудливое разнообразие архитектурных форм и горок, составленных из разноцветных высоких уступов, громоздящихся по всему пространству ковчега, свободному от фигур. Жизнерадостный праздничный колорит на покровских иконах составлен из нежно-голубых, светло-зеленых, розово-белых цветов, соседствующих с плотными золотыми фонами, – сочетаний, не встречающихся в местной иконописи. «Лиричное» многоцветие причудливых разноцветных горок и палат характеризует своеобразное незаурядное мастерство иконописцев, их создавших. Высокие разноцветные уступы, формирующие горки, характерны для живописи волжского региона. Праздничные иконы из зимней кижской церкви значительно разнятся в композиционном построении сюжетов. Так, например, «Благовещение» представлено крупными фигурами архангела Гавриила и Богородицы, которые вызывают ассоциации с ранними иконографиями сюжета, в то время как монументальные здания с волютными обрамлениями и паркетными полами соответствуют позднему XVII столетию. На иконе «Введение во храм» фигуры расположены в нижней части композиции, в ней доминирует разнообразная архитектура. На иконе «Рождество Богородицы» композиция построена таким образом, что событие разворачивается в нескольких планах, и центральная часть предстает как домашнее торжество. Между ложем Анны и Иоакимом расположен стол, сервиро-

ванный на две персоны, при этом ножи и ложки расположены перед родителями, а стопки – с правой стороны. Подобное изображение праздника видим и на иконе из другой кижской церкви Спаса Преображения, там три женские фигуры – молодые служанки – еще более усиливают домашнюю обстановку (рис. 6). На примере икон из кижских церквей можно наблюдать изменение представления об условности в иконе. Если ранее на иконе правдоподобность мыслилась, то теперь ее сменила видимая правдоподобность.

На заонежскую иконопись в XVII–XVIII вв. оказывает влияние процесс обмирщения церковной культуры, ярко проявившийся в церковной живописи и архитектуре московской ориентации. Он сказывается в усложнении иконографии, перенасыщенности ее деталями, распространении притчевого, нравоучительного начала, усилении интереса к земному, реальному миру. Композиции икон содержат подробные иллюстрации событий, вводят бытовые элементы или подробные тексты, сопровождающие сюжет.

Ближе к последней трети XVII столетия происходит смена цветных фонов (а также нимбов, орнаментов, утвари) на серебряные, тонированные под золото. Наиболее значимые иконостасные иконы, такие как «Спас в силах» из волкоостровской часовни, пишутся на золотых фонах. В конце XVII в. в местной иконописи серебро уступает место золоту. Иконы в зимнюю кижскую церковь Покрова Богородицы, а затем в начале XVIII в. и в летнюю кижскую церковь Преображения Господня написаны на золотых фонах с использованием золота-двойника.

XVII век завершился продуманностью общего оформления заонежского храма, ориентацией на согласование с храмовыми службами. Иконы становятся частью иконостасной программы. Особенно ярко это проявилось в церквях и часовнях относительно древних погостов, таких, например, как Спасо-Кижский погост.

*Рис. 6. Фрагмент иконы
«Рождество Богородицы».
Из Преображенской церкви о. Кижь.
Кижь КП-106/18*

Значительные изменения во внутреннем убранстве церквей и часовен были обусловлены, помимо формирования поярусных иконостасов, введением живописных композиций на потолках. Ближе к концу XVII столетия в холодных храмах Заонежья широкое распространение получили расписные потолки – «небеса»³³. По выражению Л. Петтерссона, «церковное и часовенное „небо“ было своего рода мерой их солидности и богатства»³⁴. На острове Кижь «небеса» дополняли четырехрядный иконостас в летней церкви Преображения Господня и трехъярусный иконостас в часовне Успения Богородицы д. Васильево. На территории Спасо-Кижского погоста «небеса» были в часовнях в честь иконы «Богоматерь Знамение» д. Корба, во имя апостолов Петра и Павла на Волкострове, в честь преподобного Макария Желтоводского в д. Косельга, в приписной церкви в честь праздника Введения во храм Богородицы д. Сивово. Строились такие потолки по единому принципу: вокруг центральной круглой иконы, вставленной в замковое кольцо, размещали иконы трапециевидной формы – грани, которые в свою очередь укладывались в тябла, отходящие от замкового кольца. Тябла упирались в стены. Такая потолочная конструкция уподоблялась куполу каменного храма не только по форме, но и по содержанию. Иконографическая схема каменного купола была творчески переработана местными талантами, были явлены абсолютно новые композиции. Основой для иллюстрирования послужили тексты пророков Даниила, Исая, Иезекииля, Иова, Иеремии, апостолов Павла, Петра, евангелистов Матфея, Иоанна, литургии Иоанна Златоуста и Василия Великого. Возросший интерес к символике литургических текстов, а также характерное для народного восприятия буквальное понимание и воспроизведение богослужебных текстов нашло свое воплощение в своеобразной потолочной иконописи. Идея, заложенная в содержание потолочных икон, объединяла в единое целое храмовую иконописную программу. В основе иконографии заонежских «небес» – тема сослужения Творцу чинов Небесной иерархии и святых, то есть единение Небесной и земной Церкви в службах, происходящих одновременно на земле и на небе. Иконография собрания потолочной иконописи музея включает различных небесных предстоятелей, сослужащих Вседержителю: херувимов, серафимов, ангелов, архангелов, праотцев, пророков.

Большая и наиболее значимая часть коллекции «небес» атрибутирована на рубеже XVII–XVIII вв.³⁵ Это иконы из часовен в честь иконы «Спаса Нерукотворного» д. Вигово, Успения Богородицы д. Васильево, неуста-

³³ В Заонежье удалось выявить 34 храма с «небесной» иконографией.

³⁴ Петтерссон Л., Хяркёнен П. Кижская Преображенская церковь. Величественный памятник церковного искусства Олонецкого края / Перевод Т. Ю. Дудиновой // Кижский вестник. Петрозаводск, 2015. Вып. 15. С. 20.

³⁵ Фролова Г. И. «Небеса» Заонежья...

новленной заонежской часовни. Наиболее ранние иконы «неба» в собрании музея датируются последней третью XVII в. Они сохранились в часовне во имя Архангела Михаила из д. Леликозеро. «Небеса» исполнены мастером, написавшим иконостасные иконы. Они также ограничены скромным набором пигментов. На двенадцати гранях предстоят Вседержителю прародители от Адама с Евой до Иосифа Прекрасного. Наиболее известными представителями потолочной живописи являются иконы из часовни **Успения Богоматери д. Васильево** на о. Кижь. Их отличает деликатная колористическая гамма, в основе которой серо-зеленый цвет фона, на котором виртуозно, с отменным вкусом, изображены ангелы в хитонах, далматиках, стихарях, рубахах с кольчугами. В руках ангелы, помимо традиционных трезубцев, держат разнообразные атрибуты служения: зеркала, сосуды, рипиды, мечи, сабли. Помимо ангелов роспись включает сюжет «Благовещение». Ангелы лычноостровского «неба» во многом сходны с васильевскими. Но в отличие от экспрессивных образов некоторых ангелов васильевского «неба» здесь величавые, спокойные, статуарные фигуры, как бы сосредоточенные на важности действия, – это ангелы, сослужащие с Творцом литургию (рис. 7). Утонченной живописью отличаются иконы «неба» **церкви во имя Николая Чудотворца из д. Вегорукса**, второй половины XVIII в. Мастерство живописца проявилось здесь и в отменной компоновке фигур, и в способности передать тонкие нюансы в моделировке ликов, и в изысканной орнаментации одежд (рис. 8). На большинстве икон «неба» в собрании музея фоны близки по колориту: голубой и зеленый (в разбеле) с синей подкладкой, а на вегорукских иконах фон интенсивно синего цвета, на котором фигуры ангелов проявляются более значимо. Синий цвет контрастирует с белым фоном рая на медальоне с Троицей Новозаветной

Рис. 7. Фрагмент иконы «Ангель». Из Петропавловской церкви д. Лычный остров. Кижь КП-1648

изысканной орнаментации одежд (рис. 8). На большинстве икон «неба» в собрании музея фоны близки по колориту: голубой и зеленый (в разбеле) с синей подкладкой, а на вегорукских иконах фон интенсивно синего цвета, на котором фигуры ангелов проявляются более значимо. Синий цвет контрастирует с белым фоном рая на медальоне с Троицей Новозаветной

и оранжево-охряным земным колером на фонах парусов с изображением евангелистов. Одновременно отметим, что XIX столетие представлено в коллекции «небом» из часовни во имя Великомученицы Варвары из

Рис. 8. Фрагмент иконы «Ангел». Из Никольской церкви д. Вегорукса. Кижы КП-401/18

восседающей на херувимах и серафимах. Масштабные размеры потолочной конструкции определили на гранях поярусную композицию. В верхней части граней в соответствии с «небесной» иконографией был ореол из «херувимов и серафимов шестокрилатиих, многоочитых возвышающихся пернатиих». Под ними – ангельский чин, ниже парные изображения тридцати двух святых, основу которых составляли праотцы. Соподчиненность «небесных» и иконостасных представителей (деисусных предстоящих, пророков, праотцев, ангелов, херувимов и серафимов) общей композиционной идее – «Собор всей твари как грядущий мир вселенной, объемлющий и ангелов, и человек, и всякое дыхание земное» – была отчетливо выражена в живописном убранстве Преображенской церкви.

д. Часовенской с изображением на гранях пророков. Это единственная (сохранившаяся?) потолочная роспись, на которой Творцу предстоят пророки. Возможно, это своеобразная запоздалая реплика на образцы изображений пророков в куполах каменных храмов.

Интерьер летней кижской церкви Преображения Господня также был дополнен потолочными иконами. Выявленные недавно в архивах Финляндии сотрудником музея «Кижы» Т. Дудиновой фотографии икон «неба» из кижской Преображенской церкви пролили свет на единовременность создания иконостасных икон и икон «неба» в первой четверти XVIII в. Потолочная живопись включала шестнадцать граней, располагавшихся вокруг центрального медальона с изображением Новозаветной Троицы,

Иконы для иконостасов в Покровскую и Преображенскую церкви написаны мастерами, принадлежавшими одной мастерской, включавшей несколько иконников, возможно, сменявших друг друга на протяжении их совместной работы. Иконописцы использовали прориси. Об этом свидетельствуют графья на ряде икон и идентичность написания некоторых святых в деисусных рядах преображенского и покровского иконостасов. Явно общие образцы использованы при написании образов апостола Павла и Богородицы. В иконах с изображением евангелиста Иоанна Богослова и в иконах «Спас в силах» совпадает буквально все: общая композиция, размеры и моделировка фигур, цветовое решение, форма и отделка тронов, расположение херувимов, серафимов, престолов и т. д. К сожалению, на многих покровских иконах нарушен первоначальный живописный слой. Охрение в личном письме на ряде икон (особенно на лице Спаса) плохой сохранности, частично в поновительском варианте. Лик Спасителя на иконе «Спас в силах» из Покровской церкви сохранился фрагментарно, но, несмотря на нарушение первоначальной живописи, на правом глазе видны остатки ресничек, которые выписаны на глазах лиц святых на деисусных и пророческих иконах преображенского иконостаса, то есть даже в таких мелочах совпадает строение ликов. Различие заключается в размерах иконных щитов. В покровских иконах фигуры вплотную вкомпонованы в пространство ковчега, в то время как в преображенских композиция не производит впечатления зажатости, вследствие больших размеров основы. Так, фигуры святых в покровских деисусных иконах упираются в верхнюю и нижнюю лузгу, а нимбы выходят на верхнее поле, в преображенских иконах фигурам, напротив, «просторно» в ковчеге.

Характерной чертой кижских иконостасных икон является обилие золота и разнообразие техник золочения, сочетание золотых и серебряных поверхностей, оттененных штриховым рисунком, использование цветных лаков. Необычайно тонко в этом плане написан розоволикий ангел на иконе «Жены мироносицы» из Преображенской церкви. Его золото-серебряные одежды в тенях прописаны зеленым цветом различной интенсивности и оформлены черным штриховым рисунком. Красные сапожки и подпапоротки крыльев перекликаются с розово-красными кистями рук и ликом ангела (рис. 9). Изящности ангела вторит белый город Иерусалим в верхней части иконы, который напоминает средневековый замок. В то же время ангел изображен сидящим на большом круглом камне, за ним крупный с двускатной крышкой гроб, форма которого традиционна для русских захоронений.

Живописные произведения этих мастеров отличаются от местных писем. В них, выдержанных в целом в традиционных иконописных рамках, видны навыки артельной работы и влияние иконописцев Оружейной па-

Рис. 9. Фрагмент иконы «Жены мироносицы». Из Преображенской церкви о. Кижи. Кижи КП-106/36

латы – своеобразной «академии художеств» XVII столетия. Иконы написаны опытной артелью, мастера которой умели применить на практике знания разных художественных школ, «сплавить» традиционное древнерусское письмо с новомодными живописными приемами. Эти влияния явно выражены в праздничных композициях из иконостаса Преображенской церкви, в них наблюдаются попытки пространственного решения, вводятся архитектурные элементы, характерные для своего времени.

Своеобразная иконная архитектура сменилась на монументальную «римскую» с элементами барокко и изящную «готическую», при этом разительно отличающаяся друг от друга. В иконах с «тяжеловесными» строениями явно видно стремление иконописцев показать сцены в интерьере. События разворачиваются не на фоне архитектуры, а в интерьерах с решетчатыми окнами, паркетными полами, приоткрытыми вглубь дверями, с узорными завесами на кольцах, но при этом сохраняется древний вариант – плоскостная основа здания. Детали интерьера и предметы даются в прямой и обратной перспективе. В этой группе икон в архитектуре прослеживаются элементы петровского времени, например, архитектурные детали на иконе «Рождество Богоматери». В другой группе с «готическими» шпилями, завершающимися не крестами, а остроконечными флажками, отражено знакомство мастера с архитектурой Израиля, в частности, г. Иерусалима. Так, на иконе «Вход в Иерусалим» в верхней правой части за стенами города изображена храмовая скала в Иерусалиме. Здание, расположенное в правой части среди архитектурных строений, напоминает своими формами мечеть Аль-Акса, построенную в конце VIII в. на месте храма Соломона, то есть на иконе представлена та часть Иерусалима, которая считается священной как у христиан, так и у мусульман. Столь разные архитектурные стили, представлен-

латы – своеобразной «академии художеств» XVII столетия. Иконы написаны опытной артелью, мастера которой умели применить на практике знания разных художественных школ, «сплавить» традиционное древнерусское письмо с новомодными живописными приемами. Эти влияния явно выражены в праздничных композициях из иконостаса Преображенской церкви, в них наблюдаются попытки пространственного решения, вводятся архитектурные элементы, характерные для своего времени.

Своеобразная иконная архитектура сменилась на монументальную «римскую» с элементами барокко и изящную «готическую», при этом разительно отличающаяся друг от друга. В иконах с «тяжеловесными» строениями явно видно стремление иконописцев показать сцены в интерьере. События разворачиваются не на фоне архитектуры, а в интерьерах с решетчатыми окнами, паркетными полами, приоткрытыми вглубь дверями, с узорными завесами на кольцах, но при этом сохраняется древний вариант – плоскостная основа здания. Детали интерьера и предметы даются в прямой и обратной перспективе. В этой группе икон в архитектуре прослеживаются элементы петровского времени, например, архитектурные детали на иконе «Рождество Богоматери». В другой группе с «готическими» шпилями, завершающимися не крестами, а остроконечными флажками, отражено знакомство мастера с архитектурой Израиля, в частности, г. Иерусалима. Так, на иконе «Вход в Иерусалим» в верхней правой части за стенами города изображена храмовая скала в Иерусалиме. Здание, расположенное в правой части среди архитектурных строений, напоминает своими формами мечеть Аль-Акса, построенную в конце VIII в. на месте храма Соломона, то есть на иконе представлена та часть Иерусалима, которая считается священной как у христиан, так и у мусульман. Столь разные архитектурные стили, представлен-

ные на праздничных иконах, не характерны для одновременно созданных иконостасных комплексов. Такое сочетание может означать наличие в артели двух иконописцев, один из которых писал интерьерный вариант, а другой работал с пейзажной архитектурой. По всей вероятности, они обучались у разных мастеров. Известно, что в иконописной мастерской Оружейной палаты работали иностранные мастера: голландцы, поляки, греки.

Весьма необычно трактуются горки – вместо традиционных уступов с лещадками – холмистые поверхности, имеющие тенденцию «вздymаться» вверх, сплошь покрытые мелкими кустиками-травками. На примере изображения архитектурных строений и живописных горок явно виден принцип организации пространства путем механического повторения сформулированных мотивов. Многократно повторяемая «реальность» архитектурных деталей и пейзажей в значительной мере определена множеством иконостасных икон и попыткой иконописцев «идти в ногу со временем» эпохи «живоподобия». Эта тенденция прослеживается не только в праздничных композициях, но и в деисусных и пророческих иконах, вплоть до «евреизации» ликов святых. В преображенских иконах явно прослеживается сложность исторической ситуации, когда активно внедрялась западная культура и в то же время отстаивались традиционные устои старообрядческим движением в Заонежье. В этих иконах, особенно в праздничных композициях, заметна старообрядческая ориентация иконописца, писавшего фигуры. На иконах, где есть благословляющий жест, он всегда изображен как двуперстие («Спас в силах», «Сретение», «Христос и самаритянка», «Воскрешение Лазаря», «Исцеление расслабленного», «Вход в Иерусалим», «Моление о чаше», «Ветхозаветная Троица») (рис. 10).

**Рис. 10. Фрагмент иконы
«Воскрешение Лазаря»
Из Преображенской церкви о. Кижи.
Кижи КП-106/23**

В этих иконах, особенно в праздничных композициях, заметна старообрядческая ориентация иконописца, писавшего фигуры. На иконах, где есть благословляющий жест, он всегда изображен как двуперстие («Спас в силах», «Сретение», «Христос и самаритянка», «Воскрешение Лазаря», «Исцеление расслабленного», «Вход в Иерусалим», «Моление о чаше», «Ветхозаветная Троица») (рис. 10).

В деисусных и пророческих иконах новые веяния наиболее заметны в письме ликов святых. Лики пишутся по темному санкирю («загорелыми» под жарким иудейским солнцем); тракуются объемно, с мясистыми губами, крупными глазами с розовыми веками, со слезниками, натуралистическим изображением белков глаз, с выписыванием ресниц. Наметившиеся черты переходной эпохи в ликах васьевских ангелов наиболее определенно сказались в изображении ликов на иконостасных иконах из кижской Преображенской церкви. Игра светотени на ликах отдельных васьевских икон «неба» становится нормой на иконах из деисусного и пророческого ярусов преображенского иконостаса. Светотенью написаны великолепные лики евангелиста Луки, Богоматери, молодых пророков. Поверх исполненного плавью белильного света нанесены тонкие линейные движки. Лики младовеков в результате применения новомодного художественного приема выглядят «сладко-приторными». Лики старовеков на пророческих иконах, напротив, измождены резко обозначенными морщинами. На деисусных иконах заметно, что лики писали два мастера. Одному принадлежит письмо ликов, построенное на контрастах света и тени, отточенное до схематизма, с натуралистической трактовкой элементов (например, апостол Павел, патриарх Иерусалимский Медост). Другой иконописец придерживался более мягкой манеры исполнения, с послойным охрением, подрумяной и традиционной для иконописи формой глаз (например, Иоанн Златост, апостол Варфоломей). В то же время фигуры исполнены традиционно, одежды носят иконный характер, объем строится послойно с высветлением и пробелами. Фигуры святых на деисусных иконах по сравнению с пророческими написаны более пластично и живописно и столь же разнообразно в цветовом отношении. Моделировка пророческих фигур также строится послойно, но слои и складки нанесены более объемно, широкими мазками, здесь явно преобладает техническое мастерство.

Несмотря на большой состав предстоящих в деисусном чине, среди них нет общепочитаемых христианских святых – мучеников, таких как Флор и Лавр, Георгий Победоносец, Димитрий воин – святых, популярных в Обонежье. В составе предстоящих этого ряда архиепископ Власий Севастийский и патриарх Медост Иерусалимский. Их изображения отражают особую любовь к ним жителей кижского прихода. Иконы с изображением святых Власия и Медоста имелись в нескольких кижских храмах. Специфической особенностью первоначального состава деисусного ряда является предстояние Спасителю шести преподобных: Зосимы и Савватия Соловецких, Антония Римлянина, Варлаама Хутынского, Симеона Столпника и Александра Невского (изображен в схиме). Включение соловецких преподобных говорит об особом почитании их в заонежских пределах; изображения Антония Римлянина, Варлаама Хутынского, Александра Невского, Симеона Столпника –

святых, популярных в Новгороде, – предполагает новгородскую ориентацию иконописцев или заказчиков. Предпочтение преподобных в составе действующего предстояния наводит на мысль о связи иконописной мастерской с монастырями. Это наблюдение находит подтверждение в иконах (141 ед.) из церкви Иоанна Богослова г. Белозерска, исполненных местными иконописцами. В действующем чине этого иконостаса иконы «Евангелист Лука», «Иаков брат божий» (конца XVII в.)³⁶ исполнены тем же мастером, что и аналогичные иконы из преображенского иконостаса кижской церкви Спаса Преображения. Сложно сказать в целом о мастерской, но очевидно, что, как минимум, один из иконописцев мастерской участвовал в создании белозерских и кижских икон.

В середине – третьей четверти XVIII столетия более сотни иконостасных икон были оформлены в резную золоченую раму. Иконостас распространился на половину стен кафоликона Преображенской церкви, впечатляя своими размерами, богатством и красотой золоченой резьбы, обрамляющей иконы, также изобилующие блеском золота.

В середине XVIII столетия (1747–1759 гг.) в кижской округе плодотворно работала иконописная мастерская, за которой утвердилось наименование «Кондопожский мастер»³⁷. Иконописцы этой мастерской написали много икон для кижских храмов. В этой мастерской написаны несколько икон для местного ряда в иконостас Преображенской церкви, две иконы для кижской Покровской церкви – «Едиnorodный Сыне» и «Богоматерь всех скорбящих радость». В ней же созданы иконы «Чудо о Флоре и Лавре» из д. Сибово (рис. 11), иконы «Страшный суд» из Тамбиз и Волкострова. Самые крупные работы мастерской были выполнены для часовен, приписанных к Спасо-Кижскому приходу: кургеницкой, волкостровской, корбинской и расположенной вблизи усть-яндомской. Из других областей Заонежья и Карелии, кроме кондопожского и усть-яндомского комплексов, до нас дошли лишь отдельные иконы. Л. Петтерссону в свое время удалось увидеть комплекс икон в часовне д. Пегрема и среди них подписную храмовую икону, исполненную Ерофеем Космозерским. Пегрема расположена на полуострове Лижнаволок и входила в состав Космозерского прихода. Л. Петтерссон стиль икон соотнес с творчеством мастерской «Кондопожский мастер» и предположил, что

³⁶ Возможность познакомиться с реставрационными паспортами на эти иконы предоставлена реставратором Вологодского филиала ВХНРЦ О. А. Соколовой.

³⁷ Иконописная мастерская названа финским исследователем Ларсом Петтерссоном в 1943–1944 гг. «Кондопожский мастер» по месту обнаружения первых икон в Успенской церкви г. Кондопоги. Со временем выяснилось, что написанных в этом стиле икон много и они сохранились в разных храмах в большом количестве. Вероятно, мастер работал с помощником, поэтому мастерскую, в которой написаны иконы, сегодня принято называть мастерская «Кондопожского мастера» (см.: Платонов В. Г. Иконостас Успенской церкви в Кондопоге... С. 55–62; Фролова Г. И. Обзор литературы и рукописных материалов... С. 56).

иконописцем («кондопожским мастером») мог быть Ерофей Космозерский³⁸. В иконах, исполненных в этой мастерской, заметно влияние творчества иконописцев, создавших иконостасный комплекс в кижской Преображенской церкви. Иконостасные иконы из Преображенской церкви, став эталоном,

Рис. 11. Фрагмент иконы «Чудо о Флоре и Лавре». Из Введенской церкви д. Сивово. Кизи КИ-107/16

туозность композиционного построения. Так, на кижской иконе «Зосима и Савватий Соловецкие с житием» интересно и своеобразно решение клейм: события, происходившие с преподобными при основании обители, мастер заключает в пространство острова, омываемого бурными волнами Белого моря. В клеймах иконописец изображает легендарные события из суровой жизни северных иноков: как в небольшой «лодейке» под парусом они переплывают море, как мотыгами обрабатывают землю, как рубят лес и строят кельи. В палитре доминируют два цвета: синий и золотой, особое очарование живописи придает красивое сочетание синевы морских вод и разных оттенков теплой

определили облик кижской иконописи на протяжении XVIII столетия. В иконах местного ряда иконостаса Преображенской церкви «Собор Богоматери», «Успение», рамах к иконам «Покров» и «Спас Нерукотворный», «Успение», раме «Деяния Ветхозаветной Троицы» просматриваются черты сходства с типажам пророков и деисусных святых. Те же морщинистые лики с глубокими v-образными складками на переносице, но это подражание чисто внешнее, в них нет того отточенного движения кисти, того уровня мастерства, которое было присуще их предшественникам.

Иконы, написанные в мастерской «Кондопожского мастера», легко вычлняются, благодаря яркой индивидуальности письма, непосредственным живым характером рассказа, воплощаемого в красках. Для иконников этой мастерской характерна свобода и вир-

³⁸ Платонов В. Г. Иконостас Успенской церкви в Кондопоге... С. 59.

охры островной земли. Присущая для иконописцев мастерской «Кондопожского мастера» повествовательность в наибольшей степени проявилась при написании иконы «Огненное восхождение пророка Ильи с житием». Здесь даже в среднике помимо основного события, представленного в ярко-красных языках пламени, иконописец изобразил еще три эпизода из жизни пророка. Великолепен возок, на котором Илья живым возносится на небо, – он напоминает выездные расписные заонежские возки. В основе живописного решения иконы серебряный цвет, поддерживаемый золотым фоном, контрастирующим с красной киноварью (рис. 12).

Между иконами, вышедшими из этой мастерской, есть некоторые различия, которые можно характеризовать либо как исполнение икон в разные годы, либо как произведения нескольких мастеров, писавших иконы под началом главного мастера. Среди них есть датированные, что позволяет достаточно четко определить время работы этой мастерской. Наиболее ранняя дата – 1748 г. В этом году написаны иконы для часовни в честь Положения пояса Пресвятой Богородицы в д. Кургеницы Спасо-Кижского погоста. 1774 г. – дата строительства церкви Успения Богоматери в Кондопоге и 1776 г. – дата написания храмовой иконы в пегремскую часовню. Вместе они выявляют значительный промежуток времени – 28 лет, в течение которого было востребовано мастерство иконописцев³⁹.

Иконы этой мастерской характеризуются как живопись лаконичная, с элементами скорописи, очень уверенная в себе и жизнерадостная по ощущению. Везде присутствует жизнеутверждающее начало, даже в такой, казалось бы, суровой по содержанию иконе, как «Страшный суд», своего рода энциклопедии эсхатологии. В коллекции три иконы «Страшного суда», написанные в мастерской «Кондопожский мастер» для часовен во имя апостолов Петра и Павла на Волкострове, Святителя Николы Угодника в д. Тамбицы, в честь иконы «Богоматерь Знамение» в д. Корба. При их написании использован один и тот же образец. У этой группы единое композиционное построение, сюжетный состав, повторяемый даже во второстепенных деталях, однозначное цветовое решение. Верхняя половина сцен в них представлена на фоне голубого небесного пространства, нижняя часть – на холмистой охристой и зеленой земной поверхности. Композиционно горизонтальные членения (три крупных регистра) обрамляются двумя вертикалями: справа – огненной рекой, с падающими в ад темными силами, слева – белым цветом рая, с взлетающими в Горний Иерусалим преподобными.

³⁹ Иконы, исполненные в этой мастерской, помимо музея «Кижь» хранятся в различных музеях. Например: в Государственном Русском музее (Санкт-Петербург) – иконы из кижской приписной церкви Введения во храм Богородицы д. Сибово; в МИИРК – иконы из часовни в честь Положения пояса Пресвятой Богородицы д. Кургеницы; музеях Финляндии – иконы из часовни в честь иконы «Знамение Богородицы» д. Корба.

а

б

Рис. 12. Икона «Огненное восхождение пророка Ильи с житием» (а) и ее фрагмент (б). Из Преображенской церкви о. Кизи. Кизи КП-106/4

Написанные в скорописной манере, иконы «Страшного суда» из Тамбиц и Волкострова – исключительно сильные произведения иконописца. Он сумел представить целостную систему взаимосвязанных сюжетов, красочно расцвеченных на синем фоне неба, сумел отразить весь трепет ожидания страшного события и его грандиозность.

В конце XIX в. эта же композиция была использована Михеем Абрамовым, космозерским иконописцем, при создании иконы «Страшный суд» в часовню в честь Архангела Михаила д. Леликозеро. Михей Абрамов старательно, в «сухой» графической манере повторил содержание, запечатленное иконописцем XVIII столетия. Икона меньшего формата, в ней нет той «легкости» подачи материала, присущей иконописцам мастерской «Кондопожский мастер».

Всего в собрании музея семь икон «Страшного суда». Наиболее ранняя происходит из часовни во имя Святителя Николая Чудотворца д. Мелой Губа. Исполнена икона, вероятно, в конце XVII в. Иконография восходит к более раннему времени – XV–XVI вв. Этот образ цветовым решением разительно отличается от икон, выполненных в мастерской «Кондопожский мастер». В нем доминирует красный цвет, то есть акцент здесь сделан на огненное обновление мира. На огненно-красном фоне христианские представления о конечных судьбах мира предстают как «ужас безвыходный», а на иконах «Страшный суд» XVIII в. работы иконописцев из «кондопожской мастерской» синий фон смягчает предстоящее страшное событие. Второе пришествие Христово в них отражено через социальный аспект – обретения вечно-го блаженства праведниками и суд над жестокосердными.

В собраниях музеев Республики Карелия нет «Страшных судов» ранее XVII в. По-видимому, появление их связано с уже отмечавшимся общим явлением для северных храмов XVII столетия – продуманностью живописного убранства. Помимо четко структурированного иконостаса, в холодных храмах Заонежья устраивают потолок «небо», имитирующий купол каменного храма и его содержание, творчески перерабатывая его согласно своим теологическим представлениям, и завершают иконографическую программу иконой Страшного суда.

В целом собрание икон музея-заповедника «Кижы» отражает разнообразие как местных писем, так и иконопись мастеров других регионов. Специфика коллекции позволяет судить о формировании внутреннего убранства церквей и часовен на протяжении XVI–XVIII вв. на небольшой территории, в основном примыкающей к Спасо-Кижскому погосту.

В. Г. Пуцко

ПРОБЛЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИКОН КИЖСКОГО ПОГОСТА

Музей «Кижь» широко известен прежде всего замечательными памятниками деревянного народного зодчества, особенно благодаря Преображенской церкви, силуэт которой виден издали¹. Меньше изучено внутреннее убранство храмов, хотя, надо отметить, и здесь сделаны важные открытия, обнаружены ценные архивные материалы, ныне введенные в научный оборот². Весьма своевременным оказался издание каталога музейного собрания икон, позволившего лучше ориентироваться в содержимом исторически сложившихся комплексов³. Значение этой внешне скромной книги трудно переоценить, с учетом заключенной в ней информации, обязанной многолетним трудам хранителей и реставраторов. Решению возникающих вопросов предстояло посвятить специальные публикации, рассматривающие наиболее примечательные и самые загадочные произведения.

¹ См.: Кижь: альбом-путеводитель по музею-заповеднику / Сост. И. В. Мельников, фотографии О. А. Семененко. Изд. 2-е, перераб. и доп. Петрозаводск, 2012.

² Фролова Г. И. Из истории внутреннего убранства кижской Покровской церкви. Никольский иконостас // Кижский вестник. Петрозаводск, 2001. Вып. 6. С. 173–183; Фролова Г. И. Внутреннее убранство часовен Спасо-Кижского погоста // Кижский вестник. Петрозаводск, 2002. Вып. 7. С. 115–139; Фролова Г. И. История внутреннего убранства Преображенской церкви на острове Кижь (обзор архивных источников) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2003. Вып. 8. С. 20–35; Платонов В. Г. Местный ряд иконостаса часовни Успения Пресвятой Богородицы в деревне Васильево на острове Кижь и некоторые вопросы развития иконописи Заонежья конца XVII – начала XVIII в. // Кижский вестник. Петрозаводск, 2009. Вып. 12. С. 179–187; Документы и материалы по истории Кижского архитектурного ансамбля (1694–1945 гг.) / Авт.-сост. В. А. Гущина, Б. А. Гушин. Петрозаводск, 2013. С. 19–29, 62–70.

³ Древняя живопись Карелии. Каталог. Фонды музея «Кижь» / Сост. И. М. Гурвич. Петрозаводск, 1980. См. также: Фролова Г. И. Путь длиною в три столетия. Иконы из фондов музея-заповедника «Кижь». Каталог выставки. Петрозаводск, 2006.

На сегодняшний день существует несколько статей подобного характера, представляющих кижские иконы в историко-культурном контексте⁴. Практически востребованным оказался и каталог выставки богородичных икон в собрании музея-заповедника, в основном произведений XVII–XVIII вв.⁵ Как известно, печальной закономерностью стал парадокс длительного и упорного игнорирования со стороны исследователей этого материала, огульно воспринимавшегося в качестве художественного ремесла. Между тем проблема качественного уровня существует по отношению к любому художественному наследию, и поздняя иконопись не является исключением, как показали материалы посвященной ей конференции⁶.

Иконы Кижского погоста, находящиеся на музейном хранении, представляют как реликтовые явления, так и, в большей степени, результат развития иконописного мастерства в новых условиях, отличающих общественную жизнь на Русском Севере в течение XVIII–XIX вв. Это сложное сочетание, казалось бы, противоречивых тенденций определяет уже типологию иконостаса Преображенской церкви⁷, а также характер ее внутреннего убранства⁸. Соответственно, оно неизбежно сказывается и в произведениях иконописи, выполненных в данный период. Традиционность иконографических схем не исключает ни их новое наполнение, ни стилистическое своеобразие, отвечающее изменившимся эстетическим вкусам.

⁴ Платонов В. Г. Развитие иконографии «Покрова Богородицы» в искусстве Заонежья XVI–XVIII вв. // Кижский вестник. Петрозаводск, 2002. Вып. 7. С. 140–147; Пуцко В. Г. Храмовая икона Преображенской церкви Кижского погоста // Кижский вестник. Петрозаводск, 2009. Вып. 12. С. 188–200; Платонов В. Г. Иконописное убранство храмов Кижского погоста в XVI–XVII вв. // Церковь Преображения Господня на острове Киж: 300 лет на заонежской земле. Петрозаводск, 2014. С. 114–123.

⁵ Фролова Г. И. Кижский акафист. Богородичные иконы в собрании музея-заповедника «Киж» (каталог выставки). Петрозаводск, 2003.

⁶ Русская поздняя икона: от XVII до начала XX столетия. Сборник статей / Ред.-сост. М. М. Красилин. М., 2001.

⁷ Пуцко В. Г. Иконостас Преображенской церкви Кижского погоста и интерьер северорусского храма XVII–XVIII вв. // Церковь Преображения Господня на острове Киж: 300 лет на заонежской земле. Петрозаводск, 2014. С. 124–131; Пуцко В. Г. Вопрос традиции в оформлении храмов Кижского погоста // Рябининские чтения-2015. Петрозаводск, 2015. С. 232–235.

⁸ Платонов В. Г. Отражение тенденций развития русской культуры XVIII в. в эволюции художественного убранства Преображенской церкви Кижского погоста // Церковь Преображения Господня на острове Киж: 300 лет на заонежской земле. Петрозаводск, 2014. С. 132–135; Гущина В. А. Художественное убранство Преображенской церкви Кижского погоста (тябловый и резной иконостасы, живопись «неба») // Там же. С. 136–146. Показательно заключение последней статьи: «На примере Преображенской церкви тенденции новизны в форме своеобразного „деревенского“ барокко проявились ярко, сохранив при этом дух крестьянской самобытности в главном – уважении к деревянной основе срубной конструкции».

**Успение. Конец XV в.
Икона из Успенской часовни в Васильево. МИИРК**

О характере иконописи, бытовавшей на острове Кижь в XV–XIX вв., дают возможность судить лишь единичные сохранившиеся произведения. Одно из них – икона Успения (56,0x41,0), конца XV в., из Успенской часовни в Васильево, следующая по своей иконографической схеме «краткого извода» новгородскому образцу, с заметными упрощениями стиля вследствие примитивизации форм⁹. Это явление типично для обонежской живописи в целом, и поэтому в лучшем случае можно отметить лишь происхождение оригинала. Икона начала XVI в. с изображением Покрова (69,0x54,0), как уже было отмечено в литературе,

⁹ Смирнова Э. С. Живопись Обонежья XIV–XVI вв. М., 1967. С. 43–44, 113. Рис. 12, 13.

с большой точностью повторяет иконографическую схему новгородских икон с этим сюжетом¹⁰. В данный перечень должен быть включен еще Деисусный чин оглавный, на отдельных досках, конца XVI в.¹¹, как и отличающийся упрощенностью манеры письма запрестольный выносной крест того же времени, вывезенный Карельской экспедицией Государственного Русского музея в 1959 г.¹² Однако в указанное время параллельно проявляется также воздействие московской иконографии, о чем свидетельствует сохранившиеся золотофонная икона Покрова, упомянутая в писцовой книге 1628–1629 гг., и икона Спаса Смоленского¹³. Последнее из этих произведений, возможно, связано своим происхождением с Александро-Свирским монастырем.

Миграция икон, особенно не входивших в состав иконостасного ансамбля, не всегда четко прослеживается, и, соответственно, кижское происхождение некоторых упомянутых икон, скорее, оказывается счастливым исключением. С другой стороны, лишь в 1958 г. в связи с тем, что в Кижский заповедник перевезена Лазаревская церковь Муромского монастыря, вместе с ней сюда переместились и несколько икон первой половины XVI в., а также царские врата со столбцами¹⁴. Шесть икон из деисусного чина: архангела Михаила (53,0x24,0), архангела Гавриила (53,0x24,0), апостола Петра (53,5x24,0), апостола Павла (53,0x23,0), мучеников Флора (53,0x24,0) и Лавра (53,0x24,0) – выполнены в стиле новгородской живописи второй половины XV в., с заметными упрощениями, впрочем свойственными не только продукции провинциальных мастеров. Светлая, но при этом достаточно звучная гамма свидетельствует о профессиональном уровне иконописца. Об этом же говорит и техника моделировки объемов, без злоупотребления контурной линией. Особо надо отметить двуцветный высокий позем, столь популярный в новгородской иконописи. Общий характер письма ориентирован на круг произведений, к которому принадлежит деисусный чин, предположительно

¹⁰ Смирнова Э. С. Указ. соч. С. 72, 118. Рис. 26, 27. Динамичное развитие данной схемы в новгородской иконописи происходит в течение XV в. См.: Смирнова Э. С., Лаурина В. К., Гордиенко Э. А. Живопись Великого Новгорода. XV в. М., 1982. С. 210–212 (№ 9, 10), 231 (№ 19); Пуцко В. Г. Русские иконы XVI в. с изображением Покрова: синтез новгородской и суздальско-московской иконографических схем // «Москва – Третий Рим». Материалы XV Российской научной конференции, посвященной памяти Святого Макария. Вып. XV. Можайск, 2008. С. 186–190. Рис. 1, 2.

¹¹ Смирнова Э. С. Указ. соч. С. 121–122.

¹² Там же. С. 123. Рис. 41.

¹³ Платонов В. Г. Иконописное убранство храмов... С. 115–119; Пуцко В. Г. Икона Спаса Всемилостного в Покровской церкви на острове Кижь // Кижский вестник. Петрозаводск, 2015. Вып. 15. С. 92–99.

¹⁴ Смирнова Э. С. Указ. соч. С. 65–67; Древняя живопись Карелии... С. 12–15; Витухновская М. А. Кижь: Путеводитель по музею-заповеднику. Петрозаводск, 1988. С. 44–48; Кижь: альбом-путеводитель... С. 41–45.

происходящий из новгородской церкви Двенадцати апостолов или из церкви Власия¹⁵. К сожалению, муромский деисусный чин дошел без трех средних икон (Спаса на престоле, Богоматери и Иоанна Предтечи). Особо надо отметить, что изображения полнофигурные, а не поясные, как это характерно для более раннего времени.

**Покров. Начало XVI в. Икона
из Кижского погоста (?). МИИРК**

Царские врата из той же Лазаревской церкви Муромского монастыря по своей типологии новгородские, как по характеру и иконографии столбиков с фронтальными фигурами диаконов и святителей, так и с учетом иконографической схемы створ, с крупными удлинёнными фигурами Василия Великого и Иоанна Златоуста, с Благовещением в навершии. Подобные изображения этих святителей с раскрытыми свитками в руках появляются на царских вратах новгородского происхождения рубежа XV–XVI вв. и

¹⁵ Смирнова Э. С., Лаурина В. К. Гордиенко Э. А. Указ. соч. С. 255–257, 462–466 (№ 33); Иконы Великого Новгорода XI – начала XVI в. М., 2008. С. 270–280 (№. 29–99) – текст Э. С. Смирновой.

получают распространение в северных провинциях в течение первой половины XVI в. При этом фигуры заметно деформированы, а в данном случае, кроме того, свитки в руках составителей литургии с соответствующими цитатами заменены кодексами. Индивидуальная манера иконописца, обнаруживающего явную склонность к примитиву, заметно отличается от живописи деисусного чина. Это дает основания предположить, что иконостас укомплектован произведениями различного происхождения, причем царские врата (160,0x38,0; 152,0x39,0) явно выполнены непосредственно для этого скромного храма в первой половине XVI в. Труднее объяснить появление в конце XVI в. сумрачной по колориту иконы Спаса Нерукотворного (91,0x68,0), иконографический образ которого восходит к московской иконографии рубежа XV–XVI вв., радикально интерпретированной на Русском Севере в конце XVI в.¹⁶

**Спас Смоленский. Вторая половина XVI в.
Икона из Преображенской церкви Кижского погоста.
Государственный музей-заповедник «Кижи»**

¹⁶ Спас Нерукотворный в русской иконе / Авт.-сост. Л. М. Евсева, А. М. Лидов, Н. Н. Чугреева. М., 2005. С. 239–251.

Архангелы Михаил и Гавриил. Апостолы Петр и Павел. Первая половина XVI в. Иконы деисусного чина церкви Воскресения Лазаря Муромского монастыря. Государственный музей-заповедник «Кижи»

Не исключено, что к XVI в. относится и служившая северной алтарной дверью икона с изображением Благоразумного разбойника Раха (166,0x50,0), если только она не является списком оригинала времени Грозного, с характерным типом креста. В Карельском краеведческом музее (на острове Кижи) в течение некоторого времени хранились и другие иконы XVI в., затем вывезенные в Петрозаводск¹⁷.

В. Г. Платонов обстоятельно изучил издавна связанные с иконостасом Преображенской церкви небольшие по размерам иконы Покрова (75,0x66,0) и Преображения (64,0x52,0), в результате пришел к заключению, что они скорее всего написаны для иконостаса какой-то часовни, а не большой погостской церкви или для размещения в киотах. В композиционном строе иконы Покрова исследователь усмотрел отдаленные следы воздействия золотофонной иконы XVI в. из Покровской церкви¹⁸. Интерпретация более раннего образца представляет сложное и при этом неоднозначное явление, особенно когда видоизменяется и сама схема, и особенно характер ее наполнения фигурами, их группировка. Почти неизбежно снижается и качественный уровень. Все это можно и здесь

¹⁷ Н. В. Перцев. Каталог реставрационных работ / Сост. И. Я. Богуславский. СПб., 1992. С. 61, 64, 65, 70 (текст В. Г. Платонова).

¹⁸ Платонов В. Г. Иконописное убранство храмов... С. 119–120.

проследить, равно как и перестановку действующих лиц заонежским мастером, творческое наследие которого представлено еще двумя выполненными им произведениями, известными на сегодняшний день, в том числе датированной 1671 г. иконой Архистратига Михаила с деяниями из часовни в его честь в деревне Леликозеро. Дробность и уплощенность фигур отзываются декоративностью, которая в кижской иконе переходит в монохромность. Икона Преображения, вставленная в живописную раму с клеймами Страстей Господних, также представляет собой образец заонежской иконописи второй половины XVII в., с несколько тусклым колоритом и упрощенным рисунком, свойственными народному течению в сакральном искусстве Русского Севера¹⁹.

**Царские врата со столбиками.
Первая половина XVI в. Из церкви
Воскресения Лазаря Муромского монастыря.
Государственный музей-заповедник «Кижи»**

¹⁹ Платонов В. Г. Иконописное убранство храмов... С. 120–121; Пуцко В. Г. Храмовая икона Преображенской церкви... С. 188–200.

**Спас Нерукотворный. Конец XVI в.
Икона из церкви Воскрешения Лазаря Муромского
монастыря. Государственный музей-заповедник «Кижь»**

На примере датируемой концом XVI в. иконы Николы с житием из Покровской церкви в Кижях В. Г. Платоновым хорошо показано следование северных иконописцев новгородским образцам середины того же столетия. В сущности, речь идет об усвоении элитарного искусства с его эмоциональной выразительностью. Это стремление особенно наглядно проявляется в характере письма иконы с изображением новгородского архиепископа Иоанна, скончавшегося в 1186 г., а канонизированного на соборе 1547 г. Его монументальная фигура в архиерейской мантии с «источниками» производит сильное впечатление и сегодня²⁰. Получая творческие импульсы из крупных художественных центров, местные мастера стремились оживить локальные традиции, и иногда им удавалось с успехом достигнуть поставленной цели.

По мере включения кижских икон в научный оборот станут более понятными и очевидными их особенности и общий историко-культурный контекст. Не приходится сомневаться в том, что в этот край, пусть и с некоторым запозданием, доходили новые явления, определявшие харак-

²⁰ Платонов В. Г. Иконописное убранство храмов... С. 122–123.

тер произведений, отличающиеся от стойко удерживавших византийскую традицию преимущественно в ее адаптированном виде. Труднее всего давалось усвоение классических основ, и русские мастера обычно прибегали к упрощению художественной формы, а искусную моделировку объемов заменяли локальным цветовым пятном с графически обозначенными складками одежд. Это можно проследить на конкретном материале. Количественно ограниченный ряд расположенных в хронологической последовательности икон с Кижей если и не отражает все аспекты развития мастерства, то все же отвечает тем закономерностям, которые установлены исследователями на более широком материале, охватывающем пространство Обонежья, уже не говоря о всем Русском Севере. Особо надо отметить фольклоризацию византийского наследия, последовательную и органичную²¹.

**Спас в силах. Первая четверть XVIII в. Икона
деисусного чина Покровской церкви Кижского погоста**

²¹ Пуцко В. Г. Северная русская икона: фольклорное истолкование византийского образа // Русская культура на рубеже веков: Русское поселение как социокультурный феномен. Вологда, 2002. С. 56–71. См. также: Пуцко В. Г. Иконы Каргополя: фольклорные варианты адаптации византийского художественного наследия // Христианство и Север. М., 2002. С. 71–78. Ил. на с. 215–219.

Коренной перелом в русской иконописи в середине XVII в. далеко не сразу оставил следы в продукции мастеров региона, в состав которого входил Кижский погост. Старобрядческое население, естественно, предпочитало привычные иконографию и стиль, о чем свидетельствуют сохранившиеся произведения, иногда нарочито архаизирующего характера. Превалирует фольклорное начало с неизменным упрощением композиции и усилением декоративного элемента. Таковы, в частности, упомянутые иконы второй половины XVII в. Тем не менее в ближайшем будущем уже можно заметить, как сквозь толщу традиционных форм просачиваются новые явления, и народное начало несколько неожиданно соединяется с барочными влияниями. Порой становится заметным воздействие европейской гравюры, образы которой в несколько огрубленном виде проникают в северную иконопись раннего XVIII в., преимущественно профессионального уровня. Примеры этого в избытке дают иконостасы обоих храмов Кижского погоста, хронологически не выходящие за пределы первой четверти XVIII в. Как правило, они отличаются хорошим рисунком, сдержанным колоритом и суховатой манерой письма, вследствие чего отчасти возникает сходство с раскрашенными гравюрами²².

Очевидно, самый показательный случай соединения традиционной иконографии и ее светского истолкования дает изображение Спаса в силах в центре деисусного чина иконостаса церкви Покрова Богородицы²³. Отмеченная композиция с ее символическим содержанием имеет раннехристианские истоки, византийские и западные варианты и, наконец, русскую иконографическую традицию, сложившуюся преимущественно в течение XV в.²⁴ Мастера XVI–XVII вв. большей частью лишь воспроизводили окончательную иконографическую формулу, а в начале XVIII в. стремление придать ей нарядность приводит к избыточности орнаментики, не совсем уместной в космической тематике. Подробный анализ композиций праздничного и страстного циклов с их явно гравюрной основой может показать, как именно осуществлялась переработка устоявшихся схем в духе нового времени с его европеизированной культурой. Остается лишь удивляться тому, что иконостасы с такими и подобными им иконами весьма органично вписались в интерьер деревянных храмов с выразительными лаконичными формами. По крайней мере, их «новизна» не вносит элемент диссонанса. Скажем, резные царские врата иконостаса Преображенской церкви сочета-

²² Фролова Г. И. Кижский акафист... С. 17–21. Ил. на с. 36, 38, 41, 44, 46–49, 53.

²³ Киж. Альбом-путеводитель... Ил. на с. 31.

²⁴ Пуцко В. Г. Византийское наследие в искусстве Московской Руси («Спас в силах» в русской живописи XIV–XV вв.) // Византийский временник. 1995. Т. 56 (81); 1997. Т. 57 (82).

ются с пластическим декором колонок и карнизов, и, таким образом, иконописные изображения как бы оплетены подобием золотого кружева, чего нет в Покровской церкви с гладкими брусьями иконостаса.

**Преподобные Зосима и Савватий Соловецкие,
с житием. Первая четверть XVIII в. Икона местного ряда
Преображенской церкви Кижского погоста**

Русская иконопись XVIII в. очень неоднородная, и, насколько известно, традиционный изобразительный язык, временами с чрезмерной детализацией, сохраняется преимущественно в крупных центрах, особенно там, где мастера продолжали работать над выполнением заказов старообрядцев. Параллельно с этим существует ряд иных направлений²⁵. Иконостасные ансамбли храмов Кижского погоста обнаруживают, скорее, сохранение строгой вариативности. Входящие в

²⁵ См.: Тарасов О. Ю. Икона и благочестие. Очерки икононого дела в императорской России. М., 1995; Красилин М. Русская икона XVIII – начала XX вв. // История иконописи: истоки, традиции, современность. М., 2002. С. 209–220.

их состав иконы отражают различные индивидуальные манеры, характеризующие восприятие мастерами доступных им образцов, скорее всего вполне соответствующие эстетическим вкусам заказчиков. Особенно обращают на себя внимание приемы стилизации, соединяющей следование иконописной традиции и одновременно ее переработку под воздействием книжной миниатюры. Такой, в частности, представляется икона преподобных Зосимы и Савватия Соловецких, с житием (171,0x138,0), местного ряда Преображенской церкви²⁶. Ее художественные особенности можно соотнести с чертами, отличающими творчество сербских мастеров XVIII в., работавших примерно в таких же условиях, совмещающая верность традиции с восприятием европейских воздействий²⁷. Конечно, в каждом случае сказывался национальный характер.

Затронутая тема, на первый взгляд, имеет сугубо местный характер. Но, думается, было бы ошибкой считать, что она не является актуальной для целого направления русской иконописи, прежде всего связанного с Русским Севером. Говоря иными словами, это малая часть большого целого.

²⁶ Киж. Альбом-путеводитель... Ил. на с. 34.

²⁷ См.: Медаковић Д. Путеви српског барока. Београд, 1971.

В. Г. Платонов

ВНОВЬ ОТКРЫТАЯ ИКОНА «БОГОМАТЕРЬ ТИХВИНСКАЯ» ИЗ ПОКРОВСКОЙ ЦЕРКВИ КИЖСКОГО ПОГОСТА В СОБРАНИИ МУЗЕЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ

В 2014 г. была закончена реставрация иконы «Богоматерь Тихвинская» из собрания Музея изобразительных искусств Республики Карелия (инв. № И-616), датируемой в музейной документации XVII–XVIII вв. Икона была передана для расчистки в реставрационную мастерскую Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. Реставрационные работы проводились в период с 2012 по 2014 г. (раскрытие живописи выполнено М. В. Кузьминых).

Иконный щит составлен из двух сосновых досок и имеет размер 100x72,7x3,4 см. Доски скреплены двумя врезными сквозными левосторонними шпонками. Обратная сторона имеет слегка волнистую поверхность, на торцах имеются насечки – следы обработки топором. На лицевой стороне вырезан ковчег. Можно предполагать наличие паволоки.

Живопись до реставрации находилась под слоем записи и потемневшей олифы. Нимбы Богоматери и младенца были украшены накладными, соединенными воедино медными венцами, причем венец Богородицы пробит насквозь в правой части, что и послужило важным доказательством того, что икона имеет связь с Покровской церковью на о. Кижь. В процессе реставрации с иконы были демонтированы металлические венцы и шитый убрис. При раскрытии авторской живописи сохранены поздние надписи, а также (частично) черные описи складок на мафории Богоматери (с утоншением поздней толстой контурной линии по правому краю мафория)¹.

¹ Паспорт реставрации иконы (копия) // Архив реставрационных паспортов Музея изобразительных искусств РК, б/н.

Происхождение иконы

Номер «171» на обороте иконы, проставленный темно-синей краской, свидетельствует о том, что она находилась во временном хранилище на острове Кижь и прошла там инвентаризацию в начале 1960-х гг. Икона была включена в состав большого собрания произведений иконописи, вывезенных финнами в период Великой Отечественной войны и затем возвращенных Финляндией Советскому Союзу в 1944 г., но сама икона, видимо, не покидала остров Кижь, так как не имеет номеров инвентаризаций, проведенных в Государственном краеведческом музее в 1945 и 1948 гг. после

**Икона «Богоматерь
Одигитрия Тихвинская».
Конец XVII в. Из Покровской
церкви Кижского погоста**

возвращения икон из Финляндии. Произведения, определенные как входившие в состав убранства Преображенской и Покровской церквей, вернулись в иконостасы. Остальная часть икон была сосредоточена во временном хранилище в заповеднике деревянного зодчества на острове Кижь. В 1963 г. иконы этой коллекции (в том числе и те памятники из Покровской церкви, относительно которых не было сведений о принадлежности к ее иконостасу) были переданы в Музей изобразительных искусств КАССР (ныне – Республики Карелия). В числе последних оказалась и публикуемая икона «Богоматерь Тихвинская».

Опознать икону удалось по фотографии иконостаса Покровской церкви, сделанной в послевоенное время, в период перед воссозданием тяблого иконостаса². На этой фотографии зафиксирован вид полуразрушенной столярной рамы иконостаса

без икон, которые были изъяты финнами. Только две иконы видны в гнездах иконостаса – это «Спас Смоленский» справа от царских врат (собрание музея-заповедника «Кижь») и «Богоматерь Тихвинская» – слева. На фотографии хорошо видно, что металлический венец Богородицы имеет

² Научный архив Музея изобразительных искусств РК. Отчеты музейных экспедиций. Дело «Покровская церковь в Кижях». Фото б/н.

справа сквозную пробоину (как на венце публикуемой иконы). Общий вид венцов и особенно наличие указанного повреждения послужили основанием для установления тождественности иконы, зафиксированной на фотографии, с публикуемым произведением.

**Иконостас Покровской церкви.
Вид полуразрушенной столярной рамы. Фотография**

У нас нет сведений о том, была ли икона оставлена финнами на месте при разборке иконостаса или ее поставили в иконостас позднее. Интересно, что на схеме иконостаса Покровской церкви, составленной Л. Петтерссоном (материалы финского ученого по храмам Заонежья хранятся в Национальном архиве Финляндии, копии схем иконостасов имеются в музее-заповеднике «Кижы» и МИИРК), все иконы местного ряда имеют учетные дробные индексы, кроме двух икон слева и справа от царских врат («Богоматерь Одигитрия» и «Спас Смоленский»). Отметим, что на этих же местах иконы «Всемиловитый Спас» (т. е. «Спас Смоленский») и «Богоматерь Одигитрия» указаны в описи убранства Покровской церкви 1867 г. Возможно, финны не предполагали их вывоз из церкви и поэтому не обозначили на схеме иконостаса и на иконах учетные номера³. На этих же местах иконы зафиксированы и на указанной фотографии по-

³ В. Г. Брюсова в документе 1955 г. указывала, что в это время в Покровской церкви был склад из примерно 100 икон, не вывезенных финнами (см.: Брюсова В. Г. Докладная записка начальнику Государственного комитета Совета министров Карело-Финской ССР по делам строительства и архитектуры Соломонову А. Р. от 28 октября 1955 г. // Научный архив Музея изобразительных искусств РК. Отчеты музейных экспедиций. Дело «Документы по реставрации икон». Б/н. Л. 22).

слевоенных лет. Видимо, «Богоматерь Одигитрия Тихвинская» позднее была по неизвестным причинам изъята из иконостаса и утратила с ним связь, а потому и была передана в МИИРК.

Проследить историю иконы можно по описям убранства Покровской церкви 1826, 1830, 1865 и 1867 гг. В Покровской церкви с конца XVII в. и до 1865 г. было два иконостаса – основной и второй в приделе св. Николая, устроенном после пожара 1693/1694 г. в помещении трапезной церкви⁴. В описях главного иконостаса Покровской церкви 1826 и 1830 гг. указана икона «Богоматерь Одигитрия», стоявшая слева от царских врат – без упоминания ее размеров, но с замечанием, что она имела «два венца серебряные под золотом басмяные ветхие» («без гривенок» – добавлено в описи 1830 г.)⁵.

«Богоматерь Одигитрия» была и в иконостасе Никольского придела. В описях 1826 и 1830 гг. указан ее размер: 1 аршин 5 вершков высоты на 1 аршин ширины, что в переводе на метрическую систему означает 93,37х71,12 см. Это близко к размеру исследуемой иконы (100х72,7 см), особенно по ширине доски. Если учесть, что торцы икон были скрыты под тяблами, то разница по высоте может объясняться именно этим обстоятельством. На иконе имелись венцы «медные басмяные с гривенками, около лика Ея (Богоматери) обнизано бисером»⁶. Последнее указание относится, возможно, к убрису на голове Богоматери.

**Венцы и убрис
иконы «Богоматерь Одигитрия
Тихвинская», демонтированные
в процессе реставрации**

В 1865 г. Никольский придел был упразднен⁷. В составленной в том же году описи убранства Покровской церкви упомянут только один иконостас. В связи с ремонтом Покровской церкви в ней был установлена новая столярная рама иконостаса, выполненная крестьянином Иваном Грешниковым, с новыми царскими вратами. Согласно описи 1865 г., в нем слева от царских врат стояла икона

Покровской церкви упомянут только один иконостас. В связи с ремонтом Покровской церкви в ней был установлена новая столярная рама иконостаса, выполненная крестьянином Иваном Грешниковым, с новыми царскими вратами. Согласно описи 1865 г., в нем слева от царских врат стояла икона

⁴ Документы и материалы по истории Кижского архитектурного ансамбля (1694–1945 гг.) / Авт.-сост. В. А. Гущина и Б. А. Гущин. Петрозаводск, 2013. С. 11.

⁵ НАРК. Ф. 25. Оп. 15. Ед. хр. 129/2449. Л. 10; Ф. 699. Оп. 1. Ед. хр. 1/5. Л. 24.

⁶ НАРК. Ф. 25. Оп. 15. Ед. хр. 129/2449. Л. 13; Ф. 699. Оп. 1. Ед. хр. 1/5. Л. 27.

⁷ НАРК. Ф. 699. Оп. 1. Ед. хр. 1/5. Л. 12–13об., 50об.

Богоматери Одигитрии размером 1 аршин 5 вершков на 15 вершков (93,37x66,75 см), с медным позолоченным венцом, обнизанным «жемчугом с камешками»⁸. Это описание несколько отличается от предыдущего, так как не упоминает басменной технологии изготовления венцов (то есть методом тиснения на тонких листах металла, обычно серебра), а также прибавляет наличие «камешков». Видимо, в 1865 г. прежние венцы были заменены новыми. В описи 1867 г. убор иконы описан следующим образом: «венец медный позлащенный, около лика Богородицы обнизан жемчугом с бриллиантовыми камешками»⁹. На сохранившемся убрусе, входящем в состав убранства иконы, имеются пустые гнезда, в которых, по всей вероятности, и находились камни (или стразы?).

Сохранившийся убор иконы (венцы и убрус) довольно близок к описаниям 1865 и 1867 гг. Венцы украшены чеканным орнаментом, включающим традиционные мотивы из сдвоенных спиралевидных побегов с мелкими листьями, «рокайльные» овалы на фоне раковин (на короне Богоматери) и круглые медальоны в сопровождении растительных мотивов (на нимбе Богородицы и между перекрестиями нимба младенца). Здесь сочетаются мотивы, заимствованные из арсенала орнаментальных форм древней Руси (спиралевидные побеги), эпохи барокко и рококо (картуши, раковины). Подобное сочетание было характерно для эпохи «второго барокко – рококо» и эклектизма в русском декоративном искусстве (середина – 60-е гг. XIX в.)¹⁰. Можно предположить, что дошедшие до нашего времени венцы (и убрус) были устроены в 60-е гг. XIX в., заменив прежние басменные венцы. Убрус на голове Богородицы украшен растительными мотивами из крупных цветков и листьев. На челе Богородицы размещена звезда, которая была украшена вставным камнем. Камни меньшего размера располагались в других местах убруса. Все вставные камни утрачены. Убрус был украшен жемчугом или бисером, по контуру лика Богородицы шла жемчужная обнизь.

Видимо, при ликвидации Никольского придела и переустройстве основного иконостаса икона Богоматери Одигитрии была перенесена из придельного в главный иконостас. В описях 1865 г. и 1867 г. упоминается еще одна икона Богоматери Одигитрии (размер 1 арш. 6 верш. на 1 арш. 1 ½ верш., т. е. 87,82x77,79 см.), стоящая «за левым клиросом». Не эта ли икона ранее стояла в основном иконостасе и позднее была заменена иконой из Никольского придела? Интересно, что опись 1867 г. указывает несколько иную ширину иконы Богоматери Одигит-

⁸ НАРК. Ф. 699. Оп. 1. Ед. хр. 1/5. Л. 6.

⁹ НАРК. Ф. 25. Оп. 12. Ед. хр. 32/2. Л. 9об.

¹⁰ Шитова Л. Русские иконы в драгоценных окладах. Конец XVII – начало XX в. Сергиев Посад, 2005.

рии в иконостасе – 15 вершков¹¹, т. е. 66,75 см, но это может быть связано с тем, что икона была частично скрыта за колонками рамы вновь устроенного иконостаса. Таким образом, на основании изучения описей убранства Покровской церкви можно сделать вывод, что публикуемая икона «Богоматерь Одигитрия» (Тихвинская) первоначально находилась в иконостасе придела св. Николая, слева от царских врат.

Иконография

Иконография памятника в основных чертах следует типу Богоматери Одигитрии Тихвинской. Это удостоверяется и поздней надписью на фоне слева: ТИХВИНСКІЯ ПР(ЕСВЯТЫЯ) Б(ОГОРОДИ)ЦЫ. В композиции икон Богоматери с Младенцем всегда подчеркивается взаимосвязь и нерасторжимое единство Матери и Сына, символизирующее единство Вселенской Церкви и Небесного Царя¹². При соблюдении всех признаков иконографии чудотворного образа исследуемое произведение обладает некоторыми особенностями. По трактовке взгляда Богоматери икона относится к той группе произведений данной иконографии, на которых ее взгляд устремлен на Младенца, чем акцентируется их духовный контакт. Есть и другой тип изображения, когда взгляд Богоматери направлен в сторону зрителя, благодаря чему усиливается молитвенная связь образа с предстоящими перед ним. Кстати, древняя чудотворная икона близка к первому типу, а большинство известных списков XVI–XVII вв. относится ко второй группе (сюда входят известные иконы из Благовещенского собора Московского Кремля третьей четверти XVI в., из Успенского собора г. Дмитрова 1560-х гг. в собрании ЦМИАР, из церкви Богоматери Одигитрии «на Песках» в Калуге 1680 г., также в собрании ЦМИАР, произведение тихвинского мастера Родиона Сергиева 1678 г. в коллекции НГОМЗ и многие другие).

На иконе из Покровской церкви есть редчайшая особенность, а именно наличие сегментов в верхних углах с фигурами Христа и Богородицы, подносящих евангелие и белый узкий плат (омофор?). Эти сегменты имеют красный фон (со звездами) и облачную кайму светло-зеленого у Христа и темно-зеленого у Богородицы цвета.

Наличие указанной детали вызывает некоторое удивление, так как Богородица как бы получает святые предметы от Христа... и Богородицы. Обычно эта деталь встречается на иконах с изображением святителя Николая и связывается с Никейским чудом, когда Христос и Богородица возвращают св. Николаю знаки его епископского достоинства – еванге-

¹¹ НАРК. Ф. 25. Оп. 12. Ед. хр. 32/2. Л. 9об.

¹² Губарева О. В. Православное учение о Спасении в Тихвинской иконе Богоматери // Чудотворная икона Тихвинской Богоматери: иконография – история – почитание. Тезисы докладов международной конференции. СПб., 2001. С. 23, 24.

лие и омофор – после событий на Никейском соборе. Впрочем, И. А. Шалина отмечала, что изображения Христа с евангелием и Богородицы с омофором на иконах св. Николая «в древности имели скорее символический смысл, подчеркивая богоизбранность иерея, а не являлись иллюстрацией определенного сюжета»¹³.

Фрагмент иконы «Богородица Одигитрия Тихвинская»

Возможно, на нашей иконе Богородица в верхнем сегменте держит в руках свой головной плат, который наряду с ризой и поясом хранился во Влахернской церкви. Стефан Новгородский, посетивший Константинополь в 1348 или 1349 г., сообщает об этих святынях: «И оттоле идохом в Лахерну, в церковь святых Богородица, иде же лежит риза, и пояс, и скуфия, иже бе на главе Ея была»¹⁴. В литературе можно встретить указания, что этот головной плат приравняется по значению к омофору – важной части богослужебного облачения архиерея¹⁵. Изображенное на иконе молитвенное обращение Богородицы к Христу уподобляется литургическому служению архиерея, а акт поднесения ей святынь – евангелия и омофора – может быть интерпретирован как передача Богородице, символизирующей Вселенскую Церковь, важнейших предметов для совершения литургии. Тождество чудотворного плата Богородицы и святительского омофора подтверждает икона «Покров» третьей четверти XVI в. из Воскресенского Горницкого монастыря (ЧерМО). Эта икона является редким примером изображения Богородичных святынь одновременно – белого

¹³ Шалина И. А. Икона «Святитель Николай, архиепископ Мирликийский» (поясной) // И по плодам узнается древо. Русская иконопись XV–XVI вв. из собрания Виктора Бондаренко. М., 2003. С. 141.

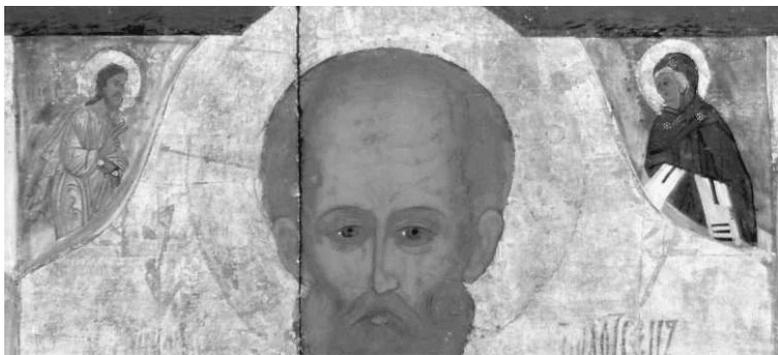
¹⁴ «Хождение Стефана Новгородца» // Памятники литературы древней Руси. XIV – середина XV в. М., 1981. С. 38.

¹⁵ Пуцко В. Г. Русские иконы XVI в. с изображением Покрова: синтез новгородской и суздальско-московской иконографических схем // «Москва – Третий Рим». Материалы XV Российской научной конференции, посвященной памяти Святителя Макария. Вып. XV. Можайск, 2008. С. 197, 198.

плата с характерными приметами омофора (крестами и полосками на концах) в руках Богоматери и красного покрыва над ее головой¹⁶.

Мысль о том, что на нашей иконе идет речь о прославлении Богородицы в ее служении Спасителю, подтверждается изображением Христа с венцом и Богоматери с узким белым платом (возможно, перевязью на кольчуге св. Георгия, нередко изображаемой на иконах этого святого) в угловых сегментах на иконе «Чудо св. Георгия о змие» второй четверти XVI в. (Музей русской иконы в Москве), означающих прославление святого Георгия. Опубликовавшая данную икону И. А. Шалина писала о семантических связях между образами святителя Николая и св. Георгия, которые могут объяснить повторение этой детали (поднесения святынь) на иконе св. Георгия¹⁷.

Не менее очевидные связи существуют между образами Богородицы и св. Николая, что можно показать на многих примерах. Они прослеживаются, например, в совмещении этих образов на двусторонних выносных иконах. На иконе святителя Николая XV в. из деревни Вегорукса (МИИРК) Богородица изображена прямолично над правым плечом святителя, что является показательным примером семантического сближения их образов¹⁸. В иконописи большой популярностью пользовался сюжет совместного явления Богоматери и святителя Николая пономарю Юрьшу в эпизоде, связанном с историей иконы Богоматери Тихвинской.

**Фрагмент иконы «Св. Николай, с житием».
Конец XVI в. Из Покровской церкви Кижского погоста**

¹⁶ Рыбаков А. А. Вологодская икона. Центры художественной культуры земли Вологодской XIII–XVIII вв. М., 1995. Кат. № 45.

¹⁷ Шалина И. А. Группа икон «Чудо Георгия о змие» и иконографическое своеобразие новгородского искусства XVI в. // Страницы истории отечественного искусства. Вып. XXIV. СПб., 2014. С. 18, 19.

¹⁸ Смирнова Э. С. Живопись Великого Новгорода. Середина XIII – начало XV в. М., 1976. С. 245.

Следует также учесть тот факт, что публикуемая икона Богоматери Тихвинской первоначально находилась, как выясняется, в Никольском приделе и, возможно, была написана специально для иконостаса этого придела. Любопытно, что в том же придельном иконостасе в качестве храмового образа стояла икона «Св. Николай, с житием» конца XVI в. (МИИРК). В верхних углах средника этой иконы размещены сегменты с полуфигурами Христа и Богородицы, причем Христос держит в левой руке свернутый свиток (десницей благословляя св. Николая), а Богородица подносит ему, как обычно, омофор. Эта композиция с расположением фигур Христа и Богоматери в угловых сегментах (а не в круглых клеймах, как обычно, по сторонам от поясной фигуры св. Николая) могла быть использована автором нашей иконы в качестве образца.

Стилистические особенности

В литературе можно встретить суждение, что икона Богоматери Тихвинской принадлежит ко второму типу Одигитрии (первый – Одигитрия Смоленская). И. Бенчев отмечает, что этот тип «большинство греческих и западных исследователей называют „Одигитрией – Елеусой“, благодаря наклону головы Марии и нарушенной фронтальной позе Младенца»¹⁹. Близость образа Богоматери на публикуемой иконе к типу Елеусы проявляется в том, что он трактован в лирическом ключе. Взор Богородицы обращен к Сыну, на которого она взирает с любовью. Ее лик имеет мягкие округлые очертания (заметьте, что на древней чудотворной иконе он продолговатых пропорций и более аскетичного облика). Такая характеристика образа нередка на иконах Богоматери Тихвинской XVI–XVII вв. В иконописи Карелии подобное смягченное изображение образа Богоматери проявилось уже на иконе «Богоматерь Тихвинская» рубежа XVI–XVII в. из деревни Сума Пудожского района.

Цветовое решение иконы подчеркивает торжественность образов. Фон и поля сияют золотом, преобладают краски светлой тональности. На голове Богородицы чепец голубоватого цвета, испод мафория красноватый, его лицевая сторона необычно светлого коричневого оттенка. Одевание младенца покрыто густым золотым ассистом, нанесенным по охристой (а не по красноватой, как на древнем оригинале) основе. Яркими красными пятнами выделяются фоны сегментов с фигурами Христа и Богоматери.

Верхний контур головы Богоматери значительно не доходит до лузги, поэтому нимб полностью уместается в пределах золотого фона иконы. Близкая особенность есть на иконе ок. 1550 г. из Мало-Кирил-

¹⁹ Бенчев И. К иконологии и иконографии иконы Тихвинской Богоматери // Чудотворная икона Тихвинской Богоматери: иконография – история – почитание. Тезисы докладов международной научной конференции. СПб., 2001. С. 39.

лова монастыря близ Новгорода (НГОМЗ), на иконе 1560-х гг. из Дмитрова (ЦМИАР), а также на иконе первой половины XVI в. из Пскова (ПГИАХМЗ).

Приведенные наблюдения над композицией и решением образа говорят о том, что автор исследуемого произведения хорошо знал иконы Богоматери Тихвинской XVI–XVII вв. как северного, так и среднерусского происхождения и сам, по всей видимости, принадлежал к какому-то крупному иконописному центру, расположенному за пределами Обонежья.

В «личном» письме можно отметить особенности, характерные для иконописи второй половины XVII в.: по темному оливковому санкирию однородной массой по всему лику наложена карнация теплого красноватого тона, по которой идут слои разбеленного охрения и движки (этот слой живописи плохо сохранился). Такая манера «личного» письма в разных вариациях встречается на иконах рубежа XVII–XVIII вв., происходящих из Заонежья и с прилегающих территорий. В качестве аналогий можно привести письмо ликов ангелов и Богоматери на «небе» Успенской часовни в д. Васильево (музей «Кижь»), на иконах из трапезной Васильевской часовни в собрании МИИРК (последние кажутся несколько более поздними, так как написаны на массивных досках без ковчега, к тому же лики здесь моделированы энергичной пробелкой). На иконах (створках к утраченному среднику) с изображением благоверных князей Бориса и Глеба из д. Лижмозеро Кондопожского района Карелии (МИИРК) лики моделированы по зеленоватому санкирию теплым красноватым тоном с последующей пропиской охрой. Все указанные произведения являются, по нашему мнению, работами приезжих мастеров.

Своеобразие публикуемой иконы ярче выявляется при сравнении с другими иконами Богоматери с младенцем, происходящими с территории Кижского погоста-округа. На рубеже веков создана «Богоматерь Тихвинская, с праздниками» из часовни Апостолов Петра и Павла в д. Насоновщина (Волкостров), датируемая в литературе концом XVII в. (музей «Кижь») ²⁰. Ее средник очень широк по пропорциям, поэтому контур фигуры Богородицы сильно выдается вправо. Серебро на одеянии Христа положено сплошной плоскостью, с проработкой теней цветным лаком. Ослаблена моделировка ликов. Этими особенностями икона отличается от публикуемого памятника. С другой стороны, в трактовке округлого лика Богородицы и устремленного на младенца взгляда между указанными двумя иконами обнаруживается

²⁰ Кижский акафист. Богородичные иконы в собрании музея-заповедника «Кижь» (каталог выставки) / Авт.-сост. Г. И. Фролова. Петрозаводск, 2003. Кат. № 9.

близость. «Богоматерь Одигитрия» (тип Грузинской) из кижской Преображенской церкви (музей «Кижь») ²¹ довольно близка к публикуемой иконе по времени создания, однако ее отличает более упрощенная манера письма. По овалу ликов виден санкирь очень темного цвета, на почти плоскостно нанесенный красноватый подкладочный слой положены сухие белильные движки, ассист на одежде младенца заменен сплошным золочением с графической прорисовкой обильных складок. Если на публикуемом памятнике из Покровской церкви иконописец придал образам Христа и Богоматери мягкость и лиризм, то на иконе из Преображенской церкви трактовка ликов лишена этих нюансов. Таким образом, публикуемая икона из Покровской церкви отличается тонкой передачей гармоничного единства Богородицы и Христа, их неслышного диалога, что свидетельствует о работе незаурядного мастера, связанного с традициями какого-то иконописного центра, конкретную локализацию которого пока определить затруднительно.

В литературе неоднократно отмечалось, что в районе Кижей в XVII в. работали пришлые мастера. Говоря об иконах «праздников» из Покровской церкви (из придельного иконостаса, позднее перешедших в основной иконостас), В. Г. Брюсова называла как их вероятных исполнителей мастеров из ярославского региона ²². В опубликованной в последнее время работе О. Б. Сипола также упоминаются мастера из центров Верхнего Поволжья в связи с созданием икон «неба» Васильевской часовни ²³. В Заонежье могли выполнять заказы и мастера из северных городов, например Каргополя, Великого Устюга. Среди этих мастеров был, вероятно, и автор публикуемой иконы.

Интересно было бы представить икону Богоматери Тихвинской в иконостасе Никольского придела. Такую возможность нам дают описи XIX в., на основании анализа которых Г. И. Фролова пришла к выводу, что большинство икон придельного иконостаса в 1865 г. перенесли в основной иконостас ²⁴. В верхних ярусах Никольского приде-

²¹ Согласно данным И. М. Гурвич, эта икона размером 120x94 см вошла в состав иконостаса Преображенской церкви в поздний период (см.: Древняя живопись Карелии. Фонды музея «Кижь». Каталог / Сост. И. М. Гурвич. Петрозаводск, 1980. С. 5). Опись 1867 г. упоминает в иконостасе Преображенской церкви икону «Богоматерь Одигитрия» в серебряной ризе размером 1 аршин 10 вершков на 1 аршин (т. е. 115,62 x 71,12 см).

²² Кижский погост. Путеводитель. Петрозаводск, 1957.

²³ Сипола О. Б. Взаимодействие иконописи Заонежья и Поволжья. Постановка проблемы // Церковь Преображения Господня: 300 лет на Заонежской земле. Материалы Всероссийской научной конференции, приуроченной к 300-летию Преображенской церкви на острове Кижь. Петрозаводск, 2015. С. 252.

²⁴ Фролова Г. И. Из истории внутреннего убранства кижской Покровской церкви. Никольский иконостас // Кижский вестник (сборник статей). Петрозаводск, 2001. Вып. 6. С. 173–183.

ла в конце XVII–XVIII вв. стояли золотофонные иконы, написанные во второй половине – конце XVII в. в компромиссном стиле, сочетающем «живоподобную» манеру личного письма с традиционной проработкой одежд. В местном ряду находились, среди прочих, сохранившиеся до нашего времени храмовая икона «Св. Николай, с житием» конца XVI в. (МИИРК), «Отечество, со страстями» конца XVII в. (Челябинский областной музей искусств). Все иконы сияли золотыми фонами, отличались нарядным светлым колоритом. Богоматерь Тихвинская органично входила в состав этого, совсем не провинциального облика, иконостаса.

Б. Д. Москвин

**ПЯТИРЯДНЫЙ ИКОНОСТАС С «НЕБЕСАМИ»
ТОЛВУЙСКОЙ ГЕОРГИЕВСКОЙ ЦЕРКВИ
ПО ДАННЫМ ПЕРЕПИСНОЙ КНИГИ 1671 г.
И РАННИЕ «НЕБЕСА» ЗАОНЕЖЬЯ**

В статье делается попытка введения в научный оборот сведений об иконописном убранстве заонежских деревянных храмов по данным Переписной книги Толвуйского погоста 1671 г. В этом документе упоминаются первые известные в Заонежье «небеса», праотеческий и апостольский по составу деисусный ряды иконостаса. Выявлено посвящение придела Толвуйской Георгиевской церкви свят. Евфимию Вяжицкому, указывающее на то, что новая схема иконописного убранства храма могла иметь новгородские корни из-за тесных связей с Новгородским Николо-Вяжицким монастырем. Неслучайные для отдаленного северного погоста высокий пятирядный иконостас и «небеса» Георгиевской церкви могли послужить примером для ранних «небес» Заонежья (до середины XVIII в.) и как таковых «небес» с праотцами. Иконописное убранство Толвуйской Георгиевской церкви в наибольшей степени сходно с убранством Кижской Преображенской церкви. Также прослеживаются параллели с убранством Васильевской Успенской и Виговской Спаса Нерукотворного часовен. В работе развивается предположение Г. И. Фроловой, что появление «небес» в деревянных храмах произошло вследствие обращения патриарха Никона к греческой традиции.

«Небеса» деревянного храма – это комплекс потолочных икон. В этих образах отражается программа купольных росписей каменных церквей¹ (исследователи также сравнивают сюжеты «небес» и стенопи-

¹ Дудинова Т. Ю. Неопубликованная работа Ларса Петтерссона и Пеннги Хярконена «Кижская Преображенская церковь. Величественный памятник церковного искусства Олонецкого края» // Кижский вестник. Петрозаводск, 2015. Вып. 15. С. 46; Кижки: Альбом (Памятники древнерусского зодчества) / Вступ. ст. Э. С. Смирновой. М.; Л., 1965. С. 20;

сей²). Однако для отдельной иконографической схемы «небес» с праотцами существует другая гипотеза происхождения, связанная с копированием структуры и образов праотческого ряда высокого русского иконостаса. Рассмотрим это предположение подробнее.

Потолочные иконы с образами праотцев на Русском Севере известны только в Заонежье³. Если считать, что «небеса» возникли на Русском Севере⁴, то в рамках наших предположений необходимо найти северный, по возможности, Обонежский или Заонежский иконостас с праотческим рядом, который мог послужить основой для возникновения «небес» с праотцами. Если же традиция устанавливать «небеса» в деревянных храмах была привнесена⁵ на Север, то остается установить, могли ли образы праотческого ряда местного иконостаса влиять на состав праотцев на заонежских «небесах».

Такой интересующий нас пятирядный заонежский иконостас с праотческим рядом был выявлен по данным Переписной книги Толвуйского погоста 1671 г. По времени возникновения он предшествует времени создания двух самых ранних «небес» с праотцами: 1670-м гг. (Архангельская часовня из д. Леликозеро) и рубежу XVII–XVIII вв. (часовня Спаса Нерукотворного из д. Вигово)⁶.

Гнедовский Б. В. К вопросу о происхождении перекрытия «небом» в древнерусском деревянном зодчестве // *Культура Средневековой Руси*. Л., 1974. С. 128; НАМЗК. НВФ-2073. Л. 120–122 (Витухновская М. А. К вопросу об изучении «небес» церквей и часовен Заонежья // Сб. докл. конф. «Состояние и меры по дальнейшему совершенствованию научно-исследовательской работы и реставрации памятников музея-заповедника „Кижич“ в ходе реализации Генерального плана». 1979); Кольцова Т. М. Росписи «неба» в деревянных храмах Русского Севера. Архангельск, 1993. С. 38, 95; Фролова Г. И. «Небеса» Заонежья. Иконы из собрания музея-заповедника «Кижич». Петрозаводск, 2008. С. 35; Кольцова Т. М. Небеса и иконы Кенозерья // *Небеса и окрестности Кенозерья*. Расписные потолки, иконы, деревенские часовни и церкви, составляющие историко-культурный ландшафт Национального парка «Кенозерский». М., 2009. С. 75.

² Орфинский В. П., Тарлер Л. Ю. Кижский погост. Путеводитель. Петрозаводск, 1957. С. 28 (текст по иконописи подготовлен В. Г. Брюсовой); Ополонников А. В. Памятники деревянного зодчества Карело-Финской ССР. М., 1955. С. 143; Брюсова В. Г. Русская живопись XVII в. М., 1984. С. 161.

³ Кольцова Т. М. «Небо» и его росписи в деревянных храмах Русского Севера / Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Л., 1989. С. 13.

⁴ «Таким образом, если исторически определить время и место происхождения и распространения перекрытий „небом“, то это будет территория Новгородской епархии в XVII – первой пол. XVIII вв., а также земли Олонецкой, Вологодской и Холмогорской епархий в XVIII–XIX вв.» (Кольцова Т. М. Росписи «неба»... С. 13).

⁵ Потолочные иконы существовали не только на Русском Севере. По всей видимости, «небеса» с праотцами упоминаются в ярославском документе 1643 г. Точные указания на «небеса» относятся к 1702 г. в Костроме (Брюсова В. Г. Указ. соч. С. 110, с. 184, прим. 80).

⁶ Фролова Г. И. «Небеса» Заонежья... С. 60, 66.

На Руси праотеческий ряд высокого иконостаса возникает во второй половине XVI в.⁷, а во второй четверти – середине XVII в. повсеместно распространяется⁸. Например, в Троицком соборе Троице-Сергиевой лавры над древним четырехрядным иконостасом праотеческий ряд из 21 фигуры был установлен в 1599–1600 гг.⁹ В Успенском соборе Кирилло-Белозерского монастыря сохранился 25-фигурный праотеческий ряд, датируемый 1630 г.¹⁰ В Спасо-Преображенском соборе Соловецкого монастыря в первой трети XVII в. возник ряд иконостаса с 28 образами праотцев¹¹. В Ногородском Софийском соборе в главном иконостасе в 1656 г. упоминается существование праотеческого чина¹².

Это примеры иконописного убранства каменных церквей. Из территориально близких к Обонежью деревянных храмов с пятирядным иконостасом известна Воскресенская церковь города Архангельска, в которой в 1643 г. находились: *«В тьяле деисус на 21 дѹки с праздники и с пророки на золоте. Праотцы на 21 дѹки на красках»*¹³.

Приведем известные примеры и упоминания праотеческого яруса в Обонежье в XVIII–XIX вв. В фондах МИИРК сохранился написанный на трех досках поясной праотеческий чин второй половины XVIII в. придельского иконостаса Типиницкой церкви Воскресения и Ильи Пророка¹⁴. По описям XIX в. пятирядный иконостас с праотеческим рядом известен в новой, 1751 г. постройки¹⁵ Толвуйской Георгиевской церкви¹⁶. По данным метрик церквей Олонецкой епархии конца XIX в. пятирядные

⁷ Журавлева И. А. Праотеческий ряд и завершение символической структуры русского высокого иконостаса // Иконостас. Происхождение – развитие – символика. М., 2000. С. 497; Языкова И., игумен Лука (Головков). Богословские основы иконы и иконопочитания // История иконописи. Истоки, традиции, современность. VI–XX в. М., 2014. С. 27.

⁸ Мельник А. Г. Основные типы русских высоких иконостасов XV – середины XVII в. // Иконостас. Происхождение – развитие – символика. М., 2000. С. 435.

⁹ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 29.

¹⁰ Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. (1397–1625). СПб., 1897–1910. Т. 1. Вып. 1–2. С. 108. Сноска 1.

¹¹ Щеникова Л.А. Вопросы изучения соловецких икон XVI–XVII вв. // Древнерусское искусство: Художественные памятники Русского Севера. М., 1989. С. 268.

¹² Гордиенко Э. А. Большой иконостас Софийского собора (По письменным источникам) // Новгородский исторический сборник. Л., 1984. Вып. 2 (12). С. 223.

¹³ Дмитриева З. В., Мильчик М. И., Чистиков А. Н. Два документа из ранней истории Архангельска // Народное зодчество: Межвуз. сб. Петрозаводск, 1998. С. 138.

¹⁴ Платонов В. Г. Живопись Обонежья 17–18 веков. Дис. ... канд. искусствоведения. Л., 1987. Л. 65.

¹⁵ Мильчик М. И. Заонежье на старых фотографиях. СПб., 1999. С. 138; Мошин А. И. Заонежье. Страницы истории // Кижь. 2005. № 3 (10). С. 4.

¹⁶ Фролова Г. И. Внутреннее убранство Преображенской церкви Спасо-Кижского погоста // Кижский вестник. Петрозаводск, 2005. Вып. 10. С. 7.

иконостасы были в Воскресенской церкви Важенского прихода и каменных соборах Александрo-Свирского монастыря¹⁷ (в первой трети XVII в. в соборах были трех- и четырехрядные иконостасы¹⁸).

В Заонежье и шире – в Обонежье в церквях первой трети XVII в. не было известно пятирядных иконостасов с праотеческим чином. По данным Писцовой книги 1628–1629 гг. в местных деревянных храмах самыми частыми являлись двухрядные иконостасы, а высокие четырехъярусные иконостасы в основном размещались в крупных погостских храмах¹⁹.

До сегодняшнего времени не было известно и Обонежских иконостасов второй половины XVII в. с праотеческим рядом. Однако недавно удалось найти описание убранства двух заонежских храмов с такими иконостасами (один сочетался с «небесами»). В своей книге Г. И. Фролова привела первое известное письменное упоминание «небес» в Заонежье по данным Переписной книги Толвуйского погоста 1671 г.²⁰ Оказалось, что в этом документе присутствуют также описания пяти иконостасов четырех местных храмов. Из них три церкви: Георгиевская, Троицкая и Никольская, «*болише шатровые деревянные*», стояли в Толвуде (эти храмы сгорели в пожаре 1722 г.²¹). Обратимся к Толвуйской Георгиевской церкви «*о пяти верхах*» и ее главному иконостасу:

«...Деисус во Апостолах в девятнатцатери, над Апостолы дватцать два образа празники Владычни да Пророки в девятнатцатери, дватцать семь образов Праотцы, Небеса, Спасов образ в кругу, по косякам небесныя силы в чину; на ужной и на северной странах тринатцать образов болиших, благоверные князи, да образ пречистые Богородицы Одигитрие, на створах, с венцы и на окладе, да пядниц шестьдесят два образа...»²².

В местном ряду помимо царских врат располагались 18 икон:

«...на правой руке царьских врат образ живоначалные Троицы, образ великомученика Георгия в чудесех, на окладе, образ Воскресение Христово, образ Вознесение Христово, образ Преображение Христово, образ Успение пресвятей Богородицы, образ Николы чудотворца, образ Собор

¹⁷ Платонов В. Г. Живопись Обонежья... Л. 78.

¹⁸ Исторические и юридические акты Олонецкого края. Список с писцовой книги (1628–1629). Александровский монастырь // Олонецкие губернские ведомости. 1850. № 16, № 23.

¹⁹ Платонов В. Г. Иконостасы храмов Обонежья по писцовой книге 1628–1629 гг. и некоторые вопросы развития иконостасных композиций в XVII–XVIII вв. // Чтения по исследованию и реставрации памятников художественной культуры Северной Руси, посвященные памяти художника-реставратора Николая Васильевича Перцева, 1902–1981. Архангельск, 1992. С. 128.

²⁰ Фролова Г. И. «Небеса» Заонежья... С. 147.

²¹ Мильчик М. И. Заонежье на старых фотографиях... С. 138.

²² Акты, относящиеся до юридического быта древней России / Под ред. Н. Калачова. СПб., 1864. Т. 2. С. 210.

пресвятей Богородицы, образ чудотворцов Еуфимия, архиепископа Новгородского, да священномученика Власия, образ межувратная Богородица, на окладе; на левой руке: образ О тебе радуется, образ Покров пресвятей Богородицы, образ Рождество Ивана Предтечи, образ Ильи Пророка, образ Софеи Премудрости Божии, образ Николы чудотворца, да Климента, да Ивана Милостиваго; образ Зосимы и Саватая, Соловецких чудотворцов, образ в киоте Неопалимая Купины...»²³.

По данным Писцовой книги 1628–1629 гг. в Толвуйской Георгиевской церкви был четырехрядный иконостас²⁴, а в местном ряду располагалось 14 икон²⁵. Возможны два варианта развития иконописного убранства храма к 1671 г.: добавление 5-го ряда и «небес» к существующим четырем рядам либо создание полностью нового пятирядного иконостаса с «небесами». В пользу второго предположения говорит расширение местного ряда с 14 до 18 икон, а также упоминание нового по типу апостольского деисуса, распространение которого началось с середины XVII в. Отметим, что на протяжении XVII в. церковь не перестраивалась, так как в 1563 г., 1628–1629 гг., 1671 г. и 1718 г. она описывается как имеющая пять верхов.

В Георгиевской церкви в 1563 г. отмечается Никольский придел²⁶, по данным 1628–1631 гг. – придел «*вверху на полатех*»²⁷, а в 1671 г. это уже придел Евфимия II, архиепископа Новгородского²⁸: «*Тоеж церкви в приделе служба Еуфимия, архиепископа Новгородского*»²⁹. Выбор посвящения придела (и, возможно, предшествующего Никольского придела) был, очевидно, связан с подчинением Толвуйских земель Новгородскому Николо-Вязицкому монастырю³⁰. Например, в описи Новгорода 1617 г. мы читаем: «*В монастыре игумен Генадей да с ним в монастыре ж и в вотчине на Толву, что за Онегом, старцов и слуг 21 человек*»³¹. В этом монастыре Евфимий II принял монашеский постриг и позже уделял ему особое внимание. На начало XVII в. в монастырском каменном Никольском храме существовал придел

²³ Акты, относящиеся... С. 209–210.

²⁴ Платонов В. Г. Иконостасы храмов Обонежья... С. 128.

²⁵ Платонов В. Г. Живопись Обонежья... С. 31.

²⁶ Гущина В. А. Толвуйская заточница инокиня Марфа, в миру – боярыня Ксения Ивановна Романова, мать первого царя Михаила Федоровича из династии Романовых // Забелинские научные чтения – 2007. Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры: Материалы XVIII Забелинских научных чтений 2007 г. М., 2008. С. 208.

²⁷ Чернякова И. А., Черняков О. В. Писцовые и переписные книги XVI–XVII вв. как источник по истории деревянного зодчества Карелии // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 1988. С. 65.

²⁸ Умер в 1458 г., канонизирован в 1549 г.

²⁹ Акты, относящиеся... С. 210.

³⁰ Спиридонов А. М. Средневековые поселения центра Толвуйского погоста // Кижский вестник. Петрозаводск, 2004. Вып. 9. С. 292–293.

³¹ Опись Новгорода 1617 г. // Памятники отечественной истории. М., 1984. Вып. 3. С. 94.

свят. Евфимия Вяжищского³². Такой же придел был устроен и в новом Никольском храме, построенном в 1680–1690-е гг.³³ Изменение посвящения придела Толвуйской Георгиевской церкви с Никольского на Евфимиевский могло быть связано со строительством новой Никольской Толвуйской церкви («*ставят нову деревяную*» по данным 1616–1619 гг.³⁴), куда и могли перенести Никольский престол.

Возникновение придела Евфимия Вяжищского, а также наличие его образа в местном ряду главного иконостаса говорят о том, что иконописное убранство храма формировалось под влиянием монастырских клириков, связанных с Новгородом. А устройство пятирядного иконостаса может рассматриваться как стремление дать храму богатый, столичный типа интерьер. Ведь доселе неизвестный в Заонежье пятирядный иконостас с «небесами» и крупным по составу праотеческим чином в 27 икон формировал выдающееся для деревянного храма убранство (в молельном помещении также находились 62 малые иконы-пядницы). Парадности интерьеру добавляли и единственные известные в Заонежье 13 икон благоверных князей, расположенные на южной и северной стенах (вызывают ассоциацию с росписями на столпах русских соборов).

Исследуя упоминания о русских иконостасах XVI в., С. Н. Филатов указывал, что возникновение первых пятирядных иконостасов на Руси связывалось с влиянием столичной традиции: «...*в тех случаях, когда строители или заказчики церковей были тесно связаны с Москвой, новые тенденции в развитии иконостаса проявлялись очень быстро*»³⁵. В Новгороде по описи 1617 г. были известны два иконостаса, имеющие иконы праотцев (датируемые серединой – концом XVI в.). На основе этих данных В. М. Сорокатый делает подобный же вывод: «*С близостью к „государеву двору“... можно связывать и устройство в ней в послепожарное время иконостаса с наиболее полным известным тогда составом*»³⁶.

Сделаем такое же предположение относительно, видимо, нового пятирядного иконостаса Георгиевской церкви и всего иконописного убранства храма. Посчитаем, что интерьер церкви великомученика Георгия отдаленного Толвуйского погоста неслучайно получил богатый, «столич-

³² Роспись новгородских монастырей и церковей 1615 г. // Памятники отечественной истории. М., 1984. Вып. 3. С. 323.

³³ Православные монастыри. Путешествие по святым местам. Выпуск № 43. Николо-Вяжицкий монастырь. М., 2009. С. 6–7.

³⁴ Чернякова И. А., Черняков О. В. Указ.соч. С. 65.

³⁵ Филатов С. Н. Письменные источники о составе иконостасов XVI в. // Архитектурное наследие и реставрация: (Реставрация памятников истории и культуры России). М., 1984. С. 126.

³⁶ Сорокатый В. М. Храмовое строительство и иконостасы Великого Новгорода в середине – второй половине XVI в. // Древнерусское искусство. Русское искусство позднего средневековья: XVI в. [т. 24]. СПб., 2003. С. 256.

ного» типа вид, хотя и с 50-летней задержкой по времени относительно возникновения образов праотцев в иконостасах храмов крупных центров. Село Толвуя известно тем, что в нем в 1601–1606 гг. находилась в заточении Ксения Иоанновна Романова (Инокния Марфа), мать будущего царя Михаила Федоровича Романова. Возможно, особое внимание к убранству храма было формой царской милости для погоста, жители которого поддерживали заточницу³⁷. Так, Толвуйский поп Ермолай помогал боярыне и был награжден «дворцовой волосткой» в Челмужском погосте³⁸.

Упомянув Толвуйский пятирядный иконостас, мы подразумеваем главный иконостас Георгиевской церкви. По данным Переписной книги 1671 г. был известен и другой, меньший по размеру иконостас с праотцами (без «небес»). Вторым храмом с пятирядным иконостасом была «шатровая с трапезою» Никольская церковь на выставке Толвуйского погоста на Вырежозере (совр. Вырозеро): «*На Выреж озере выставка на погосте*»³⁹. Храм имел такое убранство:

*«Деисус во апостолах в пятнатцатери, праздники и пророки в девятнатцатери, праотцы в семинатцатери, пядницы в церкви и в трапезы сорок два образа...»*⁴⁰. Отметим, что праздники и пророки, возможно, были написаны на одних досках. В местном ряду помимо царских врат было 9 образов:

*«...врата царские писаны на красках; на правой руке образов местных: образ Успение пречистой Богородицы, да образ Николы чудотворца резной на окладе, да образ Николы же чудотворца в чудесех, да образ Покров пресвятей Богородицы, да образ пречистые Богородицы межувратная на окладе; на левой руке образ Воскресение Христово, образ Страсти Христовы, образ О тебе радуется, да образ великомученика Георгия в чудесех»*⁴¹.

Никольская церковь на Вырежозере впервые упоминается в 1646 г. (в 1628–1629 гг. неизвестна)⁴². Если храм возвели в 1630–1640-е гг., то возникает вопрос, каким был его изначальный иконостас. Сомнительно, что сразу пятирядный. Если судить по наличию апостольского деисуса нового типа, упоминаемый в 1671 г. иконостас с праотцами был изготовлен заново. Вторым вариантом развития убранства могло быть добавление праотческого чина к существующим четырем рядам. На этот вопрос пока нет точного ответа.

³⁷ Гущина В. А. Указ. соч. С. 214–215.

³⁸ Пашков А. М. Заонежская ссылка Марфы Ивановны Романовой в исторической памяти и краеведческой традиции жителей Карелии XVII – середины XIX в. // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. М., 2014. № 17. С. 115.

³⁹ Акты, относящиеся... С. 228.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Чернякова И. А., Черняков О. В. Указ. соч. С. 66.

Редкой и новой особенностью всех пяти иконостасов, описанных в Переписной книге 1671 г., является наименование их деисусных рядов апостольским («*деисус во апостолах*»). Обычно, это канонические пять центральных фигур: Спас, Богоматерь, Иоанн Предтеча, архангелы Михаил и Гавриил, а также 12 апостолов, начиная с Петра и Павла (не обязательно апостолы от Двенадцати). В Толвуйской Георгиевской церкви в главном иконостасе указан 19-фигурный апостольский деисус, в иконостасе придела Евфимия, архиепископа Новгородского, – 11-фигурный. В Толвуйской Троицкой церкви в иконостасе указан 17-фигурный апостольский деисус, в Толвуйской Никольской – 15-фигурный, в Никольской церкви на выставке Толвуйского погоста на Вырезозере – 15-фигурный.

По данным Писцовой книги 1628–1629 гг. в иконостасах храмов Обо-нежья не было апостольских по типу деисусов (обычно отсутствует как таковое перечисление икон этого яруса)⁴³. Наиболее полно был описан деисус четырехрядного иконостаса каменной Троицкой церкви Александр-Свирского монастыря (Спас, Богоматерь, Иоанн Предтеча, архангелы Михаил и Гавриил, апостолы Петр и Павел, святители Иоанн Златоуст, Николай Чудотворец, Василий Великий и Григорий Богослов)⁴⁴.

Апостольский тип деисуса не был распространен до реформ патриарха Никона 1650-х гг. Первым⁴⁵ иконостасом XVII в. с апостольским деисусом (17-фигурным)⁴⁶ обычно⁴⁷ считается новый пятирядный иконостас 1653 г. Успенского собора Московского Кремля. Выбор такого типа деисуса был вызван обращением патриарха Никона к греческим образцам: *«Впервые на Руси в деисусном чине вместо традиционных святителей и мучеников появились изображения двенадцати апостолов, обычные для*

⁴³ Платонов В. Г. Живопись Обонежья... Л. 28–82.

⁴⁴ Исторические и юридические акты Олонецкого края. Список с писцовой книги (1628–1629). Александровский монастырь // Олонецкие губернские ведомости. 1850. № 16.

⁴⁵ Известны псковские апостольские деисусы XV–XVI вв. Например сохранился 17-фигурный апостольский деисус 1440-х гг. Псковской церкви Успения на Пароменье (Французова Е. Б. Деисусные чины в храмах Псковской земли XVI в.: Местные особенности и общенациональные тенденции (по данным письменных источников) // Вестник церковной истории. 2006. № 4. С. 125).

⁴⁶ В состав чина включены апостолы из числа Двенадцати (Петр, Андрей, Иоанн Богослов, Матфей, Варфоломей, Иаков Зеведеев, Симон, Фома, Филипп), а также апостол Павел, евангелисты Марк и Лука (Осташенко Е. Я. Главный иконостас Успенского собора Московского Кремля // *Художественные памятники Московского Кремля*. М., 2003. Вып. 16. С. 7).

⁴⁷ Иконостас 1649–1650 гг. с апостольским по составу 17-фигурным деисусом Спасо-Преображенского собора Новоспасского монастыря был, видимо, также связан с деятельностью патриарха Никона, который некоторое время (1646–1649 гг.) был архимандритом монастыря (Качурин Г. Л. Иконостас Новоспасского монастыря и его роль в русской художественной жизни XVII в. // *Материальная база сферы культуры*. М., 1997. Вып. 2. С. 67–78).

иконостасов Греции и Балканских стран...»⁴⁸. Иконостас Успенского собора Московского Кремля становится эталонным образцом для иконостасов других храмов. Упомянем и меньший по количеству апостолов 13-фигурный⁴⁹ апостольский деисус нового иконостаса 1679–1680 гг. Архангельского собора Московского Кремля.

Если в Толвуйской Георгиевской церкви был установлен полностью новый пятирядный иконостас с праотцами, то и его деисус мог быть нового столичного апостольского типа (то есть таким, каким он описывается в Переписной книге 1671 г.). То же касается и Никольского храма на Вырежозере, впервые упомянутого в 1646 г. Мы предполагаем, что время возникновения этих пятирядных иконостасов – не ранее времени, когда будущий патриарх Никон был митрополитом Новгородским (1649–1652 гг.). Отметим, что в Новгороде не известно апостольских по типу деисусов в XVI – начале XVII в.⁵⁰ Однако не доказано и их отсутствие⁵¹.

Проверим возможность установки апостольских по типу деисусов в иконостасах других церквей, упоминаемых в Переписной книге 1671 г. По данным Писцовых книги 1628–1629 гг. в Толвуйской Троицкой церкви был установлен редкий по типу трехрядный иконостас без праздничного чина, состоящий из местного, деисусного и пророческого рядов⁵². По данным 1671 г. иконостас по структуре остается таким же: «*Деисус во Апостолах в семнатцетери, Пророки в шестнатцетери*»⁵³. Троицкая церковь, получается, сохранила иконостас, известный по данным первой трети XVII в. И вряд ли тогда в нем был установлен апостольский деисус. Однако в середине века храм мог быть достроен. По данным 1616–1619 гг. Троицкая церковь обозначается как «*теплая, с трапезою, клетцики*»⁵⁴, а в 1671 г. – как шатровая. А при строительных работах мог быть обновлен и иконостас.

В Толвуйской церкви Николы чудотворца в 1671 г. находился «*Деисус во Апостолах в пятнатцетери, да восми образов пядниц*»⁵⁵. Если иконостас относился ко времени постройки церкви (около 1616–1619 гг.) или в это время был перенесен из Никольского придела Георгиевской церкви,

⁴⁸ Качалова И. Я. К истории ныне существующего иконостаса Успенского собора // Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. М., 1976. Вып. 2. С. 107.

⁴⁹ Канонические 5 центральных фигур и 8 апостолов: Петр, Павел, Иоанн, Матфей, Андрей, Иуда, Симон Зилот, Иаков.

⁵⁰ Сорокатый В. М. Новгородские иконостасы в XVI в. Их состав и иконографические особенности // Русское искусство позднего средневековья. М., 1993. С. 74.

⁵¹ Французова Е. Б. Указ. соч. С. 124.

⁵² Платонов В. Г. Живопись Обонежья... Л. 30.

⁵³ Акты, относящиеся... С. 211.

⁵⁴ Чернякова И. А., Черняков О. В. Указ. соч. С. 65.

⁵⁵ Акты, относящиеся... С. 211–212.

то он вряд ли мог быть апостольским. Апостольским он мог стать в случае перестройки иконостаса после середины XVII в.

Самым неоднозначным примером упоминания апостольского ряда является отдельный деисус вне иконостаса в притворе Георгиевской церкви: «*Тое же церкви в притворе Деисус во Апостолах в девяти, да образ Страшный Суд, пятнадцать образов пядниц*»⁵⁶. Обычно в притвор (сени) могли переместить старый деисус, а не изготавливать новый. Поэтому возникает предположение, что составитель Переписной книги Толвуйского погоста 1671 г. называл все деисусы как «*деисус во апостолах*», не вникая в состав икон чинов. В документе, однако, есть и пример, когда это правило не выдерживается. Это описание отдельного малого по размерам пядничного деисуса в киоте в трапезной Толвуйской Троицкой церкви. Оно не содержит приписки «*во апостолах*»: «*...да в трапезы образов: местных два образа Воскресения Христова, да образ Одигитрие пресвятей Богородицы, да образ Введение пресвятей Богородицы, да в пядницах Деисус, в киоте, в одиннадцатери лицах, да три образа пядницы...*»⁵⁷. Сложно сделать окончательное заключение относительно состава икон этого малого деисуса.

До сегодняшнего момента не было известно заонежских апостольских деисусов XVII в. В. Г. Платонов указывает, что свое распространение в Обонежье такой тип главного ряда иконостаса получил с рубежа XVII–XVIII вв.⁵⁸

Приведем примеры иконостасов церквей и часовен Обонежья второй половины XVII в., не имеющих апостольского деисуса. Так, четырехрядный иконостас второй половины XVII в. Типиницкой Ильинской церкви имел 13-фигурный деисус с образами прп. Алексея человека Божьего, Варлаама Хутынского, митрополита московского Алексея и Александра Свирского⁵⁹. 11-фигурный деисус четырехрядного иконостаса середины XVII в. Яндомозерской Варваринской церкви включал известные семь центральных фигур, а также образы прп. Александра Свирского, Алексея человека Божьего, Антония Римлянина и Антония Сийского⁶⁰. В иконостасе 1670-х гг. заонежской часовни Архангела Михаила из д. Леликозеро 11-фигурный деисус двухрядного иконостаса помимо семи центральных икон включал образы муч. Дмитрия, Алексея человека Божьего, преп. Зосимы и Савватия Соловецких⁶¹.

⁵⁶ Акты, относящиеся... С. 210.

⁵⁷ Там же. С. 211.

⁵⁸ Платонов В. Г. Иконостас Успенской церкви в Кондопоге по архивным данным // Успенская церковь в Кондопоге: Сб. ст. по материалам конференции. Кондопога: СПб., 1996. С. 60.

⁵⁹ Платонов В. Г. Иконопись Заонежья второй половины XVII в.: (формирование стилистических направлений и эволюция иконостасов) // Заонежье: Сб. науч. ст. Петрозаводск, 1992. С. 146.

⁶⁰ Там же. С. 148.

⁶¹ Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижки»: Каталог / Авт.-сост. Беляев А. Т., Гущин Б. А., Гушина В. А. Петрозаводск, 1973. С. 43.

В XVIII в. апостольского типа деисусы получили распространение в Обонежье. Полным по составу (12 апостолов) является выдающийся по количеству икон 29-фигурный⁶² (а учитывая две иконы, переставленные в местный ряд, то 31-фигурный⁶³) деисус иконостаса первой четверти XVIII в. Кижской Преображенской церкви. На своем историческом месте в храме находится сохранившийся апостольский 13-фигурный деисус иконостаса (1774) Кондопожской Успенской церкви (5 центральных фигур и 8 апостолов)⁶⁴. Не полностью апостольским может считаться 11-фигурный деисус иконостаса Виговской часовни Спаса Нерукотворного (рубеж XVII–XVIII вв.), включающий в состав 4 евангелистов⁶⁵. В состав деисуса нынешнего иконостаса Кижской Покровской церкви вошли иконы 1690-х гг. Никольского придела этого храма. В реконструированном Г. И. Фроловой четырехрядном придельском иконостасе 15-фигурный деисус включал помимо 7 канонических фигур в центре 4 образа евангелистов и 4 образа святителей⁶⁶. Одной из двух сохранившихся деисусных икон 15-фигурного⁶⁷ деисусного ряда иконостаса (конец XVIII в.) Васильевской Успенской часовни является образ апостола Симона Зилота⁶⁸ (вторая икона – Спас на престоле), что с большой вероятностью предполагает именно апостольский деисус. В деисусе иконостаса конца XVII в. из Архангельской часовни из д. Подгорская (куст деревень Паяницы) присутствовали образы евангелистов, апостолов, святителей⁶⁹. Апостольским по составу являлся четырехрядный миниатюрный иконостас с трехрядными иконами, который был найден в алтаре Водлозерской Ильинской церкви⁷⁰. Деисус главного иконостаса Ильинского храма, датируемый 1647 г., помимо обычных центральных образов включал иконы св. князей Бориса и Глеба⁷¹.

⁶² Древняя живопись Карелии: Каталог. Фонды музея «Кижь» / Сост. И. М. Гурвич. Петрозаводск, 1980. С. 26–28.

⁶³ Фролова Г. И. Внутреннее убранство Преображенской церкви... С. 14. Сноска 34.

⁶⁴ Платонов В. Г. Иконостас Успенской церкви в Кондопоге... С. 60.

⁶⁵ Платонов В. Г. Иконопись Заонежья второй половины XVII в. ... С. 153.

⁶⁶ Фролова Г. И. Из истории внутреннего убранства Кижской Покровской церкви. Никольский иконостас // Кижский вестник. Петрозаводск, 2001. Вып. 6. С. 182–183.

⁶⁷ По схеме Ларса Петтерссона (Фролова Г. И. Внутреннее убранство часовен Спасо-Кижского погоста // Кижский вестник. Петрозаводск, 2002. Вып. 7. С. 129).

⁶⁸ НАМЗК. № 589. Л. 5 (Витухновская М. А. Пояснительная записка к ТЭП интерьера часовни Спесения Богоматери в д. Васильево. Петрозаводск, 1981).

⁶⁹ Точный состав икон не известен, так как они не раскрыты. Благодарим В. Г. Платонова за указание на этот иконостас.

⁷⁰ Платонов В. Г. Миниатюрный иконостас из Водлозерско-Ильинского погоста и икона «Состствие во ад» из дер. Васильево в свете культурных связей Водлозерья и Каргополя // Рябининские чтения-2015: Материалы VII науч. конф. по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 2015. С. 226.

⁷¹ Фролова Г. И. Вопрос о внутреннем убранстве Ильинской церкви // Ильинский Водлозерский погост: Материалы науч. конф. «Водлозерские чтения: Ильинский погост» (6–10 авг. 2007 г.). Петрозаводск, 2009. С. 70–71.

При соблюдении канона, 19-фигурный деисус главного иконостаса Толвуйской Георгиевской церкви должен был включать два дополнительных образа к классическому апостольскому составу из 17 икон. 17-фигурный деисус иконостаса Толвуйской Троицкой церкви по количеству икон равен деисусу иконостаса Московского Успенского собора. В Толвуйской Никольской церкви и в Никольской церкви на Вырежозере 15-фигурные апостольские по типу деисусы возможны в более краткой форме. 11-фигурный деисус иконостаса придела Евфимия Вяжищского помимо семи канонических фигур мог включать четыре иконы евангелистов.

Отметим, что в русских иконостасах с начала XV в. деисус мог включать помимо обязательных образов апостолов Петра и Павла также и иконы апостолов Иоанна Богослова и Андрея Первозванного⁷². Такое содержание деисуса не считается апостольским. Мог ли один из Толвуйских иконостасов по данным Переписной книги 1671 г. быть именно таким по типу – неизвестно. Однако при существовании в Толвуге иконостаса первой половины XVII в. с деисусом такого состава составитель описи мог по ошибке назвать его апостольским.

Остановимся в наших рассуждениях на том, что среди всех перечисленных храмов в Толвуйской Георгиевской церкви полный апостольский деисус мог существовать с наибольшей вероятностью. В тексте Переписной книги нет перечисления икон этого ряда, но было бы странным, если подпись «*деисус во апостолах*» применялась не по существу. В кратких описаниях праздничных, пророческих и праотеческих рядов Переписной книги 1671 г. дается только количество образов. И любое указание на состав икон чина не выглядит случайным, в особенности их наименование новым для своего времени термином «апостольский». Тем не менее мы не исключаем и возможные отдельные неточности в описаниях.

Таким образом, 1671 г. – это дата первого известного упоминания апостольского деисуса в Обонежье.

Такое пристальное внимание к возможности существования апостольского по типу деисуса в Георгиевской церкви связано с фактом одновременной установки в ней «небес»⁷³ (по данным 1628–1629 гг. «небес» в церкви не было). Мы уже указывали, что убранство храма, по всей видимости, формировалось под влиянием клириков Николо-Вяжищского монастыря. Тогда решение устроить пятирядный иконо-

⁷² 15-фигурный деисус иконостаса (1408 г.) Владимирского Успенского собора, 15-фигурный деисус иконостаса (1425–1427 гг.) Троицкого собора Троице-Сергиевой Лавры, 21-фигурный деисус иконостаса (1497) Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря.

⁷³ Наверное, неслучайным был более поздний (с середины XVIII в.) иконографический тип «небес» с апостолами на гранях, известный в Кенозерье и в единичном примере в г. Белозерске (Кольцова Т. М. Росписи «неба»... С. 73–74).

стас выглядит связанным с решением устроить «небеса». Возможно, в Новгороде существовал и пример такого храмового убранства деревянного храма. Условные заказчики убранства Толвуйской церкви – клирики Новгородского Вяжищского монастыря – могли быть сторонниками обновленческих идей патриарха Никона. Ведь в 1649–1652 гг. Никон был митрополитом Новгородским, и при нем в 1651 г. в монастыре утверждается архимандрития⁷⁴.

Реализация идей патриарха привела к распространению на Руси апостольского деисуса: «...появление многофигурных апостольских деисусов в России – явление позднее, связанное с деятельностью Патриарха Никона, стремившегося во всем, в том числе и в области художественной культуры, следовать греческим образцам»⁷⁵. Тогда, если в Толвуге апостольские деисусы и «небеса» появились одновременно, то и установка первых известных в Заонежье «небес» могла произойти по тем же причинам. Так, Г. И. Фролова появление традиции устанавливать «небеса» прямо связывает с обращением Русской Православной Церкви в лице патриарха Никона к традициям Греческой церкви: «...эти нововведения послужили мощным толчком в развитии интерьеров северных деревянных храмов, и в частности – широкому введению живописи на потолочных конструкциях...»⁷⁶.

Такое новое разнообразное иконописное убранство Толвуйской Георгиевской церкви могло послужить примером для формирования интерьеров других заонежских храмов. По нашей гипотезе оно повлияло на возникновение иконографических схем части ранних (до середины XVIII в.) «небес» Заонежья: леликозерских, васильевских, виговских, заонежских, кижских⁷⁷.

Проследим параллели в иконописном убранстве одних из крупнейших в Заонежье на первую четверть XVIII в. Толвуйской Георгиевской и Кижской Преображенской церквей. В кижском храме был возведен четырехрядный иконостас с двухрядными «небесами» с парными образами праотцев в нижнем регистре и ангелом в верхнем регистре граней. Эти грани «как будто» продолжили структуру четырехрядного иконостаса пятым праотеческим чином на «небе». Кижские «небеса» – это первый и единственный для Заонежья пример двухрядных «небес»⁷⁸. Идея продолжения

⁷⁴ Судя по тексту грамоты 1651 г. (Азбелев С. Н. Описание древнерусских рукописей Новгородского областного архива // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1958. Т. XV. С. 419).

⁷⁵ Французова Е. Б. Указ. соч. С. 124.

⁷⁶ Фролова Г. И. «Небеса» Заонежья... С. 39.

⁷⁷ Там же. С. 61–62, 80–81, 66–67, 74–75, 139–143.

⁷⁸ В Кенозерье и Каргополье сохранились поздние (вторая половина XIX в.) двухрядные «небеса» (Кольцова Т. М. Росписи «неба»... С. 83–87).

иконостаса Преображенской церкви условным праотеческим рядом на «небесах» уже высказывалась исследователями⁷⁹. По данным документа 1671 г. мы имеем дополнительные сведения для ее подтверждения.

Во-первых, это факт как такового существования праотеческого ряда в составе пятирядного толвуйского иконостаса как основы для кижских «небес» с праотцами. Во-вторых, это совпадение иконографии граней «небес»: в Толвуде – это «*небесные силы в чину*», а в Кижках в верхнем регистре граней – это ангелы и чередующиеся образы херувимов и серафимов. В-третьих, это сравнимое количество икон толвуйского праотеческого ряда (27) и количество праотцев на Преображенском «небе» (32). В-четвертых, это одинаковые по типу апостольские деисусы иконостасов обоих храмов (различаются, однако, количеством икон: 19 и 31, соответственно). И, в-пятых, это единственный для всех известных «небес» с праотцами образ князя Владимира⁸⁰ из Преображенской церкви, который мог быть заимствован с толвуйских икон благоверных князей. Разными для иконописного убранства храмов являются образы в медальонах «небес»: Спас (по всей видимости Вседержитель) в Георгиевской церкви и Троица Новозаветная в Преображенской церкви.

В описи Георгиевской церкви указано 27 праотеческих икон, что должно означать 26 икон праотцев и образ Отечества⁸¹ или Троицы Новозаветной⁸² в центре чина. «Небеса» Кижской Преображенской церкви имели 16 граней с парными образами праотцев в нижнем регистре. Однако из этих 32 изображений, строго говоря, не все были библейскими праотцами, как киевский князь Владимир или родители Богоматери Иоаким и Анна⁸³.

Возможный образ Троицы Новозаветной в центре праотеческого ряда иконостаса Георгиевской церкви мог стать основой для изображений Новозаветной Троицы в медальонах кижских, виговских и других более поздних заонежских «небес».

Также в описании толвуйского «неба» нет указаний на иконы-«паруса». В Заонежье на угловых иконах изображались евангелисты, их символы, ангелы, херувимы и серафимы, солнце и луна. Можно предложить два объяснения отсутствия «парусов» в описании. Во-первых, структура «неба» могла не предполагать наличия угловых икон, если оно было расположено в восьмерике (как в Кижской Преображенской церкви). Во-вто-

⁷⁹ Кольцова Т. М. Росписи «неба»... С. 45; Фролова Г. И. Внутреннее убранство Преображенской церкви... С. 17.

⁸⁰ Также в Кижском деисусе присутствует образ князя Александра Невского в схеме.

⁸¹ Сперовский Н. Старинные русские иконостасы // Христианское чтение. 1892. № 11–12. С. 535.

⁸² Журавлева И. А. Указ. соч. С. 492.

⁸³ Фролова Г. И. Символика архитектурных форм церкви Преображения Господня на о. Кижь // Кижский вестник. Петрозаводск, 2015. Вып. 15. С. 65. Прим. 30.

рых, иконы-«паруса» могли существовать, если на них были изображены ангелы или серафимы и херувимы. Эти изображения в целом подходят под общее описание толвуйского «неба»: *«по косякам небесныя силы в чину»*, если под *«косяками»* подразумевать не только трапециевидные грани, но и треугольные «паруса».

Предшественницей Кижской Преображенской церкви считается многоглавая Покровская церковь из д. Анхимово Вытегорского погоста (1708)⁸⁴. В ней были установлены «небеса» с Небесной литургией в дополнение к широкому иконостасу, развернутому на пяти стенах (помимо главного престола в церкви было два придела)⁸⁵. Иконописное убранство кижского храма по структуре сходно с убранством анхимовского: сохраняется широкий четырехрядный иконостас, заходящий на северную и южную стены, и венчающие его «небеса». Однако содержательно в Преображенской церкви копируется, скорее, убранство Толвуйской Георгиевской церкви с ее иконами праотцев.

Возможно, на стыке структур иконописного убранства Анхимовской Покровской церкви (четырёхрядный иконостас и однорядные «небеса») и Толвуйской Георгиевской церкви (пятирядный иконостас с праотцами и однорядные «небеса») и возникает структура иконописного убранства Кижской Преображенской церкви (четырёхрядный иконостас и двухрядные «небеса» с праотцами). Конструкции иконостасов данных храмов, конечно, зависели и от их архитектурных типов, которые различались. Покровская и Преображенская церкви – это ярусные многоглавые храмы, а Георгиевская церковь была храмом о пяти шатрах.

Представим толвуйское иконописное убранство краткой схемой, состоящей из описания важных рядов иконостаса и состава граней «небес» и их медальонов: (иконостас // грани «неба» // медальон). Тогда Георгиевской церкви будет соответствовать такая схема: (апостолы, праотцы // силы небесные // Спас). Схемы ранних «небес» Заонежья (до середины XVIII в.) выглядят так: Леликозеро (// праотцы // Спас), Вигово (апостолы // праотцы // Троица Новозаветная), Васильево (апостолы (конец XVIII в.) // силы небесные // Спас), неизвестная заонежская часовня (? // силы небесные // ?), Кижы (апостолы // праотцы, силы небесные // Троица Новозаветная).

Наибольшее сходство присутствует в схемах храмов Толвуи и Кижей. Виговское и Васильевское «небеса», созданные одной мастерской и в одно время (рубеж XVII–XVIII вв.), как будто копируют разные час-

⁸⁴ Орфинский В. П. Храмостроительные школы в народном деревянном зодчестве Русского Севера // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (Материалы IV Междунар. науч. конф. «Рябининские чтения-2003»). Петрозаводск, 2003. С. 398–399.

⁸⁵ Ополовников А. В. Сокровища русского Севера. М., 1989. С. 76–77.

ти структуры убранства Толвуйской Георгиевской церкви. На «небе» Успенской часовни из д. Васильево отражается структура «неба» из Толвуи (силы небесные // Спас), а на потолочных иконах из часовни Спаса Нерукотворного из д. Вигово – структура праотеческого ряда с возможной иконой Новозаветной Троицы в центре (праотцы // Троица Новозаветная).

Здесь идет сухое сравнение структур иконостасов и «небес». Мы оставляем за рамками данной работы более полное представление иконописного убранства храмов. В зависимости от желания заказчика, от существующей традиции и от знаний иконописцев иконы каждого конкретного храма вкупе могли разрешать некоторую определенную идею. Так, иконы Кижской Преображенской церкви могли раскрывать идею Преображения. При этом в других храмах такого подхода могло и не быть.

Другой не рассмотренной темой является вопрос возникновения уникальной иконографической схемы «небес» с Небесной литургией. Такие «небеса» были распространены также в ранний период существования потолочных икон в Заонежье и Обонежье. Их иконография вряд ли связана с праотеческим рядом высокого русского иконостаса или каким-либо другим его рядом. Г. И. Фролова рассматривает тип «небес» с Небесной литургией со сценой Великого Входа (где ангелы сослужат Христу-архиерею) как основу, связывающую все остальные иконографические схемы. Заключенная в нем идея Сослужения распространяется и на остальные типы «небес»: *«В основе иконографии заонежских „небес“ – тема сослужения Творцу чинов Небесной иерархии и святых, то есть единение Небесной и земной Церкви в службах, происходящих одновременно и на земле и на Небе»*⁸⁶. Существует малая вероятность того, что Толвуйские «небеса» 1671 г. могли иметь иконографическую схему Небесной литургии. Для этого под «Спасов образ в кругу» нужно предполагать образ Спаса в иконографии Великий Архиерей, а под «небесная силы в чину» – ангельскую процессию Великого Входа. Потолочные иконы этого иконографического типа требуют отдельного разговора.

«Небеса» Русского Севера еще не до конца изучены. Они являются жемчужиной северной иконописи общероссийского значения из-за уникального сочетания в них качеств иконостасных образов и стенописей. В общем случае установка «небес» в деревянном храме приводила к богословски цельному разрешению его иконописного убранства.

⁸⁶ Фролова Г. И. «Небеса» Заонежья... С. 39.

И. В. Мельников

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В МУЗЕЕ-ЗАПОВЕДНИКЕ «КИЖИ»

По известным причинам остров Киж и его окрестности во второй половине XIX – начале XX в. привлекли внимание исследователей в области фольклористики и деревянного зодчества. Археологи появились здесь гораздо позднее – в 1930-х гг., что было связано с открытием и исследованием Оленеостровского могильника. Исследование данного выдающегося памятника показало перспективность археологического изучения этого локального района Обонежья, после чего археологи стали приезжать в Киж более регулярно. Важным стимулирующим фактором стало создание в 1966 г. музея-заповедника «Киж». Однако систематические археологические исследования в Кижках стали вестись только в 1990-х гг., когда в штате музея появились квалифицированные археологи и начала реализовываться программа изучения Кижского историко-культурного района.

Первые сведения о наличии в окрестностях острова Киж археологических древностей относятся к середине XIX в. В частности, сообщается о нахождении в окрестных деревнях древних каменных орудий. Перечень находок приводится в списке памятников археологии Карелии, который опубликован в монографии А. Я. Брюсова¹. Так, например, обломок каменной кирки «карельского типа» происходит из села Великая Губа. Он входил в состав коллекции А. М. Раевской и хранился в Государственном Эрмитаже. Из деревни Телятниково происходит «крестовидный каменный топор». На Большом Клименецком острове близ села Сенная Губа найден сланцевый топор, из деревни Сельга происходит обломок сланцевой кирки «карельского типа», а из деревни Косельга происходят «два обломка от больших и массивных каменных то-

¹ Брюсов А. Я. История древней Карелии. М., 1940. С. 213, 223, 236, 237.

поров (по 17 см длины каждый)»². По сообщению А. Я. Брюсова, указанные каменные орудия хранились в Карельском Государственном музее (крестовидный топор, например, сейчас можно увидеть в экспозиции НМРК, посвященной первобытной археологии Карелии). Следует отметить, что в окрестностях всех указанных населенных пунктов в ходе последующих исследований были открыты древние поселения.

Следующая важная страница истории археологических исследований в окрестностях острова Кижы связана с Оленеостровским могильником. Об этом памятнике написано много, начиная с фундаментальной публикации Н. Н. Гуриной, которую предваряет вступительная статья руководителя раскопок – В. И. Равдоникаса³. Одна из последних статей, специально посвященная данному памятнику, опубликована В. Ф. Филатовой на страницах сборника музея-заповедника «Кижы» «Кижский вестник». В статье автор рассматривает могильник в общем контексте мезолитических древностей Обонежья и делает вывод, что данный некрополь возник как следствие «консолидации нескольких территориальных групп населения, осознавших себя единым и отличным от других, в том числе от родственных по происхождению, сообществом»⁴.

Также на страницах «Кижского вестника» были опубликованы воспоминания Д. С. Богданова, который в 30-х гг. XX в. был директором Оленеостровских известковых разработок. Именно он впервые сообщил археологам о древних находках, обнаруженных при разработке известняка⁵.

Могильник был открыт в 1936 г., когда в научно-исследовательский институт в Петрозаводске поступила информация о находках при разработке карьера на Южном Оленьем острове Онежского озера. Из Петрозаводска информация была передана в Ленинград, и в этом же году для проведения разведочного обследования на Южный Олений остров были командированы сотрудники Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) Г. П. Гроздилов и Н. Н. Гурина. В дальнейшем для раскопок памятника была организована экспедиция (руководитель В. И. Равдоникас), которая проводила исследования в 1936–1937 гг. Кроме ГАИМК в работах принимали участие сотрудники Института антропологии и этнографии АН СССР и Московского антропологического института. В 1938 г. работы бы-

² Брюсов А. Я. Указ. соч. С. 236.

³ Гурина Н. Н. Оленеостровский могильник. М.; Л., 1956. (Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 47.)

⁴ Филатова В. Ф. Оленеостровский могильник в системе мезолитических поселений Карелии // Кижский вестник. Петрозаводск, 2002. Вып. 7. С. 208.

⁵ Богданов Д. С. Оленьи острова (из воспоминаний «Лазурное Заонежье») // Кижский вестник. Петрозаводск, 2001. Вып. 6. С. 27–28.

ли продолжены под руководством Н. Н. Черныгина. Всего за все время работ было вскрыто 177 погребений и открыто мезолитическое поселение (так называемая Оленеостровская стоянка)⁶.

На Оленеостровской стоянке следует остановиться особо, поскольку к ее исследованиям в разное время обращались разные ученые. В 1953 г. Н. Н. Гуриной на поселении были проведены раскопки, результаты которых она опубликовала в качестве приложения к своей монографии⁷. В последующее время стоянка исследовалась Г. А. Панкрушевым в 1956–1957 гг. и В. Ф. Филатовой в 1972 г. Наиболее подробно памятник был опубликован Г. А. Панкрушевым в монографии «Мезолит и неолит Карелии». По высотным данным и характеру каменного инвентаря исследователь отнес поселение к позднему мезолиту и датировал первой половиной V тыс. до н.э.⁸ В дальнейшем об Оленеостровской стоянке неоднократно писала В. Ф. Филатова. В своей монографии она отнесла поселение к финальному этапу Обонежской археологической культуры, который датировала концом VI – началом-первой третью V тысячелетия до н.э.⁹ Последние раскопочные работы на стоянке проводились в 2007 г. комплексной экспедицией с участием специалистов музея-заповедника «Кижь», Института истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербургского государственного университета, Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН¹⁰. Материалы исследования каменного инвентаря стоянки опубликованы А. Ю. Тарасовым¹¹.

В том же 1953 г., когда Н. Н. Гурина проводила первые раскопки на Оленеостровской стоянке, была проведена археологическая разведка на Большом Клименецком острове, где в окрестностях деревни Конда была выявлена распаханная стоянка каменного века¹².

⁶ Равдоникас В. И. Неолитический могильник на Южном Оленьем острове Онежского озера // Гурина Н. Н. Оленеостровский могильник. С. 12–14.

⁷ Гурина Н. Н. Оленеостровский могильник. С. 423–429.

⁸ Панкрушев Г. А. Мезолит и неолит Карелии. Ч. 1: Мезолит. Л., 1978. С. 104.

⁹ Филатова В. Ф. Мезолит бассейна Онежского озера. Петрозаводск, 2004. С. 118.

¹⁰ Работы проводились по гранту РФФИ № 06-06-88017-к «Происхождение и процессы формирования населения Севера Европы (антропологический состав, экология человека, историко-культурное развитие)». Научный отчет о раскопках хранится в архиве музея-заповедника «Кижь»: НАМЗК. Ф. 1. Оп. 3. № 3291 (Герман К. Э. Отчет об археологических работах на территории Республики Карелия в 2007 г.).

¹¹ Тарасов А. Ю. Каменная индустрия Оленеостровской мезолитической стоянки в окрестностях острова Кижь: технико-типологический анализ // Кижский вестник. Петрозаводск, 2011. Вып. 13. С. 211–272.

¹² Гурина Н. Н. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР. Л., 1961. (Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 8.)

Через два года, в 1955 г., археологическую разведку в Заонежье провел Г. А. Панкрушев. Среди прочего им были проведены сборы на острове Кижы, а также на Большом Клименецком острове у деревни Сенная Губа предположительно на разрушенных стоянках эпохи неолита¹³. Таким образом, Г. А. Панкрушев стал первым археологом, который провел исследования на острове Кижы.

В 1962 г. М. Х. Алешковский провел археологическую разведку на Кижском погосте. Были заложены шурфы с целью проследить древнюю деревянную ограду, которая ранее окружала ансамбль церквей. Работы оказались безрезультатными, выявить культурный слой в шурфах не удалось¹⁴.

Еще через 10 лет, в 1972 г., археологическую разведку в окрестностях острова Кижы проводила В. Ф. Филатова. Неподалеку от Оленеостровского могильника на соседнем Северном Оленьем острове ей удалось открыть стоянку эпохи неолита¹⁵. Позднее, в 1991 г., памятник исследовался Н. В. Лобановой. Полученный материал датируется второй половиной IV – первой половиной III тыс. до н.э.¹⁶

В 1980 г. А. Спиридоновым и В. Ушискасасом была проведена разведка на острове Кижы. Ими был заложен шурф на территории Кижского погоста, где был исследован визуально прослеживающийся фундамент церкви (южнее современной Покровской церкви), а также шурф на Нарьиной горе в центральной части острова, не давший находок.

В 1991 г. археологические исследования в окрестностях острова Кижы проводили Н. В. Лобанова, которая сосредоточила свои усилия на дообследовании упомянутой стоянки Северный Олений остров, и А. М. Спиридонов, занимавшийся разведкой средневековых поселений. А. М. Спиридоновым были открыты три средневековых селища на острове Кижы: Кижский погост, Наволок и Васильево и одно – селище Гивеснаволок – на соседнем Большом Клименецком острове¹⁷.

В 1992 г. в музее-заповеднике «Кижы» работал археолог А. П. Журавлев. Им был зафиксирован ряд археологических объектов: местонахождения каменных орудий Ямка 1–2 и местонахождение средневековой керамики «Главный причал»¹⁸.

¹³ Научный архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 29. Ед. хр. 467, 468.

¹⁴ Научный архив НМРК. Дело № 3833 (Алешковский М. Отчет об археологической разведке 1962 г. в музее «Кижы»).

¹⁵ Научный архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 29. Ед. хр. 339, 340.

¹⁶ НАМЗК. Ф. 1. Оп. 3. № 2598.

¹⁷ Там же. № 2597.

¹⁸ Журавлев А. П. Заонежье в эпоху камня – раннего металла. Петрозаводск, 1994. С. 79, 83.

Дальнейшие археологические исследования на территории южного Заонежья связаны с деятельностью археологической экспедиции музея-заповедника «Кижичи».

В 1995–1999 гг. автором в южной части Заонежского полуострова в районе залива Вожмариха Онежского озера были открыты поселения Вожмариха 1–21, которые относятся к эпохам мезолита, неолита и энеолита. Памятники располагаются компактной группой на протяжении 2 км вдоль древней ныне заболоченной береговой линии залива. Еще шесть поселений мезолита и неолита (Вертилово 1–6) были выявлены западнее залива Вожмариха в районе лесного озера Копанец. Наконец еще одно поселение – Леликово 1, содержащее смешанный комплекс инвентаря, было открыто на северной оконечности Большого Леликовского острова¹⁹.

С 2000 г., после прихода в музей-заповедник «Кижичи» К. Э. Германа, исследования в южном Заонежье проводятся И. В. Мельниковым и К. Э. Германом совместно. В результате были открыты еще девять памятников мезолита и неолита в районе залива Вожмариха (поселения Вожмариха 22–30), неолитические поселения Вертилово 7 и Леликово 2. К. Э. Германом в южной части Заонежского полуострова были открыты четыре поселения мезолита в районе деревни Жарниково (Жарниково 1–4).

В 2001–2004 гг. к работам подключились специалисты из Института геологии КарНЦ. В результате геолого-палинологических исследований, которые проводились под руководством И. Н. Демидова, были получены данные о развитии природной среды южного Заонежья в период бытования здесь древних поселений. Работы проводились в рамках научно-исследовательского проекта, реализовывавшегося в музее-заповеднике «Кижичи», и нашли отражение в отчетах, хранящихся в научном архиве музея, и серии научных статей²⁰.

В 2005 г. в ходе работ упомянутой комплексной экспедиции на Южном Оленьем острове с участием специалистов ИИМК РАН, МАЭ РАН и

¹⁹ Мельников И. В. Новые археологические памятники южного Заонежья // Кижский вестник. Петрозаводск, 2001. Вып. 6. С. 197–220; Он же. Новые открытия памятников археологии на юге Заонежского полуострова // Кижский вестник. Петрозаводск, 2002. Вып. 7. С. 212–219.

²⁰ НАМЗК. Ф. 1. Оп. 3. № 2105, 2509; Демидов И. Н., Колканен А. М., Лаврова Н. Б. и др. Палеоэкологические условия в голоцене и освоение древним человеком побережья залива Вожмариха на юге Заонежского полуострова // Кижский вестник. Петрозаводск, 2001. Вып. 6. С. 221–240; Демидов И. Н., Лаврова Н. Б., Колканен А. М. и др. Природные условия в каменном веке и в эпоху раннего металла в районе залива Вожмариха Онежского озера // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Материалы III тверской археологической конференции и 8-го заседания научного семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Тверь, 2006. Т. 1. С. 148–154; Лаврова Н. Б., Демидов И. Н., Спиридонов А. М. и др. К вопросу о начале земледелия на севере Онежского озера по палинологическим данным // Геология и полезные ископаемые Карелии. Петрозаводск, 2007. Вып. 10. С. 194–206.

других учреждений было открыто еще одно мезолитическое поселение – Южный Олений остров 2. Его раскопки были проведены в 2006 г. Материалы раскопок частично опубликованы²¹.

В 2007–2011 гг. экспедицией музея-заповедника «Кижь» была проведена разведка на островах Кижских шхер. На Большом Клименецком острове были открыты три неолитических поселения в районе деревни Воробы. Поселение энеолита с асбестовой керамикой открыто на острове Керкостров. Неолитическое поселение с ямочно-гребенчатой керамикой зафиксировано на острове Калгов. На Северном Оленьем острове было открыто второе поселение – Северный Олений остров 2. В ходе его исследований получен бескерамический комплекс, что позволило предварительно определить памятник как мезолитический.

Важным открытием стало выявление в 2009 г. на острове Букольников позднеэнеолитического могильника, а также поселения, содержащего керамические комплексы эпохи неолита и энеолита.

Семь древних поселений неолита – энеолита было исследовано на острове Радколье в 2007–2011 гг.²² Эти исследования особенно интересны в связи с известной фольклорно-этнографической традицией празднования «радкольского воскресенья», которая бытовала среди местных жителей и неоднократно описывалась в литературе²³.

Параллельно с разведочными работами проводились раскопки отдельных памятников, имевшие целью уточнение их культурно-хронологической атрибуции. По результатам раскопок подготавливались предварительные публикации, которые, в основном, издавались в научных сборниках музея-заповедника «Кижь», а также материалах конференций²⁴. В 1999–2002 гг. были проведены раскопки мезолитических поселений Вожмариха 2, 3, 5, 10, 11. В 2001–2004 гг. раскопами исследовались поселения неолита Вожмариха 1, 4, 15, 26, а также Вертилово 3 и 7. В 2004 и 2005 гг. исследовались мезолитические поселения Вожмариха 8 и 22. В том же 2005 г. были проведены раскопки поселения Леликово 1, в результате которых был получен смешанный комплекс инвентаря неолита и

²¹ Тарасов А. Ю., Мурашкин А. И., Герман К. Э. Новые исследования на Южном Оленьем острове Онежского озера // Кольский сборник. СПб., 2007. С. 41–81.

²² Мельников И. В., Герман К. Э. Исследование древних поселений на острове Радколье // Кижский вестник. Петрозаводск, 2013. Вып. 14. С. 295–344.

²³ Агапитов В. А., Мельников И. В. О древнем культовом комплексе в Заонежье // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1992. С. 151–159; Логинов К. К. Заонежский праздник Радкольское воскресенье // Праздничные традиции и новации народов Карелии и сопредельных территорий: исследования, источники, историография. Петрозаводск, 2010. С. 37–46.

²⁴ Библиографию см.: Мельников И. В., Герман К. Э. Древние поселения южного Заонежья (мезолит – энеолит). Петрозаводск, 2013. С. 148–150.

энеолита. В 2006 г. исследовалось позднеэнеолитическое поселение Вожмариха 21, а в 2007 г. – поселение позднего энеолита с асбестовой керамикой Вожмариха 19. Наконец, в 2008–2009 гг. раскопки были проведены на поселениях мезолита Вожмариха 23 и 24. В 2013 г. результаты археологических исследований древних поселений южного Заонежья были опубликованы в виде отдельной монографии²⁵.

Еще одно направление исследований было связано с изучением средневековых поселений, которое проводилось в 2003–2009 гг. под руководством А. М. Спиридонова. Работы предварило проведение археологической разведки на предмет выявления памятников археологии эпохи Средневековья. В дальнейшем ряд памятников были исследованы раскопками. На острове Кижы в 2000–2002 гг. были проведены раскопки селища Наволок, в 2003 г. – селища Бачурин Наволок, в 2003–2006 и 2009 гг. – селища Васильево 2. В окрестностях острова Кижы раскопки проводились на острове Керкостров: в 2003 и 2007 гг. на селищах Керкостров 1, в 2008 г. – Керкостров 2, в 2009 г. – Керкостров 4. В 2004 г. раскапывалось селище Мальковец (на одноименном острове). Всего за время работ было выявлено и в разной степени исследовано 20 средневековых поселений. Совместно со специалистами Института геологии КарНЦ РАН были проведены геолого-палинологические исследования с целью определения начала земледелия в Кижских шхерах. Результаты работ публиковались в статьях²⁶ и были обобщены в монографии, увидевшей свет в 2012 г.²⁷

²⁵ Мельников И. В., Герман К. Э. Древние поселения южного Заонежья (мезолит – энеолит). Петрозаводск, 2013. 408 с.

²⁶ Спиридонов А. М., Герман К. Э., Мельников И. В., Манюхин И. С. К истории заселения о. Кижы в Средневековье и Новое время (по материалам раскопок селища Наволок) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2003. Вып. 8. С. 243–260; Спиридонов А. М., Герман К. Э., Мельников И. В., Манюхин И. С. Освоение южного Заонежья в раннем и развитом Средневековье (по материалам раскопок селища Наволок на о. Кижы) // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (Материалы IV Международной научной конференции «Рябининские чтения-2003»). Петрозаводск, 2003. С. 236–242; Спиридонов А. М., Герман К. Э., Мельников И. В. Некоторые итоги раскопок селища Васильево II на острове Кижы // Рябининские чтения-2007. Материалы V научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007. С. 111–113; Лаврова Н. Б., Демидов И. Н., Спиридонов А. М. и др. К вопросу о начале земледелия... С. 194–206; Спиридонов А. М. Кижские древности эпохи Средневековья // Церковь Преображения Господня на острове Кижы: 300 лет на заонежской земле. Петрозаводск, 2014. С. 195–203; Лаврова Н. Б., Демидов И. Н., Спиридонов А. М. и др. Первые данные геолого-палинологических исследований о начале земледелия в районе Кижских шхер Онежского озера // 10 лет экологическому мониторингу музея-заповедника «Кижы». Итоги, проблемы, перспективы. Материалы научно-практического семинара. Петрозаводск, 2012. С. 31–40.

²⁷ Спиридонов А. М., Герман К. Э., Мельников И. В. Южное Заонежье в X–XVI вв. (археология центра Кижского погоста). Петрозаводск, 2012. 164 с.

В 2006–2009 гг. на острове Кижы работали антропологи из Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН. В это время на острове Кижы велась активная подготовка к реставрации Преображенской церкви, которая сопровождалась существенными земляными работами на Кижском погосте. Полученные палеоантропологические материалы позволили выделить две морфологически различающиеся краниологические группы, одна из которых близка карельским краниологическим сериям (наиболее близкие серии из Суйстамо 1, Пеккавуары и Боконвуары). Вторая группа черепов, несколько неожиданно, близка поволжским финноязычным народам, а также саамам Финляндии и Кольского полуострова. По мнению исследователей, подобный комплекс признаков получен на территории Карелии впервые. Вероятно, он «...отражает реально существовавший в древности антропологический пласт населения Карелии (возможно, и гораздо более обширной территории), имеющий общее происхождение с предками современных саамов, а также волжских финноязычных народов»²⁸.

В 2000–2010-х гг. археологическая экспедиция музея-заповедника «Кижы» расширила зону своей работы, включив в нее ряд районов Карелии. В частности, исследования проводились в Сегежском, Пудожском и Кондопожском районах. В Сегежском районе исследовались памятники на озере Воицком, где К. Э. Германом открыты поселения каменного века и энеолита²⁹. Им же на восточном берегу Онежского озера в районе деревни Пяльма открыт комплекс древних поселений эпохи камня – раннего металла³⁰. В 2011–2012 гг. на озере Лижмозеро (Кондопожский район) экспедицией музея-заповедника «Кижы» было открыто восемь памятников археологии мезолита – энеолита³¹.

В последние годы в музее-заповеднике «Кижы» стала реализовываться научно-исследовательская программа по археологическому изучению внутренних водоемов Заонежского полуострова. В 2013–2015 гг.

²⁸ Хартанович В. И., Широбоков И. Г. Первые материалы по палеоантропологии населения Кижского архипелага (по результатам охранных раскопок у церкви Преображения Господня 2006–2009 гг.) // Церковь Преображения Господня на острове Кижы: 300 лет на заонежской земле. Петрозаводск, 2014. С. 211–212; Хартанович В. И., Широбоков И. Г. Некоторые итоги изучения краниологической серии из могильника на острове Кижы // Кижский вестник. Петрозаводск, 2009. Вып. 12. С. 311–325.

²⁹ Герман К. Э. Древние поселения в окрестностях поселка Надвоицы Сегежского района Республики Карелия // Кижский вестник. Петрозаводск, 2004. Вып. 9. С. 304–314; Герман К. Э. Новые древние поселения на озере Воицком в Сегежском районе Республики Карелия // Кижский вестник. Петрозаводск, 2011. Вып. 13. С. 273–292.

³⁰ См. статью К. Э. Германа в настоящем сборнике.

³¹ Герман К. Э. Новые археологические исследования музея-заповедника «Кижы» на озере Лижмозеро // Кижский вестник. Петрозаводск, 2015. Вып. 15. С. 301–311.

на озерах Космозеро и Ванчозеро археологами музея «Кижь» открыто более 20 памятников мезолита, неолита и энеолита. Работы по программе будут продолжены.

В ходе проведенных раскопочных работ были получены коллекции, насчитывающие, в общей сложности, более 12000 единиц хранения, а с учетом массового нешифрованного материала – более 30000 предметов. Данные материалы хранятся в фондах музея-заповедника «Кижь». С учетом особенностей музейной работы, публикация данных материалов также осуществлялась и в специфической музейной форме – создании экспозиций и выставок. В частности, на острове Кижь была создана экспозиция по археологии, которая была дополнена рядом временных выставок, экспонировавшихся в Петрозаводске и районах Карелии.

Параллельно ведутся исследования археологических коллекций. Так, в 2015 г. весьма интересные результаты были получены при реализации научно-исследовательского проекта, связанного с радиоуглеродным датированием образцов керамики, полученных из раскопок поселений неолита с ямочно-гребенчатой керамикой Воробьи 4, позднего неолита с гребенчато-ямочной керамикой Вожмариха 21 и энеолита Вожмариха 19³². В настоящее время готовится публикация с целью ввести полученные данные в научный оборот.

В целом результаты археологических исследований в музее-заповеднике «Кижь» весьма существенны. Если к началу наших исследований в Кижях было известно только три памятника первобытной археологии (могильник и стоянка на Южном Оленьем острове Онежского озера и стоянка на Северном Оленьем острове) и четыре средневековых селища, то в настоящее время археологическое наследие района включает более 80 объектов. Это существенно раскрывает историко-культурный потенциал данного локального района и показывает перспективность использованной методики сплошного археологического обследования территории с последующим выборочным изучением отдельных наиболее показательных памятников.

³² НАМЗК. Б/н (Научно-технический отчет по контракту № 20/15 (рег. № 40/15) от 17.04.2015 «Радиоуглеродное датирование образцов керамики из археологической коллекции музея-заповедника Кижь»).

К. Э. Герман

РАБОТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «КИЖИ» В ПУДОЖСКОМ РАЙОНЕ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ

Археологические работы музея-заповедника «Кижы» ведутся не только на территории острова Кижы в охранной зоне музея¹, но также на территории нескольких районов Карелии. В данной статье излагаются итоги работ экспедиции музея на территории Пудожского района, которые проводились в черте и в окрестностях исторической деревни Пяльма.

Несмотря на то, что раньше через д. Пяльма проходила дорога, связывающая районные центры Медвежьегорск и Пудож, внимание археологов данная территория привлекла всего один раз. В 1980 г. В. Ф. Филатова нашла на распаханных полях несколько фрагментов сероглиняной керамики 19–20 вв. Следующий этап археологических исследований начинается только в 2005 г., когда работником Республиканского центра по государственной охране объектов культурного наследия А. С. Каримовым в фонды музея-заповедника «Кижы» были переданы фрагменты неолитической керамики и каменные орудия, найденные им на огородах местного фермера П. А. Поташева. В результате проведенного автором обследования территории было зафиксировано четыре поселения эпохи мезолита – энеолита, названные Пяльма 1–4. В 2008 г. были открыты еще два памятника, названные Пяльма 5–6, в 2009 г. – Пяльма 7 и в 2015 г. – Пяльма 8–10 (рис. 1).

Открытые памятники находятся в районе д. Пяльма. Все поселения привязываются к береговым террасам древнего залива Онежского озера и занимают разные высоты в зависимости от возраста. Кроме трех, все остальные поселения подвергались длительной распашке.

¹ См.: Мельников И. В., Герман К. Э. Древние поселения южного Заонежья (мезолит – энеолит). Петрозаводск, 2013. 409 с.; Спиридонов А. М., Герман К. Э., Мельников И. В. Южное Заонежье в X–XVI вв. (археология центра Кижского погоста). Петрозаводск, 2012. 166 с.

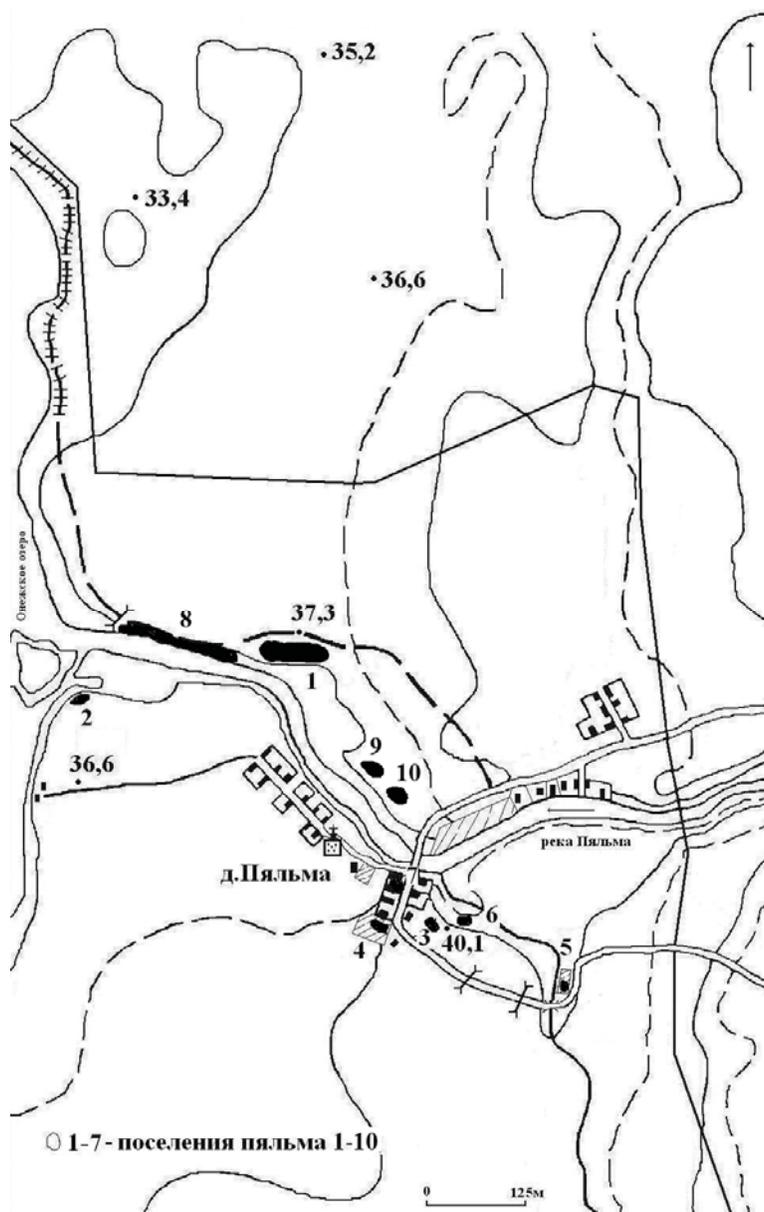

Рис. 1. План расположения древних поселений в окрестностях д. Пяльма

Поселение Пяльма 1 располагается в 350 м северо-западнее западной окраины д. Пяльма, в 450 м от Онежского озера, в 30 м от реки Пяльмы и в 500 м от деревянного моста через реку Пяльму, на небольшом мысовидном выступе высотой 4–4,3 м над уровнем реки. С юга и востока территория памятника ограничена береговой террасой, с севера – грунтовой дорогой, идущей до пос. Пяльма (Кодачи). Большая часть поселения занята огородом местного фермера П. А. Поташева, оставшаяся представляет собой луг.

Размеры памятника составляют примерно 80 x 20 м (1600 м²). В западной части поселения на огороде был заложен разведочный шурф размерами 1 x 1 м, в котором была зафиксирована следующая стратиграфия: 1) серо-коричневый пахотный слой – 18–20 см; 2) оранжево-серый песок с двумя валунами – 25–30 см; 3) материк – белая супесь.

Находки в шурфе: шлифовальная сланцевая плита (рис. 2: 1), кремневый скребок (рис. 3: 13), пять фрагментов ямочно-гребенчатой керамики, 78 фрагментов гребенчато-ямочной и 12 фрагментов ромбо-ямочной керамики, 5 отщепов кварца, один – сланца и 5 – кремня.

При сборах весной и осенью 2005 г. на огороде были собраны: кремневые обломок наконечника дротика (рис. 3: 3) и обломок наконечника стрелы (рис. 3: 14), два обломка шлифовальных плит из кварцита (рис. 2: 3; 11: 5), скребок из кремня (рис. 2: 2) и скребок из кварца (рис. 3: 4), 5 фрагментов ямочно-гребенчатой, 71 фрагмент гребенчато-ямочной, 22 фрагмента ромбо-ямочной и фрагмент асбестовой керамики, два нуклеидных куска кварца, 39 отщепов кварца, 8 – кремня и один – сланца.

Судя по керамическим материалам, данный береговой участок заселялся, как минимум, трижды. Первым было поселение с ямочно-гребенчатой керамикой, представленной 10 фрагментами минимум от двух сосудов, украшенных круглоямочными вдавлениями и отпечатками «отступающей палочки» (рис. 4: 1, 2), что позволяет датировать памятник первой половиной IV тыс. до н.э.

Позднее существовало поселение с гребенчато-ямочной посудой, материалы которого представлены 149 фрагментами минимум от 15 горшков. Орнамент на сосудах отличается простотой и представлен горизонтальными рядами наклонно поставленных оттисков гребенчатого штампа, разделенных ямочными вдавлениями, расставленными в шахматном порядке (рис. 4: 3–9; 2: 4–6; 5: 1–4, 6). Также к данному комплексу, видимо, относится и большая часть каменного инвентаря. Это позволяет отнести время функционирования памятника к концу IV тыс. до н.э.

В энеолите первым приходит население с ромбо-ямочной посудой, представленной 34 фрагментами минимум от трех горшков. Сосуды орнаментированы оттисками гребенчатого штампа по венчику и верхней части и ромбическими ямками по тулову (рис. 3: 1, 2, 5–8, 10–12).

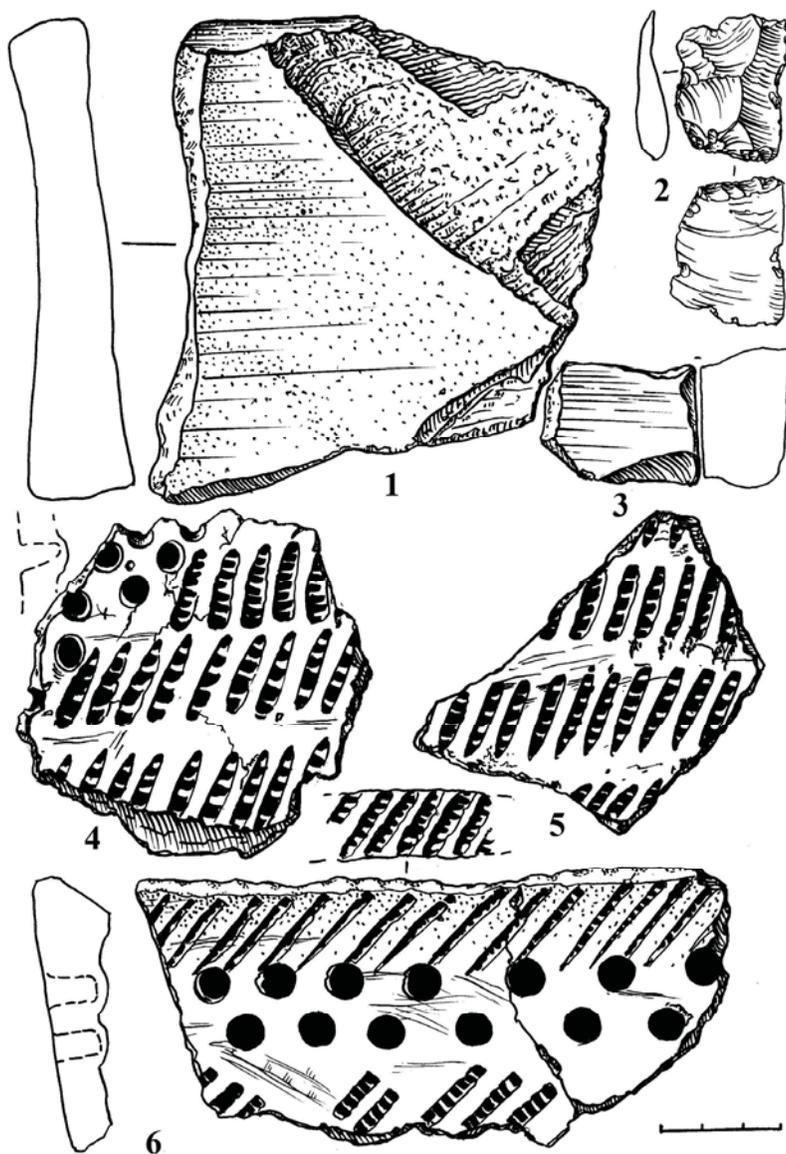

Рис. 2. Поселение Пяльма 1:

1, 3 – обломок шлифовальной плиты, кварцит; 2 – скребок, кремний;
4–6 – фрагменты гребенчато-ямочной керамики

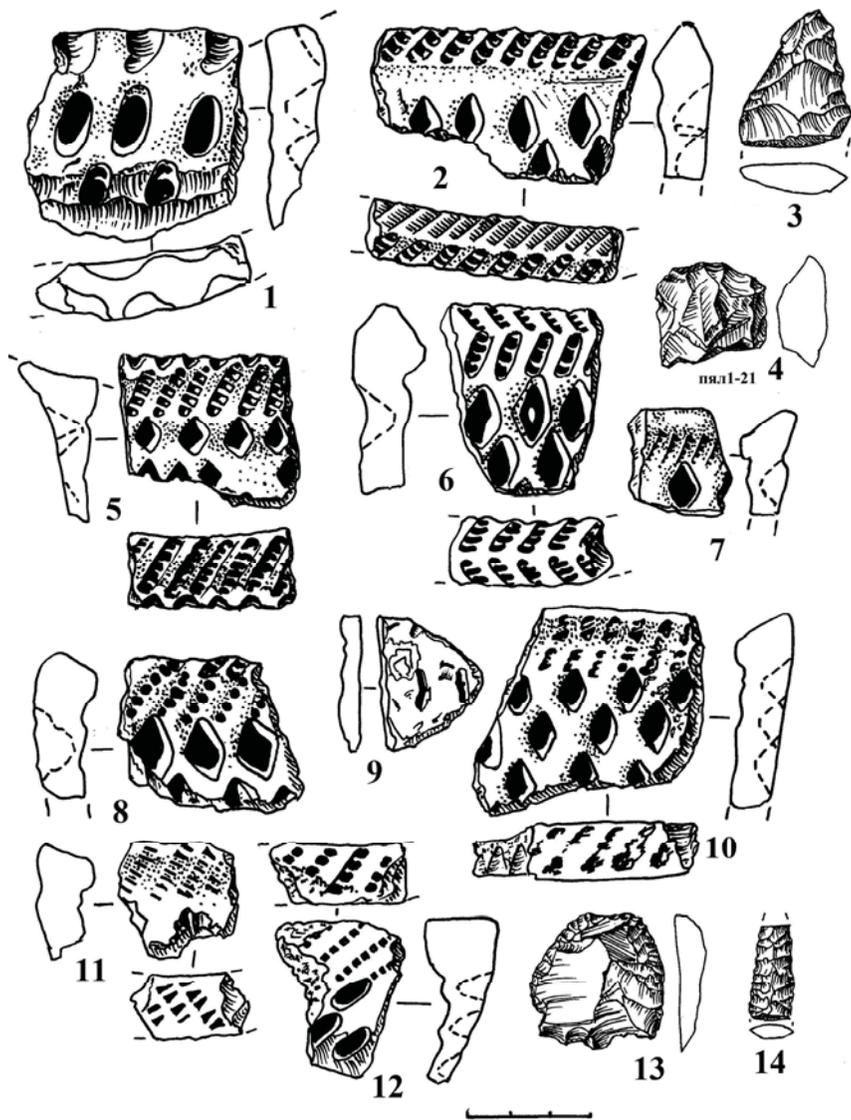

Рис. 3. Поселение Пяльма 1:

1, 2, 5–8, 10–12 – фрагменты ромбо-ямочной керамики; 3 – обломок наконечника дротика, кремль; 4 – скребок, кварц; 9 – фрагмент асбестовой керамики; 13 – скребок, кремль; 14 – обломок наконечника стрелы, кремль

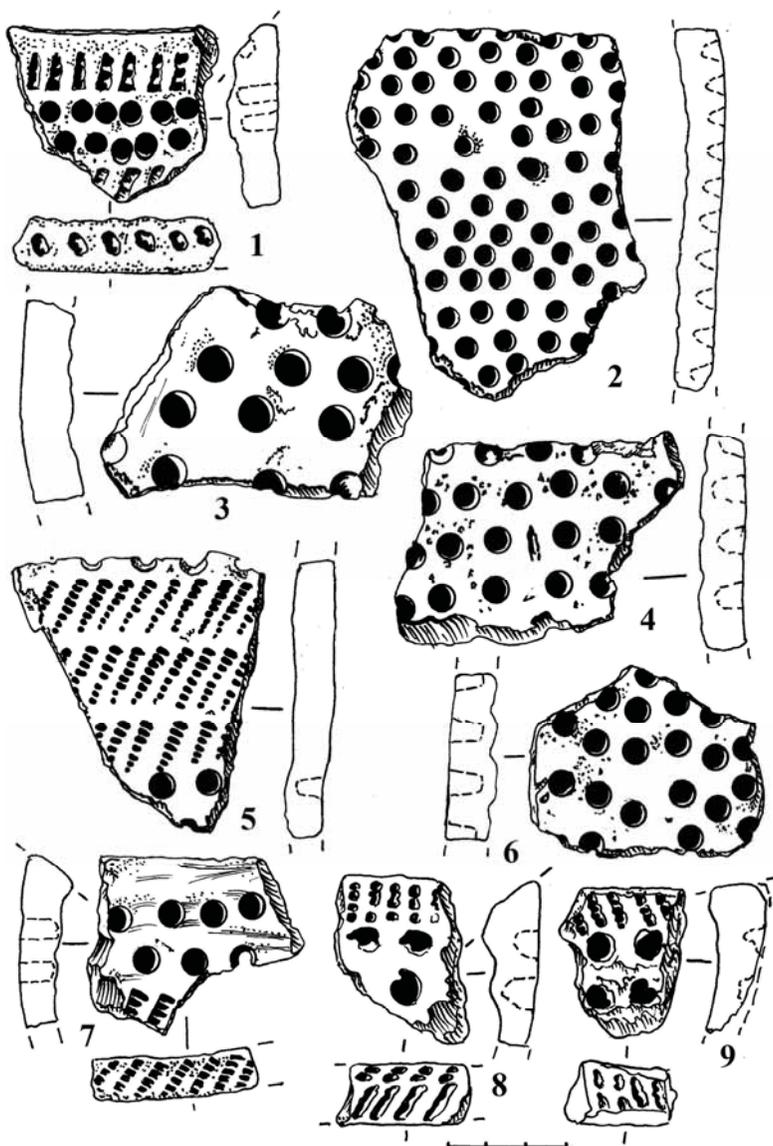

Рис. 4. Поселение Пяльма 1:

1, 2 – фрагменты ямочно-гребенчатой керамики;
 3–9 – фрагменты гребенчато-ямочной керамики

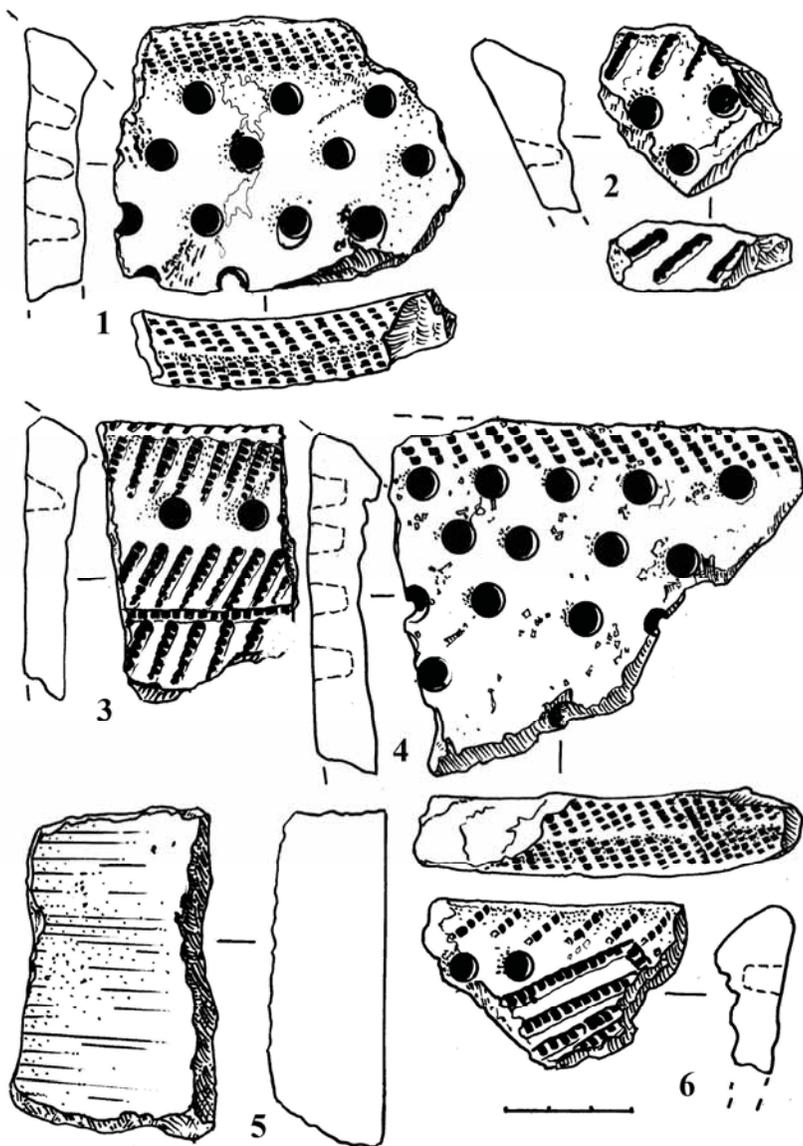

Рис. 5. Поселение Пяльма 1:

1-4, 6 – фрагменты гребенчато-ямочной керамики;
5 – обломок шлифовальной плиты, кварцит

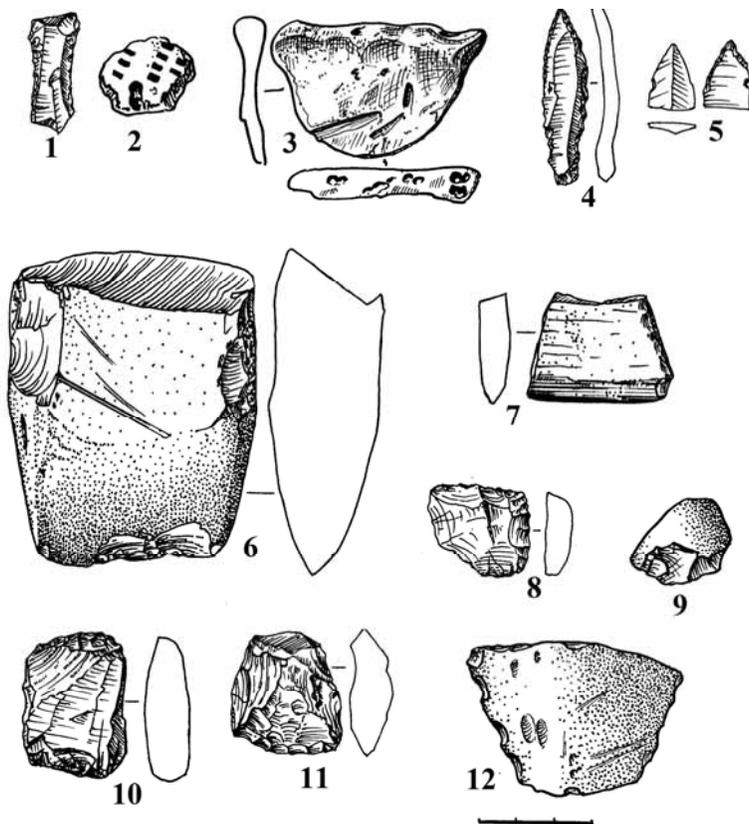

Рис. 6. Поселение Пяльма 2:

1 – нож, кремь; 2 – фрагмент гребенчато-ямочной керамики; 3 – фрагмент асбестовой керамики. **Поселение Пяльма 3:** 4, 5 – наконечник и обломок наконечника стрелы, кремь. **Поселение Пяльма 4:** 6 – топор, сланец; 7 – обломок пилы, кварцит; 8 – скребок, кварц; 9, 12 – обломки со следами шлифования, сланец; 10, 11 – долотовидные орудия, кварц

Последним существовало поселение с асбестовой посудой, представленное лишь одним фрагментом керамики (рис. 3: 9).

Поселение Пяльма 2 располагается в 600 м северо-западнее западной окраины д. Пяльма, в 150 м от Онежского озера, в 300 м от реки Пяльмы на мысовидном выступе высотой 3–3,5 м над уровнем реки. С севера, востока и запада территория памятника ограничена береговой террасой, по ней проходит тропа, ведущая от д. Пяльма к Онежскому озеру. Западная часть поселения занята каменной ровницей, остальная – луг.

Размеры памятника составляют примерно 150 x 65 м (9750 м²). В центральной части поселения заложен разведочный шурф размерами 2 x 2 м, в котором была зафиксирована следующая стратиграфия: 1) луговина – 5–7 см; 2) серо-коричневый пахотный слой – 20–25 см; 3) оранжево-серый песок – 10–15 см; 4) материк – белая супесь.

Находки в шурфе: кремневый нож (рис. 6: 1), два фрагмента гребенчато-ямочной и два фрагмента асбестовой керамики (рис. 6: 2, 3), фрагмент обожженной глины, 11 отщепов кварца и 4 – кремня.

Судя по керамическим материалам, данный береговой участок заселялся, как минимум, дважды. Первым было поселение с гребенчато-ямочной керамикой, потом с асбестовой посудой.

Поселение Пяльма 3 располагается в 50 м восточнее южной окраины д. Пяльма, в 200 м от реки Пяльмы, в 100 м восточнее моста через ручей Ситручей, на древней береговой террасе высотой 7–7,5 м над уровнем Онежского озера. С севера и запада территория памятника ограничена береговой террасой, с юга – старой грунтовой дорогой Медвежьегорск – Пудож, с востока – старой заросшей лесной дорогой. По территории памятника проходит лесная дорога, ведущая к огородам. В западной части поселения находятся небольшие ямы, связанные, видимо, с добычей песка, остальная территория поросла сосново-еловым лесом.

Размеры памятника составляют примерно 120 x 55 м (6600 м²). В центральной части поселения у дороги заложен разведочный шурф размерами 2 x 2 м, в котором была зафиксирована следующая стратиграфия: 1) дерн, белый подзол – 8–12 см; 2) красно-оранжевый песок – 30–35 см; 3) материк – белая супесь.

Находки в шурфе: наконечник и обломок наконечника стрелы из кремня (рис. 6: 4, 5), 13 отщепов кремня, 9 – кварца и 13 – сланца.

Судя по высотным данным, находке двух наконечников стрел на ножевидных пластинках и отсутствию керамики поселение может датироваться эпохой мезолита.

Поселение Пяльма 4 располагается на южной окраине д. Пяльма, в 250 м от деревянного моста через реку Пяльму, в 1,5 км восточнее берега Онежского озера, на древней береговой террасе высотой 7,5–7,8 м над уровнем Онежского озера. С юга и запада территория памятника ограничена береговой террасой, с северо-запада – старой грунтовой дорогой Медвежьегорск – Пудож. Часть территории памятника занимает жилой дом и огороды местного фермера П. А. Поташева.

Размеры памятника составляют примерно 140 x 60 м (8400 м²). В восточной, нераспаханной части поселения у поля заложен разведочный шурф размерами 2 x 2 м, в котором была зафиксирована следующая

щая стратиграфия: 1) луговина – 4–7 см; 2) серо-коричневый пахотный слой – 15–20 см; 3) ярко-оранжевый песок – 10–15 см; 4) материк – светло-оранжевый песок.

Находки в шурфе: сланцевый топор (рис. 6: 6), обломок кварцитовой пилы (рис. 6: 7), два долотовидных кварцевых орудия (рис. 6: 10, 11), кварцевый скребок (рис. 6: 8), два сланцевых обломка со следами шлифования (рис. 6: 9, 12), 21 отщеп кварца, 1 – лидита, 1 – кварцита и 1 – сланца.

Судя по высотным данным и отсутствию керамики, поселение может датироваться эпохой мезолита.

Поселение Пяльма 5 располагается в 220 м юго-восточнее восточной окраины д. Пяльма, в 750 м от Онежского озера, в 180 м от реки Пяльмы и в 35 м от моста через ручей Ситручей, на ровном высоком берегу высотой 6 м над уровнем Онежского озера. С запада территория памятника ограничена береговой террасой, с востока – старой трассой, ранее действовавшей, соединявшей г. Медвежьегорск и г. Пудож. Большая часть поселения занята огородом местного фермера П. А. Поташева, оставшаяся представляет луг.

Размеры памятника, на основании сборов и шурфовки, составляют примерно 35 x 30 м (1050 м²). В южной части поселения на краю огорода был заложен разведочный шурф размерами 1 x 1 м, в котором была зафиксирована следующая стратиграфия: 1) луговина – 3–4 см; 2) серо-коричневый пахотный слой – 25–27 см; 3) материк – светло-оранжевый песок.

Находки в шурфе: обломок сланцевого шлифованного орудия (рис. 7: 4), два сланцевых обломка со следами шлифования (рис. 7: 8, 10), долотовидное орудие из кварца (рис. 7: 13), ножевидная пластинка из кварца (рис. 7: 16), ножевидная пластинка и обломок ножевидной пластинки из кремня (рис. 7: 6, 11), четыре отщепа кварца и шесть – сланца.

При сборах на огороде были собраны: заготовка рубящего сланцевого орудия (рис. 7: 1), два фрагмента раннесредневекового лепного сосуда (рис. 7: 2, 3), четыре отщепа кварца и восемь отщепов сланца.

Судя по характеру каменного инвентаря и высотным отметкам, поселение можно отнести к периоду мезолита. Об этом свидетельствует наличие ножевидных пластинок из кремня и кварца и форма заготовки сланцевого орудия. Датировка широкая, в пределах 6 тыс. до н.э.

Два фрагмента раннесредневековой лепной посуды проливают свет на время посещения окрестностей деревни Пяльма в раннем Средневековье. До археологического обследования было известно упоминание деревни в Писцовой книге Обонежской пятины 1493 г.² Теперь можно с уверенностью сказать о посещении данной террито-

² Писцовые книги Обонежской пятины. Л., 1930. Вып. 1. С. 153.

рии уже в период XI–XII вв. Место было выбрано очень удобное: высокий песчаный берег при впадении ручья Ситручей в реку Пяльму³.

Поселение Пяльма 6 располагается в 60 м юго-восточнее восточной окраины д. Пяльма, в 600 м от Онежского озера, в 100 м от реки Пяльмы и в 75 м от старой трассы Медвежьегорск – Пудож, на небольшом возвышении древней береговой террасы высотой 6 м над уровнем Онежского озера. С юга территория памятника ограничена береговой террасой, с других сторон – понижением рельефа.

Размеры памятника, на основании особенностей рельефа, составляют примерно 85 x 27 м (2295 м²). В восточной части поселения на краю огорода был заложен разведочный шурф размерами 2 x 2 м, в котором была зафиксирована следующая стратиграфия: 1) луговина – 3–4 см; 2) серо-коричневый пахотный слой – 20–22 см; 3) материк – светло-оранжевый песок.

Находки в шурфе: обломок обушной части сланцевого шлифованного орудия со следами пиления (рис. 7: 7), сланцевый обломок со следами шлифования (рис. 7: 9), два скребка из кварца (рис. 7: 12, 14), отщеп со следами обработки из кварца (рис. 7: 15), обломок ножевидной пластинки из кремня (рис. 7: 5), пять отщепов кварца и два – сланца.

Судя по характеру каменного инвентаря и высотным отметкам, поселение можно отнести к периоду мезолита. Датировка широкая, в пределах 6 тыс. до н.э.

Поселение Пяльма 7 располагается в черте д. Пяльма, в 500 м от Онежского озера, в 35 м от реки Пяльмы и в 250 м от моста через ручей Ситручей, на склоне древней береговой террасы Онежского озера высотой 4–6 м над современным урезом воды в озере. С запада территория памятника ограничена низиной, идущей до берега озера, с востока – старой дорогой Медвежьегорск – Пудож, с юга и севера – жилыми и хозяйственными постройками жителей деревни.

Размеры памятника, на основании шурфовки, составляют примерно 35 x 30 м (около 1000 м²). В центральной части поселения около дороги был заложен разведочный шурф размерами 2 x 2 м, в котором была зафиксирована следующая стратиграфия: 1) луговина – 3–4 см; 2) красно-коричневый пахотный слой – 25–35 см; 3) материк – светло-оранжевый песок.

³ О сельскохозяйственной колонизации и началах земледелия в Обонежье см.: Спиридонов А. М., Герман К. Э., Мельников И. В. Указ. соч. С. 87–92; Лаврова Н. Б., Демидов И. Н., Спиридонов А. М. и др. Первые данные геолого-палинологических исследований о начале земледелия в районе Кижских шхер Онежского озера // 10 лет экологическому мониторингу музея-заповедника «Кижь». Итоги, проблемы, перспективы. Материалы научно-практического семинара. Петрозаводск, 2012. С. 31–40; Лаврова Н. Б., Демидов И. Н., Спиридонов А. М. и др. К вопросу о начале земледелия на севере Онежского озера по палинологическим данным // Геология и полезные ископаемые Карелии. Петрозаводск, 2007. Вып. 10. С. 194–206.

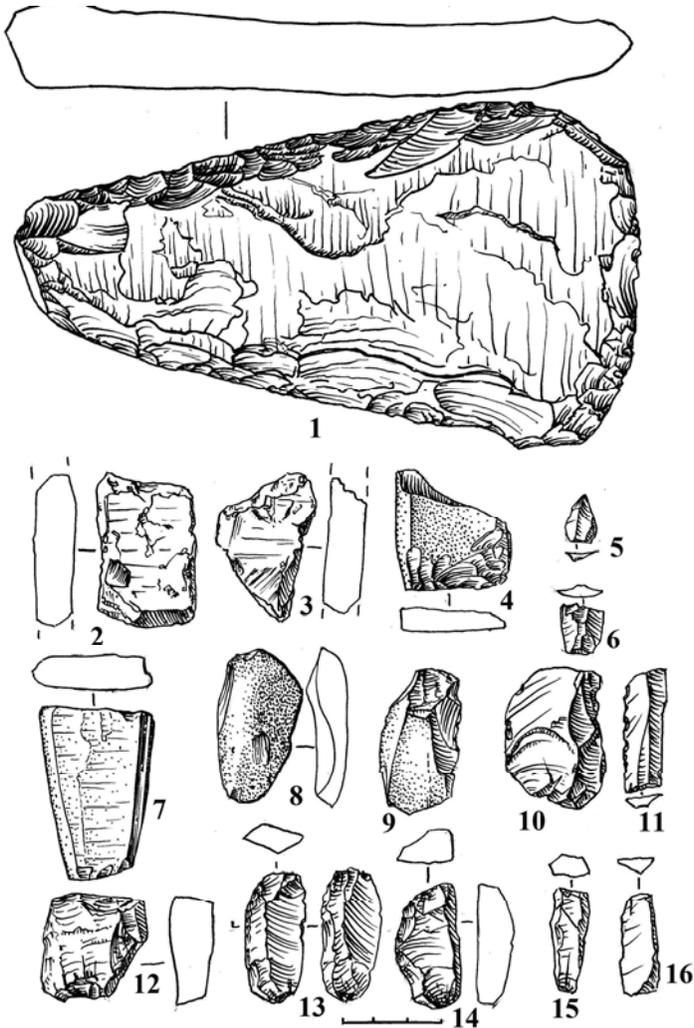

Рис. 7. Поселение Пяльма 5:

1 – заготовка рубящего орудия, сланец; 2–3 – фрагменты раннесредневековой лепной керамики; 4 – обломок шлифованного орудия, сланец; 6, 11 – обломок ножевидной пластинки, ножевидная пластинка, кремнь; 8, 10 – обломки со следами шлифования, сланец; 13 – долотовидное орудие, кварц; 16 – обломок ножевидной пластинки, кварц. **Поселение Пяльма 6:** 5 – обломок ножевидной пластинки, кремнь; 7 – обломок обушной части шлифованного орудия со следами пиления, сланец; 9 – обломок со следами шлифования, сланец; 12, 14 – скребки, кварц; 15 – отщеп со следами обработки, кварц

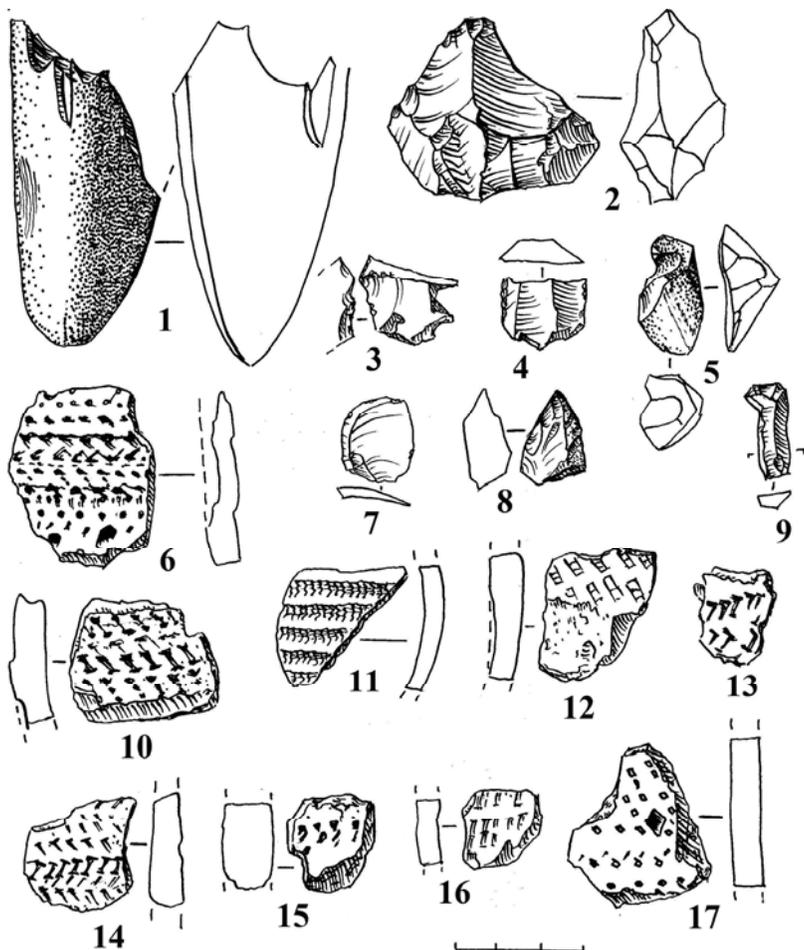

Рис. 8. Поселение Пяльма 7:

1 – обломок кирки, сланец; 2 – обломок со следами обработки, лидит; 3, 7, 8 – отщеп со следами обработки, кремнь; 4, 9 – обломок ножевидной пластинки, кремнь; 5 – обломок со следами шлифования, сланец; 6, 10–17 – фрагменты керамики сперрингс

Находки в шурфе: 10 фрагментов керамики сперрингс от двух горшков, обломок сланцевой кирки (рис. 8: 1), сланцевый обломок со следами шлифования (рис. 8: 2), два обломка ножевидных пластинок из кремня (рис. 8: 4, 9), три отщепа со следами обработки из кремня (рис. 8: 3, 7, 8) и один из лидита (рис. 8: 2), четыре отщепа кремня, семь – лидита и 49 – кварца.

Фрагменты керамики имеют толщину стенок 0,6–0,8 см, орнаментированы горизонтальными рядами из косо поставленных оттисков рыбьих позвонков и горизонтальными полосами, выполненными в отступающе-прочерченной технике (рис. 8: 6, 10–17).

Характерным для культуры сперрингс является обломок сланцевой кирпичи, подтреугольный в поперечном сечении, полностью шлифованный по всем граням.

Судя по характеру керамики и каменного инвентаря, также высотным отметкам, поселение можно отнести к периоду раннего неолита, представленному на территории Карелии культурой сперрингс. Датировка широкая, в пределах последней четверти 5 тыс. до н.э. – первой половины 4 тыс. до н.э.

Поселение Пяльма 8 располагается в 400 м северо-западнее западной окраины д. Пяльма, в 350 м от Онежского озера, в 10 м от реки Пяльмы и в 550 м от деревянного моста через реку Пяльму, на берегу реки Пяльмы высотой 2 м над уровнем реки. С юга территория памятника ограничена береговой террасой, с севера – смешанным лесом, с востока и запада – небольшими ручьями, впадающими в реку. Большая часть поселения представляет луг. Ранее распахивалась.

Размеры памятника составляют примерно 50 x 10 м (500 м²). В центральной части поселения был заложен разведочный шурф размерами 1 x 1 м, в котором была зафиксирована следующая стратиграфия: 1) серо-коричневый пахотный слой – 10–15 см; 2) оранжево-серый песок с мелкой галькой – 5–10 см; 3) материк – желтая супесь.

Находки в шурфе: сланцевое тесло (рис. 9: 1), кремневый наконечник стрелы (рис. 9: 4), два кремневых скребка (рис. 9: 6, 7), сверло из кварца (рис. 9: 3), отщеп со следами обработки из кварца и из кремня (рис. 9: 2, 5), четыре фрагмента ямочно-гребенчатой, 6 – асбестовой, 23 – сетчатой и 2 – позднекаргепопольской керамики, 2 отщепа кварца, 4 отщепа кремня и кальцинированная кость.

Судя по керамическим материалам, данный береговой участок заселялся, как минимум, четырежды. Первым в неолите было поселение с ямочно-гребенчатой керамикой, представленной четырьмя фрагментами минимум от двух сосудов, украшенных круглоямочными вдавлениями и отпечатками «отступающей палочки» (рис. 9: 12, 13, 15), что позволяет датировать памятник первой половиной IV тыс. до н.э.

Позднее в энеолите существовало поселение с асбестовой посудой, материалы которого представлены шестью фрагментами минимум от двух горшков. Орнамент на сосудах отличается простотой и представлен горизонтальными рядами наклонно поставленных оттисков гребенчатого штампа (рис. 9: 10, 17). Это позволяет отнести время функционирования памятника к концу III тыс. до н.э.

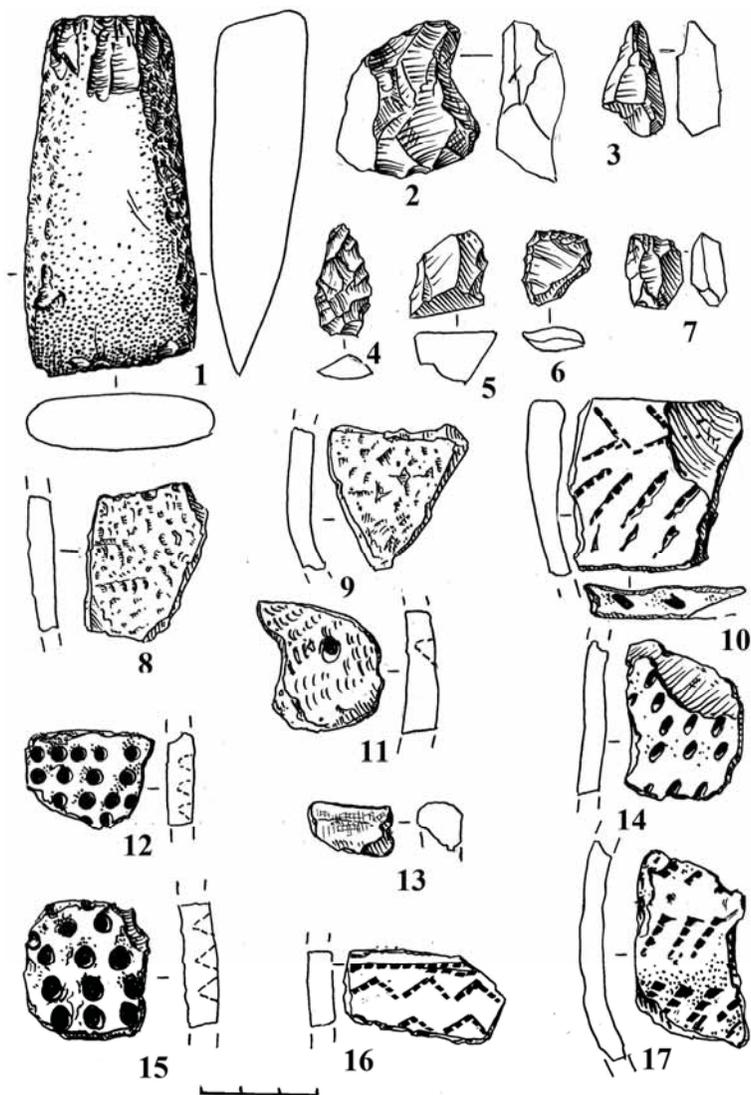

Рис. 9. Поселение Пяльма 8:

1 – тесло, сланец; 2 – отщеп со следами обработки, кварц; 3 – сверло, кварц; 4 – наконечник стрелы, кремнь; 5 – отщеп со следами обработки, кремнь; 6, 7 – скребки, кремнь; 8, 9, 11 – фрагменты сетчатой керамики; 10, 17 – фрагменты асбестовой керамики; 12, 13, 15 – фрагменты ямочно-гребенчатой керамики; 14, 16 – фрагменты позднекаргопольской керамики

В эпоху бронзы приходит население с сетчатой посудой, представленной 23 фрагментами минимум от двух горшков. Сосуды орнаментированы отпечатками мелкой сетки по тулову (рис. 9: 8, 9, 11).

Последним в эпоху раннего железного века существовало поселение с позднеаргопольской посудой, представленное двумя фрагментами керамики (рис. 9: 14, 16).

Поселение Пяльма 9 располагается в 200 м северо-западнее западной окраины д. Пяльма, в 550 м от Онежского озера, в 200 м от реки Пяльмы и в 250 м от деревянного моста через реку Пяльму, на древней береговой озерной террасе высотой 4 м над уровнем реки. С юга и востока территория памятника ограничена болотистой низиной, с севера и запада – небольшим понижением рельефа. Территория поросла смешанным лесом.

Размеры памятника составляют примерно 30 x 10 м (300 м²). В центральной части поселения был заложен разведочный шурф размерами 1 x 1 м, в котором была зафиксирована следующая стратиграфия: 1) дерн, подзол – 2–3 см; 2) красно-оранжевый песок (культурный слой) – 20–25 см; 3) материк – желтый песок.

Находки в шурфе: наконечник стрелы из кремня (рис. 10: 10), 24 фрагмента ямочно-гребенчатой керамики, отщепы: кремня – 1, кварца – 1, кварцита – 3, кальцинированная кость – 1.

Судя по керамическим материалам, данный береговой участок заселялся только в неолите населением с ямочно-гребенчатой керамикой, представленной 24 фрагментами минимум от шести сосудов, украшенных круглоямочными вдавлениями и отпечатками «отступающей палочки» (рис. 10: 1–9, 11–14), что позволяет датировать памятник первой половиной IV тыс. до н.э.

Поселение Пяльма 10 располагается в 100 м северо-западнее западной окраины д. Пяльма, в 650 м от Онежского озера, в 200 м от реки Пяльмы и в 150 м от деревянного моста через реку Пяльму, на мысовидном выступе древней береговой озерной террасы высотой 4 м над уровнем реки. С юга территория памятника ограничена болотистой низиной, с востока и запада – небольшим понижением рельефа. Территория поросла смешанным лесом.

Размеры памятника составляют примерно 40 x 10 м (400 м²). В центральной части поселения был заложен разведочный шурф размерами 1 x 1 м, в котором была зафиксирована следующая стратиграфия: 1) дерн, подзол – 2–3 см; 2) красно-оранжевый песок (культурный слой) – 30–35 см; 3) материк – желтый песок.

Находки в шурфе: заготовка орудия из сланца, плита шлифовальная из кварцита, три кремневых скребка (рис. 10: 15–17), фрагменты керамики: 40 – сперрингс, 4 – ямочно-гребенчатой, 3 – асбестовой; отщепы: кремня – 3, кварца – 4, кварцита – 3, сланца – 10, лидита – 2; кальцинированная кость – 16.

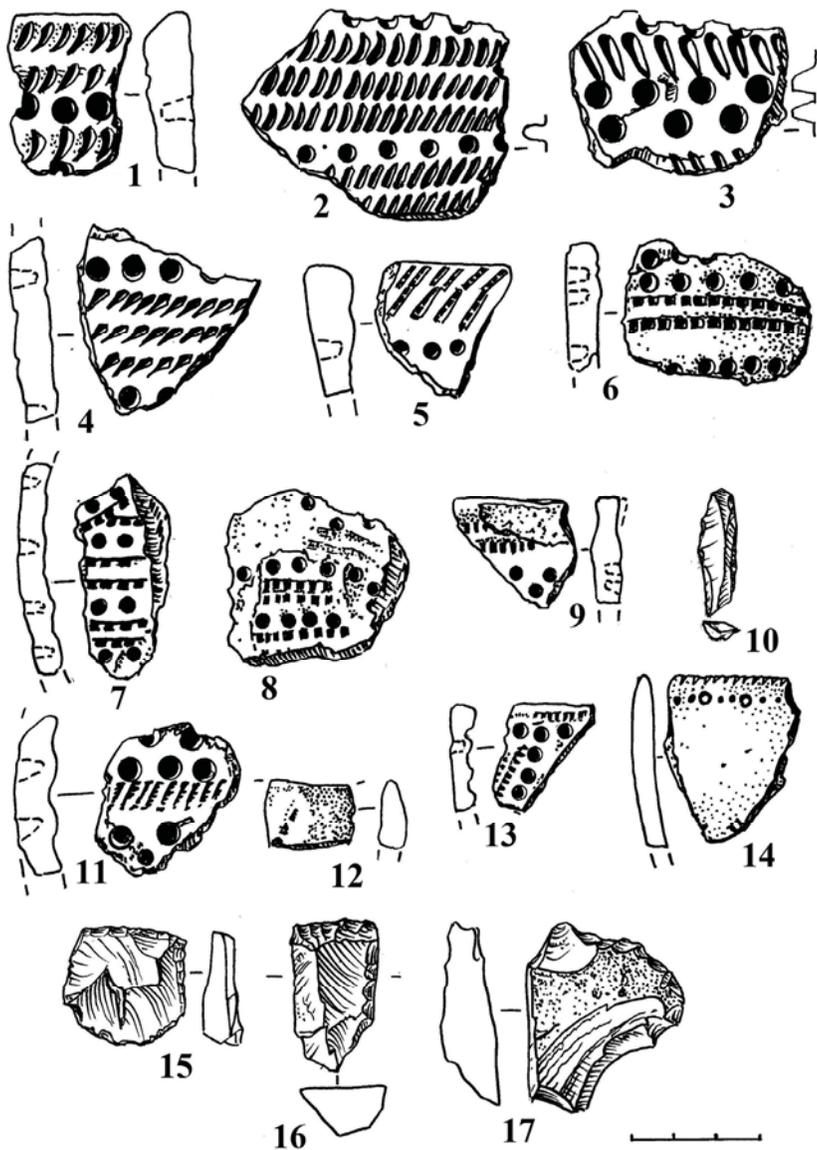

Рис. 10. Поселение Пяльма 9:

1-9, 13 - фрагменты ямочно-ребричатой керамики; 10 - наконечник стрелы, кремнь; 12, 14 - фрагменты каргопольской керамики. **Поселение Пяльма 10:** 15-17 - скребки, кремнь

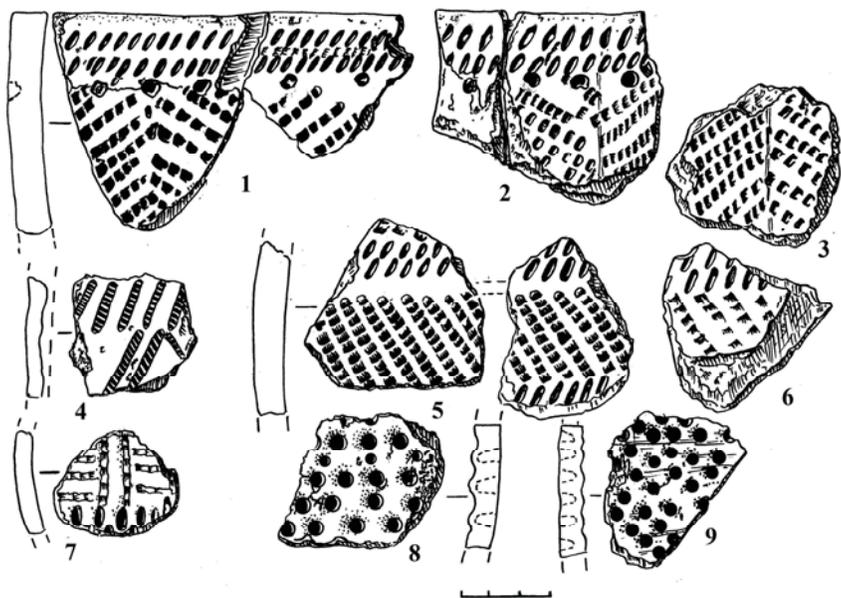

Рис. 11. Поселение Пяльма 10:

1–7 – фрагменты керамики сперрингс;
8, 9 – фрагменты ямочно-гребенчатой керамики

Судя по керамическим материалам, данный береговой участок заселялся, как минимум, трижды.

Первым в неолите приходит население с керамикой сперрингс, представленной 40 фрагментами минимум от 2–3 сосудов, украшенных горизонтальными и вертикальными полосами отсков «отступающей лопаточки» и подромбическими ямками (рис. 11: 1–7) и датируемыми началом IV тыс. до н.э.

Далее в неолите приходит население с ямочно-гребенчатой керамикой, представленной четырьмя фрагментами минимум от одного сосуда, украшенного круглоямочными вдавлениями и отпечатками «отступающей палочки» (рис. 11: 8, 9), что позволяет датировать его первой половиной IV тыс. до н.э.

Позднее в энеолите существовало поселение с асбестовой посудой, материалы которого представлены тремя фрагментами от одного горшка. Орнамент на сосуде отличается простотой и представлен горизонтальными рядами наклонно поставленных отсков гребенчатого штампа. Это позволяет отнести время функционирования памятника к концу III тыс. до н.э.

В результате проведенных работ можно сделать следующие выводы:

1. В результате работ 2005–2015 гг. была полностью обследована территория д. Пяльма и ее окрестности и выявлено десять археологических памятников.
2. Судя по полученным археологическим материалам, район д. Пяльма посещался древним населением начиная с периода мезолита и вплоть до раннего Средневековья.
3. В расположении памятников периода мезолита – энеолита наблюдаются высотные закономерности, присущие памятникам каменного века бассейна Онежского озера. Они выражаются в удалении поселений от современного уреза воды на расстояние от 150 до 750 м и расположении на ярко выраженных древних береговых террасах высотами от 2 до 8 м над уровнем Онежского озера.

Н. С. Михайлова

ФОЛЬКЛОРНЫЙ АНСАМБЛЬ МУЗЕЯ «КИЖИ»: ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Современное музейное сообщество все больше внимания уделяет сохранению и презентации нематериального культурного наследия, обозначив данное направление как концептуально новое и перспективное в музейной деятельности. Одним из эффективных средств реализации поставленных задач стали фольклорные коллективы, созданные в рамках музейной структуры. Деятельность ансамблей, состоящих из музейных сотрудников, имеет свои специфические черты, связанные как с родом занятий участников, так и с теми условиями, в которых функционирует коллектив.

В 1989 г. в музее-заповеднике «Кижы» была организована фольклорная группа, участниками которой стали штатные сотрудники музея. Инициатором создания и научным руководителем группы была Р. Б. Калашникова, кандидат филологических наук, заслуженный работник культуры Республики Карелия. Ею была прописана концепция деятельности коллектива, в которой главными задачами определены «овладение и показ многообразных форм духовной культуры русских бывшей Олонецкой губернии и духовной культуры карел соответственно экспозиционным комплексам, находящимся на территории музея-заповедника „Кижы“, а также коллекциям предметов, хранящихся в фондах музея»¹. Документ не только определил этнолокальные и географические ареалы, составившие основу репертуара коллектива, но и четко указал на основной принцип отношения к фольклорному материалу: «Крестьянская песня (танец, фрагмент обряда, инструментальная музыка), как и другие жанры фольк-

¹ НАМЗК. Б/н (Концепция деятельности фольклорно-этнографического театра (ФЭТ) Государственного историко-архитектурного и этнографического музея-заповедника «КИЖИ». 2005 г. С. 1).

лора, рассматриваются участниками Фольклорно-этнографического театра как музейный памятник духовной культуры традиционного общества². В соответствии с этим программы фольклорного коллектива презентуются как «выставки по духовной культуре».

Имея большой опыт создания предметных этнографических выставок, участники ансамбля перенесли его на составление программ творческого коллектива, появлению которых предшествует подготовка научной справки по теме и разработка сценарного плана, основанные на изучении научной литературы, экспедиционных данных и архивных материалов. Результаты этой работы утверждаются Научно-методическим советом музея. За прошедшие годы было создано около двух десятков программ, реконструирующих различные явления традиционной культуры народов Карелии: фрагменты свадебного обряда Заонежья – «Вывод невесты за столы», «Хождение невесты по гостям», Пудожья – «Сватовство и просватовство», вечериночные традиции – «Заонежская беседа в записи П. Н. Рыбникова», «Прядимая беседа», «Поморская святочная вечеринка», а также «Старинные детские игры Заонежья», «Рекрутский обряд Заонежья», «Музыкальные инструменты Карелии» и другие. Необходимость такой работы стала основанием для создания в структуре музея отдела фольклора (2005 г.), что позволило эффективнее решать поставленные задачи и привлечь в штат этномузыкологов.

С появлением отдела фольклора в музее активно стали разрабатывать и стационарные выставки по фольклорной тематике. Были подготовлены выставки, посвященные музыкально-инструментальной культуре Карелии – «Музыка северной деревни» (2007), 20-летию коллектива – «Развеселая у нас беседа» (2009), творчеству мастера музыкальных инструментов А. В. Мешко – «Художник и миф» (2011), рекрутскому обряду Заонежья – «Солдатушки – бравы ребята» (2012), святочным традициям Карелии – «Прикатило Рождество восподину на крыльцо» (2013), «Не в котором царстве, не в котором государстве» (2014), «В Святки, когда маскированы ходят» (2015).

Все сотрудники отдела разрабатывают и читают лекции по фольклорной тематике для различных аудиторий. Для студентов и взрослого населения в Петрозаводске на протяжении десяти лет (2004–2013 гг.) проходил лекторий «Фольклорное наследие Карелии», который состоял из четырех-пяти ежегодно обновляющихся лекций. Их тематика весьма разнообразна: «Кантеле – певучий короб, сотворенный старцем Вяйно», «От каждого порога к Питеру дорога», «Туда шли-прошли некрута молодые», «От пляса до вальса» и др. Лекции раскрывают различные аспекты крестьянской жизни и ил-

² НАМЗК. Б/н (Концепция деятельности...).

люстрируются выступлением Фольклорно-этнографического ансамбля. В настоящее время география их проведения значительно расширилась, заявки на тематические лекции-концерты поступают из различных образовательных и культурных учреждений Республики Карелия. В летний период времени, находясь в экспозиции музея на о. Кижы, фольклорный коллектив принимает активное участие в реализации музейно-образовательных проектов – Летней этнографической школы и Летнего университета.

Состав коллектива, участниками которого являлись хранители музейных коллекций, и доступность музейных собраний позволили серьезно подойти к формированию материальной базы ансамбля (изготовлению костюма, музыкальных инструментов и др.). Использование копийных предметов, реконструирование комплексов одежды позволяют рассматривать выступление музейного коллектива и как своеобразную выставку крестьянского костюма народов Карелии конца XIX – начала XX в.

Островное расположение музея-заповедника «Кижы» обусловило сезонный характер деятельности как всего учреждения, так и фольклорного коллектива. В летний период ансамбль находится на острове Кижы, и его основная задача – «оживление» экспозиции (создание этнографической картинки, в результате которой возникает эффект присутствия в жилой традиционной деревне). Основной формой презентации фольклорного наследия является исполнение коллективом в избе или на территории усадьбы образцов фольклорной традиции. Наряду с приемом туристических групп, ансамбль участвует в различных музейных мероприятиях (Праздник традиционного судостроения и судоходства «Кижская регата», детский праздник «Кижы – мастерская детства» и др.) и возрожденных на острове, а также в его окрестностях часовенных и престольных праздниках (Часовенный праздник в День памяти Св. мучеников Кирика и Иулитты в д. Воробьи, пр. Илии в д. Телятниково, Преображения Господня на о. Кижы).

С октября по май коллектив работает в г. Петрозаводске. В этот период активно ведется научно-исследовательская, методическая работа, кроме того, ансамбль принимает участие в реализации музейных мероприятий в городе. Это программы, приуроченные к праздникам народного календаря, – «Северные святки» и «Русская масленица»³, ис-

³ При подготовке этих программ ансамбль стремится использовать игры, песни и танцы, бытовавшие в Карелии. Это вызывает определенные сложности, связанные с отсутствием в культуре народов Карелии специального календарного музыкального материала, поэтому приходится искать различные формы работы, которые раскрывали бы суть этих праздников, не нарушая местных традиций. Для реализации музейного проекта «Иллюзии старого города», направленного на воссоздание атмосферы Петрозаводска столетием ранее, коллективу потребовалось освоить городской репертуар начала XX в.

торический проект «Иллюзии старого города», многочисленные акции и событийные мероприятия (Ночь музеев, День славянской письменности, Декада инвалидов и др.)⁴.

Фольклорно-этнографический ансамбль имеет два коллектива-спутника. Один из них – коллектив старшего поколения «Куделюшка». Ансамбль был создан с целью поддержки потомков заонежских фамилий, проживающих в г. Петрозаводске, в их стремлении освоить и исполнять песни своих матерей. Этот проект успешно реализуется уже более десяти лет. Также при ансамбле существует детская группа, участниками которой являются дети от 3 до 14 лет (подгруппы дошкольного и школьного возраста занимаются отдельно). Форма работы с детьми – студийная, они осваивают фольклорный материал Карелии соответственно возрасту. Достигнув четырнадцати лет, подростки переводятся в основной состав коллектива.

На определенных этапах развития ансамбля, связанных со сменой руководителя, изменением требований, предъявляемых к коллективу администрацией музея, а также возрастающим интересом посетителей к дополнительным услугам и развитием событийного туризма, возникла необходимость пересмотра и осознания основных принципов деятельности коллектива и поиска новых форм презентации фольклора в музейной экспозиции. С этой целью был организован Всероссийский научно-методический семинар «Фольклор и музей. Специфика сохранения и презентации фольклорного наследия в музеях», участниками которого стали специалисты из различных музеев России (Российского этнографического музея, музея «Малые Корелы», музея-усадьбы «Архангельское» и др.). В качестве экспертов были приглашены ведущий научный сотрудник Фольклорно-этнографического Центра им. А. М. Мехнецова, заведующая кафедрой этномузыкологии Санкт-Петербургской государственной консерватории, кандидат искусствоведения Г. В. Лобкова и зав. фонограммархивом Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН, кандидат филологических наук В. П. Кузнецова. В процессе работы семинара пришло понимание, что те принципы работы коллектива, которые были сформулированы еще Р. Б. Калашниковой, должны остаться базовыми для него, хотя и требуют некоторой детализации. Знакомство с опытом других музеев расширило диапазон возможных форм презентации фольклора. Деятельность ансамбля и означенные перспективные направления дальнейшего развития получили положительную оценку экспертов и участников семинара.

Таким образом, Фольклорно-этнографический ансамбль музея «Кижь» целью своей деятельности определяет сохранение и популяризацию нематериального культурного (преимущественно фольклорного) насле-

⁴ В общей сложности, в течение года в г. Петрозаводске коллектив дает свыше сотни концертов.

дия народов Карелии, а фундаментальным принципом – стремление к достоверному воссозданию явлений народной традиционной музыки в аутентичном виде на основе хранящихся в музее-заповеднике «Кижы» и иных учреждениях документально зафиксированных памятников фольклора. Развитие ансамбля пошло по двум векторам – вертикальному и горизонтальному. Вертикаль отражает степень «погружения» в традицию и приближения к аутентичному исполнению, горизонталь – охват форм презентации фольклора в современном обществе.

Изначально основу репертуара коллектива составляли песни, записанные на территории Заонежья, затем он значительно расширился за счет освоения фольклорных образцов Пудожья и Поморья, а также карельской традиции. Этот этап можно определить как накопительный. В активе ансамбля было более полутора сотен произведений. Всё чаще стали попадаться варианты одних и тех же песен, исполненных в разных фольклорных традициях. Многократное прослушивание архивных записей всё сильнее обращало внимание на то, что важную, а порой и решающую роль в маркировке принадлежности образца той или иной локальной традиции выполняют фонетика и темброво-артикуляционные особенности исполнения. Перед хормейстерами коллектива была поставлена задача: попытаться определить этнолокальные исполнительские черты и приступить к их освоению в ансамбле. Задача оказалась не из легких и потребовала очень кропотливой работы по перестройке слуховых впечатлений. Нужно было по-новому услышать знакомые песни, что оказалось весьма затруднительным, поскольку услышанное выпадало из современного представления о «красивом» пении. Назализация, присутствующая в той или иной степени во всех северных традициях, дифтонги при произнесении русских слов, особенности артикулирования оказались довольно сложными для освоения, и только очень большой слуховой опыт, ориентирование на голос народного исполнителя, а не хормейстера позволили нам сделать первые шаги в этом направлении.

Существенная разница в исполнении песен в рамках даже одной этнолокальной группы привела к пониманию того, что необходимо ограничиться репертуаром только одного населенного пункта, чтобы добиться наиболее точного воспроизведения образцов фольклорной традиции. На основе максимального количества имеющихся записей, выполненных в разное время, от разных возрастных групп, разных исполнителей, солистов и артелей, максимального спектра представленных жанров были выбраны: в Заонежье – с. Шуньга, в Пудожье – с. Авдеево, в Поморье – с. Сумпосад. В отношении карельских традиций еще предстоит работа по выбору таких центров. Первые результаты этой работы

были представлены в 2015 г. участникам конференции «Рябининские чтения» – это был своего рода экзамен, который был с успехом пройден и получил одобрение фольклористов, музыковедов и этнографов.

Проблемы практического освоения фольклорных традиций сегодня являются одними из ключевых в современной этномузыкологии. Премущественность вокальной манеры – пожалуй, самая трудная, неоднозначно решаемая и совершенно неизученная область традиционного пения. Данный подход к звучащему материалу считается одним из самых верных и получает определение «музейный», что только укрепляет уверенность в правильности выбранного пути. Сегодня, в условиях практически полного исчезновения традиций народной культуры XIX – начала XX в., именно музей, наряду с архивами, становится источником достоверной информации об этой культуре.

Однако у такого погружения в традицию есть другая сторона – представляемый с максимальной степенью достоверности фольклор становится элитарным искусством. Современному городскому слушателю уже совсем непонятен «язык» фольклорной традиции. Поэтому встает вопрос подготовки зрителя к восприятию такой музыки и поиска форм представления и популяризации фольклорного наследия.

Фольклорный ансамбль музея «Кижы» постоянно находится в поиске эффективных форм презентации фольклора, в его арсенале: академические концертные выступления, лекции-концерты, интерактивные игровые программы и выставки, ландшафтные спектакли. Все они опираются на основные принципы, которые выработались в процессе рефлексии восприятия материала посетителем:

- 1) Установка на воссоздание естественных ситуаций и акустически чистой атмосферы звучания. Микрофон, как и сцена, создают дистанцию между зрителем и слушателем, в условиях их отсутствия возникает чувство сопричастности, содействия, а значит, и личного эмоционального отклика. В связи с этим предпочтительными становятся формы работы, ориентированные на небольшие по численности группы.
- 2) Обязательная включенность фольклорного текста, действия в контекст и, как следствие, максимальное включение музейного экспозиционного пространства в программу коллектива. В связи этим встает вопрос о необходимости моделирования интерьера крестьянской избы для показа программ фольклорного ансамбля в г. Петрозаводске.
- 3) Стремление не столько к демонстрации того или иного образца фольклорной традиции, сколько к передаче основных смысловых и функциональных кодов, что сильно меняет впечатление от услышанного.

- 4) Выстраивание «мостов» между прошлым и настоящим. Задачей данного принципа является актуализация традиционных знаний.

Данные принципы как нельзя лучше коррелируют с поставленной *сверхзадачей* современного фольклорного ансамбля: «будировать этническую память, отзывчивость не только для участия в общем исполнении песен, хороводов или народных игр, но вызвать желание слушать и сопереживать»⁵.

Отдельно следует сказать о фольклорном празднике – массовом действии, где нельзя обойтись без крупных форм, в которые вовлечены большие группы людей. Тем корректнее они будут проходить, чем больше на них будет людей, знающих тот материал, который включен в канву праздничного действия, будь то танец, хоровод, обряд или др. И сегодня фольклорный коллектив музея «Кижы» ведет активную просветительскую, методическую работу среди различных творческих коллективов, а также жителей близлежащих территорий по освоению местного фольклорного материала. Один из таких проектов – «Заонежская кадриль» – был реализован в 2015 г. в с. Великая Губа Медвежьегорского района совместно со специалистами Центра оказания услуг поселения и некоммерческой организацией «Заонежская изба». Около восьмидесяти человек по предоставленным сотрудниками музея материалам разучили танец и исполнили его на празднике «День села». Проект получил продолжение, в 2016 г. освою кадриль жители Толвуи и Шуныги. Инициативная группа работников культуры Медвежьегорского района, ответственная результатами проекта, активно продвигает идею сделать заонежскую кадриль одним из брендов территории.

В заключение следует подчеркнуть, что Фольклорно-этнографический ансамбль музея «Кижы» вырос за рамки того, чтобы быть «ожившей картинкой» в экспозиции музея. Коллектив сегодня – это творческая лаборатория по сохранению, презентации и популяризации фольклорного наследия народов Карелии.

⁵ Галина Сысоева: Кто вы, хранители фольклора? Электронный ресурс: <http://www.fond-rk.ru/narodnoe-tvorchestvo/57-galina-sysoeva-kto-vy-hraniteli-folklor.html>, дата обращения 23.02.2016.

И. И. Хуттер

ПРОЕКТ «ВОЗРОЖДЕНИЕ УТРАЧЕННЫХ ТРАДИЦИЙ РУССКОГО СЕВЕРА. КОЛОКОЛЬНАЯ ПАРТИТУРА КИЖСКОЙ ВОЛОСТИ»

Появившись на Руси тысячу лет назад вместе с христианским мировоззрением, колокольные звоны органично развивались в контексте храмовых искусств и народного музыкального творчества, достигнув высочайшего расцвета на основе местных национальных традиций.

Музыка православных звонов, исполнение ее музыкантами-звонарями, ее сакральная и эстетическая сущность представляют собой исключительно своеобразное искусство, ценность которого давно осознана государством, церковью, профессиональными композиторами, деятелями культуры, равно как и всем христианским миром. Колокольные звоны как вид музыкального искусства занимают свое достойное место в народном наследии отечественной культуры.

Колокольный звон, пришедший к нам из Западной Европы вместе с принятием христианства, в период средневековой Руси внедрялся и развивался в естественной народно-певческой и инструментальной атмосфере по законам музыкальной гармонии. Это привело к формированию особого специфического вида искусства с его уникальным художественным стилем, который можно отнести к одному из видов народного музыкального творчества, где христианское и народное находятся в органичном единстве.

Существуя на протяжении столетий, звон как искусство передавался из поколения к поколению изустным способом. Звонарских школ не существовало, звоны не фиксировались письменно, предлагая широту импровизации. Обучение происходило от учителя (мастера) к ученику непосредственно в индивидуальном общении. Причем профессиональное обучение тесно переплеталось с личным.

Пережив времена необычайного подъема как самого искусства звона, так и литейного мастерства и колокольной архитектуры, колокольный звон

был запрещен декретом от 26 января 1930 г. Колокола массово изымались как церковное имущество и шли на нужды индустриализации, в переплавку. Литейное производство либо закрывалось, либо перепрофилировалось. Вместе с закрытием храмов и ликвидацией церковных приходов исчезала и профессия звонаря. Гонение на колокола постепенно изгоняло из сознания людей знание и навыки, на которых это искусство держалось.

Kirkonkellot

Pomansi.
Everik Rökkönen

Armas Launis SKS 785

Kirkonkellot (церковные звоны). Записано Армасом Лаунисом в д. Иломанси (Pomansi), совр. р-н Восточная Финляндия, от Эверика Ракконена (здесь и далее нотные примеры даются по: *Vaisanen A. O. Kantele- ja jouhikko savelmia. Helsinki, 1928*)

Со временем «заговор молчания» вокруг колоколов был нарушен. В 1962 г. прозвучали знаменитые «Ростовские звоны» на одной из немногих сохранившихся в стране звонниц в Государственном музее-заповеднике «Ростовский кремль». Это событие вызвало широкий общественный резонанс: вновь заявил о себе огромный, древний пласт народной культуры. Постепенно на базе музеев, сохранявших в своих фондах старые колокола как предметы материальной культуры, усилиями энтузиастов стало возрождаться искусство звонов.

С 1975 г. в музее «Малые Корелы» Архангельской обл. действует выставка «Звоны северные» с демонстрацией воссозданных колокольных звонов. В 1979 г. в музее-заповеднике «Кижы» открывается

выставка «Русские колокола», состоящая из фондовых, музейных колоколов, собранных во время экспедиций по разным районам Карелии. Летом 1989 г. на II фестивале колокольных искусств в Ростове Великом создается объединение звонарей, литейщиков, этнографов и всех специалистов в области колокольного звона – Ассоциация колокольного искусства России (АКИР). На фестивале-конференции была обозначена общая проблема: недостаток тематических материалов и записей исторических звонов, забвение местных исполнительских традиций.

Kirkkellot

Pielisjärvi

Taavi Kiiskinen

Kirkkellot (церковные колокольные звоны). Записано А. О. Вьясяненом в д. Пиелисярви (Pielisjärvi), сов. р-н Восточная Финляндия, от Таави Кискинена

Годом ранее в 1988 г. в музее-заповеднике «Кижы» на часовне Михаила Архангела по инициативе И. М. Архипова была обустроена звонница и впервые зазвучали колокола, программа «Партитура Кижской волости» начала свое развитие.

На Русском Севере издревле сложилась самобытная «школа» звонарского мастерства, которая опирается как на местный фольклор, так и на монастырскую музыкальную культуру (песнопения, уставные звоны) и в полной мере использует акустические возможности деревянных колоколонесущих сооружений.

Особенность сосредоточения архитектурных памятников – часовень и колокольни Кижского погоста – в пределах визуальной и звуко-

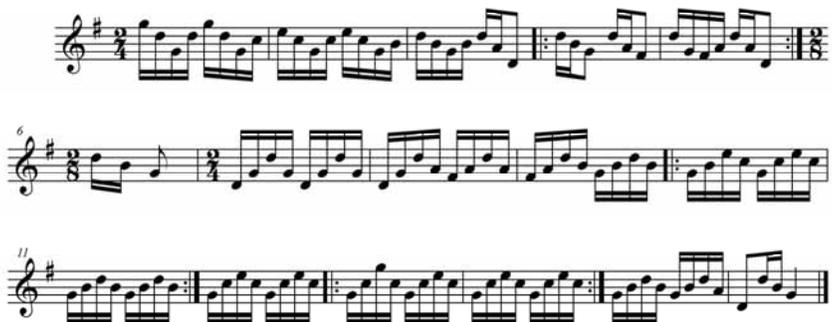
вой досягаемости позволила воссоздать акустическую атмосферу XVIII–XIX вв., гармонично вплетая звуковые узоры колокольного звона в тишину Кижских шхер.

Доминирование деревянной, храмовой архитектуры «малых форм», бытовавшее в Заонежье, наложило отпечаток на стиль и манеру исполнения колокольных звонов. Бытовала однопозиционная техника звона, когда все имеющиеся колокола (незначительные по массе, но большим количеством) управлялись одним звонарём, позволяющим себе свободно импровизировать.

В начале XX в., когда колокольная традиция в Карелии еще не угасла, фиксация местных звонов не проводилась, так как считалась народно-изустным искусством. Однако их звучание частично сохранилось в других видах музыкального искусства. Так, в 1920-е гг. на территории Карелии финский исследователь А. О. Вайсянен записал ряд наигрышей на традиционном карело-финском хордофоне – *кантиеле* – так называемые «*Kirkkonnellot*», являющие собой имитацию звучания церковных колоколов. Именно эти наигрыши на кантиеле стали наиболее точным свидетельством ритмических рисунков карельских звонов, а также приемов варьирования музыкальной темы в целом¹.

Kirkkonnellot

Homatnsi. Sonkaja
Fedja Karhapää
(Airio)

Kirkkonnellot. Записано А. О. Вайсяненом
в д. Иломанси от Федора Кархапа в 1922 г.

¹ Vaisanen A. O. Kantele- ja jouhikkosavelmia. Helsinki, 1928. 140 s.

И. В. Мацевский отмечает, что произведение традиционной инструментальной музыки «существует во множестве творчески-исполнительских актов искусства как некая образно-стилевая идея, предполагающая вариантность толкования, множество путей прочтения»².

Действительно, каждый звон может исполняться во множестве вариантов, однако стабильными элементами остаются его место в церковной службе и определенные эстетические критерии, которым он должен соответствовать.

Valamon kirkonkellot

Suistamo. Maisu

Teppana Jänis

The musical score is written in G major (one sharp) and 2/4 time. It consists of seven staves of music. The first staff starts with a treble clef and a key signature of one sharp. The music features a mix of quarter notes, eighth notes, and rests. Measure numbers 6, 13, 20, 27, 34, and 40 are indicated at the start of their respective staves. The piece concludes with a double bar line and repeat dots.

Valamon kirkonkellot (Валаамские колокола). Записано А. О. Вайсяненом
в д. Суйстамо совр. Суоярвского р-на Карелии от Яниса Таппана.
Запись 1916 г.

² Мацевский И. В. Инструментальная музыка как феномен культуры. Алма-Ата, 2007. С. 160.

Каждый кантелист изображал те звонницы и тех звонарей, которых слышал. Последнее иллюстрирует разнообразие существовавших звонов, так как звонари не были скованы единым «репертуаром», каждый из них являл уникальную творческую личность. То же самое можно сказать об исполнителях-кантелистах, имитировавших в своих наигрышах колокольные звоны.

Еще с середины XIX в. вся Карелия и Олонецкая губерния находились под пристальным вниманием этнографов, фольклористов и музыковедов. Павел Николаевич Рыбников и Александр Фёдорович Гильфердинг записывали известные ныне всему миру былины Новгородского цикла («О Садко», «О Илье Муромце», «О Василии Буслаевиче» и др.). В это же время фиксировались руны исполнителей-кантелистов. Элиас Лённрот открыл миру древний карело-финский эпос «Калевала». Борениус, Вайсянен и Лаунис записали колокольные звоны, исполненные на кантеле (акустически схожим по своему звукоряду инструментом) местными народными музыкантами, сказителями, а возможно, и звонарями. Ныне аранжированные, переложенные для симфонических оркестров, они сохранили свое историческое название – «Valamon kirkokellot», «Коневецкие колокола», «Kellon soitto» и др.³

До нас дошли сведения о местных звонарях ушедшей эпохи. Так, одним из звонарей-виртуозов был Воронцов Николай Акатьевич из деревни Воробь. Очевидцы вспоминали, что праздничный «Воронцовский звон» выявлял богатство звучания колоколов в веселых плясовых наигрышах. По воспоминаниям, записанным О. Б. Лавровым, местные жители говорили: «Как заслышишь воронцовский звон, так и хочется плясать»⁴.

Музей-заповедник «Кижь» был образован на исторической территории Кижской волости, включавшей в XIX в. 47 деревень и 12 часовень. Преображенская церковь Спасо-Кижского погоста всегда была духовным, жизненным центром кижской округи, символом единства огромного крестьянского мира, объединенного духовными, нравственными идеалами, связанного прочными экономическими, социальными, родственными узами.

Жизнь породила множество легенд о судьбе прежних, «родных» колоколов, свергнутых с Кижской колокольни во времена богоборчества. Местные жители упоминают разные годы и обстоятельства их исчезновения. Известно, что еще в 1927 г. колокола находились на своем месте. После запрета на исполнение звона в 1930 г. и закрытия Преображенской церкви колокола были демонтированы с колокольни и долгое время находи-

³ Vaisanen A. O. Op. cit. S. 7–8.

⁴ Гушина В. А. Кижские звоны // Кижь. 2012. № 6 (90). С. 5 (см. также: [Электронный ресурс]. URL: <http://kizhi.karelia.ru/info/about/newspaper/100/2593.html>).

лись на причале у Кижского погоста в ожидании парохода из Петрозаводска. Можно предположить их незавидную дальнейшую участь во времена индустриализации и острой нехватки цветных металлов в стране. Как и множество других колоколов, скорее всего, они пошли на переплавку. Однако колокольные языки не представляли интерес для черной металлургии и при погрузке колоколов на пароход были затоплены у причала. Один из языков, предположительно от самого большого колокола (благовестника), позднее был обнаружен в воде со следами значительной коррозии. По его размеру и массе можно рассчитать приблизительный вес самого колокола, что и подтверждают исторические сведения о нахождении на колокольне Кижского погоста колокола весом 102 пуда 35 фунтов (по другим сведениям 125 пудов 38 фунтов)⁵.

Колокол ценою в 7 рублей 5 копеек за пуд пожертвовал в Кижскую Преображенскую церковь крестьянин Петрозаводского уезда Кижского прихода Мирон (Егорович) Симеонов из деревни Шлямино. Похоронен М. Е. Симеонов на кладбище Кижского погоста, «направо при входе». В договоре на изготовление этого колокола с ярославскими заводчиками, сыновьями П. И. Оловянишникова, значилось, в частности, что на колоколе сделают рельефные изображения святых икон в соответствии с пожеланиями заказчика, а именно: «Преображение Господне», «Покров Божьей Матери», «Николай Чудотворец», «Мученик Мирон 17 августа и св. Юлиания 21 декабря» – и следующую надпись: «Возвести миру великую радость, да возвестят небеса славу Господню во время Государя Николая II, по инициативе Мирона Егоровича Симеонова для церкви Преображения Спаса»⁶.

Согласно данным, опубликованным в «Известиях Императорской археологической комиссии» (вып. 57, за 1915 год), на Кижском погосте имелся также колокол весом 54 пуда 9 фунтов с надписью: «1812 г. июня 14 дня литъ сей колокол въ городъ Белозерскъ въ Петрозаводский уездъ въ Кижский погостъ къ церкви Преображения Господня въ 12 лето царствования Благочестивейшего Великого Государя Императора Александра въ бытность священников Петра Нефедьева и Семіона Стиранова диакона Архипа Иванова стараниями приходских людей Гаврила Жарникова и Иакова Ретирева и добротными дателями Белозерскими посадцами Иваном и Михаилом Михайловыми грамотными весу въ немъ 54 пуда 9 фунтов»⁷. В этом же издании говорится

⁵ Фонды музея «Кижь» № 3168 (ксерокопия с выписки из фонда Ларса Петтерссона).

⁶ Из договора на отливку колокола для колокольни (1908 г.) // Документы и материалы по истории Кижского архитектурного ансамбля. Петрозаводск, 2013. С. 107.

⁷ Из метрики для получения сведений о древне-православных храмах Божиих // Там же. С. 93–94.

еще об одном колоколе: весом 10 пудов 30 фунтов с изображением «четырех серафимов на разукрашенном фоне», «заморского», предположительно голландского происхождения, изготовленном фирмой Франца Гемони и датировавшемся по разным сведениям 1559 либо 1659 годом, с надписью: «Franciskus H. Nemony Ine Feat Amsterdami Anno Domini MDCLIX». Еще один колокол упоминается в «Книге подарков кижским церквям» от января 1813 г.: «Преображенской церкви подарен колокол 1 пуд, 1/4 фунта, 3 четверика. Даритель – Петербургский купец Родион Никулин со товарищи»⁸. Всего по различным источникам на колокольне Кижского погоста в разное время насчитывалось от 5 до 7 колоколов. В метрике № 7 за 1887 г. говорится о 6⁹.

Как было установлено специалистами, campanологами и ведущими звонарями России, кижская колокольня является самой большой в России деревянной колокольней в действующем состоянии, а визуальная и звуковая досягаемость всех имеющихся звонниц округи – уникальное явление в современном мире, позволяющее воссоздать акустический фон ушедшей эпохи.

Имея практический опыт владения техникой звона, управления колоколами, их размещения на колокольне и опираясь на архивы нотных документов, звонари музея-заповедника «Кижы» восстанавливают звонницы и самобытное искусство звона по всей Карелии.

Проект «Возрождение утраченных традиций Русского Севера. Колокольная партия Кижской Волости» позволяет обратиться к проблеме возрождения часовенных звонов в Заонежье и является важным аспектом музеефикации исторических поселений Кижского района на основе объединения интересов местного сообщества и музея «Кижы», поскольку включение исторических поселений в экспозиционный показ в перспективе даст возможность развития хозяйственных и социальных структур данных поселений на базе сохранения и пропаганды историко-культурного потенциала региона, создаст условия для разработки новых туристических маршрутов и экспозиционного направления в музее, развития культурно-познавательного туризма.

Реализуемый долгосрочный проект полностью соответствует целям, задачам и принципам государственной культурной политики. Выделенный гранд Президента Российской Федерации для поддержки творческих проектов общенационального значения в области культуры и искусства позволил реализовать основную его часть: создать условия для развития народного искусства колокольного звона, обеспечить

⁸ Из Книги подарков кижским церквям (1813 г.) // Документы и материалы... С. 13.

⁹ См.: Документы и материалы... С. 13, 34, 81, 93–94, 106–107, 109.

возможность возродить колокольную «партитуру» кижских звонов путем обустройства звонниц как на самом острове, так и в прилегающих исторических поселениях.

Так, на сегодняшний момент усилиями местных сообществ и энтузиастов обустраивается часовня святых мучеников Кирика и Иулитты в деревне Воробьи, Петра и Павла на Волкострове, храма Илии-Пророка в д. Телятниково. Восстанавливаются интерьеры, приобретены колокола, возобновлены традиции часовенных (престольных) праздников в деревнях округа.

На самом острове Кижы за последнее время были оснащены колоколами и обустроены четыре звонницы: на колокольне Кижского погоста, часовнях Михаила Архангела, Спаса Нерукотворного и Трёх Святителей, а также проведена аудиофиксация различных исполнительских техник звона.

Дальнейшая планомерная работа нацелена на сохранение исторического и культурного наследия и его использование для воспитания и образования, привлечение местных жителей Кижской волости к участию в процессе возрождения духовной традиции исторических поселений, восстановление убранства деревенских часовен, комплектацию звонниц колоколами, обучение искусству колокольного звона всех заинтересованных лиц.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВХНРЦ – Всероссийский художественный научно-реставрационный центр имени И. Э. Грабаря (Москва)
- ГИМ ОПИ – Государственный исторический музей. Отдел письменных источников (Москва)
- ГРМ – Государственный русский музей (Санкт-Петербург)
- ИИМК – Институт истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург)
- ЛИСИ – Ленинградский инженерно-строительный институт
- МИИРК – Музей изобразительных искусств Республики Карелия (Петрозаводск)
- НАМЗК – Научный архив музея-заповедника «Кижы» (Петрозаводск)
- НАРК – Национальный архив Республики Карелия (Петрозаводск)
- НГОМЗ – Новгородский государственный объединенный музей-заповедник (Великий Новгород)
- НМРК – Национальный музей Республики Карелия (Петрозаводск)
- ПГИАХМЗ – Псковский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (Псков)
- РАХ – Российская академия художеств (Москва)
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва)
- Архив РГО – Архив Русского географического общества (Санкт-Петербург)
- РЭМ – Российский этнографический музей (Санкт-Петербург)
- ФМК – Фонды музея-заповедника «Кижы»
- ЦМИАР – Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева (Москва)
- ЦНИИСК – Центральный научно-исследовательский институт строительных конструкций (Москва)
- ЧерМО – Череповецкое музейное объединение (Череповец)

СОДЕРЖАНИЕ

Мельников И. В. Изучение и актуализация культурного наследия в музее-заповеднике «Кижский»	3
ИСТОРИЯ, ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ	13
Воробьева С. В. Крестьянские вклады в церкви Спасо-Кижского погоста XVIII–XX вв.	13
Абросимова Д. Д. Из истории народных школ Кижской волости (XIX – начало XX в.)	25
Наумов Ю. М. История и современное состояние традиционного судостроения и судостроения Кижского архипелага	43
Агапитов В. А. Паны и чужь в Заонежье	60
Макарова А. П. К вопросу о наименовании часовни из деревни Кавгора	69
ДЕРЕВЯННОЕ ЗОДЧЕСТВО	74
Кистерная М. В. Опыт хронологической атрибуции памятников деревянного зодчества музея-заповедника «Кижский»	74
Гущина В. А., Гущин Б. А. Наш опыт изучения памятников Кижского архитектурного ансамбля (1966–2015 гг.)	85
Гущина В. А. Преображенская церковь: причины и способы устранения деформаций (обзор исследований 1949–2014 гг.)	108
ИЗУЧЕНИЕ ФОНДОВОГО СОБРАНИЯ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «КИЖИ»	124
Харегова Л. С. Памятники книжной культуры в собрании музея-заповедника «Кижский»	124
Наумова Е. М. Коллекция сарафанов в фондах музея-заповедника «Кижский»	134
Трифорова Л. В. Традиционная крестьянская одежда Заонежья и Пудожья в собрании музея-заповедника Кижский	164
КУЛЬТУРА ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ	190
Фролова Г. И. Иконы в собрании музея-заповедника «Кижский» (формирование, изучение, характеристика коллекции)	190

Пуцко В. Г. Проблемы художественной характеристики икон Кижского погоста	224
Платонов В. Г. Вновь открытая икона «Богоматерь Тихвинская» из Покровской церкви Кижского погоста в собрании Музея изобразительных искусств Республики Карелия	237
Москин Б. Д. Пятирядный иконостас с «небесами» Толвуйской Георгиевской церкви по данным Переписной книги 1671 г. и ранние «небеса» Заонежья	249
АРХЕОЛОГИЯ	265
Мельников И. В. Археологические исследования в музее-заповеднике «Кижы»	265
Герман К. Э. Работы археологической экспедиции музея-заповедника «Кижы» в Пудожском районе Республики Карелия	274
ВОПРОСЫ МУЗЕЙНОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ	293
Михайлова Н. С. Фольклорный ансамбль музея «Кижы»: основные принципы и перспективы развития	293
Хутгер И. И. Проект «Возрождение утраченных традиций Русского Севера. Колокольная партитура Кижской волости»	300
Список сокращений	309

Научное издание

**Изучение и актуализация традиционной культуры
(к 50-летию музея-заповедника «Киж»)»**

КИЖСКИЙ ВЕСТНИК

Выпуск 16

*Печатается по решению научно-методического совета
Государственного историко-архитектурного и этнографического
музея-заповедника «Киж»*

На обложке – репродукция акварели Ойво Хелениуса «Погост Киж.
20 февраля 1943 г.» (из фондов музея-заповедника «Киж»)»

Редактор *Л. В. Кабанова*

Оригинал-макет *Н. Н. Сабанцева*

Подписано в печать 03.11.2016 г. Формат 90×60¹/₁₆. Гарнитура Times.

Печать офсетная. Уч.-изд. л. 16,9. Усл. печ. л. 19,2.

Тираж 300 экз. Заказ № 389

Карельский научный центр РАН
Редакционно-издательский отдел
185003, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, 50
